

Л. В. Арнольдov.

Редактор „Шанхайской Газеты“. Б. директор издательского
отдела В. П. при Омске и правительств.

КИТАЙ, КАК ОН ЕСТЬ.

Гоминдан

Коммунизм

война

中國之現狀

ШАНХАЙ

1923.

Л. В. Арнольдov.

*Редактор „Шанхайской Зари“. В. директор иностр.
отдѣла Б. П. при Омском правительствѣ.*

КИТАИ,
= КАК ОН ЕСТЬ.

Быт и политика.

Наблюдения, факты, выводы.

Ш А Н Х А Й.

1933.

中國之現狀

L. V. Arnoldov.

China as it is.

All rights reserved.

Склад издания:
Русская типография «График».
Шанхай.
473, Rue Cardinal Mercier.

Милой и симпатичной Лиды
Яковлевны М. Миске с
лучшими пожеланиями от
признательного
Автора

Предлагаемая вниманию читателей книга является скромным трудом журналиста, прожившего в Китаѣ пятнадцать лѣт.

Книга печаталась в эмигрантской типографіи и газетная работа не всегда позволяла автору лично слѣдить за корректурой.

Сказанное и заставляет автора заранее просить у читателей снисхожденія к техническим погрѣшностям изданія.

Шанхай.

10 января 1933 г.

ГЛАВА I.

Как писать о Китаѣ.

О Китаѣ написано много книг.

С незапамятных времен, Китай привлекал своими тайнами, своей величиной, своей культурой внимание и дразнил любопытство, как путешественников, так и повѣствователей.

Особенно обильны количеством книги о Китаѣ, появившіяся на европейских языках, на протяжении девятнадцатаго вѣка.

Странам англо-саксонской культуры Китай был „открыт“, сто лѣтъ назад, миссіонером Моррисоном, который, подвижнически, в самом началѣ прошлаго столѣтія, начал, в полном китайском уединеніи и исключительно китайском окруженіи, составлять свой, нынѣ столь прославленный, ставшій классическим, словарь живого англо-китайскаго языка.

Очень много для изученія Китая дѣлали, до 1914 года, нѣмцы; теперь этот интерес к Китаю в Германіи снова возрождается и так как активной, „колоніальной“ политики нѣмцы, послѣ Версаля, пока не ведут, то их интерес носит болѣе альтруистическій, болѣе спокойно-научный характер, чѣм прежде, в эпоху овладѣнія полуостровом Кіао-Чао, устройства морской базы и крѣпости Циндао и реализаціи пекинских „побѣд“ ген. Вальдерзее.

Не мало было написано книг о Китаѣ и на русском языкѣ.

Наш славный миссіонер Іакинф Бичурин, о котором до сих пор с глубоким почтеніем говорят среди русских, серьезно изучающих китайскій вопрос, цѣлый ряд болѣе

поздних русских синологов в Петербургѣ, проф. Васильев, Поздѣев, во Владивостокѣ Кюнер, среди них едва-ли не первый по умѣнію широко охватить тему и проникновенно в ней разобраться — Сергѣй Георгіевскій, который, помимо болѣе мелких, размѣрами и по содержанію, работ, подарил русскую синологію капитальной монографіей „Принципы жизни Китая“ (СПБ. Тип. И. Н. Скороходова. 1888).

Кружок серьезных китаевѣдов составилъ и в Харбинѣ и многіе, по началу диллетанты, из его рядов выбились, потом, на путь обстоятельнаго, а главное, осторожнаго и терпѣливаго изученія Китая.

Надо утвердить сразу слѣдующій принцип: Китай нельзя изучать „заочно“, или ограничить свое изученіе этой огромной страны и ея разноплеменнаго народа каким-либо одним районом.

Чтобы „охватить“ Китай, овладѣть темой, надо если не жить, то побывать в Маньчжуріи, в Пекинѣ и Калганѣ, постранствовать по Шандуню, забраться в Шанси, пожить в бассейнѣ великой Голубой рѣки (Ян-Цзе-Цзяна), надо знать центры иностраннаго разселенія: Тяньцзинь, Шанхай, Трехградье (Ханькоу) и обязательно изучить юг, во главѣ с Кантоном, который играет за послѣдніе три десятка лѣтъ такую замѣтную и такую активную роль в исторіи революціоннаго періода, гражданской войны и вопросов о путях объединенія страны.

Затѣм, весьма существенным, при изученіи Китая, в любом разрѣзѣ: историческаго Китая, китайскаго народнаго хозяйства, китайской торговли или земледѣлія, китайской юриспруденціи, литературы или прессы, мы считаем ознакомленіе, болѣе или менѣе основательное, во всяком случаѣ на протяженіи трех или пяти лѣтъ не менѣе, с китайским разговорным языком (гуан-хуа) и китайской письменностью, хотѣ-бы для повседнежнаго обихода и болѣе дружескаго и интимнаго общенія с китайцами (не только с тѣми, кто владѣет иностранными языками).

Чтеніе серьезных трудов о Китаѣ очень помогает, но может служить лишь пособіем при самостоятельном, серьезном и настойчивом, изученіи этой страны и ея народа.

При этом надо хорошо помнить, что о Китаѣ написано и, в особенности, сейчас пишется на всѣх языках

так много недостовернаго, противорѣчиваго, часто откровенно безграмотнаго, что чтеніе европейской литературы о Китаѣ подчас приносит больше вреда, чѣм пользы.

В подходѣ к Китаю надо постоянно помнить и никогда не забывать, что „с кондачка“ или только теоретически нельзя постигнуть Китай.

Даже если вы гдѣ-либо в европейском университетѣ или в Америкѣ, у опытнаго учителя, и при помощи общенія с китайской учащейся молодежью, могли усвоить, в общем не трудный, китайскій разговорный язык, то это еще далеко не значит, что вы *узнали* Китай и что вы в нем станете сразу разбираться послѣ того, как высадитесь с парохода в Шанхаѣ или в Тяньцзинѣ и будете говорить по китайски с отельными боями, будете выслушивать комплименты от тѣх интеллигентов китайцев — чиновников министерств, клерков в банках и конторах, представителей китайской интеллигенціи или от китайских журналистов, — вашему китайскому языку и вашей „эрудиціи“ в „the things chinese“.

В Китаѣ все идет по особому, уклад и темпы жизни совсѣм иные, как иными путями здѣсь воспринимаются явленія и факты политики, императивные принципы морали и даже цифры в трудах по экономической политикѣ.

Для того, чтобы начать *постигать* Китай, поскольку это вообще доступно для европейскаго мозгового аппарата, надо жить в Китаѣ годами, работать в нем и охотно общаться с китайским народом, присматриваться, прислушиваться, копить факты собственнаго опыта, дѣлать свои и для себя, независимые, выводы, размышлять, не бояться признавать свои ошибки, когда онѣ обнаружатся, порожденныя недостаточностью, по началу, опыта и только при этом неторопливом, прилежном, а, главное, *честном* способѣ подлиннаго изученія, вы достигните, через довольно много лѣт, тѣх результатов, за которые вам потом не придется извиняться.

Надо помнить, что, помимо всего прочаго, человек, пишущій о Китаѣ, должен обладать не только всѣми наличными данными синологической эрудиціи, но и особым даром разбираться именно в „китайских вещах“.

Иначе все равно ничего не получится, потому что даже у таких, всѣми признанных авторитетов, как извѣстный и уважаемый французскій синолог д-р А. Ф. Ле-

жанр, автор цѣлаго ряда изслѣдованій о Китаѣ и автор книги, которая считается едва-ли не классической: «La civilisation chinoise moderne», имѣются ошибки и встрѣчаются выводы, которые жизнь без труда опровергает.

Чтобы писать о Китаѣ, мало, повторяем, изучить китайскій язык и странствовать по Китаю, надо имѣть дар истолкованія сложных вопросов китаевѣдѣнія и надо быть, вообще, разносторонне образованным человѣком, располагать хотя бы элементарными знаніями в исторіи человѣчества, антропологии, этнографіи, социологии, экономики и философіи права.

Такими знаніями был в полной мѣрѣ надѣлен Дж. О. П. Блэнд.

Вот почему двѣ его работы о Китаѣ: «China under the Empress Dowager» и «Recent events and present policies in China» создали ему репутацію непрекаемаго авторитета, с каковым авторитетом может спорить развѣ только такой столп синологіи, как, до сих пор еще благополучно здравствующій, Herbert A. Giles, автор настольной книги: «The civilisation of China».

Теперь читатель не только может, но и должен спросить: «а как-же вы, — вы тоже пишете или во всяком случаѣ, рискуете писать о Китаѣ? Надѣлены-ли вы всѣми необходимыми знаніями, обладаете ли вы специальным даром разбираться в китайском вопросѣ и вообще, считаете ли вы себя в правѣ писать на эту тему?..».

И, тут, должно послѣдовать откровенное и, при том, без всякой рисовки, признаніе автора, которое сводится к тому, что необходимыми знаніями он не считает себя надѣленным в той степени, в которой хотѣлось бы, что автор этой книги отнюдь не претендует на то, что он может безошибочно разбираться в китайских фактах, явленіях и «вещах» и что если он, всё таки, рискует писать о Китаѣ, то тому слѣдуют ниже приводимыя причины.

Первая причина та, что автор вот уже пятнадцать лѣтъ безвыѣздно находится на территоріи Китая, много путешествовал по странѣ, всюду и всегда старался вступать в живое общеніе с китайским населеніем, от министров до людей самых простых, провел пять лѣтъ на сѣверѣ Китая, восемь лѣтъ провел на китайском югѣ, постоянно пополнял свои фактическія знанія и наблюденія прилежным чтеніем и почитает себя внимательным и

старательным учеником, по количеству лѣтъ если не заслужившим, то *выслужившим* право говорить о Китаѣ.

Вторая причина та, что, послѣ 1917-18 г.г., о Китаѣ почти не выходит на русском языкѣ книг, претендующих на объективность, безпристрастіе и составляемых людьми, которые не только живут в Китаѣ, но и изучают эту страну, ея народ, его прошлое и настоящее, слѣдя из первых рядов за тѣм, как разворачиваются событія на исторической сценѣ китайской современности.

Но и с этой оговоркой, в своих писаніях о Китаѣ (автор заявляет об этом наперед) он отнюдь не претендует на «ученость», не считает всѣх своих сужденій безапелляціонными, не рассматривает своих писаній, как чего-то окончательно сложившагося, законченнаго, отдѣланнаго до конца, «вещи в себѣ».

Работая всѣ эти пятнадцать лѣтъ в Китаѣ в качествѣ русскаго журналиста и, по характеру профессіи, вынужденнаго слѣдить за ходом событій, имѣющаго, к тому же, легкую возможность провѣрять факты из первоисточников, а также, встрѣчаясь и говоря с тѣми, кто «дѣлают» современную китайскую исторію, автор смѣет думать, что его скромныя наблюденія не окажутся бесполезными для тѣх, кто никогда не был, тѣм болѣе не жил по-долгу, в Китаѣ, но кто живо воспринимает событія, будоражащія почти от края и до края эту великую страну, вот уже на протяженіи четверти вѣка сотрясаемую судорогами глубокаго революціоннаго соціальнаго, политическаго и государственнаго реформаторскаго движенія.

На ряду с бѣглыми, калейдоскопическими, противорѣчивыми, а, потому, сбивающими и путающими перспективу сообщеніями о Китаѣ иностранных путешественников, которые сюда приѣзжают на нѣсколько мѣсяцев и, потом; предлагают свои рецепты истолкованія причин и слѣдствій грандіозных, интригующих весь мір, событій, продолжающих разворачиваться на землях Китая, наши наблюденія, немногіе выводы и, возможно большее количество, нами самими воспринятых, фактов, должны, как нам кажется, помочь разбираться в китайском вопросѣ, который сам по себѣ очень сложен и который поддается истолкованію и усвоенію лишь с большим трудом даже здѣсь, на мѣстѣ.

Вот из этих соображений и исходит автор, когда он, зная всю запутанность, всю глубину и разнообразие и, так сказать, неисчерпаемость темы, рискует все-таки предложить общественному вниманию свои китайския наблюдения и свои выводы из наблюдений китайской действительности.

В этих наблюдениях, навѣрное, есть ошибки, но в них нѣтъ предвзятости.

В подобранных фактах, может быть, не всякій раз прослѣжена до конца их причинная связь, и не всѣ выводы вѣрны, но в них нѣтъ подтасовки.

ГЛАВА II.

Прошлое и настоящее.

Среди синологов идет жаркій спор: одни утверждают, что Китай переживает глубокий, внутренній процесс перерожденія тканей, не только политическую и экономическую, но и социальную революцію, другіе, не менѣе убѣжденно, говорят, что всѣ разговоры и писанія на счет китайскаго ренессанса обманчивый мираж тѣх иностранцев-китаевѣдов, которые живут, обычно, в приморских, дѣйствительно быстро европеизирующихся, городах, ничѣм не напоминающих подлинный, внутренній Китай, остающійся от вѣка неизмѣнным.

Когда на это возражают, что не всѣ синологи ограничивают свои наблюденія Шанхаем, Тяньцзином или Кантоном, то говорят, что если не всѣ, то большинство иностранцев, путешествующих по китайской провинціи, передаются, из рук в руки, тѣм молодым китайским администраторам, которые всюду теперь стоят у власти: — бывшіе студенты, возвратившіеся из Европы или из Америки, выученики миссіонерских университетов, активные работники многочисленных отдѣленій китайскаго христіанскаго союза молодых людей и члены партіи Гоминдан, которые, часто безсознательно, ведут агитацію за то, что Китай переживает подъем творческих сил, реформируется, переустраивается, модернизируется и т. д.

Спор по этому вопросу отвлек-бы нас от основной темы. Одно можно утверждать с полной достовѣрностью, что міровой прогресс, техническій и экономическій, сказывается и под небом Срединнаго Государства.

Даже внутри великой страны прошлое, если и не умирает, то как-бы отходит на задній план, остается формой, лишаясь мало по малу содержанія.

Всѣ должны согласиться с тѣм, что даже на глазах современнаго поколѣнія, лиц, внимательно присматривающихся к кигайцам, мы видим, что основа вѣковѣчных основ — «культ предков» — который, как живая вѣра, проникал в сознаніе каждаго китайца, от мала до велика, еще двадцать или тридцать лѣтъ тому назад, теперь все больше отходит на задній план, теряет свою императивность, перестает быть культом, сохраняясь, как традиція.

Синологи прошлаго все строили на культѣ предков, все им объясняли и истолковывали: почему китайцы брачутся в раннем возрастѣ и почему невѣста выбирается родителями, почему все вниманіе в семьѣ обращено на воспитаніе мальчиков, а к дѣвочкам царит, в лучшем случаѣ, безразличіе, почему в китайской семьѣ вся власть принадлежит старшему в родѣ, почему жена, входя в дом своего мужа, считается потерянной, становится чужой для дома своих собственных родителей, почему и для чего в Китаѣ разрѣшается многоженство, почему за гробом покойника несут изображеніе любимаго коня и всего, что радовало его при жизни и т. д., и т. д., и т. д. Все это вытекает и объясняется культом предков.

Китайцы были вполне убѣждены, как учили китаевѣды прошлаго, что душа имѣет самостоятельное существованіе и что, послѣ смерти, она продолжает нуждаться во всѣх предметах земнаго комфорта.

И, прежде всего, душа нуждается в том, чтобы ей приносились жертвы, чтобы о ней энергично заботились потомки.

Поэтому горе тому китайцу, который, будучи женат, не имѣет сына и еще большее горе и вѣчныя мученія за гробом тому, кто прожил жизнь бобылем и отправился в царство тѣней, так сказать, в одиночку.

Этим убѣжденіем опредѣлялись возрѣнія китайцев на смерть. Смерть представлялась глубоким сном. Иероглиф «цин», употребляющійся для выраженія понятій «покоиться», «почивать», означает также и «мѣсто успокоенія усопшаго».

В прекрасном изложеніи С. Георгіевскаго рассказывается подробно, как душа, и послѣ смерти китайца, продолжает свое бытіе. Она находится при мертвом

тѣлѣ, какъ нѣкое существо, вполне сознательное. Душа ощущаетъ всѣ тѣ потребности, которыя она имѣла, когда тѣло жило.

Эти воззрѣнія, шедшія отъ древнѣйшихъ временъ, заставляли китайцевъ всячески охранять мертвое тѣло и ограждать его отъ внѣшнихъ поврежденій.

Такъ какъ душа не прекращаетъ своего посмертнаго существованія и вѣчно требуетъ удовлетворенія различныхъ потребностей, хочетъ кушать, хочетъ пить, желаетъ быть полностью в курсѣ всѣхъ событій своей семьи, то отсюда возникъ и развивался категорическій императивъ не прерывать цѣпь лицъ, преемственно приносящихъ душѣ жертвы.

Усопшему долженъ приносить жертвы его старшій сынъ и старшій сынъ долженъ оставить по себѣ также сына, какъ жертвоприносителя своему отцу и всѣмъ восходящимъ членамъ фамиліи.

Неугасаемость рода по прямой, нисходящей линіи, гарантировала, въ представленіи китайцевъ, посмертное благоденствіе усопшихъ предковъ.

Какъ правильно для своего времени (сорокъ лѣтъ тому назадъ) отмѣчалъ китаевѣдъ Георгіевскій: «имѣть хорошій гробъ — было заботой каждаго китайца».

Чѣмъ кто богаче, тѣмъ болѣе денегъ тратилось на устройство посмертнаго жилища. Гробъ у китайцевъ цѣнился не по внѣшнимъ своимъ украшеніямъ — внѣшне это, чаще всего, неуклюжая, крытая чернымъ лакомъ, домовина, но по внутреннимъ, такъ сказать, качествамъ погребальнаго комфорта — гробъ долженъ быть проченъ, онъ долженъ быть основателенъ, онъ долженъ быть сдѣланъ изъ дерева, которое менѣе всего подвергается гніенію.

Въ прежнее время подарить родителю, въ день его рожденія, хорошій гробъ — было для сына весьма похвальнымъ поступкомъ. Еще 30-20 лѣтъ назадъ эти подарки были весьма распространены въ Китаѣ.

Въ гробъ клали и трубку, которую любилъ курить покойный, и его любимую книгу, и даже предметы, которые радовали его взглядъ или забавляли при жизни его воображеніе. Чтобы душѣ, въ дни похоронъ, не было скучно, ее увеселяли музыкой. Музыка и сейчасъ бываетъ на похоронахъ веселой, надъ чѣмъ не мало подтруниваютъ иностранцы, обнаруживая свое невѣжество въ основныхъ китайскихъ обычаяхъ, ибо звуки музыкальныхъ инструментовъ увеселяютъ не тѣхъ, кто собрался на похороны, а

должны развлекать душу уеопшаго.

Так было в прошлом и, в этом прошлом, тѣх, кто осквернял могилы предков, послѣ уличенія в столь тяжком преступленіи, — обезглавливали, самая в глазах китайцев — старозавѣтников ужасная форма смерти: туловище отдѣляется от головы, таковым оно и пребудет в загробном существованіи, на вѣчныя времена.

Факты оскверненія могил вызывали искреннее в народѣ негодованіе, но вот, всего нѣсколько лѣтъ тому назад, шайки бродячих солдат, перед приходом арміи южан, осквернили, под Пекином, императорскія могилы.

Тѣло вдовствующей императрицы Цзы-Си, которую иностранные историки Китая любят сравнивать с Екатериной Великой, было выброшено из гроба, всѣ драгоценности были украдены.

Извѣстіе об этом кощунствѣ прошло без всяких откликов в населеніи, только правительство назначило разслѣдованіе и послѣдній император династіи Цинов, жившій тогда в Тяньцзинѣ, раненый святотатственным безчинством в самое сердце, тотчас ассигновал тысячу долларов на то, чтобы был, как можно скорѣе, возстановлен покой его державных предков.

Китай, конечно, мѣняется, не только внѣшне, но и внутренне — приведенный примѣр подтверждает сказанное.

Процесс модификаціи нравов и даже обычаев начался послѣ войны с Японіей в 1894-95 году, потом сильным толчком к усвоенію новых форм быта и выработкѣ новаго міровоззрѣнія служило возстаніе боксеров и та расправа, которую учинили великія державы, желавшія не только сломить сопротивленіе двора и повстанцев, но и нанести удар моральному престижу націи.

Новыя формы жизни предъявляли свои требованія и под воздѣйствіем ударов снизу, с высоты престола было признано в особом императорском указѣ еще от 11 іюня 1898 г., что, хотя, основой народнаго образованія должны остаться поученія великих мудрецов древности, но должны быть незамедлительно обслѣдованы, во всѣх подробностях, пути европейскаго просвѣщенія, в их примѣненіи к насущным нуждам — «дабы положить предѣл пустым заблужденіям и необоснованным предразсудкам» (указ императора Гуан-Сюя, 23 дня, 4 мѣсяца, 23 года царствованія).

Так что нѣтъ ничего удивительнаго в том, что в книгѣ сэра Чарльза Эліота „Letters from the Far East“, которая была издана в 1907 г. в Лондонѣ, а писалась в 1906 году, за шесть лѣтъ до низложенія династіи Маньчжуров, автор подмѣчал, даже «из окна вагона», что Китай омолаживается, преображается, реформируется, переустраивается.

«Могут-ли государства омолаживаться? В защиту того, что могут, свидѣтельствует то обстоятельство, что, несмотря на три тысячи лѣтъ своей прошлой исторіи, китайская нація остается многочисленной, крѣпкой и сохранившей всѣ свои національныя особенности. Мало того, китайская нація обладает удивительной резистентностью в отношеніи ассимиляціи с другими народами, поглощая в своих нѣдрах любые элементы. Она не смѣшивается с сосѣдями, а наоборот они смѣшиваются и растворяются в китайском океанѣ».

Далѣе Эліот говорит, что китайцы, по его мнѣнію, на протяженіи своей безконечной исторіи знали періоды исключительной активности, а потом, впадали как бы в сон, для того, чтобы затѣм снова проснуться.

Нынѣшній період исторіи Китая Эліот считает новым пробужденіем. Эта мысль — замѣтите! — была высказана уже четверть вѣка тому назад и дѣйствительность ее не опровергает, а подтверждает.

Возможность такого пробужденія цѣлаго народа от летаргіи, которое удивляет не только историков, но, в особенности, является феноменом для психологов, фізіологов и этнографов, Эліот склонен объяснять поразительной «живучестью» китайскаго организма. Его, как и нас, поражало, что китайцы, живя в неблагопріятных условіях, скученно и бѣдно, сохраняют рѣдкую жизнестойкость; не занимаясь спеціально гимнастикой — имѣют организмы, закаленные в отношеніи простуды; проявляют удивительную выносливость на вид немощнаго организма, выздоравливая послѣ заболѣваній, которыя, по словам Эліота, — «убили бы любого европейца».

Эліот отмѣчает, что китаец, в своей предѣльной нищетѣ и трудно описуемом убожествѣ уклада, сохраняет не только спокойствіе, выдержку характера, но и нравственную бодрость, доброе расположеніе духа, ласковость, подчас трогательную предупредительность к другим.

Безпричинное злобствование приходилось наблюдать только у совращенной в коммунизм молодежи.

Мѣняясь духовно, производя переоцѣнку религиозных и моральных цѣнностей, он, однако, сохраняет от прежняго хорошія черты вѣжливости и предупредительности даже к чужим ему по кожѣ и крови людям, хотя так много написано в книгах иностранцев об органической ксенофобіи китайцев, якобы постоянно тлѣющей в массах, под наружным покровом подчеркнутаго безразличія к чужим.

Эліот особо подчеркивает напимѣр, что отношенія начальства к подчиненным и, обратно, отношенія низших к высшим, прислуги к господам и т. д., никогда в Китаѣ не носили характера того высокомерія или подхалимства, которые так часто встрѣчаются у нас, в Европѣ.

И это давнее наблюдение полностью подтверждается на протяжении послѣдней четверти вѣка, истекшей послѣ того, как указанный англійскій ученый и дипломат занес свои наблюденія на бумагу.

В разных частях Китая, в самых разнообразных административных учрежденіях, гражданских и военных, под эгидой революціонной власти Гоминдана, и в канцеляріях военных диктаторов, вы, всюду и всегда, наблюдали, что слуги, солдаты, кули — это только помощники, а не рабы — никогда никакого нарочитаго третированія, внѣшней к низшим надменности, унижающаго тона, тѣм болѣе — узаконеннаго рукоприкладства.

По настроенію, книга сэра Чарльза Эліота является полной противоположностью пристрастной, мѣстами злой и беспощадной, книгѣ д-ра А. Ф. Лежанра и отличается от тона спокойнаго и холоднаго превосходства, в котором писал свои классическіе труды о Китаѣ другой выдающійся англійскій востоковѣд Дж. О. П. Блэнд.

«Тон» писаній Эліота полностью созвучен тону, в котором о Китаѣ писали большинство наших синологов и, в особенности, Георгіевскій.

Эліот не закрывает глаз на недостатки, которые он подмѣчает у китайцев, но он говорит:

«Если мною указываются недостатки и тѣневья стороны китайскаго характера, то не потому, что я имѣю предубѣжденіе в отношеніи китайцев. Совсѣм наоборот. Отрицательныя качества служат мнѣ лишь для объясне-

нія причин, почему китайцы не стали владыками вселенной. Но, в сотнях других качеств, китайцы не только не ниже, но превосходят европейцев, взятых вмѣстѣ. Они могут жить гдѣ угодно и в каких угодно условіях. Они цивилизованы, они превесходные коммерсанты».

Если мы признаем авторитетность приведенных слов, написанных, во всяком случаѣ, выдающимся человеком и безпристрастным наблюдателем, если мы согласимся с тѣм, что Китай перестраивается и переустраивается, что Китай идет к новому будущему, что ему предстоит, в дальнѣйшем, играть, мы бы сказали, рѣшающую роль в судьбах народов, населяющих берега Тихаго океана, то должна быть оправдана и наша настоящая, скромная попытка показать каким, в наших глазах, рисуется Китай в данный період своей тысячелѣтней исторіи.

ГЛАВА III.

О китайской расѣ.

Русскій путешественник-любитель, Ив. А. Дьяков, не раз рассказывал мнѣ, и даже писал об этом в выпущенной книжѣ, что в отдаленных провинціях, куда он забирался, идя с верховьев Ян-Цзе-Цзяна он встрѣчал цѣлыя поселенія:

— Бѣлых людей.

С непосредственностью неопита, он принимал племена «мяо-мяо» и «ло-ло» за отдаленных предков... славян.

Д-р А. Ф. Лежанр и другіе европейскіе ученые-синологи, посвятили не мало страниц этому феномену:

— Бѣлые в гущѣ и толщѣ желтых милліонов.

Д-р Лежанр, в своей монографіи, дѣлит китайцев на два основных типа, тип блѣдно-желтой кожи, почти приближающейся к бѣлой, а, в нѣкоторых экземплярах, сохранившій всю чистоту арійскій бѣлизны и тип негритосов.

В грубых чертах, он указывает, что «негритосскій подтип» имѣет низкую талію, приплюснутый нос, ярко выраженную раскосость глаз и другія типично монгольскія черты.

Но тип с бѣлой или бѣлѣющей кожей, наоборот, отличается высокой таліей, нос обладает формой, свойственной арійским расам, посадка глаз приближается к горизонтальной линіи, кожа слабо окрашена в желтый цвѣт, иногда достигает полной, даже слѣпящей, бѣлизны и на щеках играет явственный румянец.

Д-р Лежанр указывает, что ему приходилось встрѣчаться с цѣлыми племенами «бѣлых китайцев».

Он много говорит об этнографической миграціи в центральной Азіи и утверждает также, что Маньчжурія, в этот отношеніи, является как-бы сварочным котлом различных бѣлых и желтых рас.

Кромѣ того, д-р Лежанр просит обратить вниманіе на населеніе, встрѣчающееся у подступов к Алтаю, в долинах Тянь-Шаня, гдѣ, до сих пор, можно среди других видѣть народец киргизскаго происхожденія, «кирейцев», мусульман по вѣрѣ, и бѣлых кожей, хотя находящихся в постоянном смѣшеніи с монголами.

Он включает в эти промежуточные, бѣло-желтыя расы и тѣх русских, которые живут в верховьях Иртыша, по Оби, Енисею, по берегам озера Байкала и т. д.

«В долину провинціи Гансу, на запад от главнаго города Лян-Чжеу-Фу, вы встрѣчаете, — говорит Лежанр, — цѣлое племя, численностью приблизительно в десять тысяч человек, обладателей длинных бород, людей бѣлых кожей, с высокой таліей, говорящих на древне-турецком языкѣ».

Подобных-же племен много и в китайском Туркестанѣ.

Короче говоря, бѣлыя расы, древнія и новѣйшія, чистыя и смѣшанныя, были и остаются в Азіи, которой онѣ нѣкогда владѣли, прежде чѣм не были покорены монгольскими племенами.

«К третьему вѣку до Рождества Христова их племена тронулись, со своих насиженных мѣст, в нынѣшних китайских провинціях Шанси и Шенси, и покорили всю центральную Азію, включая и южную Сибирь.

«Эти знаменитые завоеватели, как гласят о них китайскія лѣтописи, чаще всего имѣли волосы свѣтлые и глаза голубые. Эти племена были ознакомлены с древней античной культурой эллинов несторіанцами» (227 стр. „La civilisation chinoise moderne“).

Для нас важно установить одно, что в Китаѣ, до сих пор, преобладают остатки нѣких древних рас, арийскаго или иранскаго корня, и что, в смѣшеніи с азіатской кровью, они дают удивительные, хотя и рѣдкіе, образцы поражающей красоты.

Французскій ученый прав, что Шанхай, с его трехмилліонным населеніем, в этом отношеніи представляет

очень удобное мѣсто для изученія безконечныхъ разнообразностей китайской расы, которая впитывала в себя много чуждыхъ кровей, но, обладая замѣчательной резистентностью, тщательно сберегла основной тип, который можетъ быть с полнымъ правомъ названъ «китайскимъ».

Это все таки исключительно гомогенная нація.

Китайцы сѣверяне выше, мускулистѣе южан, южане часто весьма стройны, гибки, умомъ проворнѣе и ярче интеллектуальными способностями.

Хотя всѣ эти опредѣленія весьма условны и касаются лишь большихъ чиселъ, ибо, какъ на сѣверѣ так и на югѣ Китая вас поражаетъ разнообразіе типовъ: югъ всегда переселялся на сѣвер и сѣверъ безостановочно вливался в югъ.

Только в первый годъ пребыванія в Китаѣ и то у тѣхъ европейцевъ, которые не развивали в себѣ наблюдательности и не обладаютъ зрительной памятью, создается впечатлѣніе, что:

— «Всѣ китайцы на одно лицо».

Кстати сказать, то-же самое, какъ мнѣ говорили нѣкоторые китайцы, ощущаютъ и они, впервые попадая в исключительно европейскую толпу.

Не надо долго жить в Китаѣ, чтобы начать понимать, что у китайцевъ имѣется в наличности то-же, буквально безсчетное, разнообразіе внѣшняго типа, какъ и у европейцевъ.

С нашей стандартной точки зрѣнія, в нашихъ глазахъ, толпа китайцевъ, можетъ быть, и кажется «некрасивой», подобно тому, какъ китайскимъ глазамъ кажется «некрасивой» европейская толпа.

Но даже и пристрастный, придирчивый европейскій взглядъ долженъ согласиться, что, если вы встрѣчаете в Китаѣ красоту, то это красота совершенства!

Среди сотен и тысячъ лицъ, которыя ничего не говорятъ европейскому эстетическому воспріятію, вдругъ проступитъ лицо такихъ совершенныхъ линій, такого одухотворенія, что вы останавливаетесь пораженнымъ и потрясеннымъ!

И, чаще всего бываетъ, что в этомъ экземплярѣ совершеннѣйшей восточной красоты, все гармонически слито: ростъ фигуры, цвѣтъ кожи, стройность линій, пропорція частей, форма рукъ и т. д.

Говоря в очень упрощенныхъ и общихъ чертахъ надо отмѣтить, что, исключая нищихъ и больныхъ, лохмотья и

язвы которых ни с чѣмъ в мірѣ несравнимы, в массѣ, китайцы, нація, надѣленная природным вкусом, умѣющая и любящая украсить себя одеждой.

Мы не дооцѣниваем внѣшность китайца, не разбираемся в ней до конца.

По свойству челоѣческой природы, нам, прежде всего, в поле нашего зрѣнія попадаютъ в толпѣ китайскихъ городов, или не в мѣру толстые купцы или, как контраст, совершенно высохшіе, словно мумифицированные старцы, и ветхія старушки, на которую, кажется, дунь и ее унесетъ вѣтромъ.

Развѣ, живя в Китаѣ, мы не проходимъ равнодушно среди сотен и даже тысячъ дѣвичьих и женскихъ фигур, прекрасно сложенных, очень изящных и весьма граціозных, только потому, что стандарты нашей европейской красоты отличны отъ стандартовъ красоты китайской.

Точно также мы слабо замѣчаем, как много среди всѣхъ этихъ безсчетовъ китайскихъ толп, хотя бы среди грузчиковъ-рабочихъ в порту, или рикш, или прохожихъ на улицах, стройныхъ и мускулистых, на рѣдкость физически здоровых, прекрасно развитыхъ фигур.

Несмотря на ужасающія, вопіющія къ небу болѣзни, язвы, выставлемыя, в цѣляхъ заработка, на показ: волчанка, слоновая болѣзнь, чуть-ли не проказа и т. д., в основѣ своей китайскій народъ даже на нездоровомъ югѣ, гдѣ каждое лѣто организм, роковымъ образом, перегрѣвается, в подавляющемъ большинствѣ случаевъ удивляетъ наблюдательный глазъ своей физической выносливостью, общимъ здоровьемъ, которое не могутъ сломить потрясающе антигигіеническія условія, иногда полуголоднаго существованія.

Лучшимъ доказательствомъ вышесказанному является способность китайцевъ привыкать, приспособливаться къ любому климату, жить и работать, буквально, подъ всѣми широтами на землѣ.

В какой другой странѣ рождаются и трудятся люди, которыхъ, при этомъ, имѣется в Китаѣ миллионы, которые в состояніи поднимать тяжести по три, а то и по четыре пуда, взваливать эту поклажу себѣ на плечи и тащить, за день, на расстояніи чуть не двадцати миль. И такъ продолжается недѣлями, безъ отдыха.

Чтобы далеко не ходить за примѣрами, посмотрите

как работают в портах китайскіе бурлаки, весельщики и рулевые на джонках, приглядитесь какія тяжести: кирпичи, камни, желѣзо, тащат на одном колесѣ, «уильбаро», эти, с виду довольно шуплые, люди.

Попробуйте посостязаться в выносливости с рикшей, который может пробѣжать, без передышки, нѣсколько верст, все равно в какую погоду, под палящими, смертоносными лучами іюльскаго солнца или в ледяную январскую стужу, против нижущаго тѣло, снѣжнаго бурана, едва прикрытый жалкими лохмотьями.

Конечно, и у нас есть свои двужилые люди: Россія вырабатывает поразительные образцы мускульной силы, выносливости и физической неутомимости.

Но, здѣсь, рѣчь идет о народѣ, который, неизвѣстно почему, считается в Европѣ слабым, болѣзненным, измученным опекуреніем, пороками, изможденным, вообще физически дефективным.

Что в еще большей степени поразительно — это приспособляемость китайцев к любому климату, от полярных районов до тропиков, включая умѣренный климат.

В лѣсах Сибири, на горах сѣверной Маньчжуріи, китайцы также акклиматизированы, как и в Сингапурѣ, на островах Тихаго океана, лежащих на самом экваторѣ, по берегам южных рѣк, кишаших крокодилами, в долинах Индо-Китая и Сіама, пораженных желтой лихорадкой, среди зарослей тропическаго лѣса или в просторах безводных пустынь средней Азій.

Двѣсти пятьдесят милліонов китайцев живут в долинѣ великой Голубой рѣки (Ян Цзе-Цзяна), живут там безвыѣздно, в періоды зимних дождей и под нестерпимыми лучами лѣтняго солнца.

Сорок милліонов, так называемых, «кантонцев» сотнями лѣт плодятся и множатся в районах, в которых европеец не выдерживает безвыѣздно и трех лѣт, причем кантонцы считаются едва-ли не самыми предприимчивыми, физически выносливыми, умственно богато одаренными китайцами — это лучшіе коммерсанты, выдающіеся политики, храбрые воины и большіе поклонники литературы и искусства.

Вопрос о пигментѣ, конечно, играет свою роль, но даже и учтя, что эти люди, может быть, тысячи лѣт вырабатывали сопротивляемость крови разрушительному климату, вы, все таки, поражаетесь, как они могут, часа-

ми оставаться на солнцѣ, с непокрытой головой, тогда как представитель кавказских рас на экваторѣ в состояніи работать лишь четыре, пять часов в сутки и не может появиться на улицѣ без пробкового шлема на головѣ, при чем в сѣрый день он еще болѣе становится подвержен солнечному или тепловому удару, чѣм в день солнечный.

Вот Сингапур, мѣсто находящееся в предѣлах одного градуса от экватора, мѣстное населеніе — малайцы, очень мало предприимчивы и особенными талантами не отличаются.

Огромныя серебряныя копи, копи по добычѣ олова, всѣ обслуживаются здѣсь пришлыми китайцами.

Китайцы скопили несмѣтныя богатства под южными тропическими и субтропическими широтами.

Китайцев вы встрѣтите в огромных количествах на Борнео, в Австраліи, в Новой Зеландіи, в Новой Гвинее.

В Америкѣ, в больших городах, они располагают собственными кварталами.

Эти океанскія и заокеанскія колоніи китайцев поддерживают тѣсную связь с родиной, участвуют, при помощи денежных пожертвованій и посылкой делегатов, в политических движеніях в Китаѣ и являются очень важным фактором в области китайской экономики и китайской политики.

Китайцы едва ли не единственная раса, которая даже на экваторѣ сохраняет не только физическую выносливость и энергію, но и высокій стандарт умственной, интеллектуальной дѣеспособности.

А сколько тысяч китайцев жили, работали или служили, по всѣм городам русскаго Дальняго Востока и в Сибири, в особенности Восточной, до революціи.

Живучесть китайцев, при их поражающей даже неопытный глаз плодовитости — лучше всего говорит о расовой стойкости, об основном здоровьи этого все еще плохо изученнаго Европой и Америкой, народа.

ГЛАВА IV.

Нравы и обычаи.

Хотя, в основѣ своей, Китай остался тѣм-же, каким был при Цинской (маньчжурской) династїи, в особенности тот вѣковѣчный пласт народной толщи, который служит фундаментом для страны и который вряд-ли сильно расшатали за эти десять послѣдних лѣтъ китайскіе и некитайскіе агенты третьяго коммунистическаго интернаціонала, надо учесть все-таки, что современный прогресс техники и всемірная переоцѣнка моральных цѣнностей оказывают свое дѣйствіе даже на консервативное в основѣ китайское населеніе, даже, в извѣстной степени, на крестьянство.

Китай трудно было покрыть сѣтью желѣзных дорог, прокладка желѣзнодорожных магистралей стоила больших денег, вот уже четверть вѣка Китай пребывает в состоянїи перманентнаго внутренняго политическаго, а нынѣ и соціальнаго броженія, пятнадцать лѣтъ по всему простору необъятной страны не угасал пожар гражданской войны, тѣ желѣзныя дороги, которыя были продолжены к моменту смерти Юань Ши-кая в большинствѣ на средства иностраннаго капитала — стали служить коммуникаціонными базами для различных, часто мѣнявшихся, внутри-китайских фронтов, а подвижной состав был использован под перевозку и постой солдат.

Но, теперь, над Китаем парят аэропланы и как правящій центр, так и провинціальные власти охотно агитируют за прокладку автомобильных дорог.

Функционирует уже постоянная воздушная линія

вдоль Голубой рѣки, вплоть до самаго Ичана, от Шанхая через Нанкин и через Ханькоу. Все время производятся опыты установки регулярной воздушной, почтово-пассажирской связи Шанхая и Нанкина с Циндао, Цинаньфу и Пекином (Пейпином) так что крестьянин, работающій на своем крохотном надѣлѣ или бродящій в заводах жижи рисовых полей, каждое утро и каждый вечер, в один и тот-же час поднимает голову, чтобы слѣдить за полетом стальных в небѣ, заморских птиц, аэропланов с почтой и пассажирами.

В городах начинает пользоваться все большей и большей популярностью радио, имѣется много китайских ширококовъщательных станцій, в одном Шанхаѣ их нѣсколько, и из безсчетных китайских лавок, по вечерам залитых слѣпящим электрическим свѣтом, то и дѣло верещит, гудит и грохочет дешевый громкоговоритель — передающій почти всегда, или пронзительную китайскую мелодію, или сообщенія на стандартном «манدارинском» нарѣчій.

В деревни, не только в города, давно проник граммофон, в большом спросѣ карманные электрическіе фонари и зубная щетка, всѣ близорукіе китайцы давно ходят в американских окулярах, являющихся ничѣм иным, как модернизированными древними китайскими очками, большим распространеніем пользуется фотографія, а что касается кинематографа, то едва-ли еще можно найти другую страну, гдѣ количество кино-театров росло бы с такой поражающей быстротой, как в Китаѣ.

Всѣм извѣстно социальное вліяніе кинематографа, его своеобразное воздѣйствіе на нравы и обычаи общества, его роль в дѣлѣ сближенія между собою отдѣльных націй, в частности націй Европы, Америки и Азии.

В самом маленьком китайском городкѣ имѣется теперь, хотя бы в «фаршированном» сарайчикѣ, нѣмой, пока-что, экран, который, в больших городах, давно вытѣснен говорящим, и на этом экранѣ, как правило, европейских картин показывается больше, чѣм китайских, хотя не в загонѣ и китайская киноиндустрія.

Но даже и китайскія картины охотно показывают китайской аудиторіи европейскій стиль жизни китайцев, как они живут в больших портовых европеизированных городах и, таким образом, прокладывают путь к проникновенію в народную толщу через китайскій сюжет,

китайскій язык и актеров, европейской морали, европейскаго взгляда на отношенія родителей к дѣтям и мужа с женой.

Тут, почти всегда, как вводный номер — „дансинг“, рулетка, квартиры в стилѣ ультра-модерн, миниатюрный гольф, скачки...

Конечно, народная толща остается такой, как прежде, крѣпки еще в народѣ религіозныя традиціи, жива обрядовая сторона и всѣ попытки партіи Гоминдан отмѣнить празднованіе новаго года по лунному календарю, равно как процессіи и жертвоприношенія, как и обрядовая сторона других старинных празднеств, скажем — лѣтній праздник «лодок дракона», пока не привели ни к каким результатам.

Кто хочет, кто может — тот празднует.

Однако многое измѣнилось в социальном сознаниі народных масс, многое измѣнилось в основах міровоспріятія, как многое измѣнилось и в самой китайской семьѣ, фундаментѣ государства, и в особенности в настроеніях китайской молодежи — в этом отношеніи надо сказать, что с 1894 — 1895 г. г., когда Китай впервые был разбужен пушками первой войны с Японіей, произошла и до сих пор происходит глубокая социальная и психологическая революція.

Китаевѣд С. Георгіевскій, в своей замѣчательной, в особенности по основному доброжелательному тону, книгѣ о «Принципах жизни Китая», правильно отмѣтил, что китайцы, по натурѣ, хорошо сбалансированы.

Это не только народ практическаго склада мышленія, но народ, которому, в массѣ, чужда какая либо излишняя нервозность, тѣм болѣе истерія, особая в славянском духѣ мечтательность, беспочвенный идеализм, экзальтированное мессіанство.

Вы часто видите оживленную жестикуляцію разговаривающих между собою китайцев, больше того, вам часто приходится слышать на улицѣ бранные крики ссорящихся между собою — как небольшой скандал, так быстро, вокруг пререкающихся, собирается нѣскольکو внимательных слушателей, держащих нейтралитет и все таки, мы смѣем думать, что китайцы, по натурѣ своей, весьма спокойны, естественно сдержанны, как-то органически положительны, — от вѣка уравновѣшены и хорошо, в отношеніи ума и сердца, сбалансированы.

Это у них отмѣчается с самого дѣтства — ребятишки, похожія на кукол, могут плакать, могут подражаться, но могут также и играть часами между собою, без слез и драки. За ними никто особенно не смотрит, даже на улицах, гдѣ мчатся автомобили и бѣгут безсчетныя колясочки рикш.

Крохотныя ребята, мальчики и дѣвочки, по три, по пять лѣт, возятся и шалят, как им нравится, очень рѣдко требуя к себѣ какого-либо особаго вниманія со стороны матери или прислуги, «амы».

Дѣти в школах, в особенности дѣвочки, не из под палки, а по естеству своему, сидят в классах спокойно и умѣют с интересом слушать. Учатся дѣвочки всѣ прилежно.

Одно поколѣніе, всего, прошло через увлеченіе физической культурой и вы поражаетесь, как онѣ развиты.

Юноши как-то быстро набираются солидности, дѣвушки «на выданыи» мило скромны, не без должной застѣнчивости, но без нарочитаго манерничанья.

Вообще, китайская толпа на улицах, как правило, — спокойна и движется неторопливо, скорѣе степенно. Она, как всякая толпа, может легко поддаться паникѣ, но природа ея — спокойствіе, а не бунт.

Надо помнить одно, когда мы размышляем о китайских нравах и обычаях, что, за тысячи лѣт, что над ними витал поучающій дух Конфуція, китайцы, с молоком матери впитывают обходительность; это — «вѣжливая нація», это опредѣленіе касается даже крестьянства, даже в отдаленнѣйших, от культурных центров, мѣстах.

И такого же вѣжливаго к себѣ отношенія они ждут и от чужеземцев, но не всегда его получают, в особенности от, смотрящих сверху вниз, новопришельцев.

Вопрос особый, как они, в глубинѣ душ, о нас думают — на эту тему написано много злого, почти всегда несправедливаго, еще вѣрнѣе — не продуманнаго до конца.

Есть у китайцев и сознаніе своей древней культурности, преклоненіе перед своей замѣчательной письменностью.

Но, за исключеніем періодов остраго обнаруженія ксенофобіи, за исключеніем тѣх моментов, когда вы

встрѣчаетесь или с разъяренной, не владѣющей собою, толпой или с публикой, спеціально распропагандированной, — китайцы умѣют прятать свои непріязненные к чужим чувства, если таковыя при том живут в них.

Во всяком случаѣ, в Китаѣ, не рѣдко встрѣтить бандита, который прилично может обойтись со своей жертвой.

Во всяком случаѣ, многочисленныя опросы мною, лично, тѣх русских, которые попадали в ту или иную передрагу в провинціи, бывали даже арестованы, судились, сидѣли по тюрмам, пересылались для установленія личности из одного мѣста в другое, и т.д., указывали, что, в большинствѣ случаев, вѣжливое обращеніе доминировало.

Мы, русскіе, вообще надѣлены даром как то по своему умѣло сживаться, ладить с китайцами.

Когда европейцы сталкиваются с фактами китайской суровости или того, что мы зовем их «несправедливостью» и «странностями их обычаев», их закона, мы рѣдко даем себѣ труд проанализировать безпристрастно свое собственное поведеніе, стать, что необходимо, на их точку зрѣнія в отношеніи всѣх обстоятельств, которыя вызвали то или иное осложненіе и учесть то, что, на протяженіи сотен, а, может быть, и тысяч лѣтъ, эта древняя страна и этот народ, ровесник древних египтян и вавилонян, жили в полном отъединеніи от всего остального міра и выработали свой кодекс морали, свои нормы естественнаго, чаще всего нелисаннаго, права, имѣют, наконец, свои, точно сформулированныя, законы, отличныя от наших, но, тѣм не менѣе, проникнутыя, собственным, всегда честным, воспріятіем идеала правды и справедливости, как они, китайцы, для себя эти идеалы понимают, исповѣдуют и формулируют.

Китайцы — гостепріимная нація.

У них, разумѣется, свои способы принимать, ублажать и развлекать гостей, своя кухня, свои деликатесы, о которых столько написано, что мы здѣсь распространяться на эту тему не станем, но они не только любят принять гостей, они *умѣют* это сдѣлать, чего нѣкоторые другіе восточныя народы органически лишены.

С пріятными им людьми, а иногда, вѣроятно, и с нужными для дѣла людьми, китайцы по своему могут

быть обворожительно любезны, исключительно предупредительны, весьма к вам внимательны, ласковы и вообще приятны в обращеніи: чувствуется древняя культура.

Они никогда не навязываются вам со своими знакомствами, не лѣзут к иностранцу с объясненіями в „любви“, не лебезят, не подхалимничают, наоборот чаще европеец обращается с разговором к китайцу, завязывает знакомство, чѣм китаец проявляет этого рода инициативу.

Если китаец не почувствует чего-либо недоброго или подозрительнаго в случайном знакомствѣ — он охотно разговорится с чужестранцем, если-же он будет подозрѣвать какія либо, ему невѣдомыя намѣренія или, просто, не будет расположен к бесѣдѣ с вами, он отвѣтит одной, двумя любезными фразами и вѣжливо замолчит.

Китайцы очень самолюбивый народ, умѣют и любят держаться с достоинством.

Вѣянія новаго вѣка сказываются в Китаѣ во всем: молодежь охотно носит европейское платье, но, за рѣдчайшими исключеніями, не возвращает в себѣ неприязни к своему національному одѣянію, как и вообще небреженіе своим собственным, ей, как правило, чуждо.

Интеллигентная молодежь интересуется европейской музыкой, может увлечься европейским художественным искусством, молодежь, со всѣм пылом юности, предается спорту и по американски страстно, переживает ход публичных состязаній, скажем, в футбол.

Китайская женщина инстинктом поняла, что полный европейскій женскій туалет не по ея фигурѣ и очень умно, со вкусом, элегантно комбинирует европейскую моду с китайским покроем.

Китайцы большіе мастера по части усвоенія иностранных языков, иностранных нравов и обычаев.

Они эстеты, они холят свои руки, у них всегда поразительно начищена обувь, безукоризненный пробор волос на головѣ, они понимают толк в дорогих вещах — в большом фаворѣ у них дорогіе автомобили, самых эlegantных линій, самых разорительных марок.

Так что можно с полным правом утверждать, что иностранное начало быстро проникает, мы бы сказали — пронизывает толщу вѣковѣчнаго китайскаго быта, который остается жив, но быстро модифицируется, особенно в портовых городах.

Во всяком случаѣ англійская сигарета и американскій кинематограф проникли всюду и вездѣ, от Шанхая до Синцзяна и от Кантона до Гирина.

Сами китайцы, много и с волненіем, пишут о распространности в своей средѣ опекуренія и борятся с этим злом, но новое поколѣніе, которому, на школьной скамьѣ, прививают любовь к спорту на свѣжем воздухѣ, вѣроятно будет успѣшнѣе бороться с этим мрачным наслѣдіем вѣкового прошлаго.

Что касается отношенія к вину, то китайцы самая трезвая нація из всѣх, которыя существуют на землѣ — можно мѣсяцами (внимательно изучая толпу на улицах) не встрѣтить ни одного пьянаго и надо всегда уговаривать китайца пить с вами спиртные напитки.

Они быстро пьянѣют, кровь сразу бросается к щекам и себя они в пьяном видѣ не любят.

От прошлаго остается культ обильнаго в семьѣ мужского потомства, хотя давно отошли в небытіе времена, когда дѣвочка была в семьѣ паріей. Мальчик продолжатель *вашего* рода, но и дѣвочкам должно быть мѣсто под солнцем.

И сохраняется также еще (хотя и без прежней подкладки религіознаго фанатизма) культ почитанія предков. Обрядовая его сторона сохраняется больше, чѣм, внутреннее содержаніе, оно за 40 послѣдних лѣтъ почти вывѣтрилось.

С обрядовой стороной китайцы не разстанутся, но и она имѣет гораздо большую власть над умершими, чѣм над живыми — похороны почти всегда совершаются по завѣтам основоположников древних обычаев, но свадьбы все чаще происходят по-европейски, а новое законодательство о бракѣ и разводѣ, хотя оно далеко еще от всенародной аппробаціи, должно быть отнесено к числу наиболѣе либеральных и вполне современных, с учетом опыта американско-европейских брачных отношеній как они складываются послѣ окончанія великой войны.

ГЛАВА V.

Китайская женщина.

Китайская женщина отличается от европейской женщины. Хотя-бы уже, и прежде всего, тѣм, что в Китаѣ нѣтъ блондинок.

Китайская женщина въ большинствѣ, небольшого роста, хотя есть среди них и высокія, стройныя фигуры, есть также толстыя, тучныя женщины, но когда иностранец, много лѣтъ прожившій в Китаѣ, хочет представить себѣ китайскую женщину, как собирательный тип, то перед его духовным взором встает силуэт небольшой, гибкой, как тростинка, фигуры, с невысокой грудью, часто, особенно в молодые годы, безукоризненно сложенной, с маленькими, изящными ручками, с тонкой шеей, особенно удлинненной на вид, от высокаго, стоячаго воротника, являющагося необходимой принадлежностью, выходного туалета, будь то или вечернее платье из тяжелой матеріи, украшенное драгоценностями, или легкое платье для лѣта, из почти прозрачной матеріи, радужных цвѣтов!

Туалет европейской женщины не подходит ни к миниатюрному росту, ни к линіям фигуры китайской женщины, это онѣ прекрасно сознают сами, так что большинство даже вполнѣ европеизированных, не живущих по китайски женщин, к услугам которых лучшія портнихи города, все-таки одѣваются в платья, являющіяся остроумной комбинаціей національнаго одѣянія и европейской моды, при чем юбочка, доходящая до шиколодки, часто имѣет, с обоих боков, разрѣз до колѣна, что дает возможность при ходьбѣ показывать стройную

ножку, в шелковом чулкѣ.

У китайскихъ женщинъ, мы имѣемъ в виду молодыхъ и здоровыхъ, в большинствѣ прекрасные зубы, глаза не всегда узкіе, они часто, дѣйствительно, мерцаютъ загадкой Востока и обворожительная улыбка, такъ что можно понять тѣхъ иностранцевъ, впрочемъ ихъ не много, которые теряютъ голову отъ своеобразной, нѣсколько экзотической, красоты китайской женщины и становятся ихъ преданными друзьями, любовниками, мужьями на всю жизнь.

Мѣняющійся Китай мѣняетъ и внѣшній обликъ китайской женщины. Она усиленно учится, не только в средних школахъ, но и в высшихъ, продолжаетъ, если представляется к тому возможность, образование за-границей, в Европѣ входитъ мода на короткіе волосы, она дѣлаетъ себѣ «бубикопфъ», тщательно изучаетъ иностранные языки, прежде всего англійскій, танцуетъ изящно, граціозно, ритмично и скромно фокстротъ, не отказывается иногда отъ коктейля, иногда куритъ, все чаще уходитъ в политику и, в отдѣльных случаяхъ, сама себя поддерживаетъ профессиональной работой адвоката, учительницы, врача, стенографистки, не говоря уже о распространенной профессіи «синг-сонг герл».

В книжкѣ И. Л. Миллера «Китайская дѣвушка» отмѣчается, что китайскія дѣвушки от природы надѣлены выдержкой, осторожностью, милой застѣнчивостью, сдержанностью при встрѣчѣ с незнакомымъ человѣкомъ, в особенности с иностранцемъ.

Китайская дѣвушка, в большинствѣ, не позволитъ думать о ней легкомысленно, не дастъ повода к фамильярности.

«Тотъ, кто будетъ безцеремоненъ с китайской дѣвушкой, невѣжливъ с ней, кто перейдетъ на двусмысленности, тотъ никогда не можетъ рассчитывать на успѣхъ среди китайскаго женскаго общества.

«Если ваше поведеніе не по ней, она не покажетъ этого рѣзко, не обидитъ васъ, но она злопамятна по натурѣ и не прощаетъ сдѣланной однажды безтактности.

«Китайская женщина, — говоритъ г. Миллеръ, — цѣнитъ в мужчинѣ, особенно европейскомъ, солидность, корректность, извѣстную неразговорчивость и предупредительность».

Эти наблюденія довольно точны, но не бесспорны, поэтому то вообще, трудно в краткихъ словахъ характе-

ризовать такое собирательное понятіе, как «китайская дѣвушка».

Во всяком случаѣ о китайской женщинѣ разговоры и споры среди европейцев, живущих в Китаѣ, не прекращаются — в этих спорах много противорѣчиваго, как есть противорѣчія и в наших личных наблюденіях.

Есть европейцы, которые искренне увѣряют, что китайская женщина не так строга в нравственном отношеніи, не так чуждается европейца, не так трудно доступна, как об этом принято говорить и думать...

Они идут в своих утвержденіях даже вплоть до того, что китайская женщина любит имѣть европейца, как мужчину, и если не слышно, очень часто, о любовных интригах иностранцев с женщинами китайскаго общества, если онѣ своих связей не афишируют, то больше из страха перед общественным мнѣніем и опасеній, что роман с европейцем труднѣе скрыть, чѣм роман с китайцем — слишком много наблюдающих китайских глаз, развито доносительство, при том китайцы, обычно, живут кланами, имѣют в городѣ многочисленных родственников и среди них, болѣе чѣм гдѣ-либо, примѣнима поговорка — «ничего нѣтъ тайнаго, что не стало-бы явным».

С другой стороны от китайцев и не только от китайцев, вы услышите, что если муж в командировкѣ, то китайская женщина остается дома, не выѣзжает, а если выѣзжает, то только с родственниками и не тяготится этими нѣскольکو устарѣлыми нравами средневѣковаго добровольнаго заточенія в «теремѣ».

Теперь о застѣнчивости.

Надо отмѣтить, что при всей указываемой г. Миллером сдержанности на людях китайской молодой женщины, тѣ из них, по крайней мѣрѣ, кто получили среднее или высшее образованіе на иностранный образец, кто говорят свободно по англійски, — часто дают волю своему острому языку, совсѣм не производя впечатлѣнія пугливых колибри.

Мы меньше всего хотим сказать, что онѣ могут быть в словах не скромны, этого нам ни разу не пришлось наблюдать, но онѣ именно остры на язык — любят ѣдко отвѣтить, даже съязвить, если почувствуют себя задѣтыми, всегда отпаривают удар, подчас гораздо рѣзче и напористѣе, чѣм при подобных-же обстоятельствах сдѣлала-бы выдержанная европейская женщина.

Затѣм, хотя на протяженіи семисот лѣтъ, китайская женщина не могла побороть ужасный обычай уродованія ног бинтованіем, несмотря на то, что как и у других азіатских народов, о полном женском равноправіи можно до сих пор говорить больше в примѣненіи к условіям жизни больших, европеизированных городских центров Китая, — китайская женщина свободнѣе в обращеніи на людях и независимѣе в домашнем быту, чѣм японки.

Она не падает ниц перед мужчиной — властелином, она не кланяется ему в пояс, она не обезличена мужем, который в домѣ глава, но не повелитель, не полубог, не деспот.

Как и японская женщина — китайянки, в большинствѣ, прекрасныя домоправительницы, вѣрныя жены, любящія матери, существа по природѣ женственныя, нѣжныя и в ласкѣ трогательныя, хотя часто на наш слуховой критерій — крикливыя.

Их естественныя положительныя качества и являются причиной того, что, не рѣдко из уст европейцев, ставших жертвами чар Востока, можно слышать дифирамбы нѣжности, преданности, душевной чуткости и внутренней деликатности китайской женщины.

Их положительныя качества сами по себѣ заслуживают особаго признанія, потому что положеніе дѣвочки, затѣм дѣвушки, равно как и женщины в семьѣ в Китаѣ столѣтіями было не из завидных, по сравненію с положеніем мужчины.

В Книгѣ Древних Од, каковую считают самым цѣнным, по богатству и достовѣрности, источником свѣдѣній о нравах и обычаях древняго Китая, мы встрѣчаем такія строфы — даем их в нашем переводѣ с англійскаго текста: —

«Когда родится сын,

«Положи его спать в колыбельку,

«Дорогими пеленками кутай,

«Дай ему игрушки из яшмы.

«Когда родится дочь,

«Пусть она спит на полу,

«И будет пелената в тряпки,

«Дай для игры ей кусок черепицы».

В китайской исторіи есть много свидѣтельств, о том, что женщина была не согласна, даже боролась, но тщетно, с тѣм положеніем, на втором мѣстѣ в домѣ,

которое она, столѣтіями, занимала.

Уже в 120 году по Р. Х. (тысяча восемьсот лѣт тому назад) Пан-Чжао, сестра великаго историка Пан-Гу; который хотя и умер в тюрьмѣ, но оставил по себѣ монументальный труд: «Исторія Ханьской династіи» будучи женщиной передовой, сѣтовала в своих «Уроках для женщин»:

«Мужчины сегодняшняго дня, — писала эта образованная и энергичная женщина, — которые старательно учат своих сыновей и, наоборот, оставляют в полном невѣжествѣ дочерей, показывают этим свою неспособность усвоить истинныя отношенія между полами. Согласно завѣтам старины, мальчики начинают обучаться грамотѣ приблизительно с семи лѣт, так что, к пятнадцати годам, приобрѣтают уже кое какія знанія. Почему того-же самого не дѣлается в отношеніи дѣвочек?» — задает она вопрос.

Хотя этот патетическій вопрос древней феминистки оставался без отвѣта почти на протяжении двух тысячелѣтій, тѣм болѣе отрадно отмѣтить, что китайская женщина не погрязла, за столь долгій срок, окончательно в мелочах домашняго обихода и не только, временами, возносила, стеченіем исторических обстоятельств, на вершины государственной власти и общественнаго вліянія, но заслуженно занимала выпадавшее на ея долю высокое положеніе.

Знаменитая Ханьская династія которая правила Китаем четыреста лѣт имѣет среди мудрых правителей императрицу Люй-Тай-Хоу, извѣстную в исторіи под именем Гао-Хоу умершую в 180 г. до Р. Х., жену основателя династіи, вышедшую из простонародья, и надѣленную властным, рѣшительным характером.

По ея приказу были умерщвлены два воеводы, которые угрожали цѣлости имперіи. Другой выдающейся индивидуальностью были императрица Ту (ум. в 135 г. до Р. Х.), которая правила Китаем сорок лѣт и была поклонницей политической философіи Лао-Цзы, заповѣдав наслѣдникам идти путями, указанными философом.

Благодаря мудрой системѣ государственной экономикіи и воздержанія от ненужных войн, она, к концу своего долгаго царствованія, привела Китай в состояніе завиднаго матеріальнаго благополучія и собрала матеріальные ресурсы которые помогли ея внуку, Сяо-У-Ди вести

политику широких завоеваній и округлить границы, теперь уже великой имперіи, это была эпоха великих достижений на поприщѣ литературы и архитектуры.

В дни наивысшаго расцвѣта Танской династіи мы снова видим на тронѣ выдающуюся китаянку, императрицу У-Чжао (660-705 по Р. Х.), которая правила 45 лѣтъ подряд и, послѣ тридцатилѣтняго царствованія, приказала объявить себя не императрицей-регентшей, как считалась по Танской династіи, а императором, основателем новой династіи Чжоу. По свидѣтельству историков эпохи, она была надѣлена незаурядным литературным талантом и отмѣчена чертами подлиннаго государственнаго генія: она вела политику смѣлых завоеваній и много содѣйствовала культурному прогрессу тогдашняго Китая, она была матерью двух императоров Чжун-Цзуна и Жуй-Цзуна. Послѣ ея смерти на престол вступил Чжун-Цзун, котораго она держала в заточеніи и который вернул династіи прежнее названіе Тан.

Из всѣх женщин писательниц, которых, на протяжении безконечной китайской исторіи, было очень много, едва-ли не самой яркой была нѣкая Ли-Чжин-Чжао, супруга ученаго археолога Чжао-Мин-Чжена. Она родилась в 1081 г. и умерла в 1140, будучи уроженкой Шандуньской провинціи, города Цинана.

Она выросла в культурной семьѣ, в изысканной обстановкѣ, как отец, так и мать ея были талантливыми писателями своего времени и она одинаково легко сочиняла как стихи, так и прозу.

Дни ея жизни совпали с рѣдким расцвѣтом в Китаѣ поэтическаго творчества, что давало для ея остраго ума и насмѣшливаго пера («кисти») неисчерпаемый матеріал для критических, часто весьма суровых, отзывов о творествѣ других современных ей поэтов и поэтесс.

Вообще она была женщина не только крупной индивидуальности, но и поразительных особенностей независимаго характера.

Как отмѣчает, современный нам, извѣстный ученый и философ д-р Ху-Си, она была всегда просто и естественно откровенна, смѣла в мыслях и не колебалась рассказывать, в своих повѣствованіях, обо всѣх своих увлеченіях, радостях и огорченіях.

Среди других сочиненій она написала книгу «Об азартной игрѣ» и, в предисловіи к этому своеобразному

труду, мы встрѣчаем такую, характерную для этой писательницы, сентенцію:

«Я люблю игру, ея азарт! Я так обожаю всѣ виды игорнаго азарта, что могу ночами не спать и, играя, забывая о пищѣ. И я всегда выигрываю, по каким-бы ставкам игра не велась — по крупной или скромно. Почему? Потому что я изучила каждую игру до деталей, знаю душу азарта. Послѣ того как разразилась война и мы были вынуждены эмигрировать, в тѣх перепитіях бѣженства, которыя выпали на мою долю, на югѣ я растеряла всѣ свои наборы для игр и теперь я рѣдко играю. Но я никогда не переставала размышлять об азартных играх».

В Китаѣ до послѣдних, самых послѣдних десяти-лѣтій, всегда, как тысячу, так и сто лѣт тому назад, для женщины было трудно, а иногда и совершенно невозможно получить образованіе.

Тот-же извѣстный современный философ, ученый и писатель д-р Ху-Си говорит:

«Часто спрашивают, как много женщин в Китаѣ прошлаго получали законченное образованіе? На этот вопрос трудно отвѣтить удовлетворительно. Все зависѣло от тѣх возможностей к образованію, которыя представлялись семьей.

«В семьях с литературными традиціями, как правило, и дѣвочки получали, хотя-бы элементарное, образованіе и знакомились с начатками литературы. Можно только сказать, что женщины, рождавшіяся и проводившія свои молодые годы в долину Ян-Цзе-Цзяна имѣли больше возможностей, как впрочем и мужчины, развивать, путем образованія, свои умственные способности».

Нѣсколько лѣт тому назад г-жа Чен-Сюй, супруга бывшаго китайскаго посланника в Римѣ, несмотря на свой почтенный возраст, ей было семьдесят лѣт, опубликовала труд: «Библиографія трудов женщин-писательниц на протяженіи послѣдних трехсот лѣт».

Для составленія своей «Библиографіи» и на предварительное собраніе сырого фактическаго матеріала по библиотеками, частным книгохранилищам, г-жа Чен-Сюй потратила около десяти лѣт.

Ея книга была весьма сочувственно воспринята китайским ученым міром и, согласно данных этой библиографической статистики, оказывается, что за триста лѣт

в Китаѣ писало и печатало свои произведенія 2310 женщин, при чем 32% общаго числа писательниц падает на уроженок провинці Цзянсу, 30% на Чжэцзян, 5% на Аньхуй, 4% на Фуцзянь и 3% на провинцію Хунань.

Из трех тысяч литературных произведений, отмеченных и описанных в Библиографіи, 99 проц. составляют литературныя произведенія, нѣсколько работ посвящено математикѣ, одна медицинѣ, шесть исторических трудов и около двѣнадцати посвящено философіи и классической литературѣ.

Точность и достовѣрность данных в указанной Библиографіи, в отношеніи распредѣленія писательниц по провинціям, подтверждается еще и тѣм, что статистика мужских печатных трудов так-же указывает на то, что наиболѣе продуктивными были тѣ писатели, которые также проживали в долинѣ великой Голубой рѣки, равно как на тѣ-же районы падает и наибольшее количество литераторов, философов и ученых мужского пола.

В современном Китаѣ мы так-же, конечно, встречаем цѣлый ряд женщин, играющих крупную роль в литературѣ, в общественной жизни и в политикѣ.

Из послѣдней категоріи достаточно назвать, всѣм извѣстную, г-жу Сун Ят-сен и послѣ смерти мужа оказывающую замѣтное вліяніе на ход политических событій, как-бы мы не относились к лѣвизнѣ ея убѣждений, укажем также на извѣстную женщину-адвоката г-жу Суо Мэ-цзен, которая занимала недолго даже пост председателя китайскаго суда на международном селтльментѣ в Шанхаѣ, а, потом, была назначена совѣтником мукденскаго краевого правительства при маршалѣ Чжан Сюэ-лянѣ, являясь крупной работницей в руководящих центрах партіи Гоминдан, а также г-жу Надин Хуан, бывшую в 1927 г. личным секретарем председателя лекинскаго кабинета министров Пан-Фу и имѣвшую почетный чин полковника китайской арміи. Весьма значительна роль и г-жи Чжан Кай-ши исключительно свѣтски образованной и обаятельной женщины, блистающей и своей красотой.

Нѣсколько иное представленіе о положеніи современной китайской женщины, в особенности из рабочаго класса, создается, если почитать, всегда пристрастные и рѣдко объективно достовѣрные, труды совѣтских социологов и публицистов.

В частности, извѣстная коммунистка Фанни Боро-

дина, жена бывшего диктатора Кантона Михаила Бородина, опубликовала послѣ бѣгства из Китая статью на интересующую нас тему: «Женщина Китая».

Подходя с большевицкой мѣркой к затронутому вопросу она говорит:

«Феодальные обычаи-законы тщательно оберегались всеми эксплуататорами. На основаніи этих законов сложился бытовой уклад крестьянской деревни. В этом укладѣ женщина расцѣнивается не выше рабочей скотины и никаких прав не имѣет. Мужчина — глава семьи. Он распорядитель, хотя-бы и не многих матеріальных благ. Он владыка над тѣлом и душой своей жены и дочерей.

«Нищета, скудость крестьянскаго бюджета, разныя бѣдствія, которыя совершенно выбивают его из колеи (засуха, наводненіе, пожар, гражданская война) часто заставляют главу дома прибѣгать к крайнему средству — к продажѣ своих дѣтей в рабство, к продажѣ или сдачѣ в «аренду» своей жены.

«Спрос на живой товар в Китаѣ поддерживается, как, впрочем, и вездѣ, наличіем имущих классов и освященной стариной системой конкубината (наложничества).

«Продаваемые дѣвушки и малолѣтнія дѣвочки поступают из деревень в городскіе публичные дома или в дома богачей, собирающих большой гарем для своих утѣх. И там и тут проданная дѣвушка (или дѣвочка) становилась полной рабой своего хозяина.

«В Китаѣ до сих пор существует профессія посредников или перепродавцов живого товара, которые разъѣзжают по деревням и скупают дѣвушек.

«В Хэнани, раззоренной безконечными гражданскими войнами, сложилась недавно такая поговорка: «В Хэнани трудно найти курицу, но за то легко можно купить дѣвушку. При чем за дѣвушку платят не дороже, чѣм за курицу».

«Брак в феодальных условіях Китая — по мнѣнію Ф. Бородиной — мало чѣм отличается от продажи в рабство. Глава семьи получает за невѣсту извѣстную плату. Он сговаривается непосредственно с родителями жениха. Дѣвушка, вступившая в брак, становится рабой своего мужа.

«Таков — сокрушается гр. Бородина — порочный круг китайскаго быта. Лишь в городах он начал подвергаться измѣненіям.

«Будучи рабой, крестьянка, особенно на югъ, несет на себѣ всѣ тяготы домашней работы и работы по сельскому хозяйству. Зимой она корпит за тончайшей вышивкой, за плетением кружев, за тканьем, чтобы заработать нѣсколько копеек для пополненія бюджета семьи».

Надо-ли добавлять, что вся указанная статья, страдающая неточностями, полна, в дальнѣйшем, обѣщаній, что коммунистическая партія, кромѣ прочих благодѣяній, несет с собой «раскрѣпощеніе китайской женщины».

Здрово и трезво подходит к вопросу о женских достиженіях в Китаѣ уже цитированный нами ученый д-р Ху-Си, который говорит:

«Несмотря на всѣ шоры и путы, китайская женщина не уставала в борьбѣ за свое положеніе и добилась достойнаго ея мѣста в семьѣ, в обществѣ и в исторіи.

«Она была хозяйкой в домѣ и она правила государством. Она много цѣннаго дала литературѣ и прославила себя в изящных искусствах.

«Но, превыше всего, она учила и формировала характер и душу своих сынов, чтобы быть тѣм, кѣм они были. И если она не дала больше, то, может быть, потому, что Китай этого не заслужил».

ГЛАВА VI.

Быт городского обывателя.

Как протекает жизнь современнаго горожанина-китайца, из болѣе или менѣе зажиточнаго элемента.

Прежде всего отмѣтим, что в городах побольше, дома, теперь, строятся китайцами для себя, преимущественно, в европейском стилѣ

Европейцы, живущіе в Пекинѣ, напримѣр, больше держатся за старо-китайскій стиль жилых построек, чѣм китайцы.

Европейцы в Пекинѣ, гдѣ «кулер-локаль» все еще всевластно доминирует, несмотря на сосѣдство с отъединенным от остальной древней столицы городком сугубо — европейскаго, трогательно старомодно-европейскаго «посольскаго квартала», стараются селиться в условіях, а la Китай:

Это значит, что снимается, за баснословно дешевую плату, цѣлое помѣстье в лабиринтах безконечных «ху-тунов», узких, послѣ сильнаго дождя, часто непроѣзжих, едва замощенных, пекинских переулочков, отгороженное от сосѣдних зданій низким, глухим забором, который скрывает все, что находится внутри.

В заборѣ имѣются ворота, — тяжелыя двери из тяжелых, толстых, старых досок, на желѣзном или чаще мѣдном засовѣ. Ворота увѣнчаны иногда небольшою, но тоже тяжелой, типично-китайскою, крышею, с характерно-загнутыми вверх краями.

Послѣ унылаго переулочка, с улицы, то пыльной, в палящей лѣтней день, то замершей под дождем, в мѣсивѣ непролазной грязи, вы попадаете чаще всего в са-

дик, гдѣ сразу вас охватывает тишина, зелень платанов и акацій, гдѣ уши ваши наполняются немолчным звоном цикад, без которых нельзя себѣ представить лѣтній Пекин и сразу вы чувствуете себя если не в другом мірѣ, то в полном отмежеваніи от обычного городского міра Пекина. Здѣсь дом не «крѣпость» обитателя его, а мѣсто уединенія и покоя.

Вмѣсто одного дома, как во всем остальном мірѣ, в Пекинѣ перед вами ряд домов. Земли здѣсь не жалѣли, потому и раскинулся, на такія пространства, этот удивительный город, влюбляющій в себя иногда чужестранцев до того, что они забывают родину и остаются здѣсь до конца дней своих.

Каждый пекинскій дом — низкій, в один этаж, с китайской, крытой черепицей, крышей, с китайскими, четырёхугольником, окнами, затянутыми, вмѣсто стекла, — рисовой бумагой, при чем эта бумага идет за деревянным переплетом іероглифического узора, играющаго роль оконной рамы.

В домѣ одна, двѣ, много три комнаты и часто в одном «домѣ» у богатаго иностраннаго резидента Пекина — столовая, в другом домѣ, через каменную дорожку гостинная, в третьем спальня и дѣтская... Так-же, конечно, живет и большинство зажиточных китайцев, у которых европейцы снимают описываемые нами дома-помѣстья.

Современных, вообще европейских, удобств никаких, а если имѣются, то они оборудованы европейцами, но, за то, всюду и вездѣ, есть электричество, как электричество есть во всѣх, сколько-нибудь крупных, городах Китая и даже в сосѣдних с большими городами деревнях — китайцы очень любят свѣтъ, пользуют массу электрических лампочек, при свѣтѣ спят, при слѣпящем свѣтѣ электрических иллюминаторов торгуют, кушают, елушают музыку, читают, отдыхают, зная цѣну самым слѣпящим, самым потрясающим и ошарашивающим свѣтовыми эффектами рекламам.

Но сами китайцы все-таки теперь любят селиться, гдѣ можно, в домах европейской стройки, любят жить на концессіях, в условіях прочнаго порядка, поддерживаемаго иностранной полиціей, строят на концессіях себѣ особняки и виллы, быстро привыкают, входят во вкус современных технических усовершенствованій городской

и домашней санитарии.

При чем, как народ древней культуры, они не переживают новшества «по обезьяньи», а как-то естественно и по праву, просто и умѣло, переносят в свой быт блага европейскаго матеріальнаго прогресса.

Вот вы живете в террасах, дом в дом с китайцами, иногда вы один, с вашей европейской квартирой, вкраплены в китайскую среду и ни они на вас не обращают вниманія, ни вы не чувствуете каких-либо неудобств от того, что слѣва и справа от вас, перед вашей квартирой, сзади ея, всюду и сплошь, помѣщаются китайскія семьи.

Вы живете так мѣсяц, год, два и даже не отличаясь наблюдательностью, становитесь в концѣ концов осведомленным, как и чѣм живет этот, столь отличный в общем от нас во всѣх своих путях мышленія, быта, міровоспріятія, міроощущенія, народ.

Китайцы любят обстановку, знают цѣну обстановкѣ, ставят охотно в дома европейскую мебель, теперь все чаще обставляют то гостинную, то спальню в стилѣ ультра модерн.

Но гораздо характернѣе для китайцев в их домах нѣкоторая пустота в обстановкѣ — у них нѣтъ культа предмета, обожанія старой вещи, нѣтъ преклоненія перед «дѣдовским креслом» или перед диваном только потому, что он «отражает» ту или иную эпоху или сдѣлан в царствованіе такого-то императора. Только коллекціонеры по духу или антиквары по профессіи вырабатывают в себѣ преклоненіе перед старинными вещами.

Пустота в помѣщеніях, что особенно чувствуется в просторных пріемных, до нѣкоторой степени возмѣщается красными досками под потолком, на которых причудливая вязь золотых іероглифов свидѣтельствует о заслугах и добродѣтелях хозяина, которому такая доска могла быть поднесена сослуживцами, подчиненными, благодарными кліентами или просто заботливыми и внимательными друзьями.

А то, просто, с потолка спускаются, вдоль стѣн, полосы свитков, на которых начертаны, черным по бѣлому, мысли древних мудрецов, а, за послѣднее время, в домах преданных поклонников новаго режима, со стѣн, от потолка к полу бѣгут цитаты из книг «отца китайской революціи» д-ра Сун Ян-сена.

Китаец видит в іероглифѣ не только то смысловое

понятіе, которое ієроглиф в себѣ заключает, но еще и картину изображенія мыслей графическим путем, полный тайны символ или подлинную тайну до предѣла сконцентрированной и углубленной души.

Китаец может, внимательно и любовно, всматриваться в начертанія линий, ища в них, помимо явнаго, особый тайный смысл, который любили и умѣли вкладывать ученые каллиграфы прошлаго, в свои замысловатыя писанія.

В китайском домѣ есть как и у нас прислуга, чѣм дом богаче, тѣм прислуги в нем больше — прислуга, которая готовит пищу, которая ходит за дѣтьми, стелет широкія, под балдахинами, постели, исполняет черную работу, но у китайцев нѣтъ такого рѣзкаго дѣленія прислуги по профессіям, как в Европѣ — лакей, дворецкій, нянька, гувернантка и т. д.

Однако у прислуги у самой есть свои традиціи — исполняющій чистую работу, бой, не станет дѣлать черную работу, за кули, и часто норовит этим кули командовать, отдавая распоряженіе в той-же манерѣ безапелляціоннаго приказа, как это дѣлают ему его господа.

Прислуга в китайском домѣ есть прислуга, не члены семьи, но социальныя перегородки между нею и хозяевами не так высоки, как у иностранцев, обращеніе болѣе простое, отношенія болѣе ровныя и равныя, чѣм у нас.

Прислуга у европейцев, живущих в Китаѣ, как прислуга во всем остальном мірѣ, работает, в общем, столько, сколько принято работать за то скромное жалованіе, которое ей платится — повар, умѣющій готовить, получает в предѣлах от 20 до 40 мекс. долл., бой от 18 до 25 и 30, на своих харчах, шоффер долларов сорок, кули 10 — 15, цифры эти очень относительны, варьируются в зависимости от города, от колебаній спроса и предложенія и даже сезона.

В Шанхаѣ есть первоклассныя, богатѣйшіе отели, в которых «бойки» получают всего по восемь долларов жалованія в мѣсяц, остальное подрабатывая чаевыми, тоже, в общем, скромными.

Но в китайских домах прислуга получает меньше, чѣм в европейских, а работает больше.

Может быть это объясняется тѣм, что китайцы лучше умѣют подбирать себѣ прислугу.

Готовя пищу китайцы (рѣчь идет все время о людях среднего достатка, которых большинство), предпочитают пользоваться своими китайскими жаровнями, рѣже ставя газовыя или электрическія плиты.

Мужчина в домѣ доминирует, он, по утрам, уѣзжает на службу, в контору, в банк, на завод на рикшѣ или на автомобилѣ, дома без него остаются и почти всегда находятся на лицо — женщины, дѣти, прислуга. Вернувшись со службы глава семейства или отдыхает или, по достатку, идет развлекаться, забирая не только жену, но подчас и дѣтей.

Гости бывают, но «забѣганіе» одной дамы к другой дамѣ, в промежуткѣ между посѣщеніем магазинов или, просто, от нечего дѣлать, не принято, как у нас.

Дома всѣ домашніе в общем цѣлый день работают, отдыхают только вечером: готовится пища, моются нолы, почти всегда в домѣ-же стирается бѣлье, которое, тут-же, вѣшается для просушки на длинных, бамбуковых шестах, женская прислуга — амы, шьют, чинят, штопают; если нужно поставить новую подметку, приглашается бродячій сапожник.

А когда день трудов закончен, когда всѣ насытились вечерним «чи-фаном», то, в теплую погоду, всѣ выходят, посидѣть около своих домов, при чем, в этом случаѣ, прислуга нерѣдко, сидит, хотя и в нѣкотором отдаленіи, но, тут-же, вмѣстѣ с *господами* (слово, кстати сказать, совсѣм неприложимое к китайскому быту).

Китайцы любят не столько музыку, сколько звуки, поэтому грамфон или радіо может играть веселые мотивы с раннего утра, фокстрот или мелодію из популярной голливудской, поющей картины.

Очень любят китайцы играть в мачжан — своеобразный шум тасуемых на столѣ костяшек этой увлекательной игры, которая иностранцев может втягивать в свой азарт с меньшей силой, чѣм китайцев, слышен и из китайских квартир и из-за стѣн, закрытых на ночь, китайских лавок; «рѣжутся» в мачжан иногда всю ночь на пролет, до самого утра.

Китайцы очень азартный народ.

Вообще, у новичка в Китаѣ может создаться впечатлѣніе, что китайцы это «безсонная» нація — они поздно засиживаются за мачжаном, поздно кончают парадные ужины, любят посидѣть с «синг-сонг герлами»,

как здѣсь всѣ зовут дѣвушек пѣвичек; молодежь в особенности по долгу засиживается в дансингах, до полицейскаго часа.

Но это не совсѣм и не всегда так, потому что разсѣянный образ жизни ведут процентов двадцать городскаго населенія — обладатели легких денег, просто бездѣльники и безпечные люди, — люди, живущіе нетрудовым доходом, проживающіе наслѣдство и тому подобное — весь-же основной пласт городскаго, не говоря уж про деревенское населеніе, идут спать между 9 и 10 час. вечера и встают «с пѣтухами», во всяком случаѣ очень рано.

У китайцев в отношеніи ѣды нѣтъ такого рѣзкаго различія сервируемых блюд, как у нас — утром одна пища, в полдень другая, обѣд отличается от ужина и т. д. Они и утром, часто, вкушают то-же самое, что под вечер, непремѣнной и существенной частью всякой ѣды у большинства китайскаго населенія является питательный и неприѣдающийся им рис.

Китайцы довольно охотно пускают в свои дома постояльцев, снимающих комнаты, иногда в комнатѣ селится, в зависимости от достатка, цѣлая семья, иногда живут по двое или по трое молодых студентов или дѣвиц, учащихся в разнаго рода средних, полусредних и высших учебных заведеніях.

Имущество у таких студентов состоит из пары чемоданов, кромѣ китайскаго одѣянія есть у тѣх, кто побогаче два, три европейскіх костюма, связка книг, немудрыя картинки, чтобы повѣсить на стѣну и эта молодежь, которая воспитывается, кромѣ школы, главным образом на кинематографѣ, не прочь распѣвать дома в свободное время фокстроты. Они веселые ребята, довольно общительные, в портовых городах почти всѣ они говорят или объясняются на англійском языкѣ, вкусив обильно от благ и зол европейской цивилизаціи.

Но ученіе и внѣшнее благонравіе в домашнем быту может отлично уживаться с исповѣдываніем крайних политических убѣжденій, с печатаніем коммунистических прокламацій на самодѣльном гектографѣ и даже с расклейкой их, на зарѣ, по улицам иностранных концессій, гдѣ это гораздо мягче наказуется, чѣм, подчас, на китайской территоріи, по сосѣдству.

Статистика послѣдних лѣтъ показала, что настроенія китайскаго студенчества рѣзко измѣнились влѣво, что

тѣ, кто в 1927 году безоговорочно стояли на сторонѣ національной арміи, партіи Гоминдан, генерала Чжан Кайши, теперь, тайно или явно, исповѣдуют коммунистическую идеологию.

Сказывается это даже на внѣшнем обликѣ — немногіе, но, все-таки, довольно часто в городах попадаютъ молодые адепты московской вѣры, которые и на жарком югѣ носят сапоги бутылками, под московских революціонеров, отпускают волосы на головѣ не то под Карла Маркса, не то под Добролюбова и хранят в чемоданѣ, старательно упрятанными в укромный уголок, открытки с изображеніем Ленина и Сталина.

Поворот городской молодежи к коммунизму объясняется, с одной стороны, тѣми интригами и нестроением в верхах правящей партіи, которые стали хроническим явленіем на протяженіи послѣдних пяти-семи лѣтъ, а также и тѣм, вполне естественным, духом молодого задора, протеста и экстремизма, который свойственен молодежи вообще и всегда и во всѣх странах.

Заканчивая главу о бытѣ городского, средняго класса, необходимо упомянуть, что китайцы любят ходить в магазины и довольно щедро в них покупают, хотя, вообще то, они очень расчетливый и, на счет трат, осторожный народ: у них есть двѣ крайности: скряги и моты.

Китайцы, как ни как у себя в странѣ патронируют, буквально, десятки тысяч магазинов, магазинчиков и лавок, в которых число приказчиков и мальчиков на обученіи всегда больше, чѣм покупателей и которые, все-таки, тѣм не менѣе, существуют годами, безспорно извлекая какую-то прибыль, не смотря на свирѣпую конкуренцію сосѣдей.

В Китаѣ, и до сих пор во многих городах существуют спеціальныя кварталы, даже цѣлыя улицы, которыя торгуют предметами одного порядка — улица мебельных магазинов, улица художественных вещей «кьюрио», улица магазинов, торгующих исключительно мануфактурой и т. д.

В Шанхаѣ, на Ейтс род, напримѣр, один за другим тянутся извѣстные среди модниц лавки нижняго, шелковаго, дамскаго бѣлья, вырабатываемаго по послѣдним парижским моделям.

Не могут пожаловаться на свои дѣла и большіе

универсальные магазины, которые приобретают товары из первых рук, многие товары импортируют из Европы и Америки и клиентами которых являются не только массовый, китайский покупатель, но и все большее количество иностранцев, в особенности из числа наших соотечественников — эти универсальные магазины почти всегда ставят цены хотя и немного, но, все-таки, ниже, чем в иностранных торговых предприятиях.

Хочется в заключение отметить также, что городские китайцы большие поклонники парфюмерии и разные благовонные запахи играют значительную роль в домашнем быту городского населения.

Существует специальная уличная профессия по продажам бутоньерок пахучаго, даже прянаго, китайскаго цвѣтка «ба-ле-хо», который женщины вкладывают себѣ в волосы, мужчины носят в петличках халатов, у ворота, а, нѣкоторые, просто держат в рукѣ и, время от времени, жадно вдыхают.

Китайская женщина умѣет цѣнить и понимает толк в косметикѣ, китайскіе мужчины, в особенности тѣ, кто помоложе, даже «бои» в домах увлажняют волосы на головѣ пахучими мазями, так что на диво правильные проборы городских франтов почти всегда блестят бриллиантинном и распространяют сладковатый аромат пряной китайской парфюмерии.

ГЛАВА VII.

Китай деревенскій.

Как и Россія, — Китай, по преимуществу, страна деревенская. Небольшіе городки внутри Китая чаще всего представляют собою ни что иное, как двѣ, три деревни, соединенных вмѣстѣ.

Конечно, и в Китаѣ, несмотря на его 450.000.000 толщу населенія, скученность и перенаселенность, есть не мало пустырей, но когда вы передвигаетесь по шоссе-ским дорогам, слѣдуете в поѣздѣ или плаваете по рѣкѣ, вашим глазам предстают безконечные просторы тщательно воздѣланной земли.

Ровными, словно по линейкѣ вымѣренными, параллельными рядами тянутся пашни, которыя смѣняются огородами, злаки произрастают даже на склонах гор, во всем и всюду видна кропотливая работа человѣка, и вам кажется, что Китай представляет собою сплошную пашню, что это рай для земледѣльца и что, во всяком случаѣ, китайскій крестьянин самый трудолюбивый на землѣ.

Земледѣльческая культура Китая дѣйствительно древняя, и Китай деревенскій это дѣйствительно подлинный Китай. На протяженіи столѣтій, нѣтъ, тысяч лѣтъ, китайскій крестьянин опытным путем достиг того, что европейскому крестьянину дала наука; и традиціи китайскаго народа, подлинный лик націи сохраняет, конечно, деревня, а не город.

Если, как мы отмѣчали выше, современный нам прогресс за послѣдніе 30-40 лѣтъ значительно измѣнил, модернизировал фізіономію китайских городов, особенно портовых, то в отношеніи деревенскаго Китая показанія

С. Георгіевскаго, писавшаго в восьмидесятих годах свою книгу, почти полностью совпадают с трудом молодых китайских ученых I. К. Лян и Л. К. Дао, которые совместно выпустили на англійском языкѣ книжку: «Village and Town Life in China».

В отличие от модернизированнаго города, гдѣ основы семейственнаго уклада начинают все явственнѣе подтачиваться, в Китаѣ деревенском, иными словами, подлинном и необъятном Китаѣ, семья все еще, как и прежде, на протяженіи вѣков, остается центром, вокруг котораго вертится все — жизнь живых ея членов, культ умерших, земледѣліе, немудрая торговля, густой, своеобразный быт, празднества, обряды, радости, горе, благополучіе, нищета, вся, словом, социальная и хозяйственная, структура класса самого многочисленнаго, самого крѣпкаго, самого основнаго для Срединнаго государства — китайскаго крестьянства.

Деревня в Китаѣ как при императорах, так и в нынѣшній республиканскій період, всегда была по своему автономна, любила и отстаивала свою независимость.

Чиновники-ли прежних богдыханских префектур, или нынѣшніе представители гоминдановскаго режима, хотя они и надѣлены по буквѣ закона неисчислимыми полномочіями, от сбора налогов и вынесенія судебных приговоров, до регулированія цѣн на рынкѣ и чуть-ли даже не до провозглашенія погоды, но, фактически, все ограничивается сбором, часто выколачиваніем, налогов, ибо очень часто не чиновник, а семья выносит судебное рѣшеніе в отношеніи того или иного нарушителя норм обычнаго права, хотя и не писаннаго, но строго блюдомаго крестьянством своего закона.

Деревня сама регулирует свою торговую дѣятельность, охраняет промышленное производство, если такое имѣется, входит в контакт с сосѣдними деревнями и близь лежащими городами, как на почвѣ взаимных хозяйственных интересов, так и в цѣлях самообороны.

Деревня сама чинит дороги, в которых она нуждается, строит мосты, если в них заинтересована, устраивает ярмарки-базары, поддерживает религиозный культ почитанія предков, содержит школу, имѣя внутри себя не мало частных, почти всегда добровольных, ассоціацій, которыя и руководят жизнью деревни, очень часто представляющей собою, в сущности, одну, сильно разрос-

шуюся, семью, на что указывает часто название деревень, по фамилии основателя рода.

Китайцы не любят постороннего вмешательства в их внутреннюю жизнь, и, будучи органически склонны к самоуправлению, выработали тот строй связи деревни с городом и государством, который скорѣе напоминает отношенія британских доминионов с короной, чѣм отношенія внутри централизованнаго государства, хотя-бы и с широкими правами для органов мѣстных самоуправленій.

В деревнѣ и до сих пор все остается как было прежде, за исключеніем, конечно, тѣх районов, гдѣ владычествует или владычествовала власть китайских «совѣтов» и гдѣ значит свирѣпствовала в той или иной формѣ классовая борьба, уничтоженіе деревенскаго «кулачества», проводился красный передѣл земель и т. д.

Каждая семья это, прежде всего, независимая социальная единица, гдѣ ex-officio власть принадлежит отцу, авторитет котораго среди членов семьи, живущих вмѣстѣ, непререкаем, но гдѣ фактически центром домашней жизни является мать.

Именно мать рѣшает, когда ребенок должен начать ходить в школу, мать находит для сыновей невѣсту, мать дает согласіе на замужество дочерей и, конечно, на ней лежит не только наблюденіе за домашним хозяйством, но и за соблюденіем всей обрядовой стороны семейнаго уклада.

Книга семейных законов: «Цзя» может быть как таковая и недоступной для непосредственнаго ознакомленія неграмотной матери, правящей дѣлами семьи, но мать и неграмотная знает на память всѣ церемоніальные обряды: как справляется свадьба, как совершаются похороны, какія почести надо оказывать тѣм или иным членам семьи, иногда на столько многочисленной, что, повторяем, вся деревня состоит из дальних родственников.

Книга современных китайских изслѣдователей г. г. Лян и Дао рѣшительно опровергает, распространенное на Западѣ, представленіе о том, что положеніе женщины в современной китайской семьѣ незавидно.

Даже, в деревнѣ, которая живет традиціями далекаго прошлаго, мать семейства находится на одном положеніи с отцом, и, в случаѣ смерти матери, члены осиротѣвшей семьи носят тот-же самый траур, какой полагается носить по отцѣ. Прежде, дѣйствительно, когда

дѣвушка выходила замуж, она обязывалась оказывать меньше почтенія своим родителям, чѣм родителям мужа, и книга правил Ли-цзы предписывала, чтобы замужняя дочь носила траур второй степени по своим родным и первой степени по родным мужа, но, в наше время, эти правила утеряли свою повелительную силу.

В деревнѣ до сих пор строго блюдетсѧ древній обычай недопустимости прекращенія рода, так как деревня по сей день хранит свяшенную вѣру в культ предков, который повелѣвает, чтобы душа покойнаго ублажалась поклоненіем прямых наслѣдников.

Пусть тѣло вѣчно спит, душа все-таки живет при тѣлѣ, как сознательное и самостоятельное существо.

Удовлетвореніе потребностей души усопшаго естественно ложится на того, кто к усопшему, при жизни его, был всего ближе — говорит Георгіевскій.

Так как душа не прекращает своего посмертнаго существованія и вѣчно требует удовлетворенія своих потребностей, то отсюда является необходимость, чтобы цѣль лиц, преемственно приносящих душѣ жертвы, не прерывалась.

Усопшему отцу должен приносить жертвы его старшій сын, и этот послѣдній обязан оставить по себѣ также сына, как жертвоприносителя своему отцу и всѣм восходящим членам фамиліи. Неугасаемость рода по прямой нисходящей линіи гарантировала таким образом посмертное благоденствіе усопших предков. Между ними и их живущими на землѣ потомками существуют взаимно-обязательныя отношенія: живые должны удовлетворять усопших, чтобы не лишить их посмертнаго благоденствія, и тѣм самым не навлечь на себя их кару. Усопшіе-же, за приносимыя жертвы, обязаны ниспосылать потомкам свое благословеніе и оберегать их счастье.

Из сказаннаго ясно почему, если в семьѣ нѣтъ мальчика, то берется пріемыш, при чем по обычаям однѣх деревень пріемыш должен принадлежать к тому-же самому роду, а, по обычаям других деревень, для усыновленія могут браться дѣти со стороны.

По китайскому обычному праву собственность семьи, движимая и недвижимая, принадлежит отцу, а, по его смерти, она переходит к старшему сыну. Если-же семья распадается, прекращает свое существованіе, то все имущество семьи дѣлится поровну между сыновьями.

Этим, главным образом, и объясняется, что жилищная семья в китайской деревнѣ почти всегда в меньшинствѣ.

Говоря о китайской деревнѣ, нельзя обойти молчаніем храма предков, мѣста, в котором не только почитаются души усопших, но и справляются обряды и церемоніи округи, а также почти всегда по сосѣдству с общим храмом, располагается базар.

Храм предков должен быть общій, но каждой семьѣ не возбраняется имѣть дополнительно свой собственный небольшой алтарь, для ублаженія памяти болѣе близких родственников.

Храм предков ставится обычно на восток, и может быть трехзвенным или однозвенным, в зависимости от матеріальнаго благостоянія деревни. Храм, устраиваемый на возвышеніи, представляет собою обыкновенную комнатку с двумя, обращенными на юг, дверями. От дверей спускаются двѣ лѣстницы, восточная и западная, на небольшой дворик, обнесенный оградой. В этой оградѣ, прямо против храма, воздвигаются главныя входныя ворота. Около храма, на восток от него, имѣется помѣщеніе, в котором хранятся жертвенные сосуды, одѣянія и вообще всѣ тѣ предметы, которые потребны при жертвоприношеніях.

Вся принадлежащая храму территория отдѣляется от сосѣдствующих жилищ четырехугольною стѣной, с обыкновенными входными воротами.

Внутри храма, у сѣверной стѣны, помѣщается длинный стол, на котором располагаются шкафы с табличками, *чжу*. Перед этим столом другой стол или четыре отдѣльных стола, на которыя во время жертвоприношеній ставят кушанья, предлагаемыя в жертву духам. Посреди храма помѣщается возвышенный квадратный стол, крытый чаще всего красными, шитыми золотом или из парчи, покрывами и на него ставятся курильницы и свѣчи.

Таблички предков располагаются в таком порядкѣ: сперва покойнаго отца и матери, потом дѣда и бабушки, прадеда и прабабушки, еще дальше прапрадеда и его покойной супруги.

Таблички имѣют не только спиритуалистическое, но и прямое практическое значеніе, потому что наследственности старозавѣтный Китай придавал большое зна-

ченіе. Так, напримѣр, при помолвкѣ должен был выполняться и сейчас выполняется в семьях, живущих традиціями прошлаго, „сянь-дай“ доклад о родных до третьяго поколѣнія. Перед тѣм, как объявить помолвку, каждая сторона посылает секретных агентов разузнать о „сянь-дай“ другой стороны, если он еще не извѣстен.

Домашній храм имѣл и имѣет священное значеніе в глазах китайцев. Что принадлежит храму, того нельзя ни продать, ни употребить для нужд семейства. В прежнее время, когда на деревнѣ случался пожар или ей угрожал налет разбойников, семья должна была прежде всего спастись не свое имущество, а храмовое, и главным образом таблички с именами усопших родителей и предков.

Хотя с годами, в современной нам китайской деревнѣ храм мало по малу начинает терять свое всевластное религіозное значеніе, хотя ежегодные празднества в честь божества, которому посвящены храмы, все больше вырождаются в гражданскіе праздники и рядом с храмом горят вечерами веселые фонарики и идет торг на ярмаркѣ, но все-таки и по сей день деревенскій храм остается центром не только религіозной, но и общественной жизни. Отсюда исходят сношенія с другими деревнями и центральными властями, здѣсь рѣшаются недоразумѣнія и улаживаются ссоры. Возглавляющіе храм деревенскіе старшины признаются центральной властью, как надѣленные довѣріем крестьян авторитетные представители деревни и хотя правящая партія Гоминдан, реализуя совѣтскіе образцы борьбы с религіей, как «опіумом для народа», прилагает всѣ усилія к тому, чтобы отдѣлать религіозныя функціи храмов от социальних, и, тѣм болѣе, административных, все-таки в деревнях, не тронутых коммунизмом, храм продолжает играть весьма важную роль.

До самого послѣдняго времени выборные старшины храма вѣдали и самообороной деревни, привлекая по одному человекѣ от каждой избы, для поддержанія общественнаго порядка, при чем в случаях крайней необходимости, когда к деревнѣ приближаются разбойники-хунхузы, храм давал средства для самозащиты всѣм членам деревенской общины мужского пола начиная от 16-ти лѣтняго возраста.

Храм в лицѣ выборных до самого послѣдняго вре-

мени заботился в деревнях и на счет образованія ребят, особенно начальнаго, бесплатно лечил и ухаживал за больными, содержал на свои средства хроников и играл большую роль в экономикѣ деревни, так как помимо земельных надѣлов, располагал рядом других источников дохода.

Базар по сосѣдству с деревенским храмом, помѣщаясь на землѣ храма, приносит храму доход, взимаемый со всѣх, посторонних деревнѣ, торговцев. Стекающіеся для выполненія требъ с округи к храму вѣрующіе, оставляют свои пожертвованія, кромѣ того и самый храм может быть сдан в аренду, на год, тому, кто даст большую сумму, как арендную плату за эксплуатированіе храма. Если к этому добавить, что каждый деревенскій храм, равно как и кумирни отдѣльных семей, располагают собственными земельными надѣлами, которые могут быть арендуемы безземельными крестьянами, то понятно, что в наиболѣе многочисленных и богатых приходах с зажиточным населеніем храмы могут собирать довольно большія средства, часть которых идет на филантропическія и просвѣтительныя нужды.

В административном отношеніи деревня (в Шаньси другой порядок) дѣлится на ряд районов, от шести до двѣнадцати, болѣе или менѣе одинаковых размѣров, соотвѣтственно размѣрам земли, которой деревня располагает и количеству населенія деревни. В среднем, китайская деревня имѣет от 200 до 500 душ, при чем каждый район управляется выборными, в количествѣ от двух до трех человек. Каждый глава семейства несет обязанности, налагаемыя на него деревенским обществом. В деревнѣ есть и почетные старики, которых всѣ знают и к которым обращаются за совѣтом. С их мнѣніями считаются не только сами крестьяне, но и власти. В прежнее время совѣт старѣйшин деревни почитался в особенности при императорском режимѣ, высшим авторитетом деревни. Нынѣшнее правительство усиленно хлопочет над тѣм, чтобы перестроить социальную структуру китайской деревни, на основах однотипнаго самоуправления; проектов создано не мало, опубликовано положеніе о сельско-хозяйственных союзах, но деревенская стихія в основѣ своей консервативна, держится за раз установленный порядок и трудно воспринимает и усваивает новшества гоминдановских чиновников, пусть проникну-

тых лучшими намѣреніями, но часто лишь поверхностно и книжно, по интеллигентски, знакомых с вѣковым укладом китайской деревни.

Хотя совѣтская литература о Китаѣ усиленно напирает на существованіе в китайской деревнѣ осознавшего себя класса помѣщиков-землевладѣльцев, «джентри», и на наличие в деревнѣ кулаков-эксплоататоров, но наши наблюденія говорят скорѣе за то, что типичным во всяком случаѣ наиболѣе численным кадром деревенских жителей, на всем пространствѣ Китая, является класс хуторян тружеников, страдающих от скученности, от малоземелья, от засух и наводненій больше, чѣм от помѣщиков-землевладѣльцев.

Отец крестьянин, как правило, является землепашцем, сыновья слѣдуют его примѣру. Если у главы семьи своей земли нѣтъ, он воздѣлывает землю деревенскаго храма или надѣл алтаря своих предков или берет в аренду землю от частнаго собственника, такого-же крестьянина чаще всего, лишь побогаче, может быть кулака, но не представителя джентри в европейском смыслѣ.

Мать, дочери и невѣстки исполняют, всѣ вмѣстѣ, работы по домашнему хозяйству, готовят пищу, стирают, обшивают, ходят за скотом, работают в огородах, занимаются рукодѣліем, часто на продажу, а, в случаях крайней бѣдности, идут в город, в прислуги или поступают на фабрики и заводы. Заработок всѣх членов семьи, живущих вмѣстѣ, поступает матери, каждый член деревенской семьи живет не только и не столько для себя, сколько для семьи, но не смотря на эту патриархальную зависимость всѣ члены семьи почитаются в китайской деревнѣ равноправными, обязанности каждаго младшаго члена семейства к старшим строго регламентированы, но во всем остальном личная свобода сохраняется.

Характерной особенностью китайскаго уголовного законодательства является институт семейной отвѣтственности, который хотя и не подтвержден новым законом, но все еще существует, теперь уже больше в силу обычая, а не судебной санкціи.

Семья отвѣтственна за преступленіе каждаго отдѣльнаго своего члена. Размѣры отвѣтственности различаются по видам преступленій. В серьезных случаях, как, на примѣр, измѣна, преступленіе одного члена может повлечь за собою крупное наказаніе, падающее на всю

семью, независимо от пола и возраста.

Надо-ли говорить, что до сих пор китайская деревня живет суевѣрїями и подвержена власти всяческих слухов, иногда самых невѣроятных. Когда развернулись военныя дѣйствїя японцев на сѣверѣ Китая, а, потом перекинулись в февралѣ 1932 г. в Шанхай, по деревням то и дѣло распространялась тревожная вѣсть, что японскїе агенты отравляют воду в колодцах.

При засухѣ или длительных дождях, грозящих наводненїем, деревня всегда, и по сей день, прибѣгает к ритуалам умилоствленїя божеств, вѣдающих небесами, описанїе которых значительно увеличило-бы эту и без того обширную главу.

Но общїй, внѣшнїй вид китайской деревни чрезвычайно привлекателен. Достаточно выбраться на пять, на десять верст от города, даже от таких крупнѣйших центров, как Шанхай или Пекин, чтобы тотчас-же почувствовать себя в обстановкѣ и атмосферѣ вѣкового, нетронутого современностью, Китая.

Современность почти не наложила здѣсь своего отпечатка: тѣ-же двухколесныя арбы, при чем колеса тяжести и прочности необычайной, с поперечинами, крест на крест, заклепанными густо гвоздями с широкими шляпками, арбы, удивительно напоминающїя колымаги монгольских завоевателей.

Дороги, за исключенїем тѣх, которыя проложены за послѣднїй десяток лѣт для нужд автомобилизма, это тоже древнїя дороги вѣковѣчнаго Китая: на столбовых дорогах вдруг, среди деревенскаго убожества, мраморный мост с ажурным переплетом перил или, наоборот, вмѣсто моста, для того, чтобы укрѣпить трясину, низкіе мѣста устланы квадратными плитами, как паркет, одна к другой, по которым, так и чувствуется, что сотнями лѣт двигались люди и караваны, шлифуя гранит.

Деревенскїя постройки неказисты, чаще всего это мазанки, улицы узки, мазанки закоптѣлы, тут-же в уличной пыли, на солнцепекѣ, или под тѣнью раскидистых плаганов, копошатся голые или полуголые ребятишки, вмѣстѣ с людьми и скот, ѣдят всѣ, пока тепло, на улицѣ, пруды и запруды в зелени водных трав и зыбучей тинѣ, которая кишит разными видами особых желудочных паразитов.

И, все-таки, вопреки всему; над деревенским Китаем

царит такой покой и на его просторах разбросано столько волнующих красот, что напряженные нервы городского путешественника сразу успокаиваются и на душу нисходит благодатный покой.

Становится понятным, чѣм и как жила именно здѣсь возвышенная душа Конфуція и его послѣдователей, который был не только философом и законодателем, но и тонким эстетом, умѣвшим цѣнить жизнь и смаковавшим ее во всѣх ея проявленіях:

— В богатствѣ и бѣдности, при дворѣ и в хижинѣ селянина, в пышности княжеских церемоній и в тишинѣ воздѣланных трудом полей, над которыми опрокинуто бирюзовой чашей небо солнечнаго Китая.

2.

Как ни развита торговля в Китаѣ, какіе успѣхи не дѣлает индустриализація, земледѣліе все-таки является основой народнаго хозяйства.

Правда, даже при отмѣчаемом нами развитіи сельскаго хозяйства, Китай не в состояніи пропитаться тѣм, что собирает со своих полей: ввоз продуктов питанія составляет весьма крупную статью дохода в поступленіях морских таможенъ, что с точностью было констатировано специальнымъ обслѣдованіем, произведенным за послѣдніе годы. Хотя тѣ-же обслѣдованія, достаточно неожиданно для китайскихъ экономистов, обнаружили фактъ значительныхъ цифр вывоза из Китая сельско-хозяйственныхъ продуктов, тогда как прежде господствовало убѣжденіе, что Китай поглощаетъ едва-ли не все, что производит. Но так сложилась конъюнктура современнаго міроваго хозяйства, что страны, как Китай, Россія, Японія и другія, вынужденныя ввозить, за недостаткомъ своих, продукты питанія из-за границы, сами, в свою очередь, продолжаютъ неуклонно выкачивать из себя тѣ самые продукты, в которыхъ столь нуждаются.

Д-р Форке опредѣлялъ в «Das Chinesische Finanz und Steuerwesen» общую площадь земель собственнаго Китая, обрабатываемыхъ населеніем, приблизительно в семь милліоновъ „циновъ“, что составляетъ около 44 милліоновъ гектаровъ. Эта площадь представляет, в сущности, небольшую часть территоріи Китая, всего около 16% и населеніе которое занято сельскимъ хозяйством, по даннымъ Н. И.

Кохановскаго, нѣсколько впрочем устарѣлым, равняется, в среднем, 200 милліонам человѣк.

При указанной весьма, в сущности, ограниченной площади земель, культивируемых крестьянством, только безграничное трудолюбіе и предѣльная нетребовательность населенія дают возможность вырабатывать продукты сельско-хозяйственнаго труда, которых так или иначе хватает не только для самих производителей, для городского населенія и даже на вывоз. Объясняется указанное обстоятельство еще и тѣм, что почва Китая исключительно плодородна, климат весьма благоприятный для агрикультуры, и система искусственнаго орошенія, как не примитивна она сама по себѣ, доведена до высокой степени если не совершенства, то распространенія.

Без искусственнаго орошенія ни в центральном, ни в южном Китаѣ вообще было-бы немислимо земледѣліе, так как выпаденіе дождей не обеспечивает необходимаго количества влаги для нормальнаго развитія важнѣйших культур.

Системѣ искусственнаго орошенія, а также сложной системѣ искусственнаго удобренія Китай учился на протяженіи свыше четырех с половиной тысяч лѣт своей земледѣльческой исторіи. Эта исторія, от начала и до конца, самобытна и отличается от опыта всѣх остальных народов.

В античную эпоху земля представлялась китайцам не только средством пропитанія, но и способом перехода от бродяжничества к осѣдлому строю жизни. Китайцы не смотрѣли на землю, подобно русскому крестьянству, что она ничья или Божья. Наоборот, земля всегда контролировалась государственной властью. Сперва земля разсматривалась как собственность государства, потом борьба стремленій и интересов выдвинула институт частной собственности, но никогда в Китаѣ не существовало общиннаго землевладѣнія, столь характернаго для исторіи земельных отношеній в Россіи. За двадцать пять вѣков до Р. Х. земли в Китаѣ или эксплуатировались удѣльными князьями, в порядкѣ пользованія оброчными доходами, или поступали в частную собственность, при чем землей могли владѣть лишь мужчины, в возрастѣ от 20 до 60 лѣт. Нормою надѣла для землепашца опредѣлялось сто *му*. Когда владѣлец земли достигал предѣльнаго возраста в 60 лѣт, земля могла перейти сыну или ближайшему родственнику, с обязательством давать

пропитаніе старику. В 350 г. до Р. Х. в удѣлѣ Цинь былъ сдѣлан рѣшительный шагъ къ признанію права частной собственности на землю. Правительство предоставило каждому занимать в собственность земли по своему усмотрѣнію и в произвольномъ количествѣ, и обводить ихъ межами, а также продавать земли.

Какъ указываетъ нашъ извѣстный оріенталистъ И. Захаровъ в трудѣ своемъ «Поземельная собственность в Китаѣ» («Труды членовъ россійской духовной миссіи в Пекинѣ». Петербургъ, 1853 г., стр. 42-3): попытки всѣхъ послѣдующихъ династій уравнивать в послѣдствіи поземельную собственность и перевести земли из частныхъ рукъ в казну не увѣнчались успѣхомъ и доказали невозможность когда-либо достигнуть этого намѣренія. «Продажа, закладъ и сосредоточеніе множества земель в рукахъ одного владѣльца существовали у китайцевъ во всѣ времена, не взирая ни на какія строгія запрещенія и наказанія».

Проф. Кохановскій правильно отмѣтилъ, что при отсутствіи в теченіи почти всей исторіи Китая глубокихъ внѣшнихъ культурныхъ вліяній, которыя имѣютъ мѣсто при болѣе тѣсномъ общеніи и войнахъ с цивилизованными государствами, порядокъ землевладѣнія и землепользованія в Китаѣ до самого послѣдняго времени, представляется скорѣе продуктомъ естественныхъ и социальныхъ условій своеобразной исторіи Китая.

Служащія для земледѣлія и застроенныя земли в деревняхъ находятся, чаще всего, какъ мы уже имѣли случай указать выше, в частной родовой собственности, под необременительнымъ и почти всегда и при всѣхъ режимахъ только формальнымъ, если не считать послѣдняго коммунистическаго режима, в областяхъ, захваченныхъ красной арміею, контролемъ правительства. Помимо областей, тяготеющихъ къ крупнымъ торговымъ и промышленнымъ центрамъ, землевладѣніе в Китаѣ отличалось и до сихъ поръ отличается отсутствіемъ капиталистическаго предпринимательства, с чѣмъ, впрочемъ, в корнѣ не согласны совѣтскіе экономисты, изучающіе Китай. Совѣтскіе экономисты держатся взгляда, что отмѣченная нами выше необходимость искусственнаго орошенія, предполагая неизбежность созданія оросительныхъ системъ, тѣмъ самымъ предопредѣляетъ (при условіи частной собственности на источники водоснабженія) наличіе водной ренты. Присоединенныя къ землѣ и какъ-бы неотдѣлимые отъ нея соору-

женія ирригаціоннаго порядка, как-то: каналы, резервуары, отводные рукава каналов и т. д. хотя и принадлежат к категоріи основного капитала, но процент с этого капитала попадает, по утверждѣніямъ совѣтскихъ экономистовъ в карман «помѣщика», как не дико звучитъ этотъ терминъ в примѣненіи к китайскому землевладѣльцу.

Конечно, не приходится игнорировать факта, что земельныя отношенія в Китаѣ усложняются водными правоотношеніями. Оросительныя системы и источники воды в однихъ мѣстахъ представляютъ государственную собственность, в другихъ собственность сельскихъ общин, а также пребываютъ и в частныхъ рукахъ. Существуютъ даже товарищества на паяхъ для проведенія ирригаціонныхъ работъ, иногда организаторами водоснабженія выступаютъ акціонерныя компаніи изъ крупныхъ городскихъ центровъ. Оросительныя системы строятъ провинціальныя правительства, международные комитеты по борьбѣ с голодомъ и засухами, в прежнее время на этомъ амплуа выступали зажиточные монастыри и до сихъ поръ еще иностранныя духовныя миссіи интересуются этимъ насущнымъ вопросомъ. Все это вѣрно, но экономическія и правовыя отношенія в Китаѣ такъ сложны и такъ деликатны, что подходить к истолкованію ихъ с одностороннимъ марксистскимъ или московско-коммунистическимъ шаблономъ не приходится.

Надо помнить, что вложеніе капиталовъ в землевладѣніе всегда было, а, сейчасъ, в силу крайней неопредѣленности и измѣнчивости политической конъюнктуры, в еще большей степени является, с коммерческой точки зрѣнія, мало выгоднымъ.

Кромѣ того, как мы покажемъ в раздѣлѣ, посвященномъ вопросу о земельной рентѣ, отношеніе центральной правящей власти не только теперь, при режимѣ партіи Гоминданъ или в эпоху дуцзюната и гражданской войны, но и при императорахъ, к крестьянству всегда было исключительно терпимымъ и широко демократическимъ. Не только нынѣшній республиканскій, но и богдыханскій строй не предоставлялъ никакихъ преимуществъ крупному землевладѣнію и всѣ заявленія на этотъ счетъ со стороны выучениковъ московской экономической науки представляются, при ближайшемъ ознакомленіи, демагогіей. В цѣляхъ политической агитаціи можно оперировать понятіями «китайскій помѣщикъ» и «джентри», но, при объективномъ, тѣмъ болѣе строго научномъ подходѣ, от этихъ предвзятыхъ

умопостроеній мало что остается, так как всякому хоть сколько-нибудь знакомому с китайской деревней, ея бы- том и ея финансами, отлично извѣстно, что земледѣліе в Китаѣ настолько дробно и все, сверху до низу, основано на человѣческом трудѣ, почти всегда при этом трудѣ того, кто и является арендатором надѣла, что эксплуатація крестьянина, арендующаго земельный участок зем- левладѣльцем имѣет свои достаточно тѣсныя и при том специфическія границы.

При чтеніи трудов совѣтских экономистов извѣстная пристрастность и нарочитость их утвержденій сразу всплывают наружу, в особенности, если мы будем пом- нить, что китайское земледѣліе низведено на уровень пропитанія многочисленнаго населенія, при ограниченности и разобщенности болѣе крупнаго землевладѣнія. За исключеніем немногих мѣстностей, в Китаѣ, как отмѣчал еще Н. И. Кохановскій, в 1909 г. в книгѣ «Землевладѣніе и земледѣліе в Китаѣ», значительно преобладает мелкое землевладѣніе. Земля в Китаѣ стоит очень дорого и семья, владѣющая больше, чѣм тремя десятинами земли, может почитать себя вполне обеспеченной.

Принятая в Китаѣ система обязательнаго раздѣла земли между нисходящими потомками мужского пола и пребываніе почти всей массы 450.000.000 населенія на землѣ, поддерживают дробность землевладѣнія. Этим обстоятельством объясняется и тот, на первый раз взгляд, загадочный факт, что когда, послѣ возстанія тайпинов, истреблявших безпощадно цѣлые округа, на опустошен- ные мѣста пришли новые владѣльцы, из сосѣдних мѣ- стностей, не захваченных возстаніем, они по традиціи забирали мелкіе надѣлы, довольствуясь малым, потому что так от вѣка было заповѣдано, с молоком матери было всосано понятіе права лишь на маленькій клочек земли, на котором только-бы прокормиться. А возмож- ности в указанный момент для захвата были легкими, цѣлые округа лежали в развалинах.

Это-же специфическое обстоятельство дает основаніе думать не только нам, но и философу и ученому д-ру Ху-Си, который сейчас очень занят вопросом земельного переустройства крестьян в тѣх районах, которые осво- бождаются и, как он вѣрит, будут освобождаться от вла- дычества красной арміи, что переустройство земельных отношеній удастся провести в Китаѣ без тѣх роковых

соціальных потрясеній и той крови, которая земельная реформа вызвала послѣ февральской революціи 1917 г. в Россіи.

Интенсивность земледѣльческой культуры Китая предопредѣляет два фактора — высокую доходность и также дороговизну земли в Китаѣ, при всеобщей на все остальное дешевизнѣ.

Теперь нам остается изложить возможно нагляднѣе феномен, который интересуется не одних только ученых агрономов, но и широкую публику, — чѣм объяснить, что почва Китая, при низкой, на европейскій взгляд, культурности деревенскаго населенія, остается плодородной, а в нѣкоторых мѣстностях исключительно плодородной, не смотря на тысячелѣтія, протекшія с тѣх пор, как эта почва воздѣлывается.

3.

Самой плодородной почвой в Китаѣ считается «хуан-ту», что в точном переводѣ значит «желтозем», или то-же, что лесс. По данным Н. И. Кохановскаго, лесс покрывает, слоем различной толщины, доходящей до двух тысяч фут, обширное пространство в предѣлах между 99 и 115° долготы и 33 и 41° широты. Желтоземом покрыты провинціи Чжили, Шаньси, Ганьсу, сѣверная половина Шэньси, сѣверная часть Хэнани, обширныя пространства в провинціи Шаньдун, что в общей сложности составляет территорію, превышающую территорію Германіи. Этот желтозем предѣляет производительность китайской почвы, пригодность ея для населенія, здѣсь исключительно густого, а также и исторію указанных районов. Отдѣльными пятнами желтозем доходит до сѣвернаго берега Ян-Цзе-Цзяна, а на западѣ и сѣверѣ даже выходит за предѣлы собственнаго Китая. На восток желтозем простирается до Мукдена.

Среди желтоземных пространств возвышаются горныя вершины, как острова среди моря. Представляя собою почву исключительнаго плодородія, желтозем дал имя главнѣйшей, на указанном пространствѣ, водной артеріи Хуан-Хэ или Желтой рѣкѣ.

Желтозем отличается буро-желтой окраской и чрезвычайной пористостью. В сухом видѣ он легко обращается, если его растирать между пальцами, в тончай-

шую пыль, за исключеніем имѣющихся в нем песчинок. Пыль так мелка, что проникает в поры человѣческой кожи. По данным проф. А. В. Рудакова, окраска лесса в различных мѣстностях Китая имѣет различные оттѣнки, от желтаго до сѣроватаго. Пористое строеніе лесса образовалось как вслѣдствіе тлѣнія заключавшихся тысячелѣтіями в почвѣ растений, так и вслѣдствіе самого происхожденія лесса путем постепенных навѣтранных наносов. Таким образом лесс как-бы символизирует собою исторію китайскаго народа, уходящую в глубь вѣков за четыре тысячи лѣт и далѣе, подобно тому, как іероглифическая письменность, столь характерная для китайцев и столь самобытная, не поддающаяся никаким видоизмѣненіям и, тѣм болѣе, отмѣнѣ, характеризует и отражает в себѣ исторію жизни китайскаго народа от древнѣйших эпох до наших дней.

Вслѣдствіе пористости лесс в его природном видѣ впитывает воду, как губка. Но на дорогах, гдѣ система почвенных канальцев, покрытых, как показывает микроскопическое обслѣдованіе, тонкою корою из углекислой извести, разрушена колесами арб, лессовая почва обращается в уплотненную, мало проницаемую для воды, глинистую массу. К особенностям лесса принадлежит отсутствіе слоев, даже в наиболѣе значительных толщах его, и его свойство давать глубокіе вертикальные обрывы вездѣ, гдѣ соприкасаются два различных уровня земли или гдѣ, под дѣйствіем дождей или иных причин, образовались овраги. Именно в силу указанной особенности лесса горные склоны застѣннаго Китая представляют собою ряд естественных террас, удобных для земледѣлія, всегда покрытых безконечными рядами параллельных зеленѣющих грядок, на которых произрастают злаки: пейзаж, знакомый каждому, кто путешествовал по этой необъятной странѣ и любимый мотив китайских художников.

Даже на исторіи Китая, как мы только что выше отмѣтили, сказывается своеобразное строеніе китайской почвы: пересѣченность лессовых почв Китая, узкія и глубокія впадины, иногда в 50 или 100 фут углубленія, незамѣтныя издали для глаза, имѣют большое значеніе при военных операціях внутри страны и всегда содѣйствовали как не прекращавшимся, на протяженіи сотен лѣт, мятежным движеніям, так и тѣм нынѣшним гражданским войнам, которыя для каждой провинціи за чет-

верть вѣка республиканскаго режима, насчитываются десятками.

В этих-же отвѣсных стѣнах лесса китайцы умѣют выбирать болѣе плотныя массы его, в которых они и вырѣзывают для себя жилища.

Не всегда эти жилища: убогія землянки — дыры. Часто здѣсь-же помѣщаются и присутственныя мѣста деревень из лесса, при чем указанные своеобразныя «зданія» покрываются для прочности, чистоты и предупрежденія сырости, цементом — либо, просто, притираются водою.

Такія жилища отличаются дешевизною устройства, долговѣчностью и нечувствительностью к наружной температурѣ. Достаточно отмѣтить, что в провинціях Чжили, Шаньси и Шэньси милліоны населенія сотнями лѣтъ пользуются такими жилищами — от убогой хижины до помѣщеній богачей, с разукрашенными фасадами и со сводами из обожженного кирпича.

Надо-ли говорить, что лесс исключительно удобен для земледѣльской обработки и обезпечивает почвѣ то плодородіе, которое, вопреки всѣм теоріям европейской экономики, позволяет существовать десяткам милліонов населенія, скученнаго в деревнях и городках сельскаго Китая. Н. И. Кохановскій правильно отмѣчает, что вслѣдствіе своей пористости лесс, если он не утопан, легко вбирает в себя влагу, а равно и тѣ элементы атмосферы, которые возстанавливают производительную силу почвы. Однако, вслѣдствіе той-же пористости и наличія в лессовых толщах глубоких скважин, вода мало удерживается почвой, чѣм и усугубляется пагубное для китайскаго земледѣлія дѣйствіе засух.

Как указывает Рихтгофен в своем трудѣ: «China. Ergebnisse eigener Reisen und darauf gegruendeter». большая часть лессовых полей не удобряется. Удобреніе примѣняется к болѣе цѣнным культурам, в особенности при воздѣлываніи мака. Крестьяне пользуются для удобрения подпочвенным лессом, который они берут тут-же, из вертикальных стѣн его, и разбрасывают тонким слоем на полях. Урожайность лессовой почвы тѣснѣйшим образом связана с наличіем влаги, нехватка которой тотчас порождает засухи, чѣм и объясняется наличіе, из года в год, то тут, то там недородов, принимающих размѣры стихійнаго народнаго бѣдствія и заставивших, в концѣ

концев, иностранныя благотворительныя и миссіонерскія организациі создать постоянную организацию по борьбѣ с голодом в Китаѣ.

Что касается других почв Китая, то их природный состав, послѣ обработки в теченіе тысячелѣтій, не имѣет большого значенія. Все дѣло, как мы указали выше, в климатѣ, в удобреніи и в орошеніи.

Климатическія условія Китая вообще благопріятствуют земледѣлію уже в силу относительной близости к экватору, хотя среднія годовыя температуры в Китаѣ ниже, чѣм в других странах под тѣми-же широтами, а колебанія в температурѣ по временам года болѣе значительны. Отдѣльныя части огромной территоріи собственнаго Китая находятся в различных климатических условіях. Это различіе смягчается, как отмѣчал еще Реклю, тѣм, что климат на сѣверо-востокѣ собственнаго Китая, защищенном с сѣвера возвышенностями, отличается мягкостью, а в среднем и южном Китаѣ, как это не покажется по началу неожиданным, нѣсколько суров. Лѣтнія температуры в Китаѣ умѣряются муссонами, дождями, иногда большой длительности, и испареніем воды с рисовых полей и каналов, покрытых в это время водой.

Умѣренность климата на югѣ Китая обуславливает то, что земледѣльческіе продукты трех южных провинцій не имѣют чисто тропическаго характера, а населеніе этих провинцій, по своему физическому развитію, стоит выше населенія других стран под тѣми-же широтами.

Всѣ, кто живет в Китаѣ, даже в таких европейски-благоустроенных городах, как Шанхай, знают, чѣм, главным образом, удобряют китайцы свои поля. Удобреніе, как мы выше отмѣтили, вообще, играет огромную роль в китайской агрикультурѣ.

Продолжительный опыт научил китайцев чисто эмпирическим путем различать почвы и повышать или воссоздавать производительность их с помощью удобреній. При слабом развитіи животноводства и значительной плотности населенія среди различных матеріалов для удобренія первое мѣсто принадлежит человѣческим выдѣленіям, получившим даже названіе «китайскаго удобренія».

Еще в книгѣ церемоній династіи Чжоу, которая правила Китаем от 1122 по 225 г. до Р. Х., этот вид

удобрения заботливо рекомендуется: «Инспекторы земледѣлія должны наблюдать над тѣм, чтобы не пропадала ни малѣйшая частица, ибо в этом сила и благоденствіе націи. Они должны указывать, чтобы оно собиралось в посуду, в которой должно подвергнуться броженію в теченіи шести дней, послѣ чего его нужно примѣнять, разбавляя десятикратным количеством воды. Для риса его примѣняют при выращиваніи, а не раньше, по мѣрѣ надобности и не болѣе, ибо питаніе нужно давать не землѣ, а растенію: если положить слишком много, оно уходит в воздух. Для земель, не покрытых водою, его кладут к подошвѣ растеній, когда они выходят; ибо если класть его между рядов, то часть была-бы потеряна. Поступая так благоразумно и экономично, его израсходуют мало и получают обильный урожай, и населеніе будет благополучно. В сѣверных провинціях, не имѣющих сбора посѣвов зимою, излишек удобрения должен сущиться, смѣшиваться с землею и в брикетах транспортироваться в южныя провинціи».

Этим указаніям, освященным громадным пространством времени, китайцы слѣдуют и по сіе время. В цѣлях увеличенія запасов туков крестьяне устраивают нерѣдко на своем надѣлѣ, близъ проѣзжей дороги, изящныя мѣста уединенія, снабжая их поэтическими приглашеніями.

Кромѣ того, для удобрения, как указывает Н. И. Кохановскій, китайцы широко примѣняют жмыхи от бобов, поступавшія в большом количествѣ (во всяком случаѣ до нынѣшняго японо-китайскаго конфликта) из Маньчжуріи, а равно всевозможные отбросы растительнаго и животнаго міра, как волосы из парикмахерских, щетину, перья, сожженныя хлопущки, уличный сор, древесныя опилки, известь и гипс из кухонь и старых строеній, сажу, кости, обрѣзки овощей и всѣ прочіе кухонные остатки, рѣчной и прудовый ил, помет птиц и шелковичных червей, вообще навоз, гнилую рыбу и всякаго рода падаля: в этой странѣ ничто не пропадает даром и все утилизируется, даже окурки сигарет, которыя тщательно подбираются на улицах и в зданіях и, как говорят, потом пересортировываются, остаток неискуреннаго табака тщательно отдѣляется от золы и снова идет на приготовленіе дешеваго сорта сигарет.

Вообще, для собиранія и подготовки удобрений служит цѣлая отрасль промышленности, к которой отно-

сится только что указанное тщательное собираніе в городах отбросов, спеціальными мусорщиками, часто малолѣтными дѣтьми, транспортированіе этих отбросов и соотвѣтствующая их переработка на спеціальных заводах: Китай вообще легче всего уподобляется, для нагляднаго сравненія, гигантскому, вѣчно копошащемуся и проникнутому воленціей неискоренимаго здраваго смысла, муравейнику.

Китайское земледѣліе может быть квалифицировано как огородная культура, не только потому, что надѣлы чрезвычайно малы, но и по методам, примѣняемым для обработки земли.

Земледѣльческія орудія просты и дешевы, их не много в крестьянском обиходѣ, они легко чинятся самими землеробами и, на протяженіи столѣтій, они остаются одними и тѣми-же. Обычно вспахиваніе поля совершается сохою или плугом, в которые впрягаются или группы животных, или один мул, вол, осел и даже люди. Во многих случаях поле воздѣлывает мотыкою *чу*. Бороньба производится или орудіем, напоминающим наши бороны, или просто мотыками. Таким образом у китайца имѣется всего три довольно примитивных земледѣльческих предмета: мотыка, выше нами отмѣченная, плуг *ли* и борона *па*. Самым распространенным и чаще всего употребляемым орудіем является мотыка. Для послѣдующих операций над уже созрѣвшим зерном при жатвѣ употребляют серпы, которые напоминают наши косы, но часто можно встрѣтить и примитивный способ выдергиванія растенія с корнями. Молотьба производится цѣпами, вродѣ наших, но для очистки риса от соломы и других примѣсей употребляется особая терка *лун*, а для очистки отрубей пользуют толчею *цзю*.

Благодаря хорошему уходу за полями, на которых почти вся работа производится вручную и на которых руками выпалывается каждая травка, китайскія пашни производят ласкающее глаз впечатлѣніе. Грядковая культура, которая в Россіи стала прививаться лишь к концу прошлаго вѣка, была открыта и примѣнялась Китаем на протяженіи нѣскольких тысяч лѣт.

Размол зерна, и до сих пор производимый во многих мѣстах, в особенности в отдаленных провинціях, на домашних мельницах, дает крайне неудовлетворительные результаты, мука получается плохого качества, вот

почему импорт заграничной муки выражается в крупных цифрах.

Примѣненіе труда домашних животных не обширно, человѣческой труд в сельском хозяйствѣ является главной двигательной силой. Ручными орудіями земля всахивается, вручную производится поливка, сѣмена тщательно перебираются перед посѣвом руками, руками выпалываются сорныя травы и даже при вспашкѣ дѣйствуют руки: или мотыкой или еще примитивнѣе, когда крестьянин, его сын или работник, впрягаются сами в соху или плуг.

При таком характерѣ земледѣлія оправдывает себя и устройство плавучих огородов на плетеных плотах, покрываемых рѣчным илом и укрѣпленных на якорѣ, на широких водных пространствах рѣк. В горах тоже иногда поля создаются искусственно, наноскою земли в мѣшках или носилках.

Интенсивное хозяйство всегда вызывает плодосмѣн. До сознанія необходимости его китайцы дошли, как и до многого, своим собственным опытом, не понимая физиологической сущности плодосмѣна. Для плодосмѣна китайское поле обыкновенно раздѣляется на ряд участков, на которых попеременно сѣют различные сорта растений. Напримѣр: в первый год — просо, во 2-ой — пшеницу, в 3-ій — ячмень, в 4-ый — табак, 5-ый гаолян, 6-ой кукурузу.

Но, характеризуя систему китайскаго земледѣлія в цѣлом, приходится для нашего времени отмѣтить и подчеркнуть его односторонность и рутину. Лучшим доказательством этому служит то, что при страшной скученности населенія, при постоянных, в рядѣ мѣст, недородах и подлинном голодѣ, при дороговизнѣ пахотной земли, часть трудовых сил населенія остается неиспользованной и пополняет собою шайки бандитов, так как значительныя пространства земель пребывают втунѣ, что заставляет всю массу земледѣльческаго населенія вести полуголодное существованіе и питаться зачастую продуктами весьма низкаго качества.

Лѣсоводство, животноводство в широких размѣрах, правильно поставленное и умѣло эксплуатируемое молочное хозяйство, плодовое садоводство на рациональных началах, обо всем об этом, пока что, приходится лишь мечтать. Косность крестьянскаго уклада, отсутствіе учрежденій мелкаго кредита, крайняя недостаточность

средств сообщенія, все это, конечно, служит препятствіем для развитія указанных отраслей земледѣлія. Земледѣліе, от котораго зависит будущее Китая, и которым характеризуется его настоящее, прогрессирует в значительно меньшей степени, чѣм китайская горная и фабрично-заводская промышленность.

4.

Император Шень-Нун, правленіе котораго относят к 2737 — 2697 г. до Р. Х., указал, по степени важности, пять нижеслѣдующих родов зерновых растений: 1) *дао* — рис, 2) *май* — пшеница и ячмень, 3) *цзи* — обыкновенное просо, 4) *шу* — просо с повышенным содержаніем клейковины, и 5) *шу* в другом начертаніи — масличные бобы.

На ряду с этими, китайцы обращивали и другія растения, и нѣкоторые из древних комментаторов включали в классификацію коноплю и другія растения. Но важно установить, что рис всегда шел на первом мѣстѣ. Уже за 2800 лѣт до Р. Х. рис в Китаѣ был распространенным культурным растеніем, говорит Н. И. Кохановскій. В настоящее время рис воздѣлывается во всем собственном Китаѣ и рисовыя поля занимают по меньшей мѣрѣ восьмую часть всей земледѣльческой площади, при этом на югѣ Китая производится двукратный посѣв риса, на одном и том-же полѣ в теченіи года.

Преимущества риса перед другими хлѣбными растеніями заключаются не только во внѣшнем видѣ, лакающем глаз, но и в высоких вкусовых качествах, а также и в том, что воздѣлываніе его не требует сложных и дорогих земледѣльческих орудій. Рис созрѣвает в четырехмѣсячный срок, послѣ чего земля освобождается для новаго посѣва.

Китай нельзя представить без риса.

Всякій, хотя-бы раз побывавшій в Китаѣ, при видѣ щепотки бѣлаго, как снѣг, хорошо провареннаго, крупинка к крупинкѣ, издающаго аппетитный пар риса, тотчас вспомнит Китай, китайскую кулинарію, рестораны и все то специфическое, что остается в нашем воображеніи, как память о Китаѣ.

Рисовыя поля также являют собою своеобразную картину, которую так и хочется назвать типично-китайской. При воздѣлываніи риса зерно сначала промачива-

ется, затѣм густо засѣивается на небольшом клочкѣ земли, с жидким удобреніем. Когда расада достигает шести дюймов, растеньица высаживаются на поле, пропитанное водою. Держа в одной рукѣ расаду, крестьянин идет, не спѣша, по заболоченному полю и на каждом шагу втыкает 4-6 ростков, принимающихся без дальнѣйшаго ухода за ними. Шесть человек, из которых один или два подают остальным расаду, могут в один день засадить три четверти десятины. По данным Williams'a в его классическом трудѣ, урожай риса бывает, в среднем, — сам десять.

Кромѣ риса наиболѣе распространенным в Китаѣ хлѣбным растеніем, воздѣлываемым с самых отдаленных времен, является пшеница (*сяо-май*, мелкая пшеница), из которой изготовляется мука. Пшеница у китайцев бывает озимая *цю-май* и яровая *чунь-май*, затѣм, в наше время, распространены овес *лин-да-май*, гречиха *цзяо-май*; *ситянь-гу*, хлѣбное растеніе, из котораго пекутся булочки. Это растеніе с ярко красными зернами.

Повсюду можно видѣть на полях сладкій картофель *шань-яо*, кукурузу *бао-ми*, бобы *доу-цзы*, горох *вань-доу* и т. д. Обыкновенный картофель не получил большого распространенія среди толщи китайскаго населенія, что же касается до сладкаго картофеля, то он был занесен в Китай с острова Люцон, около 1610 г., китайцы дали ему названіе *бай-шу* и очень к нему пристрастились. Для своего роста сладкій картофель требует теплой почвы и вкусом напоминает каштаны.

Что касается оригинальных плодов и овощей, то хотя китайцы обильно поливают гряды своих огородов жидкими удобреніями и прогулка по огородам требует особой невосприимчивости носа, в Китаѣ вы встрѣтите все, что хотите: лук, чеснок, перей, латук, сельдерей, дыни, тыквы, капусту различных сортов, вплоть до сладкой, китайской капусты, огурцы, помидоры, арбузы, рѣпу, редис, рѣдьку, морковь, салаты, красный перец и тому подобное. Огурцы были занесены в Китай знаменитым генералом Чжан-Цяном во II вѣкѣ до Р. Х., арбузы проникли в Китай в X вѣкѣ из страны Киданей (Восточная Монголія и Маньчжурія).

Фруктовыя деревья растут во всѣх провинціях и многіе виды их издревле свойственны Китаю. В южном Китаѣ растут тропическіе плоды, ананасы, бананы, манго.

Апельсины представлены тремя различными видами. В провинции Фуцзянь кроме обыкновенных растут мелкие, чаще всего сладкие, апельсины, в просторечии известные под именем мандарин. В Амоэ распространен третий вид апельсина, с очень крупным толстокожим плодом, кисло-горького вкуса. За последнее время, в связи с наплывом в Кигай иностранцев, в частности русских, большие шаги сделало разведение винограда. Славится чифусский виноград, из которого готовят ряд вин, в частности коньяк, который, с каждым сезоном, улучшается в качестве.

Говоря о Китае, нельзя не упомянуть о чайном производстве. Чайное растение ча возделывается, главным образом, в провинциях Фуцзянь, Аньхуй, Цзянси, Хубэй, Хунань, Сычуань и Юннань. Климат, почва, уход и обработка собранного листа имеют большое значение для качества продукта. Земля под чайными плантациями тщательно и глубоко раздвливается и удобряется. Тема о чае весьма увлекательная тема, тем более, что с производством чая издавна были связаны русские интересы с китайскими. Ханькоу, на протяжении десятков лет, было центром чайной торговли с Россией и там создано целое поколение русских «чайников», отлично зарабатывавших. Война, революция, закрытие границы, система закупок, применяемая СССР, все это загубило указанную отрасль русско-китайской коммерции.

Тех, кто интересуется серьезно вопросами культивирования чая в Китае, мы отсылаем к интересному труду нашего соотечественника Б. П. Торгашева, бывшего коммерческого агента в Китае, который, в 1926 году, издал в Шанхае в высшей степени обстоятельную монографию: «China as a tea producer», снабженную 59 статистическими таблицами и обширным перечнем литературы о чае.

Б. П. Торгашев отмечает, что, прежде, Китай удовлетворял своими чаями 86% мирового спроса, а, в настоящее время, этот спрос на китайские чаи упал до 20%. Необъятный и, в сущности, невзыскательный русский рынок, после 1917 года в значительной степени оказался для Китая потерян.

Шелководство возникло в самом Китае в очень отдаленные времена. Бретшнейдер в «Botanicon sinicum», Notes on Chinese Botany, from Native and Western Sources.

«Journal of the China Branch R. A. S.» приводит два преданія о возникновеніи шелководства. По одному, сообщаемому трактатом Хуай-нань-вана (2697 до Р. Х.), Яньфей, почитаемая богинею шелка, впервые научила население разведенію шелковичных червей. По сочиненіям же Лу-Ши, времен Сунской династіи, император Шень-Нун (28 в. до Р. Х.) впервые научил население воздѣлывать коноплю и шелковицу, для полученія пеньковых и шелковых тканей.

Цитируя «Очерки стран Дальняго Востока», коллективный труд проф. Д. М. Позднѣева, Н. А. Сетницкаго, В. А. Кормазова и Н. Г. Третчикова (Харбин 1931), на стр. 130 I-го т., мы читаем, что в поздѣйшее время, в связи с развитіем ввоза шерстяных издѣлій, а также вслѣдствіе болѣе широкаго использованія хлопка, китайское шелководство стало падать, но, потом, опять ожилося, в связи с иностранным спросом.

Принято считать, что в Китаѣ около 4 с половиной милліонов семей занято шелководством. Когда то в производствѣ шелка Китай безспорно занимал первое мѣсто, но сейчас это первенство принадлежит Японіи. Есть исчисленія, которыя показывают, что Китай производит, приблизительно, 180 милліонов килограмм коконов, т. е. 28% мірового производства. Существует среди экономистов и другое мнѣніе, что производство шелка в Китаѣ не только не ниже японскаго, но даже немного выше его. Центром шелководства являются провинціи, примыкающія к Ян-Цзе-Цзяну.

Производство шелка особенно распространено в Гуандунѣ и Чжецзянѣ. Для Гуанси производство шелка является новым промыслом, растет оно и в провинціи Шаньси. Китайское шелководство, по условіям примѣняемой в нем техники, стоит весьма не высоко. Производительность итальянскаго шелковичнаго червя считается в четыре раза превосходящей китайскаго. Тѣм не менѣе, климатическія условія для производства и выращиванія шелковичнаго червя в Китаѣ особо благоприятны.

Процесс сбыта шелка сопровождается весьма сильным внѣдреніем в него большого количества разных торговцев и комиссіонеров. Торговля коконами ведется в особых ярмарочных мѣстах. Коконны должны поступать на рынок в сухом видѣ. Печи для сушки и ярмарочныя мѣста находятся во владѣніи шелкоторговцев, которые

устанавливают свои условия и правила сдачи товаров. Они-же снабжают крестьян деньгами на уплату налогов. Задолженность и огромное количество посредников по торговлѣ коконами дѣлают положеніе китайских шелководов очень тяжелым.

Что касается хлопка, то с воздѣлываніем его можно встрѣтиться повсюду в провинціях Чзянсу, Шаньдунь и Хэнань. Меньшее количество его производится в Чжили и в Хубэй, а еще меньше в Чжецзянѣ. Кромѣ этих районов хлопок растет в Шаньси и Шэньси, в провинціях Цзянси и Аньхой. Достаточно пойти, скажем, в Шанхаѣ, гулять за город, что-бы тотчас-же попасть в гущу хлопковых полей и собрать без труда, почти не нагибаясь, бѣлоснѣжные коконы, которые напоминают хорошо свернутый тампон ваты. Различаются два вида хлопка — бѣлый, длинный, лучшаго качества и желтый, короткій, — худшій сорт.

Спрос на хлопок в самом Китаѣ настолько велик, что производитель сравнительно мало заботится о качествѣ его. Китай в настоящее время является третьим, по размѣрам, производителем хлопка, борясь за это мѣсто с Египтом. Сухое лѣто и сырая осень неблагоприятны для урожая.

Подводя, теперь, итоги вышесказанному, необходимо отмѣтить, что поскольку в собственном Китаѣ обычно насчитывается от 56,3 до 55,4 миллионов семей, при чем на отдѣльное крестьянское хозяйство падает в среднем от 5 до 8 душ, мы почитали себя вынужденными самым подробным образом, в предѣлах позволяемых книгой и темой, остановиться на «деревенском Китаѣ», процитировав ряд авторитетных трудов, к которым и отсылаем наиболѣе заинтересованных вопросом наших читателей.

Касаясь важной проблемы дохода отдѣльной крестьянской семьи, особенно в условиях близящагося аграрнаго переустройства Китая в «Очерках стран Дальняго Востока» мы читаем, что доход этот крайне не велик. Огромное большинство крестьян, вслѣдствіе уже указанных выше причин, живет на грани голоднаго уровня.

Доходность земли, в зависимости от мѣстности и условий обработки, весьма различна и колеблется от 8 до 10 серебряных долларов с *му* в сѣверных провинціях и доходит до 15 долларов в районѣ Янцзы.

На югѣ, при двух-трех жатвах, доход с одного *му*

достигает 12-25 долл., а в шелковичной и чайной культурѣ доходит до сравнительно высоких размѣров, до 60-80 долларов при лучших сортах и благополучных урожаях.

Средній же доход от продажи урожая и стеблей на топливо исчисляется, обычно, в 100-160 долларов на среднее хозяйство, причем дополнительные доходы крестьянской семьи, тоже средняго размѣра, не превышают 60-90 серебряных долларов. Данные Международнаго Комитета помощи голодающим по отдѣльным провинціям Хубэй, Чжили, Цзянсу, Аньхой и Чжецзян показывают, что доход в количествѣ меньше чѣм 150 серебряных долларов получают свыше 50% всѣх крестьянских хозяйств (при расчетѣ на семью в 4-5 человѣк). Но эта величина значительно возрастает, составляя в провинціи Хубэй — 82%, в провинціях Цзянсу и Аньхой по 52% и в провинціи Чжецзян — 64 процента.

Другія обследованія показывают, что самый скромный прожиточный минимум китайской семьи составляет 224 серебряных доллара, а голодный прожиточный минимум 157-135 долл. При таком положеніи оказывается, что большинство крестьянских семей живет ниже прожиточнаго минимума.

Совѣтскіе экономисты, не без цѣлей агитации, усвоили весьма мрачный взгляд на современное состояніе сельскаго хозяйства в Китаѣ.

Они утверждают, рѣдко впрочем подводя под свои утвержденія фактической, цифровой матеріал, что производительныя силы китайскаго хозяйства не растут, а падают, происходит не расширенное воспроизводство, а производство на суживающемся базисѣ, происходит упадок сельскаго хозяйства.

Причины мрачно живописуемаго тягчайшаго кризиса эти экономисты усматривают как результат гражданских войн, не прекращавшихся даже в 1931 г., когда вспыхнул конфликт с Японіей и на всем протяженіи 1932 г. не смотря на разгар патриотической агитации и призывы к единенію, общій развал государственнаго аппарата, неналаженность власти и частая смѣна личнаго состава правительств, упадок оросительных систем, наводненія, засухи, бандитизм, все это влечет за собою уменьшеніе посѣвной площади и сокращеніе урожайности.

Далѣе, по мнѣнію московских экономистов, расширение и углубленіе рыночных отношеній все болѣе

обостряет «неэквивалентный обмен» между городом и деревней. Город выкачивает все больше значительных массы земледельческих продуктов из деревни, без соответствующаго эквивалента. В то-же время все больше расширяется внѣшняя торговля, причем все больше возрастает количество земледельческих продуктов, поступающих на внѣшніе рынки. Китай продает плодородіе своей почвы. Агрономическіе убытки китайской почвы все больше возрастают. Борьба против истощенія почвы становится все больше трудной. Ввоз или производство минеральных удобреній, не возмѣщают этих убытков. Во многих мѣстах идет быстрый процесс истощенія почвы. Рента, налог, ростовничество, экспортная торговля подрывают производительныя силы китайскаго сельскаго хозяйства.

Обращают эти экономисты свое вниманіе и на обезлѣсеніе, которое в Китаѣ достигло больших размѣров. По их мнѣнію обезлѣсеніе обозначает, что пахотная земля снабжает населеніе не только пищевыми продуктами, не только сырьем для одежды и обуви, но также и топливом. Обезлѣсеніе, в свою очередь, приводит к измѣненію климата, к нерегулярности выпаденія осадков, с одной стороны способствуя частым засухам, с другой наводненіям, вызываемым проливными дождями.

Отсутствіе достаточнаго количества пастбищ, выгонов и водопоев приводит к тому, что рабочій скот даже в том небольшом количествѣ, в каковом он в Китаѣ имѣется, кормится, в основном, с пахотной земли. Дробленіе и измельчаніе крестьянских хозяйств в современном Китаѣ обуславливает чрезвычайно неэкономное использованіе скота.

Хотя в только что приведенных теоретических построеніях совѣтской экономической мысли на счет сельскохозяйственной конъюнктуры современнаго Китая есть не только противорѣчія, но и много умозрительных положеній, в них имѣется и зерно истины. Дѣйствительность самых послѣдних дѣтъ как-бы подтверждает эту главную марксистскую теорію, трактующую будущее с не меньшей безапелляціонностью, чѣм настоящее.

Не смотря на нехватку пищевых продуктов отечественнаго производства, вывоз их как выше отмѣчалось стихійно возрастает, что повторяем было подтверждено работой китайских экономистов, подведших к серединѣ

лѣта 1932 г. итоги, свидѣтельствовавшіе, что внѣшнеторговый баланс Китая, в смыслѣ вывоза и ввоза земледѣльческих продуктов, является глубоко пассивным.

Стихійныя бѣдствія усугубляют кризис китайской деревни: наводненіе великой Голубой рѣки в 1931 г., не имѣвшее прецедентов в исторіи Китая по количеству пострадавших и по суммѣ погибших цѣнностей, наводненіе Сунгари осенью 1932 г., недороды в рядѣ провинцій, голоданіе, которое к зимѣ 1932 г. начало принимать для нѣкоторых районов все болѣе массовый характер: вот безрадостная дѣйствительность. Раньше, при императорах и в первые годы республики по приказу центрального правительства отдѣльныя провинціи и сельскія общества создавали и содержали цѣлую систему амбаров, в которых хранились запасы хлѣба на случай недорода. Эта система мало по малу выродилась в систему искусственного регулированія цѣн на хлѣб, а, подчас, и в откровенную спекуляцію на голодѣ. Слабое развитіе транспорта, который был добит гражданскими войнами, всегда затруднял перевозку большого количества хлѣба в поражаемая недородом области.

Голодовки, ставшія явленіем хроническим (о них спокойно, холодно и вмѣстѣ потрясающе ярко писал еще Дж. О. П. Блэнд в 1912 г.) уничтожают не только огромныя количества человѣческих жизней, огромное — относительно — количество скота, но очень часто приводят к тому, что не остается даже сѣмян для новаго посѣва, как было в долинѣ Ян-Цзе-Цзяна к зимѣ 1932 г. Вслѣдствіе голодовок огромныя территоріи естественно выпадают из сельско — хозяйственного оборота страны, большія посѣвныя площади превращаются в пустопорожнія мѣста, способствуя росту бандитизма и служа прекрасным агитационным матеріалом для агентов наступающаго китайскаго коммунистическаго движенія.

Натуральные поборы, накладываемые на крестьян как начальниками воинских частей, так и главарями бандитских шаек, также содѣйствуют объденію деревни и усиленію хаоса в сельско-хозяйственной экономикѣ.

Совѣтскіе экономисты особенно напирают на большую роль, какую в жизни китайской деревни играет ростовщическій капитал. который по их мнѣнію почти всегда сочетается, в той или иной формѣ, с торговым капиталом. Они указывают, что ростовщическій процент

мѣняется, по мѣсту и времени, от 24 до 200 и даже 300 процентов. В области торгово — технических культур ростовщичество имѣет особое значеніе. Ростовщик предоставляет займы крестьянам, при условіи разведенія специальных культур и продажи продукта ростовщику, по заранѣе обусловленным низким цѣнам. Ростовщичество, как пишет Л. Мадьяр в книгѣ «Очерки по экономикѣ Китая» (Москва 1930 г.), охватывающее бѣдняцкія и весьма часто средняцкія хозяйства, препятствует выходу крестьянина на городской рынок. «Высокіе налоги, падеж скота, стихійныя бѣдствія, семейныя событія, праздники, недороды, реквизиціи, — всѣ обстоятельства, мѣшающія нормальному воспроизводству хозяйства, толкают крестьянство в руки ростовщика».

В послѣднем случаѣ краски намѣренно сгушены: ибо у Китая особенная статья и, не смотря на тяжесть кризиса, есть данные предполагать, что если не случится соціального, политическаго обвала в Японіи, который скажется во всей вообще Азіи, если Китай в ближайшіе годы не станет ареной наступленія воинствующаго коммунизма с запада, китайское крестьянство как основной класс все таки устоит и выдержит, вопреки мрачным прогнозам московских экономистов.

Но не будем скрывать, что для даннаго момента положеніе, дѣйствительно, мрачно и сложно, на что указывают приводимыя нами ниже как наглядный примѣръ данныя китайскаго экономиста, пожелавшаго остаться неизвѣстным, который производил специальное обследованіе положенія в провинціи Шаньси, еще недавно считавшейся, как в Китаѣ, так и далеко за его предѣлами, образцовой и единственной в своем родѣ.

5.

Широко намѣчавшіяся и еще шире разрекламированныя реформы экономическаго и соціального порядка в провинціи Шаньси, которой много лѣтъ автономно правил маршал Іен Си-шан, приходится теперь признать не оправдавшимися.

Это тѣм болѣе прискорбно, что на протяженіи 1914-1924 г. г. в Шаньси дѣлались неоднократныя, искреннія и честныя, попытки улучшить положеніе, в особенности положеніе деревни.

Как примѣръ неудачи нововведеній в гражданской администраціи провинціи надо указать на реформу сельскаго управленія которая, в концѣ концов, свелась к тому, что с крестьян стали брать в казну больше, чѣм брали до реформы.

Для проведенія реформы и для общаго контроля за жизнью деревни в главном городѣ провинціи, Тайюань, создали отдѣльное Сельское управленіе. Управленіе выработало положеніе, согласно которому каждая сто семейств должны составлять отдѣльную деревню, что одно уже предопредѣлило бюрократическій характер всей реформы.

Всего в Шаньсійской провинціи насчитывалось 10,980 деревень, которыя всѣ были подѣлены на 421 район и распределены между 106 *сянь* или округов. Начальнику cadaго района было положено жалованіе в размѣрѣ от 20 до 40 сер. долл., но тѣ, кого поставили во главѣ администраціи деревень, наиболѣе отвѣтственный элемент, жалованія не получали...

И прежде чѣм крестьянство увидѣло или почувствовало какую-либо пользу от проводимых на бумагѣ, в канцеляріях, реформ оно было поставлено лицом к лицу перед фактом поднятія налогов. По послѣдним статистическим данным ежегодное налоговое поступленіе со всей провинціи выражается, приблизительно, в суммѣ 39,600,000 долл., однако только половина указанной суммы поступает в провинціальное казначейство, остальная половина уходит на содержаніе административнаго аппарата.

К чести этого административнаго аппарата надо впрочем приписать, проведенную в рядѣ округов, кампанію по древонасажденіям, затѣм надо отмѣтить, что до cadaго почти сколько нибудь крупнаго центра в провинціи Шаньси можно теперь достигь на автомобильѣ, но китайская критика указывает по поводу данных реформ, что онѣ, во-первых, значительно облегчали милитаристам военныя операціи в гражданской войнѣ, а, во-вторых, содѣйствовали контрабандному провозу опиума и других наркотиков.

Говоря о положеніи деревни в Шаньси справедливость требует указать также, что, за послѣдніе годы, цѣлый ряд стихійных бѣдствій обрушился на эту, как всѣ ее недѣвно еще называли «образцовую провинцію».

Свыше семидесяти округов, иными словами двѣ трети ея территоріи становились жертвами наводненій и засух, так что недород одно время привел к голодовкѣ шесть милліонов населенія. Не раз начиная с 1927 г. провинція становилась и ареной гражданской войны.

В 1929 г. засуха погубила там урожай хлопка, в общей оцѣнкѣ на 30,000,000 долл. и в этот-же роковой год 800,000 крестьян умерло голодной смертью. Было установлено, что не менѣе 25 округов в юго-западной части провинціи оказались, в результатѣ всѣх указанных несчастій, опустошенными. Цѣна на просо поднялась с 7 долл. до 42 за пиккуль, на пшеницу с 9 до 48 долл. Сѣверо-западные округа провинціи также жестоко пострадали от наводненій.

Не смотря, однако, на стихійныя бѣдствія и разрушенія от междоусобицы цѣнности не снижались, больше того, в нѣкоторых округах земельная рента поднималась выше чѣм, скажем, в провинціи Гуандун, что видно из слѣдующаго сопоставленія:

Гуандун (1916-26) от 60 до 300 процентов.

Шаньси (1919-29) от 150 до 500 „ „ „

Пахотныя земли в Шаньси особенно в хорошей цѣнѣ, обычно от 200 до 350 долл за му.

Но послѣдствія гражданской войны и стихійных бѣдствій губительно сказались на социальной структурѣ мѣстнаго крестьянства. Зарботки пали до послѣдней степени и в Шаньси теперь говорят, что человек стоит столько-же сколько хлѣбное зерно. Ставки на труд невѣроятно низки. Юных дѣвушек и молодых женщин скупали в голодающих районах в рабство или в дома терпимости по цѣнѣ от 2 долл. «с головы».

Имѣется своеобразная статистика, по данным которой на протяженіи зимы 1929-1930 г. г. в Шаньси было продано для указанной цѣли свыше десяти тысяч женщин.

Для наглядности мы приводим точныя, относительно конечно, цифры по округам проданных в рабство женщин.

На юго-западѣ:	округ	Линцин	1,000
	„	Линфен	1,230
	„	Вуньен	1,634
На сѣверо-востокѣ:	„	Дадун	2,050
	„	Тенчен	2,651

Постоянный отлив женскаго элемента из Шаньси

сказался на значительном уменьшении общаго числа женщин в этой провинціи. Согласно послѣднихъ данныхъ Шаньсѣйскаго статистическаго бюро во многихъ деревняхъ отношеніе между мужскимъ и женскимъ элементомъ равно 7 : 5. В такъ называемой образцовой деревнѣ Цинши количество лицъ мужскаго пола 3,627, женскаго 2,577. А средняя для деревень между мужчинами и женщинами во всей провинціи 5: 4.

Нехватка в женскомъ элементѣ дѣлаетъ часто невозможнымъ заключеніе брака, такъ какъ женихъ долженъ вносить выкупъ в суммѣ не менѣе 100 долларовъ. В округѣ Хо-пиенцен, мѣстѣрожденіи маршала Ен Си-шана, который на протяженіи многихъ лѣтъ возглавлялъ и сейчасъ номинально возглавляетъ провинцію Шаньси, стяжавъ себѣ репутацію правителя мудраго и заботливаго, выкупъ за дѣвушку испрашивается отъ 200 до 700 долларовъ. Интересно отмѣтить, что, в свое время, какъ разъ именно в этой округѣ маршалъ Ен Си-шанъ создалъ кооперативное брачное общество для финансированія свадебъ. Самъ маршалъ внесъ в фондъ указаннаго общества 2,000 долл., а каждый членъ этого брачнаго кооператива обязывался вносить по пять долларовъ в мѣсяцъ.

По мнѣнію нашего китайскаго информатора, положеніе крестьянства в образцовой провинціи не смотря на всѣ проводившіяся реформы пребываетъ по сей день в стадіи самаго примитивнаго феодализма. В деревнѣ Цинши, которую мы уже отмѣчали, земля стоитъ гораздо дешевле чѣмъ в Хо-пиенценѣ, а именно отъ 100 до 150 долл. за *му*. Изъ 95,500 *му* пахотной земли, находящейся кругомъ указанной деревни, только 2,000 *му* воздѣлывается самими землевладѣльцами — крестьянами. Вся остальная земля сдается крестьянамъ в аренду землевладѣльцами, которые извлекаютъ изъ этого хорошіе барыши. За аренду землевладѣльцы взимаютъ с крестьянъ годовую плату отъ 7 до 10 долларовъ за *му*, тогда какъ сами платятъ поземельный налогъ провинціальнымъ властямъ всего лишь в размѣрѣ 0,50 цента. Землевладѣльцамъ в этой округѣ принадлежатъ и лавки и мельницы, кстатѣ сказать, весьма примитивной конструкціи, на которыхъ размолъ производится или водяной силой или используя силу муловъ. Крестьяне, которые вѣчно в долгахъ у землевладѣльцевъ платятъ имъ каждый мѣсяцъ отъ 2 до 5 проц., будучи, кромѣ того, обязаны покупать только в лавкахъ землевла-

дѣльцев и молоть хлѣб на их мельницах. Из сказаннаго ясно, что контроль хлѣбнаго рынка находится, таким образом, всецѣло в руках землевладѣльцев.

Китайскій экономист утверждает, что крестьяне в Шаньси из года к году залѣзают в новые долги. Иначе и быть не может, ибо выработка хлѣба с cadaго *му* земли обходится в 20 долл., не менѣе 1 долл. деревенскій налог, 1 долл. стоимость сѣмян, 5 долл. идет на покупку удобренія, от 12 до 13 долл. заработная плата; и крестьянин бывает доволен, если он соберет с *му* от 22 до 27 долл., из каковой суммы приходится платить ренту землевладѣльцу.

В сѣверной и южной частях Шаньси арендуемые крестьянами надѣлы больше, от 25 до 30 *му*. По данным, помѣщенным в газетѣ «Да-Гун Бао», от 12 сент. 1931 г., во время голода налог был номинально сокращен, но как только засуха кончилась налог тотчас же был снова поднят до нормы и на протяжении первых десяти мѣсяцев 1930 г. он был выколочен властями из крестьян не только за 1930 г. но и за два года вперед, 1931 и 1932.

Данія экономической статистики в отношеніи провинціи Шаньси были бы не полны, если бы мы не упомянули, что, согласно официальным сводкам, население этой образцовой провинціи платит ежегодно 70,000,000 долл. налога на опиум, героин, морфій, как в порошок, так и в пилюлях, хотя, по буквѣ закона, ввоз и переправка наркотиков считаются уголовно наказуемым дѣяніем. Иными словами, за наркотики власти Шаньси имѣют приход, в два раза превышающій сумму налогов, поступающих за предметы легальнаго обложенія.

В деревнѣ, в которой жил китайскій экономист в 1930 г. и с условіями хозяйства и быта которой он подробно ознакомился, из 660 крестьян 163 являются жертвами разнаго вида наркотиков. Населеніе тратит на опиум и морфій такую-же сумму, какую принесло-бы воздѣлываніе 3700 *му* земли.

Слѣдующія ниже статистическія данныя дают представленіе о размѣрах провоза наркотиков в провинціи Шаньси.

Морфій и опиум, захваченные центральным Сельским управленіем, не считая наркотиков, конфискованных провинціальным и районными судами:

	Морфій	Опій
1923	21,106 унцій	109,699 унцій
1924	18 070 „	158,680 „
1925	18,500 „	133,449 „
1926	12,652 „	111,496 „
1927	8,842 „	214,047 „
1928	1,502 „	250,258 „

Необходимо отмѣтить, что опій гораздо легче обнаружить и задержать, чѣм морфій, который вырабатывается и транспортируется в разных видах. Нужно также имѣть в виду, что обычно, удается задерживать едва ли не сотую часть всего того количества наркотиков, которые ввозятся в предѣлы провинціи и распространяются по городам и в деревнѣ.

Источник, из котораго мы почерпнули приведенныя выше свѣдѣнія, о положеніи в деревнях провинціи Шаньси, слишком авторитетен, чтобы мы могли не считаться с подобранными фактами и игнорировать указанныя цифры, хотя-бы, в извѣстной степени, они были не всегда вполне точны. Если таково положеніе в Шаньси, то в других провинціях Китая ситуація вряд-ли много лучше. Это, так сказать, обратная сторона медали к тому пейзажу мира, тишины и благополучія, какой оставляет в памяти рядового путешественника картина деревенскаго Китая, с его удивительно воздѣланными пашнями, под которыя использованы даже склоны гор, с его правильными квадратами рисовых полей, в лѣтніе мѣсяцы в своем заболоченном покоѣ напоминающими огромныя зеркала, с его каналами среди поэтически зеленѣющих полей, пагодами, уходящими в нѣжно голубую твердь неба, со всѣм этим благостным, необъятным простором равнин и гор, имя которому Срединное Государство или, как называлось оно до 1912 года: Поднебесная Имперія.

6.

Но провинція Шаньси — не весь Китай. Каково нынѣшнее положеніе в других частях Китая в отношеніи интересующаго нас вопроса о крестьянском хозяйствѣ?

Возьмем провинцію Цзянсу, в которую входит и нынѣшняя столица Китая, Нанкин. По телеграммѣ Рейтера от 12 окт. 1932 г. населеніе деревень, даже сосѣдствующих со столицей, не из завидных. Если здѣшнее

крестьянство не так страдает от бандитских налетов и коммунистических рейдов, если наводнение Ян-Цзе-Цзяна здесь причинило меньше разрушений, чем в Ханькоуском районе, то другая напасть давит под Нанкином земледельца: — это чрезвычайно сбитыя цены на рис.

Для того, чтобы купить сѣмян пшеницы для озимых посѣвов крестьянам приходится продавать рис в двойном, против прежняго, количествѣ. Через нѣсколько мѣсяцев цена на рис обязательно поднялась-бы, но ждать нѣтъ возможности, приходится сбывать рис буквально за гроши. Скупщики хорошо объединены и правительство бессильно бороться с предлагаемыми ими крестьянам разорительными ценами.

Для того, чтобы помочь бѣдѣ правительство, как только разразилось наводнение в 1931 г., оказало посильное содѣйствіе к созданію сельско-хозяйственного комитета помощи. Этот комитет продѣлал немалую работу. На протяжении зимы 1931-32 г. г. комитет организовывал общественныя работы для крестьян, пострадавших от наводненія, чтобы дать части их возможность заработать на существованіе. Через комитет шла помощь пострадавшим пропитаніем и одеждой, комитет строил бараки для бѣженцев из затопленных районов. Часто вмѣсто платы наличными на общественных работах раздавалось зерно для будущаго засѣва.

По веснѣ 1932 г., когда крестьяне стали возвращаться на свои мѣста, сельско-хозяйственный комитет помощи устраивал крестьянам займы зерна. Когда лѣтом выяснилось, что цены на рис до послѣдней степени сбиты и покупать зерно не на что, комитет, по мѣрѣ возможности, выдавал денежныя пособія на покупку сѣмян. Как гарантію для расплаты за сдѣланные крестьянам займы, комитет помощи получал право распоряжаться урожаем, но продавал зерно только при условіи хорошей на него рыночной цены.

Однако эта помощь носит спорадическій характер и едва-ли не ограничивается районами, лежащими в ближайшем сосѣдствѣ с Нанкином. Есть данныя утверждать, что за предѣлами 30 мильной зоны вокруг столицы, помощь крестьянам уже не чувствуется, а нужда там не меньшая, а большая.

По данным из Кайфына, провинція Хэнань, относящимся к срединѣ сентября 1932 г. там, под покрови-

тельством властей, лѣтом шел усиленный посѣвъ мака. В восточных районах провинціи треть воздѣлываемых земель была использована под засѣвъ мака.

На тѣх крестьян, которые отказывались сѣять мак, власти наложили особый «налог лѣности».

Не радостны вѣсти и из Сычуани. Корреспондент «N.C.D.N.» из Ячжоу от 8 окт. 1932 г. рассказывает характерный случай из исторіи войны деревни с городом.

Согласно циркуляра центрального правительства, провинціальныя власти распорядились произвести ревизію мѣр и вѣсов. Указанная реформа коснулась и земельных надѣлов, их также рѣшено было перемеревать. При чем, послѣ новаго размежеванія оказалось, что каждый крестьянскій надѣл вырос, так как ему придали болѣе правильныя формы, прихватив часть пустопожной земли.

Излишек земли власти предложили крестьянам выкупить у правительства, по цѣнѣ в 60 сер. долл. за му. В случаѣ отказа, излишек надѣла объявляется государственным имуществом и власти получают право поступать с ним, как им заблагоразсудится.

Крестьяне сильно взволновались от этого вторженія в их вѣковыя земельныя отношенія и, собравшись большой толпою, набросились на лагерь межевых инженеров. Все, имѣвшееся в лагерьѣ, имущество они разнесли по вѣтру, а палатки сожгли. Были вызваны войска для подавленія мятежа.

Тогда крестьянство прибѣгло к излюбленному китацами способу пассивнаго сопротивленія. Городу был объявлен бойкот, подвоз овощей из деревни на городской базар был прекращен. Городскія власти не остались в долгу. Появился приказ закрыть городскія ворота для жителей сосѣдних с Ячжоу деревень. Чѣм кончилась бы эта своеобразная война деревень с городом не извѣстно, так как в дѣло вмѣшался предсѣдатель торговой палаты, всѣми уважаемый купец, который убѣдил провинціальныя власти не требовать с крестьян платы за дополнительныя прирѣзки земли. Но крестьяне крѣпко держатся за свое и заявили что, если отмѣна проведенія в жизнь новаго закона о выкупѣ прирѣзок носит лишь временный характер, чтобы их успокоить, то, при новой попыткѣ взыскивать с них деньги за прирѣзки, они опять пойдут войной на город.

Таких, и подобных им, примѣров деревенскаго нестроенія можно привести сколько угодно.

Создавшееся в китайской деревнѣ положеніе служит конечно коммунистам отличным матеріалом для агитациі.

В № 164 (2153) «Тихоокеанской Звѣзды» от 22 іюля 1932 г. мы читаем слѣдующую перепечатку из «Роте Фане» корреспонденціи из Китая.

«В одном только районѣ Ухана, — пишет корреспондент германской коммунистической газеты, — я видѣл 300,000 голодающих. Это — пострадавшіе от наводненія. При вступленіи в совѣтскіе районы я замѣтил громаднѣйшую переимѣну. Здѣсь нельзя встрѣтить толп голодных. Получается впечатлѣніе, что наводненіе вовсе не коснулось этого населенія, между тѣм значительная часть совѣтских районов подвергалась наводненію. Что это — чудо? Вовсе нѣтъ. Крестьяне говорят гордо: «у нас совѣтская власть».

«По их словам, — захлебывается от восторга коммунистическій корреспондент, — рѣка разрушила всѣ дома, уничтожила инвентарь, скот, сѣмена и пр. Были разрушены плотины. Сельское хозяйство уже возстановлено; часть сѣмян получена из других совѣтских районов, часть закуплена собственными товариществами. Китайское совѣтское правительство снабдило описываемый район 400 голов скота и построило завод земледѣльческих машин.

«При захватѣ новаго района конфискуется собственность помѣщиков и кулаков и распределяется среди крестьян. Организуются ударныя бригады, соревнующіяся за лучшій урожай. В этих районах отсутствуют ликины (пошлины за перевоз товаров из одной провинціи в другую). Сельхозналог взимается дважды в год, в зависимости от годового урожая крестьян. Урожай ниже 100 долл. освобожден от налога. Богатый крестьянин платит 15 проц., средняк 5 проц., бѣдняк 3 проц. (или ничего), районы подвергавшіеся в прошлом году наводненію в этом году освобождены от налога.

«Красные бойцы освобождены от налога. В каждом селѣ имѣется клочек неподѣленной земли в 20-30 му. оставленный в запас для отсутствующих бойцов. Их обрабатывает населеніе и дает семь десятых урожая семьям отсутствующих бойцов. Три десятых удерживает

правительство для отдачи бойцам по возвращеніи их.

«В совѣтских районах заканчиваются исправленія разрушенных дамб и развивается цѣлый ряд производств (угольное, текстильное, гончарное, обувное, судостроительное и сельско-хозяйственное машиностроеніе). Производится вездѣ крупная культработа.

«Во всѣх совѣтских районах Китая — утверждает этот корреспондент, — кипит хозяйственная и политическая жизнь. Крестьяне, от малаго до старого, усердно принимают участіе в хозяйственном строительствѣ».

Не только для того, чтобы выбить агитационный козырь из рук коммунистов, но и для того, чтобы, так или иначе, разрѣшить земельную проблему в ея цѣлом, національный экономическій совѣт центрального правительства, через Лигу Націй, пригласил двух итальянцев спеціалистов проф. Карло Драгони, одного из руководителей министерства земледѣлія в Римѣ и д-ра Гвидо Перрис, члена интернаціонального института агрикультуры, которые прибыли в Шанхай в серединѣ октября 1932 г.

Проф. Драгони является извѣстным авторитетом в вопросах земельных отношеній и экономики сельскаго хозяйства и, ознакомившись на мѣстѣ с вопросами китайскаго землевладѣнія и землепользованія он, как ожидается, составит доклад, который поможет Китаю разобраться в сущности земельной проблемы и укажет пути к ея разрѣшенію, так как центральное правительство все больше утверждаетъ в мысли, что успѣх борьбы с коммунизмом находится в прямой связи с разрѣшеніем вопроса о землѣ.

Теоретически разсуждая, Нанкин думает, что высокая цѣна земельной ренты, которую платят китайцы-фермеры землевладѣльцам, отсутствіе организованнаго в широких масштабах сельско-хозяйственнаго кредита, ростовщическіе проценты и т. д. и есть тот фокус, вокруг котораго собирается и нарастает недовольство широких крестьянских масс.

Приглашеніе проф. Драгони не является единичным фактом. Китайское правительство поняло, что без экономической реконструкціи страны, без попытки насадить в Китаѣ административную технику Запада, оно не удержится у власти. Вот почему за послѣдніе годы в Нанкин, один за другим, при посредствѣ Лиги Націй,

прибывают иностранные специалисты — эксперты и со-
вѣтники, начиная с комиссіи проф. Кемерера, извѣстнаго
врачевателя больных валют. Улучшеніе путей сообщенія,
предупредительныя мѣры против разлива рѣк, общее
улучшеніе сельскаго хозяйства, реорганизація широкой
и дѣйственной помощи населенію при недородах общее
поднятіе народнаго образованія в странѣ — все это вопро-
сы, которые волнуютъ центральную власть.

В особенности, конечно, назрѣла аграрная реформа.
От двух третей до трех четвертей китайскаго населенія
крестьяне-земледѣльцы, разселенные на территоріи свы-
ше 4,000,000 квадратных миль, если брать Китай, каким
он был до начала конфликта с Японіей, т. е. до 18 сент.
1931 г.

Мір не может оставаться безразличен к тому, в
какія формы выльется аграрная реформа в Китаѣ, кото-
рая предопредѣлит его политическое будущее, поскольку
мы считаем, что в Китаѣ, насчитывается от 400,000,000
до 450,000,000 душ населенія, иными словами 1/5 или
1/6 населенія всего земнаго шара. Если из 30 китайских
провинцій мы возьмем населеніе лишь пяти, то оно
числом своим превысит населеніе Франціи, Германіи и
Соединеннаго Королевства Великобританіи, являясь в по-
давляющем большинствѣ населеніем деревень, а не го-
родов. По статистическим данным, подведенным 15 лѣт
назад, в Китаѣ насчитывалось до 50,000,000 отдѣльных
хуторских хозяйств, подѣленных на крохотные надѣлы:
1/3 надѣлов меньше 2 акров величиной, 2/3 меньше 5
акров и только шесть процентов крестьянских хозяйств
Китая располагают надѣлами свыше 15 акров.

Выше мы описали, как китайское крестьянство ра-
ботает на этих надѣлах, как в потѣ лица своего оно
трудится круглый год, выращивая на сѣверѣ пшеницу
и просо, на югѣ культивируя рис, вѣковыми методами
грядковой, огородной культуры. Если китайскій крестья-
нин и побѣждает в этой неустанной борьбѣ природу, то
эта побѣда стоит ему чудовищных усилій. Технически,
сельско-хозяйственная культура Китая сохраняет до
сих пор всѣ признаки архаическаго земледѣлія.

За исключеніем опытных полей по сосѣдству с
крупными центрами, химія, біологія, сельско-хозяйственныя
машины не примѣняются в Китаѣ, искусственное удобре-
ніе используется лишь в рѣдких и единичных случаях,

отбор сѣмян по качеству носит случайный характер, борьба с паразитами нападающими на злаки примитивна, пользование скотом сведено к минимуму. Если китайское земледѣліе выдерживает борьбу со всѣми этими условіями конъюнктуры до-капиталистической эпохи, то только из за плодородія почвы, благопріятных климатических условій и ни с чѣм несравнимаго трудолюбія китайскаго крестьянина.

Мы отмѣтили также, что в подавляющем своем большинствѣ китайскій крестьянин не только бѣдняк, у котораго ничего нѣтъ про черный день, но он еще задавлен долгами, опутан ими с ног до головы. Крестьяне отдают в заклад жатву на корню, а зимою многіе из них закладывают и тѣ немудрыя орудія сельско-хозяйственнаго производства, которыя у них имѣются. На сѣверѣ Китая задолженность крестьян и зависимость их от землевладѣльца не так их давит, как на югѣ, хотя с каждым годом, как показал примѣр с Шаньси, положеніе крестьянства не улучшается, а ухудшается. Центральная власть, независимо от ея личнаго и партійнаго состава, не может не сознать, что положеніе китайскаго крестьянства можно улучшить лишь в условіях политической устойчивости: примѣненіем научных методов агрикультуры, развитіем системы мелкаго сельско-хозяйственнаго кредита, реформой условій землевладѣнія и землепользованія, стабилизацией цѣн на продукты сельско-хозяйственнаго труда и, превыше всего, скорѣйшим развитіем путей сообщенія, которые связали-бы деревню с рынками сбыта.

Теперь познакомимся с вопросом о земельной рентѣ в Китаѣ, в его историческом аспектѣ. Он тѣсно связан с общим вопросом о фискальном обложеніи в Китаѣ вообще.

7.

Тридцать лѣтъ тому назад проблема національных финансов и налогового обложенія, в ея современном и научном смыслѣ, была неизвѣстна не только широкой китайской массѣ, но и интеллектуальным сферам.

На протяженіи императорскаго періода народ, нація не имѣли никакого касательства к дѣятельности государственнаго казначейства и государственные фонды, во

всѣх их видах, разсматривались едва-ли не как частная собственность правящей династіи.

Император мог распоряжаться государственными финансами так, как это ему казалось наиболѣе цѣлесообразным, не встрѣчая никаких возраженій со стороны миллионов налогоплательщиков. Налоги и подати были чѣм-то вродѣ дани, которая поступала к богдыхану от его вѣрноподданных.

До революціи государственное казначейство, равно как и функціи министерства финансов, сосредотачивались в руках министерства, названіе котораго с упрямой, неточностью переводилось на иностранные языки, как «министерство налогов», будучи, в дѣйствительности, по точному смыслу іероглифов, — «ву-бу»: министерством народонаселенія.

Контролер областных финансов был обязан производить перепись народонаселенія раз в теченіе десяти лѣт и сообщать результаты этой переписи в указанное министерство. Надо-ли добавлять, что эта перепись производилась не в цѣлях статистики, а в цѣлях учета общаго числа податного населенія.

Единственной формой прямого обложенія в дореволюціонном Китаѣ была подушная подать, весьма скромная при разверсткѣ на душу.

Лѣтописное указаніе, относящееся к 1685 году, к 24 году царствованія императора Чунь Хуан-ди опредѣляет населеніе Китая в 23,417,448 человекѣ. Справка лѣтописца через 25 лѣт отмѣчает увеличеніе податных душ на 1,200,000 человекѣ, что позволяет нам предположить, что обѣ цифры далеко не точны и нарочно сокращены, в цѣлях оправдать меньшія, чѣм могли-бы быть, поступления налогов.

Император Чунь Хуан-ди, больше извѣстный под прославившим его именем его правленія Цянь-Лун, был большим путешественником и лично посѣтил семь своих провинцій. Во время этих путешествій император пришел к заключенію, что только часть его вѣрноподданных фактически участвует в платежѣ подушной подати.

Цянь-Лун прославлен в исторіи, как повелитель заботливый и снисходительный отличавшійся великодушіем и широтой взгляда. Придя к заключенію, что и без поголовнаго обложенія населенія, доходов в его казну поступает достаточно, он распорядился, чтобы подушная

подать взималась согласно послѣдней из произведенных до этого указа переписи, а тѣ, кто будут рождены послѣ указаннаго, как рубеж, срока были-бы совсѣм освобождены от подушнаго обложенія.

Хотя указ императора Цянь-Луня был вдохновлен лучшими намѣреніями, но он, все-таки, далек от справедливости, тѣм болѣе, что он не дѣлал различія между богатыми и бѣдными: как тѣ, так и другіе участвовали одинаково в оплатѣ, хотя и скромной, подушной подати, при чем, как видим эта подать падала бременем своим на плечи тѣх, кому труднѣе было ее нести. Вот почему, через десять лѣтъ, в 1723 г., тотчас по вступленіи на престол, император Сянь Хуан-ди, по годам правленія извѣстный под названіем Юн-Чжэн, провел важную реформу в области податнаго обложенія.

Подушная подать была отмѣнена и был введен поземельный налог, который, с тѣх пор, остается в силѣ и по настоящее время.

С тѣх самых пор прямой налог облагает только одних землевладѣльцев. Эта реформа была воспринята современниками энтузіастически.

Принципіальная важность ея заключается в том, что она утвердила положеніе, что только владѣльцы недвижимости обязаны платить прямые налоги центральной власти, тогда как всѣ остальные слои населенія от прямого обложенія в пользу государства освобождаются.

На столько восхищены были китайцы указанной реформой мудраго императора, которая пришла на смѣну подушной подати, не только несправедливой в ея послѣднем толкованіи, но и невыносимо тяжелой для бѣдняков, что память Юн-Чжэня была обожествлена.

Поземельный налог всегда исчислялся в Китаѣ весьма низко. Так, на примѣр, с каждых 12 с половиной му земли, землевладѣлец вносил в фонд государственнаго казначейства один ши риса, что составляло 220 фунтов, при чем истолкованіе этой подати, до низложенія династіи Цинов, было таково, что вѣрноподданнѣй не является собственником земли, которая вся принадлежит Сыну Неба и частью которой каждый отдѣльный владѣлец пользуется лишь в порядкѣ неизреченной милости и благоволенія императора. Таким образом, как видим, до самого 1912 года, в Китаѣ на землю сохранялась типично-феодальная точка зрѣнія.

Так как рис, прежде, стоил весьма дешево, то, по сравненію с нынѣшним налоговым обложеніем, землевладѣлец платил за право пользованія землей очень малую подать, не отражавшуюся на его благосостояніи, как-бы скромно само по себѣ оно не было.

Однако, не надо думать, что правительство взидало плату рисом в натурѣ. Хотя расписка податного инспектора была неизмѣнно выражена в мѣрах на рис, плата поземельнаго налога фактически производилась наличными. Цѣна риса сперва переводилась на серебро (таэли), потом исчислялась в мѣдной монетѣ, чохах (коперах), или долларовых центах, по фиксированному курсу, который, обычно, был нѣсколько выше рыночнаго. При этом обмѣнѣ чиновники никогда, конечно, не дѣйствовали нелицепріятно и размѣн почти всегда производился по курсу, установленному с добровольнаго согласія между фискальным чиновником и землевладѣльцем.

Сбор поземельнаго налога производят по районам при чем фактическими получателями являются особые сборщики, полуофициальныя лица, которыя до самаго послѣдняго времени жалованія не получали, но за то выколачивали, что можно было выколотить, с налогоплательщика. Так как и другія, всякаго рода поземельныя сдѣлки приходилось проводить, пользуясь услугами тѣх-же лиц, то понятно, что при взаимной совмѣстной работѣ землевладѣльцев со сборщиками налога, между ними устанавливались отношенія взаимной поддержки и обоюдных услуг.

Что касается главы округа, то он получал от правительства извѣстное, довольно скромное, дополнительное вознагражденіе, имѣвшее цѣлью компенсировать его за тѣ возможные протори и убытки, которые получались при переводѣ цѣнности риса сперва на серебро и послѣдующем размѣнѣ серебра на мѣдную монету. В концѣ концов от этой многостепенной, насквозь бюрократической, системы никто не был особенно в убыткѣ, но центральная казна, ежегодно, недобирала колоссальныя суммы. Она недобирает их и сейчас — фискальный аппарат очень слабо налажен в Китаѣ.

Если впрочемъ принять во вниманіе, что как до революціи, так и послѣ нея, правительственные чиновники, как правило получали и продолжают получать чрезвычайно низкіе оклады содержанія, при этом, в

особенности послѣ революціи и за годы гражданской войны, долгими періодами жалованіе чиновникам задерживалось или, в нѣкоторых провинціях, совсѣм не выплачивалось, то будетъ понятно, что, безъ указанной системы лицепріятія и сбора поземельнаго, как и другихъ налоговъ, в порядкѣ откупа, правительство, безъ коренной реформы всей фискальной системы, сверху до низу, которая проведена только теперь, не безъ нажима со стороны великихъ державъ, было-бы не в состояніи осуществлять полученіе единственнаго прямого налога, который былъ установленъ двѣсти лѣтъ тому назад и который нерушимо дѣйствовалъ вплоть до гоминдановскихъ реформ фискальнаго аппарата, в большинствѣ остающихся лишь частично осуществленными.

8.

30 декабря 1930 г. (19-го года Китайской Республики) в Нанкинѣ былъ опубликованъ законъ о сельско-хозяйственныхъ союзахъ, дѣйствующій и по сей день на территорияхъ, признающихъ власть центрального правительства.

Какъ гласитъ этотъ законъ, цѣлью сельско-хозяйственныхъ союзовъ является поднятіе экономическаго благосостоянія крестьянскаго населенія, поднятіе культурнаго уровня деревни и улучшеніе условій жизни крестьянства параллельно с развитіемъ сельскаго хозяйства.

Сельско-хозяйственные союзы могутъ учреждать опытные поля, музеи продуктовъ сельскаго хозяйства и музеи земледѣльческихъ орудій, вести изученіе и статистику сельскаго хозяйства и крестьянскаго населенія.

Сельско-хозяйственные союзы должны инструктировать крестьянское населеніе и оказывать помощь правительству и органамъ самоуправленія в нижеслѣдующемъ: 1) улучшеніе почвы и системы орошенія, 2) улучшеніе качества посѣвныхъ сѣмянъ, удобренія и земледѣльческихъ орудій, 3) охрана и разведеніе лѣсовъ, 4) предупрежденіе и борьба с засухой, наводненіемъ и наскоками, 5) распространеніе сельско-хозяйственнаго профессиональнаго образованія и сельско-хозяйственнаго соціальнаго воспитанія, 6) учрежденіе общественныхъ библиотекъ и читаленъ, 7) организація общественныхъ зрѣлищъ и развлеченій, 8) поддержка развитія производительной и

потребительной кооперации, кредитных и складочных операций и других видов взаимопомощи, 9) организация больниц, дѣтских яслей, убѣжищ для престарѣлых и другой помощи бѣднотѣ, 10) хранение и распределение зерновых продуктов, 11) распашка цѣлинных земель и, пункт 12) оказание помощи «во всем прочем, содѣйствующем развитію сельскаго хозяйства».

Сельско-хозяйственные союзы классифицируются: а) сельскіе сельско-хозяйственные союзы, б) районные сельско-хозяйственные союзы, в) уѣздные (окружные) сельско-хозяйственные союзы и г) провинціальные сельско-хозяйственные союзы. В предѣлах одной территоріи может быть только один однородный сельско-хозяйственный союз. Эти союзы координируют свою дѣятельность с министерством промышленности: они непосредственно субординированы министерству земледѣлія и горной промышленности.

Учреждаются сельско-хозяйственные союзы слѣдующим образом: сельскіе и окружные союзы учреждаются по почину болѣе чѣм 50 лиц, обладающих цензом для членов и проживающих на данной территоріи и с согласія болѣе чѣм 1/3 общаго числа таковых. Сельско-хозяйствянные союзы перед своим учрежденіем должны представить устав и испросить разрѣшенія подлежащих контрольных органов.

Членами сел. хоз.-союзов могут быть всѣ граждане республики, проживающіе в предѣлах данной территоріи и достигшіе 20-ти лѣтняго возраста, а также обладающіе одним из нижеслѣдующих данных: 1) имѣющіе земельные участки, 2) крестьяне-батраки обрабатывающіе поля свыше 10 му или усадьбы свыше 3-х му, 3) имѣющіе среднее образованіе и практикующіе в сельских хозяйствах, 4) занятые дѣятельностью, непосредственно связанной с сельским хозяйством. Не могут быть членами указанных союзов лица, лишеныя публичных прав, осужденные за контр-революціонныя дѣйствія, приговор коим уже утвержден и объявленные несостоятельными.

Статья 19 закона гласит: «союзы, нижестоящіе послѣ уѣздных и окружных сельскохозяйственных союзов, имѣют 1 предсѣдателя старостата, 1 товарища предсѣдателя и от 3 до 5 старост, избираемых общим собраніем членов.

Раздѣл VI, статья 28 гласит о финансах сельско-хозяйственных союзов, которые дѣлятся на: а) хозяйственные расходы, возлагаемые на членов и б) эксплуатационные расходы, собираемые сельско-хозяйственными союзами. В случаѣ необходимости допускаются дотации от мѣстных административных учреждений.

В инструкции к введенію закона о сельско-хозяйственных союзах, которая опубликована 31 января 1931 г: говорится, что сельско-хозяйственные союзы, территория коих совпадает с существующим административным дѣленіем, называются соответственно занимаемой территоріи. Союзы, территория коих не совпадает с существующим административным дѣленіем, могут называться иначе, с разрѣшенія подлежащих контрольных органов.

Должностными лицами сельско-хозяйственных союзов могут быть все граждане республики, обладающие, соответствующим законом о сельско-хозяйственных союзах, цензом и достигшіе 25 лѣтняго возраста.

Что касается расходов, которые могут быть вызваны пребываніем в рядах сельско-хозяйственного союза, то инструкция предусматривает, что расходы членов сельских и окружно-районных сельско-хозяйственных союзов не могут превышать 1 (одного) доллара в год.

Должностные лица сельско-хозяйственных союзов несут свои обязанности в теченіе одного года, но допускается и пролонгація.

* * *

Легко законы пишутся, мучительно и долго они осуществляются, это правило остается в силѣ не для одного Китая. А китайцы, что издревле было извѣстно, большіе мастера сочинять законы.

Суровой параллелью к только что процитированым прекрасным и мудрым законам о сельско-хозяйственных союзах служит матеріал, опубликованный в журналѣ «Народная Трибуна» (The People's Tribune), выходящем на англійском языкѣ в Шанхаѣ под редакціей г. Тан Лян-ли и являющемся, как сказано в подзаголовкѣ «органом національно-революционной мысли». Этот журнал очень близок к кругам лойальной оппозиціи нынѣшнему правительству, возглавляемой г. Ван Цзин-веем. Насколько официозен этот журнал показывает, что на

протяженіи 1932 г. на его страницах появились статьи за подписью ген. Чжан Кай-ши, сына «отца китайской революціи» г. Сун-фо, посланника в Лондонъ г. Кво Тай-чи, министра финансов Т. В. Суна, героя шанхайской войны ген. Цай Тин-кая и многих других вождей партіи Гоминдан.

В статью «Экономическій кризис в Китаѣ», ст. ст. 335-337, мы читаем:

Тѣ, кто прибывают из внутренних районов рассказывают об ужасных условіях существованія, условіях, которые трудно себѣ представить людям, проживающим в искусственной атмосферѣ и мирном отъединеніи Шанхая от остальной страны.

Если крестьяне в Цзянсу имѣют еще возможность питаться рисом с одним или двумя добавочными блюдами из овощей, то чѣм дальше внутрь страны, тѣм положеніе тяжелѣе: только счастливые питаются болтушкой из разведенной пшеничной муки и, при том, раз в день. Рядовой народ ѣст смѣсь из муки кукурузы и бобов. Бѣдняки ѣдят отруби и мякину, а, в районах пораженных настоящим голодом, гдѣ ничего съѣдобнаго не осталось, в пищу идут листья деревьев, древесная кора и травы. Большинство крестьянскаго населенія на сѣверо-западѣ Китая дошло до послѣдней степени обнищанія.

Сколько нибудь зажиточное населеніе деревень давно переселилось в города, гдѣ оно может получить хоть видимость защиты от бандитизма. Бѣгство с земли в нѣкоторых районах не раз принимало за эти годы массовый характер. Нѣтъ ничего удивительнаго поэтому, говорит офиціозный китайскій журнал, что в провинціи Шэньси землю можно было скупать по чудовищно низкой цѣнѣ 20 центов за му. Даже по сосѣдству с главным городом провинціи Сіань земля цѣнится всего по 6 долл. за му. А средняя цѣна земли в этой провинціи не превышает 2 долл. Надо ли удивляться послѣ того, что сказано, что за три послѣдних года, в результатѣ засух и наводненій, породивших голод, из девяти милліонов населенія Шэньси три милліона вымерли, а оставшіеся шесть милліонов пребывают в отчаянном положеніи полуголоднаго существованія. Тѣла умирающих остаются без погребенія.

Так оцѣнивал к концу 1932 года офиціальный источник информации о Китаѣ положеніе, создавшееся

в нѣкоторыхъ районахъ его, которое хотя и не характеризуетъ полностью общее состояніе деревенскаго Китая, но, во всякомъ случаѣ, служитъ наглядной иллюстраціей къ тому в какой мѣрѣ прекрасные законы осуществимы сейчасъ не только в теоріи, но и на практикѣ.

В заключеніе главы о Китаѣ деревенскомъ, намъ хочется сказать, что всякое другое государство треснуло бы сверху до низу, развалилось бы на отдѣльныя части и в этомъ оползнѣ, во всеобщемъ наступившемъ хаосѣ, погибли бы если не всѣ, то многія цѣнности исторической культуры.

Однако Китайъ еще цѣл и все еще достаточно крѣпокъ.

Больше того, Китайъ даетъ многимъ право думать что у него впереди не мрачное, а свѣтлое будущее, что онъ идетъ къ своему ренессансу. Учтя печальные факты, которыхъ мы не собираемся отрицать или преуменьшать, мы хотимъ особо и еще разъ подчеркнуть, что, если Китайъ не погибаетъ подъ тяжестью обрушившихся на него напастей и не погибнетъ то, во первыхъ, потому, что къ напастямъ и бурямъ онъ привыкалъ на протяжении 4,000 лѣтъ своей исторіи и какъ-то по особому сжился съ ними, а, во вторыхъ, потому что «разсудку вопреки, наперекоръ стихіямъ» остается непоколебленной необычайная національная жизнестойкость китайской націи, врядъ-ли имѣющая что-либо себѣ равное в исторіи челоуѣчества всѣхъ временъ и народовъ.

9.

Земельный законъ центральное Нанкинское правительство опубликовало 30 іюня 1930 года.

В части I-ой этого закона говорится о сущности закона и его примѣненіи, во II-ой части о регистраціи земель, в III-ей о землепользованіи, в IV-ой о земельных налогахъ, оцѣнкѣ стоимости земли, об оцѣночныхъ поземельныхъ книгахъ, о задолженности по земельному положенію, о сложеніи и сниженіи земельных налоговъ, о налогахъ с отсутствующихъ собственниковъ земель, а часть V-ая гласитъ об экспроприаціи земель, о порядкѣ экспроприацій, о компенсаціяхъ, о расходѣ по переносу сооружений, о жалобахъ в третейскій судъ и, наконецъ, о земельных штрафахъ.

Законъ предусматриваетъ, что ежегодно земельныя учрежденія на мѣстахъ, должны составлять отчетъ обо всей

своей дѣятельности за год, и направлять таковой в центральное Земельное учрежденіе. Последнее, в свою очередь, должно составить доклад об административных земельных мѣропріятіях по всему государству и направить таковой Національному правительству.

Вся земля, подвластная Китайской республикѣ, принадлежит, по буквѣ закона, населенію Китайской республики в цѣлом. Земля, пріобрѣтенная в законном порядкѣ наслѣдіем, является частной собственностью, но права на нѣдра не возникают в связи с пріобрѣтеніем прав собственности на землю (надо полагать «поверхность земли»).

Нижеслѣдующія земли не могут быть обращены в частную собственность: 1) водный путь общаго пользованія, 2) тѣ озера, кои, по естественному расположенію их, находятся в общем пользованіи, 3) дороги общаго пользованія, 4) мѣста родников минеральных вод, 5) водопады, 6) мѣста естественнаго истеченія воды, нужные для общаго пользованія, 7) историческія мѣста и мѣста красивых ландшафтов, 8) земли запрещенныя согласно постановленій других законов к обращенію в собственность.

Земля, не пріобрѣтенная населеніем в законном порядкѣ, считается землей общаго пользованія. Считается также землей общаго пользованія и «черная земля», право собственности на которую утрачено.

По поводу земель, находящихся в частной собственности, мѣстныя правительства, принимая во вниманіе нижеслѣдующія обстоятельства, могут устанавливать ограниченія в отношеніи максимума нормы площади пользованія: а) в виду потребности в мѣстѣ, б) по роду земли и в) по характеру земли.

Сдачѣ в аренду иностранцам не подлежат земли: 1) лѣса, 2) пастбища, 3) мѣста рыбной ловли, 4) мѣста добычи соли, б) копи и 7) мѣста, кои, по стратегическим соображеніям, являются важными для государства, а также и участки пограничной полосы.

Земли, находящіяся в каждом опредѣленном районѣ, районированіе которых не соотвѣствует экономическому назначенію их, могут быть подвергнуты вторичному районированію вмѣстѣ со всей землей даннаго района, при чем послѣ перерайонированія, земля распредѣляется между бывшими собственниками.

При уѣздных земельных учрежденіях организуются

суды по земельным дѣлам, непосредственно подчиненные центральному суду по земельным дѣлам. Споры относительно прав на землю, возникшіе в процессѣ регистраціи, рѣшаются судом по земельным дѣлам. Регистрація произведенная по закону имѣет абсолютную силу.

Во всѣх земельных учрежденіях имѣются регистраціонныя книги и регистраціонныя планы. На каждый земельный участок в регистраціонной книгѣ ведется особый лист. Сооруженія, имѣющіяся на земельном участкѣ, должны быть зарегистрированы в соотвѣтственныя графы показательных признаков земли. Заявленія с ходатайством о регистраціи и справка относительно других прочих прав на землю, со дня принятія таковых, должны быть сохраняемы в теченіе 10 лѣт.

Статья 65-ая отдѣла I-го главы III-ей гласит, что, при возбужденіи ходатайства о регистраціи, должны быть представлены слѣдующіе документы: 1) заявленіе, 2) документы, устанавливающіе основанія для возбужденія ходатайства, 3) документы о правѣ собственности на землю и удостовѣреніе о других прочих правах, 4) всѣ прочіе документы, которые закон обязывает к представленію. Заявленіе должно быть подписано или скрѣплено печатью лица, подающаго заявленіе или его довѣренным, а также свидѣтелями. Если регистрирующійся требует согласія третьих лиц, то при подачѣ заявленія о регистраціи необходимо, чтобы эти третьи лица подписали бы заявленіе или скрѣпили его своей печатью (печать в китайских документах имѣет особо важное значеніе).

Земельное учрежденіе послѣ приѣма заявленія о регистраціи, должно немедленно приступить к разслѣдованію и, в теченіе пятнадцатидневнаго срока, должно закончить разслѣдованіе и составить об этом соотвѣтствующій акт.

Послѣ завершения регистраціи прав собственности на землю, лицу, подавшему заявленіе, выдается свидѣтельство о правѣ собственности. В вышеуказанном свидѣтельствѣ указываются: регистраціонный номер, дата приѣма заявленія, входящій номер, имя и фамилія регистрирующаго землю лица, показательные признаки земли, номер участка и дата совершенія регистраціи.

Послѣ совершенія регистраціи на другіе права, помимо права собственности на землю, регистрирующемуся выдается свидѣтельство о наличіи других прав на землю.

ГЛАВА VIII.

Печатное слово.

Во время обстрѣла японской артиллеріей Чапея, 1 февраля 1932 г. выгорѣла и была наполовину разрушена извѣстная Восточная библіотека, которая находилась на улицѣ Паошан, почти на границѣ китайскаго города и международнаго сеттльмента Шанхая, входя в число зданій, занимаемых огромным типографским и издательским предпріятіем «Коммершал Пресс», отдѣленія котораго были разбросаны буквально по всему Китаю и весь Китай снабжали как писчебумажными принадлежностями, так и книгами-учебниками, дешевыми литературными изданіями на китайском языкѣ для народа, изданіями на англійском языкѣ, памфлетами, календарями и пр.

Восточная библіотека просуществовала 28 лѣт, будучи основана д-ром Чжан Юан-чи.

В ней сберегались не только китайскія книги, но и книги на иностранных языках: согласно статистических данных за конец 1931 года в этой библіотекѣ было 286.000 томов современных изданій на китайском языкѣ, 50.000 книг на европейских языках, 30.000 книг на японском языкѣ, 5000 комплектов карт как географических, так и другого рода, масса фотографических снимков, в том числѣ снимков цвѣтной фотографіи, а также картин и рисунков старых китайских мастеров, всего до 500.000 названій.

Что касается старинных, а потому рѣдчайших изданій то от времен 19-ой династіи Сунов, правившей в Китаѣ с 960 до 1279 г. г. по Р. Х. в библіотекѣ хранилось 2,973 тома, от эпохи 20-й династіи Юань

(1280-1368) было 3,124 тома, династии Минов (1368-1644) 15,833 тома и от последней, 22-й династии Цинов, правившей, как известно с 1644 года по 1911 г. г., хранилось 3,037 томов.

Последним ценным вкладом в указанное книгохранилище была библиотека г. Хо, из Янчжоу, которая добавила к редчайшим старинным изданиям еще 60.000 томов, которых не успели даже систематизировать и разнести по каталогам.

Затем, в этой библиотеке, кроме книг, было редчайшее собрание китайских газет, собранных буквально со всех провинций и за разные эпохи, в том числе два газетных комплекта от времен Юаньской (монгольской) династии, а также 139 комплектов газет от времен знаменитой, до сих пор китайцами высоко чтимой, 21-ой династии Минов.

Всего, в общей сложности, здесь было собрано 25,682 газетных комплекта, не говоря о комплектах иностранных периодических изданий, главным образом от середины прошлого века.

Китайцы с большой душевной болью восприняли известие о гибели этого института и тотчас приступили к составлению специальной брошюры, которая была напечатана и по английски:

— «Описание «Восточной библиотеки» до и после разрушения ее японцами 1 февраля 1932 г.»

Хотя указанное издание носит, в существе своем, агитационный характер, иначе не было бы, во второй части брошюры, обильных цитат из статей, появившихся в шанхайской печати с протестами против бомбардировки библиотеки, можно все таки без оговорок признать, что среди культурной части китайского общества, того круга лиц что определяется термином — *literati* — гибель библиотеки вызвала искреннее и глубокое горе так как редко в какой другой стране так уважают печатное слово как в Китае.

И хотя, безпощадная на счет ходячих мнений, статистика вам скажет, что в Китае имеются и по сей день миллионы безграмотных, вы этого как бы не видите, потому что, то и дело, приходится встречать доказательства от обратного.

Вы видите на улицах батрака, рикшу,пряженного в свои узкия оглоблицы коляски, который, присев на

корточки, у края троттуара, в ожиданіи пассажира, читает дешевую книжку, отпечатанную мельчайшими ієроглифами, от которых сразу рябит в глазах, на почти прозрачной рисовой бумагѣ.

В каждом китайском городкѣ, в каждой деревенькѣ, вы найдете лавки, а если таковых не имѣется, то книжные лари, которые без труда переносятся офенями с угла улицы на угол и около которых всегда толпятся и молодежь и старики.

Ваша прислуга, которая, по сравненію с возницей рикши, с ключником в порту, с матросом на утлой джонкѣ, — всегда грамотна и, на ряду с европейскими газетами в ваш дом, по утрам, всегда приносит и китайскую газету для повара или боя, которая имѣется на всѣ вкусы, на всѣ цѣны, которая, по нашей расцѣнкѣ, стоит, буквально, мѣдные гроши.

В крупных центрах — Шанхай, Пекин, Тяньцзин, Мукден, Харбин, Ханькоу, Кантон выходят десятки китайских газет, нѣкоторыя китайскія газеты теперь уже развернуты в крупнѣйшія промышленныя предпріятія, держателями акцій которых не рѣдко являются и европейцы и которыя приносят солидный доход издателям.

В Шанхаѣ китайскія газеты выходят по нѣсколькы изданій на дню, берут очень высокія цѣны за объявленія и оказывают огромное вліяніе на широкія массы населенія.

Ряд китайских періодических изданій в Китаѣ явно или тайно, субсидируются японцами, в Шанхаѣ есть китайская газета, которая принадлежит одной из католических миссій, наконец существуют, и в большом количествѣ, уличные листки, типичные представители, так называемой, желтой, бульварной печати, которые в Китаѣ опредѣляются термином «комариныя изданія».

«Москиго-пэйперс», как их именуєт универсальный англо-китайскій діалект, — «пиджен-инглишь», живут и порождают сенсаціи. За свои сенсаціи онѣ не всегда отвѣчают, но к ним никто и не предъявляет особых требованій: важно, что бы напечатанное было замѣшано погуще, горячо подано, с перцем пикантных намеков, с кричащими заголовками, которые сочились бы, если не теплой кровью альковных драм, то, хотя бы, скандалом сексуальных и политических разоблаченій (для подобных изданій чистая политика всегда на втором планѣ).

В заключение нашего замѣчанія о китайскихъ газетахъ надо отмѣтить, что весной 1932 года, в Шанхаѣ, при участіи представителей це-ка партіи Гоминдан и центрального правительства было торжественно открыто общество китайскихъ журналистовъ, которое, в своемъ уставѣ, полно благихъ намѣреній поднять не только матеріальный, но и интеллектуальный уровень работниковъ періодической печати, которые, какъ извѣстно, не пользуются, в тощѣ китайскаго населенія, никакимъ особеннымъ нравственнымъ авторитетомъ, такъ какъ, до самого послѣдняго времени, в Китаѣ почти не было независимыхъ изданій, власти и цензура требовали отъ газетъ безусловнаго повиновенія, по суду отвѣчал не только редакторъ, но и издатель, оклады сотрудникамъ, какъ правило, были ничтожными и т. д.

Но печатное слово китайцы чтутъ и уважаютъ, какъ рѣдко кто.

До недавняго времени, почтеніе къ печатному слову было такъ велико, что даже газетную бумагу не бросали в мусорный ящикъ и, если надо было листокъ с іероглифами уничтожить, то его предавали сожженію.

Іероглифъ — это не буква, а образъ. Іероглифъ представляетъ собою одно какое нибудь понятіе хотя читаться, передаваться в звукѣ, онъ можетъ самымъ разнообразнымъ образомъ.

Сэръ Чарльзъ Эллиотъ называетъ китайцевъ «грамматопочтительнымъ» народомъ и вѣрно подчеркиваетъ, что нигдѣ ученая степень не пользовалась такимъ всеобщимъ почтеніемъ, какъ, испоконь вѣковъ, в Китаѣ, нигдѣ в мірѣ нельзя найти столько писанныхъ, всюду и вездѣ на стѣнахъ висящихъ какъ украшенія, в правительственныхъ ли учрежденіяхъ, в торговыхъ конторахъ, в частныхъ домахъ, вплоть до крохотныхъ мелочныхъ лавочекъ — изреченій и наставленій, афоризмовъ, руководящихъ мыслей и добрыхъ пожеланій, какъ в Китаѣ.

В разговорномъ языкѣ Китая исключительное разнообразіе діалектовъ и китаецъ, пріѣхавшій с сѣвера, не пойметъ не только кантонскаго, но и шанхайскаго діалекта.

Странная, на первыйъ взглядъ, китайская письменность, пугающіе насъ іероглифы, служатъ не къ разъединенію, а къ объединенію націи, которая, несмотря на свою расовую гомогенность, говоритъ на несхожихъ между собою мѣстныхъ нарѣчіяхъ.

Іероглифическая письменность одинаково понятна

всѣмъ китайцамъ, она понятна даже японцамъ, которые не говорятъ по китайски и никогда не слышали, не учились китайскимъ іероглифамъ, хотя у нихъ свой собственный и особенный языкъ.

В книгѣ Б. Пильняка, с его путевыми очерками о Японіи: — «Корни японскаго солнца», в особенности в приложеніи к этой книгѣ, написанномъ г. Кимомъ, сказано очень много вѣрнаго, убѣждающаго, почти восторженнаго, о «китайской грамотѣ», к которой рядовой европеецъ относится какъ къ чудовищному пережитку древнихъ, варварскихъ временъ.

Авторы указанной книги зовутъ рѣшительно пересмотрѣть историческое предубѣжденіе европейцевъ относительно «китайской грамоты».

Они говорятъ, что іероглифъ полонъ жизни и выразительности, что, при правильной постановкѣ преподаванія, онъ также легко усваивается и запоминается, какъ алфавитное начертаніе европейскихъ словъ, что іероглифическою записью можно фиксировать рѣчь оратора с не меньшей быстротою, чѣмъ это дѣлаетъ на Западѣ опытная стенографистка и т. д.

Однако надо сказать, что иностранцы, живущіе въ Китаѣ, даже говорящіе по китайски, не проявляютъ никакого особеннаго интереса къ изученію китайской письменности, несмотря на то, что китайскій націонализмъ настойчиво вводитъ теперь эту письменность не только въ обиходъ правительственныхъ учрежденій и суда, но и въ обиходъ торговой дѣловой жизни, требуя, чтобы вся официальная переписка и торговыя книги велись на китайскомъ языкѣ.

Какъ говоритъ А. В. Тужилинъ, в его, ставшей библиографическою рѣкостью, книгѣ «Современный Китай» СПб. 1910 г. II-ой томъ, стр. 169-170

«Китайскій языкъ принадлежитъ къ группѣ языковъ корневыхъ, т. е. не измѣняющихъ окончаній словъ и не имѣющихъ специальныхъ частицъ, предназначенныхъ для показанія взаимоотношеній одного слова къ другому, представляя, такимъ образомъ, первичную (?) стадію развитія языка.

«Есть въ Китаѣ разговорная форма мысли, есть письменная, есть стиль сяо-шо, полуразговорный, полуписьменный, стиль — высокій «вэнь-чжанъ» и древній «гу-вэнь».

«У китайскаго языка нельзя отнять его поло-

жительных сторон, — говорит далѣе А. В. Тужилин, в общем довольно суровый критик китайскаго языка, в каковой общей оцѣнкѣ с ним не согласятся многіе из синологов, — китайскій языкъ выразителен, краток и прост! Китайскіе іероглифы воспринимаются глазами *гораздо скорѣе при чтеніи*, чѣм слова, написанныя алфавитом, так как в самом іероглифѣ уже заключается источник идеи».

«Отсутствіе многообразія форм обуславливает его простоту».

«Происхожденіе китайскаго языка теряется в глубинах вѣков, — цитируем того же Тужилина.

«Нѣкоторые предполагают, судя по тому, что от древности не сохранилось никакихъ памятников, что китайскій языкъ былъ принесенъ первыми китайскими переселенцами с Запада уже в формѣ, перешедшей чисто іероглифическую стадію, но, затѣм, при столкновеніи с инородцами и раздробленіи китайцев, онъ стал забываться.

«Самою первою, простѣйшею комбинаціею линій, являются діаграммы составленныя первымъ мифическимъ императоромъ Фу-си (2852-2737) до Р. Х. Онѣ состоятъ изъ трехъ горизонтальныхъ линій, цѣлыхъ и прерывающихся».

В заключеніе надо сказать, что только при изученіи іероглифов, хотя бы самомъ начальномъ, вы начинаете проникать в святая-святыхъ не только китайской психики и міровоспріятія, но и китайской исторіи.

Нельзя говорить авторитетно и убѣждающе о Китаѣ и китайцах, если вы не посвятили, хотя бы два года китайской письменности.

Пусть окончателно вы ею не овладѣли или за недосугом, или за препятвіями вашего возраста — чѣмъ учащійся старше тѣмъ слабѣе центры его мозгового воспріятія, — но в общихъ чертахъ вы должны быть знакомы с тѣмъ, что именуется китайской грамотой.

2.

Взаимоотношенія власти и органовъ печатнаго слова исторически замыкаются кругомъ весьма недавняго прошлаго.

Объясняется это, на первый разъ столь странное для древней націи обстоятельство тѣмъ, что пресса, в ея европейскомъ понятіи, является лишь продуктомъ новаго времени.

До эпохи великих реформ проводившихся Кан Ю-веем и его несчастным повелителем императором Гуан-сюем, царствовавшим с 1875 по 1908 год, умершим 37 лѣт и лишенным фактической власти регентшей Цы-си в 1898 году, как раз именно за желаніе дать Китаю либеральное управленіе и конституцію, в Поднебесной Имперіи насчитывалось всего 19 періодических изданій.

Но реформаторская попытка умѣренного революціонера Кан Ю-вея, боксерское возстаніе, война Японіи с Россіей, быстро пробуждают національное самосознаніе и к 1905 году в Китаѣ имѣется уже 200 органов печати, а еще через пять лѣт, в 1910 году, их насчитывалось 250 и потом рост числа газет продолжал быстро увеличиваться.

До неудачных реформ «с высоты престола» в 1898 году, китайское правительство мало обращало вниманія на то, что пишут в газетах, не имѣвших большого распространенія и не оказывавших вліянія ни на формированіе общественнаго мнѣнія, ни на политическія событія внутри страны. И сами китайскія газеты той поры интересовались, главным образом, просвѣтительными вопросами, боролись с суевѣріями, давали городскія новости, разоблачали козни иностранцев в отношеніи Китая, но не ставили перед собою конкретных политических заданій и не вели на власть систематических атак. Правда, иногда именно потому, что в газетѣ «все можно было печатать», появлялись рѣзкія статьи, упреки и сѣтованія в отношеніи власти, но власть дѣлала вид, что она этих наскоков не замѣчает.

Здѣсь и надо искать истоки того полупрезрительнаго, полуснисходительнаго отношенія к газетным работникам, которое в Китаѣ, до самого послѣдняго времени, было весьма характерным для широких кругов общественнаго мнѣнія. Сотрудник газеты пользовался столь же малым уваженіем, как и солдат, как и актер, а редактор, званіе весьма почтенное, особенно в странах англо-саксонской культуры, был в рангѣ, своего рода, вожака борзописцев: «собака лает, вѣтер носит», так или почти так расцѣнивался моральный авторитет руководителя печатнаго органа. Нынѣ положеніе круто измѣнилось. В образованном китайском обществѣ редактор газеты больше уже не парія. Многіе крупные дѣятели Гоминдана начинали свою политическую карьеру с профессіи газетнаго со-

трудника и редактора, укажем хотя бы на известнаго журналиста г. Джа Бин-сю, занимавшаго в період 1928-31 г. г. пост представителя министерства промышленности в Шанхаѣ.

Мало по малу періодическая печать в Китаѣ начинает специализироваться: рядом с руководящими политическими органами, как мы отмѣчали выше, существуют желтыя, бульварныя изданія, имѣются газеты, удѣляющія главное свое вниманіе торговлѣ и финансам и т. д. Народились сатирическіе журналы, литературныя изданія — в особенности много еженедѣльных и ежемѣсячных журналов, дорожих и дешевых, с иллюстраціями и без них, а также изданій, посвященных спорту, который в жизни современной китайской молодежи играет все болѣе важную роль.

С ростом печати появляются и законы центральной власти, регулирующіе эту печать.

Первые пробныя законы о печати, в количествѣ 10 статей, были обнародованы в сентябрѣ 1907 г., но в силу не вошли. За то, в самом началѣ 1908 г., было опубликовано положеніе об органах прессы, как бы устранявшее свободу печати, до тѣх пор явочным порядком существовавшую и ни в ком не возбуждавшую сомнѣній.

В судорожных конвульсіях власть монархіи, которая чувствовала свою обреченность, металась от тактики широких обѣщаній и подачек в сторону революціонеров Юга, к прямо противоположной тактикѣ полицейских ущемленій по принципу „тащить и не пущать“.

Работавшая в ту пору „Комиссія по изслѣдованію вопросов конституціоннаго строя“, по вопросу о печати, писала императору в колыбели, Пу-И, нынѣшнему правителю Маньчжу-Го:

„В государствах всего міра пресса играет весьма важную роль, являясь проводником рѣшеній правительства или веленій парламента. В Англіи газеты составляют вмѣстѣ с знатью, правительством и народом, самостоятельный фактор государственной жизни; благодаря им выясняются новыя начинанія, поощряется общественная дѣятельность, и вообще онѣ сосредотачивают в себѣ прогресс. Но при всей пользѣ прессы, могут случиться и злоупотребленія; если в ней водворится хаос, значеніе ея сведется к нулю, и можно опасаться, что она будет орудіем возбужденія народа. Вслѣдствіе этого во всѣх

государствах введены специальные законы для устранения неблагоприятных сторон влияния прессы, например, в России, Швеции и Норвегии, в которых они включены в устав о наказаниях или в положение об административной репрессии.

«Пресса в Китаѣ начинает только что развиваться, — гласила та-же всеподданѣйшая докладная записка, и в настоящее время, когда принимаются мѣры к введению конституции, настоятельно необходимо расширить свободу слова; но, в то же время, слѣдует установить и строгую кару, если этим словом будут пользоваться неумѣренно, не в соответствии со взглядами правительства, чтобы, таким образом, совершенствовать сердца людей и проявлять справедливость!»

Положение о печати 1908 г. было в сущности сколком с соответствующаго японскаго, тѣх времен, закона о печати и также как в японском законѣ, оскорбление величества, возбуждение народа против правительства, призывы к водворению анархии подводились под дѣйствие уголовных законов.

Докладная записка гласила: «Слѣдует замѣтить, что в настоящее время (1908 г.) революционеры, бѣжавшіе из Китая, обосновались по побережью Южно — Китайскаго моря, откуда они и распространяют свою агитацию, пользуясь газетами. Это уже давно доставляло безпокойство Вашему Величеству. Поэтому, если присудить к тюремному заключению от 20 дней до 2 лѣт с добавленіем штрафа от 20 до 100 долларов, то, пожалуй, это будет слишком легко. Слѣдовало бы дѣйствовать сообразно с тяжестью вины,» — меланхолически замѣчают авторы записки.

Каковы же были наказанія «сообразно с тяжестью вины»? Тоже не очень суровые, в особенности, если посравнить их с практикой нынѣшняго совѣтскаго законодательства в отношеніи аналогичных преступлений: «редактор, автор и набошники присуждаются к тюремному заключению от 6 мѣсяцев до 2-х лѣт, с добавленіем штрафа от 20 до 200 долл.»

В положеніи 1908 г. точно формулировано введеіе предварительной цензуры, которой суждено было просуществовать в Китаѣ четверть вѣка: «каждый номер ежедневной газеты за день до выхода, до 12 часов ночи, должен быть представлен в полицейское управление или

в управленіє мѣстнаго чиновника для просмотра, изда- нія же ежемѣсячныя и выходящія нѣскольکو раз в недѣ- лю, должны представлять номер газеты за день до отпе- чатанія до 12 часов пополудни. Приведенныя выше пра- вила о печати удостоились высочайшаго утвержденія 1 марта 1908 года, а 30 января 1912 года император Пу- И (Сюань-тун, как было названо его царствованіе) был низложен вмѣстѣ со всею династіей маньчжуров и, на первых порах, революціонному режиму было не до за- конов о печати.

В республиканскій період печать попала под воз- дѣйствіе закона 4 декабря 1914 г. и устава о предпрія- тіях, занятых печатным дѣлом, изданнаго 25 октября 1919 г. Проф. В. В. Энгельфельд считает положенія этих двух законов, с точки зрѣнія принципов европейскаго права, мало удовлетворительными и, при том, крайне неопредѣленными, открывавшими широкія возможности разнообразнаго толкованія и усмотрѣнія со стороны мѣст- ных властей. Режим, установленный в отношеніи печати законами 1914 и 1919 г. г. проф. Энгельфельд (см. его работу «Полиція в Китаѣ», «Извѣстія Юридическаго Фа- культета в Харбинѣ». Вып. VI. 1928.) считает близким к цензурному. Он отмѣчает, что в рядѣ мѣстностей, в частности в Особом Районѣ Восточных Провинцій, в который входил и Харбин до образованія Маньчжу-Го, параллельно с полиціей в надзорѣ за печатью участво- вали органы министерства народнаго просвѣщенія.

Право конфискаціи было передано всецѣло в руки полицейских властей, хотя формально репрессія в отно- шеніи злоупотребленій печатным словом была облечена в судебную, а не в административную форму.

Закон 1914 г. не говорил ничего ни о правѣ заин- тересованных лиц обжаловать распоряженіе полиціи в суд, ни о правѣ суда, по собственной инициативѣ, пре- жде вынесенія окончательнаго приговора войти в разсмо- трѣніе вопроса о конфискаціи, как это было по русско- му дореволюціонному законодательству.

Устав 1919 года возлагал на владѣльцев типогра- фій обязанность представлять полиціи списки печатных произведеній, с правом полиціи истребовать таковыя для просмотра в наборѣ или в рукописи.

Но закон был законом, а в административной прак- тикѣ открытіе періодических изданій производилось

явочным порядком и власти мало интересовались, в началѣ, возникновеніем новых газет или журналов; как примѣр отмѣтим, что нам, лично, пришлось принимать участіе в открытіи в Харбинѣ, в сентябрѣ 1921 г., ежедневной вечерней газеты, которая, по заключеніи договора с типографіей, стала выходить явочным порядком, не испрашивая разрѣшенія и даже, насколько сохраняет память, не доведя до свѣдѣнія главнаго полицейскаго управленія о возникновеніи новаго изданія.

Так, однако, продолжалось не долго; с каждым годом власти все настойчивѣе (рѣчь в данном случаѣ идет о Харбинѣ) начали подбирать печать в том числѣ и русскую, к своим рукам, и, одно время, дѣло дошло до того, что китайскія власти вообще рѣшили, что русских газет в Харбинѣ выходит достаточно и прекратили выдачу разрѣшеній на новыя изданія.

То же республиканское законодательство, до прихода в 1927 году к власти партіи Гоминдан, широко и обстоятельно формулировало положеніе о том, какія свѣдѣнія не подлежат опубликованію в газетах, выходящих на территоріи Китая: а) свѣдѣнія, которыя направлены к возбужденію бунта против правительства, б) представляют угрозу общественному порядку и спокойствію, в) противорѣчат обычаям и доброй нравственности, г) содержат подстрекательство к совершенію преступленій или имѣют цѣлью способствовать осужденію лица, привлеченнаго к суду в качествѣ обвиняемаго или, вообще, повредить ему, д) имѣют цѣлью повліять на степень наказанія подсудимаго в смыслѣ увеличенія или уменьшенія, в період предварительнаго слѣдствія, е) касаются судебных процессов, проходивших при закрытых дверях, ж) когда ими оглашаются важные дипломатическіе документы, з) когда в них заключаются нападки на частную жизнь кого-либо, в цѣлях опорочить его доброе имя.

Нанкинское національное правительство опубликовало закон о печати 16 декабря 1930 года и основным содержаніем его является во-первых признаніе, в принципѣ, свободы печати, а, во-вторых, охрана интересов правящей партіи Гоминдан.

Иными словами, свобода печати признается постольку, поскольку она не ведет к подрыву престижа партій, стоящей у власти.

В цѣлом, закон достаточно либерален и вполне

современен, но ближе приближается к закону о печати фашистскаго режима в Италіи, чѣм к законам демократически-парламентарных стран.

Однако, и этот закон не всюду до сих пор точно проводится в жизнь, так, примѣры административнаго воздѣйствія на печать довольно часты, и чѣм дальше от центральной власти, тѣм своеобразнѣе причины, вызывающія репрессіи мѣстных властей против почему либо не угодивших им газет или журналов.

Сами руководители партіи Гоминдан, сановники нынѣшняго режима, полностью, для себя по крайней мѣрѣ, признают свободу печати и широко ею пользуются, потому что в Китаѣ, в отличіе от европейских стран и Америки (за исключеніем мѣсяцев, предшествующих выборам президента С.Ш.) политическіе и военные лидеры, как правило, рассылают по всей странѣ «циркулярныя телеграммы», дают интервью, с подробной мотивировкой или своей позиціи, или обвиненій против того лица или группировки, с которыми они, в данный момент, находятся в конфликтѣ или ведут борьбу. Достаточно назвать уже отмѣчавшійся нами, двухнедѣльный журнал «Народная Трибуна», близкій к Ван Цинь-вею, который, в декабрь 1931 г., разоблачал «бонапартистскія тенденціи» ген. Чжан Кай-ши, тогда только что сложившаго с себя обязанности предсѣдателя правительства, которыя он нес с честью, а в августѣ 1932 г., в разгар конфликта Ван Цинь-вея, занимавшаго пост главы правительства, полемизировал с главой пекинской власти, маршалом Чжан Сюэ-ляном, горько упрекая послѣдняго в тактикѣ непротивленія японскому вооруженному нажиму, в необоснованности требованій от центральной власти, непосильных для казны, денежных ассигнованій и вообще в милитаристических уклонах.

Субординированіе повременной печати в Китаѣ режиму партіи Гоминдан явствует из статьи 13-ой, которая гласит: «Газета или журнал, содержаніе коих касается идей партіи Го-мин-дан, внутренней жизни ея, сверх отправки двух экземпляров в министерство внутренних дѣл, обязаны препровождать один экземпляр в провинціальный отдѣл или соотвѣтствующій ему партійный комитет и один экземпляр в агитаціонный отдѣл ЦК партіи».

Из этой статьи, к сожалѣнію, не совсѣм ясно, в какой формѣ и в каких предѣлах закон допускает кри-

тику дѣятельности правящей партіи, и что закон вообще подразумѣвает под словами «касается идей партіи Го-мин-дан», что называет «внутренней жизнью ея»?

В современном Китаѣ бывали случаи не только суровых кар на газеты, но и случаи похищенія неугодных журналистов даже с территоріи иностранных концессій, на предмет содержанія их под стражей, и возбужденія против них судебного преслѣдованія, бывали и случаи наложенія взысканій по случайному поводу, но, в общем, надо признать, что цензура в Китаѣ и мягка и терпѣлива, с ней всегда можно ладить. Только в тѣх случаях, когда на лицо ничѣм неприкрытая неприязнь к существующему режиму, и его явная дискредитация,—власти прибѣгают к мѣрам воздѣйствія, в том числѣ и против иностранных газет, воспрещая, например, разсылку провинившагося изданія по почтѣ. Цензурного преслѣдованія как системы, как проявленія идеологіи режима, в Китаѣ в данное время не существует. На совѣтскій образец — в Китаѣ, конечно, царит полная свобода печати. Столкновенія газет с администраціей рѣдки и случайны.

Новый закон перечисляет, однако, довольно подробно случаи, которые лишают права быть издателем или редактором газеты или журнала: не могут быть редакторами или издателями газет или журналов: 1) лица, не имѣющіе постоянного жительства в Китаѣ, 2) ограниченные в правах по распоряженію имуществом, 3) подвергнутые наказанію каторжному или тюремному, на срок свыше одного мѣсяца, на время отбыванія таковых и 4) пораженные и еще не возстановленные в правах.

Газета или журнал должны помѣщать в своих номерах: фамилію и имена редактора и издателя, время выпуска (число, мѣсяц, год), наименованіе издательства и типографіи, и их мѣстонахожденіе.

Ст. 19-ая указывает, что газеты и журналы не имѣют права помѣщать слѣдующія свѣдѣнія и данныя: 1) тѣ, кои помѣщаются с цѣлью подрыва идей партіи Го-мин-дан или трех принципов народа „Сан-мин“, 2) тѣ, кои умышленно направлены к ниспроверженію правительства, или принесенію ущерба интересам Китайской республики, 3) тѣ, кои нарушают общественный порядок и оскорбляют добрые нравы.

В отношеніи штрафов новый закон почти совпа-

дает с изданным, четверть вѣка тому назад, императорским законом о печати.

Ст. 27. Лицо, выпустившее газету или журнал, не возбудив ходатайства о регистраціи, подвергается денежному штрафу, в суммѣ не свыше 200 долл.

Ст. 31. Издатель, не препроводившій изданные им газеты или журналы в подлежащія инстанціи, подвергается денежному штрафу в суммѣ не свыше 100 долл.

И только за нарушеніе ст. 19 ой, перечисляющей свѣдѣнія, запрещенныя к опубликованію, издатель, редактор, автор и даже печатник подвергаются—, каторжному тюремному заключенію сроком не свыше одного года, или аресту, или-же денежному штрафу в суммѣ не свыше 1000 долларов.“

Эта круговая отвѣтственность по принадлежности не только редактора, но и издателя, не только автора, но и печатника, является новеллой, которую дореволюціонное китайское законодательство не знало и служит, конечно, к охранѣ режима правящей партіи.

ГЛАВА IX.

Отец китайской революціи.

Сун Ят-сена или «Сунь-Веня» или, его еще иначе зовут, — «Сунь Чжун-шаня» можно, без преувеличенія назвать: «отцом китайской революціи».

Его вторую супругу, в дѣвичество г-жу Сун Чин-лин, из славной «династіи» Сунов, льстивые поклонники старались, под этот образец, звать «матерью революціи», но прозвание не пристало, не только вслѣдствіе относительной и до сих пор молодости, г-жи Сун Ят-сен, но главным образом потому, что со стороны ея самой было сдѣлано слишком много искусственных усилій заслужить этот титул.

Историческій процесс всегда органичен. У исторіи есть свои законы приобрѣтенія значимости и популярности, есть свои «званные», которых много, и свои «избранные», которых считают единицами. В судьбах Китая сам Сун Ят-сен, конечно, избранник исторіи.

Относительно же присоединенія к нему титула «великій» мнѣнія расходятся.

В смыслѣ, принятом историками, Сун Ят-сена нельзя назвать великим, но, несмотря на то, что этого титула к нему не присоединено, культ его имени и поклоненіе его памяти были созданы очень легко, естественно и просто превзойдя культ многих великих міра сего.

Не только потому, что так приказала сверху, правящая партія, до сих пор, в верхах своих, состоящая из его ближайших учеников и теперь уже не молодых сподвижников, а потому, что, не будучи великим человѣком сам по себѣ, Сун Ят-сен, безспорно, был великой движушей

силой, человѣком при жизни поражавшим силой своей воли, настойчивостью водительскаго характера, хотя и не лишеннаго доктринерства, убѣжденностью, что именно на него возложена миссія возродить Китай.

Теперь, уже многочисленные, историки Сун Ят-сена, среди которыхъ есть и его суровые критики, кажется всѣ согласны признать, что Сун Ят-сен, сам, совершенно искренне был убѣжден, что он в судьбахъ современнаго Китая — избранникъ судьбы, что на немъ почиетъ благодать провидѣнія, что Китай можетъ спастись только черезъ него, какъ автора политическаго ученія.

И хотя он, в самом началѣ своей политической дѣятельности, заимствовалъ формулу Абрагама Линкольна относительно устроенія народнаго, демократическаго государства при помощи народа, черезъ народъ и для народа, какъ всѣ визионеры, онъ полагал, и всѣмъ внутреннимъ существомъ своимъ былъ убѣжден, что пока онъ живъ — наставлять и указывать путь народу, быть его поводыремъ, можетъ только онъ одинъ.

Ему приходилось в жизни не разъ бывать не только единоличнымъ гражданскимъ управителемъ, но и военнымъ диктаторомъ, но онъ не имѣлъ рожденнымъ с собою «генія власти», какъ Муссолини, и для него роль фактическаго вождя меньше подходила и соотвѣтствовала его темпераменту, чѣмъ роль «отца китайской революціи», учителя, наставника народа, премудраго совѣтника, в которомъ земныя знанія и опытъ какъ то невѣдомо и таинственно слиты, соединены, связаны с надземной мудростью. Нѣчто вродѣ Конфуція XX вѣка.

Исторія начала его жизни ничего особеннаго собою не представляетъ.

Онъ уже в сознательномъ возрастѣ былъ крещенъ, с 11 до 15 лѣтъ онъ посѣщалъ, на Гонолулу, протестантскую, епископальную школу, потомъ онъ продолжалъ свое иностранное образованіе в гавайскомъ колледжѣ Св. Луки, но былъ ли онъ в глубинѣ души христіаниномъ, — это вопросъ, остающійся безъ отвѣта, несмотря на то, что, в дни его лондонскаго плѣненія, в 1896 г. в зданіи китайскаго посольства, будучи уже взрослымъ человѣкомъ онъ, по его собственноручному, письменному свидѣтельству, семь дней горячо молился Всевышнему, пока, на седьмой день, не почувствовалъ, словно гора свалилась с плечъ, что Всевышній услышалъ его молитвы и что онъ будетъ спасенъ!

Чудо ему было явлено, он его ждал и понял, но христианином в нашем понятіи и смыслѣ как будто не стал.

Христианство, во всяком случаѣ в началѣ, в его накаленной, но не пылкой душѣ врожденного революціонера и разрушителя было вплотную связано, перекручено, насквозь пронизано, сознанием, что при помощи именно этой религіи Запад так далеко ушел, в смыслѣ матеріальнаго технического прогресса от Востока, в особенности от Китая.

И придя к этому выводу, свободную, лишенную духа и аппарата принужденія религію своих предков, он, на время, возненавидѣлъ прежде всего потому и для того, что с ней он ассоціировал техническую косность и государственную слабость своей родины.

Он к христианству подошел, как нам кажется, не столько с самодовлѣюще религіозной точки зрѣнія, сколько с точки зрѣнія реформистской — при помощи ученія Христа внѣдрить в китайцев необходимость цѣнить Запад за его прогресс.

Только этим своеобразным подходом и можно объяснить два, на первый взгляд необъяснимых, явленія в его біографіи, тѣм болѣе нас поражающих, что Сун Ят-сен был честен и принципиален, он был искренен и энтузіастичен, он не искал власти ради власти.

С тринадцати лѣтъ, под влияніем разсказов дяди о возстаніи тайпинов, ознакомившись с личностью их вождя, Хун Сю-цюаня, считавшаго себя призванным освободить Китай от чужеземнаго ига, вѣровавшаго в то, что он «младшій брат Христа», юный Сун Ят-сен страстно мечтал стать, когда вырастет, ни больше, ни меньше, как Хун Сю-цюанем Вторым.

Христианство должно было помочь Сун Ят-сену, как оно помогало тайпинам.

Борьба с династіей маньчжуров у него неотрывно была связана, переплетена с мыслью, что как только иго державнаго дома Цинов будет свергнуто, наступит для Китая эпоха національнаго ренессанса, о чем он мечтал всю жизнь.

На пути к этому счастью кромѣ трона стояли вѣковыя традиціи и вѣрованія самого китайскаго народа.

И, вот, мы видим, как еще мальчик Сун Ят-сен начинает, среди односельчан, вести яростную агитацію против богдыхана и его законов, против религіи и богов:

— Кто прячет в карман деньги, которые собираются от ваших податей? — спрашивал маленький Сун сородичей:

— Сын Неба! — слѣдовал стереотипный отвѣтъ крестьян, не любивших подобных рискованных разговоров.

— А что дѣлает этот Сын Неба для нас и для нашей деревни? Ничего он не дѣлает! — сам отвѣчал на свой вопрос Сун Ят-сен. Вам самим приходится учреждать и содержать школы, самим чинить дороги, самим строить мосты. Маньчжуры даже не беспокоятся на счет насажденія грамотности. Не хотят знакомить вас с ученіем наших древних мудрецов.

Сун Ят-сен, который на Гонолулу ознакомился со священным писаніем христіанства, с не меньшей страстностью вернувшись в родную деревню напал на идолопоклонство.

Ход его мысли при этом, без сомнѣнія, был весьма прост — никакой прогресс невозможен пока приносятся жертвоприношенія идолам. Суевѣрія питают страх, страх губит дух протеста, поэтому первое, что надо сдѣлать, это уничтожить крашенных кумиров.

И, вот, как свидѣтельствуют его біографы, вмѣстѣ с нѣсколькими друзьями, такими же мальчишками как и он, Сун Ят-сен взбирается на холм в деревенскую пагоду, гдѣ нѣсколько вѣрующих распростерлись перед изображеніем Сѣвернаго Повелителя.

Сун предлагает им встать, хватая идола за палец и с прямолинейностью фанатика, своего рода Савонаролы, говорит, вывертывая идолу палец:

— Смотрите, в кого вы вѣруете! Это деревянные куклы! Хорош бог, который не может защитить самого себя. Как же, послѣ этого, он может помочь вам, в ваших нуждах? Пусть, если он в силах, он помѣшает мнѣ выкручивать ему палец. Нѣтъ, он даже не в состояніи скорчить гримасу.

Ясно, послѣ таких рѣчей, в тѣ времена имперіи, молодому агитатору пришлось вскорѣ бѣжать подальше из родной деревни.

Христіанство, которое, по свидѣтельству самого Сун Ят-сена, явило ему свое чудо, спасши его в Лондонѣ от вѣрной гибели в стѣнах китайскаго посольства — было, не задумываясь, отставлено «отцом китайской революціи» в сторону, когда, послѣ энтузіастическаго из-

бранія его президентом Китайской Республики, тотчас послѣ церемоніи (1 января 1912 года) вступленія в должность он, христіанин Сун Ят-сен, врач европейскаго образованія, отправился в Нанкинѣ к гробницам императоров династіи Минов, у которых маньчжуры, за триста лѣтъ до того, похитили власть над Китаем и, в большой торжественности, объявил перед табличками духов національных китайских императоров, которые, в свое время, вырвали власть над Китаем у монгол, что чужеземцы-захватчики снова низложены, Китай снова управляется самими китайцами...

Как извѣстно, маньчжурская династія официально отказалась от прав на управление страной 12 февраля 1912 года, поставив условіем чтобы первым президентом был назначен извѣстный двору Юань Ши-кай и 15 февраля, через три дня, Сун Ят-сен подал заявленіе о сложеніи с себя обязанностей президента республики, пробыв всего на этом посту 45 дней.

Он всегда сам умѣл и своим послѣдователям внушил, своеобразное правило легкаго отказа от должностей, как бы высоки онѣ не были, во всяком случаѣ не ставя вопрос о «жизни и смерти», когда дѣло идет всего лишь о том, чтобы перестать быть президентом республики или генералиссимусом.

Но он не счел возможным просто уйти, не мог отказать себѣ в удовольствіи обставить свой уход церемоніей, которой, по пышности и торжественности, могли бы позавидывать устроители церемоній в Запрещенном Городѣ богдыханов, в державном Пекинѣ. Потом к тому же привлеченію религіознаго культа к политикѣ, в трудные моменты, прибѣгали Юань Ши-кай, Чжан Цзо-Лин в августѣ 1927 г. и совсѣм недавно, 21 октября 1932 г. в Пекинѣ (Пейпинѣ) молодой маршал Чжан Сюэ-лян.

Послѣ полудня описываемаго 15 февраля 1912 года, Сун Ят-сен в сопровожденіи всѣх членов своего кабинета, в сопровожденіи делегатов от 17 провинцій, принимавших участіе в его, почти единогласном, избраніи первым президентом, сопровождаемый воинскими частями и генералитетом революціонной арміи, не говоря уже о несмѣтных толпах народа, снова совершает паломничество к могилам императоров Минской династіи, слѣзает у могил с коня, проходит в мавзолей и зачитывает перед табличками почивших повелителей, для освѣдомленія их

августѣйшихъ душъ, пространную рѣчь — меморандумъ о происходящей в исторіи Китая важной перемѣнѣ — его отставка и возглавленіи юной республики Юанъ Ши-каемъ.

В январѣ 1923 года больной А. А. Юффе, совѣтскій полпредъ, на пути в Японію, останавливается в Шанхаѣ со спеціальной цѣлью имѣть совѣщаніе с Сунъ Ят-сеномъ.

За этимъ свиданіемъ слѣдуетъ обмѣнъ дружескими письмами между Сунъ Ят-сеномъ и Караханомъ и потомъ, какъ слѣдствіе сговора, прибытіе в Кантонъ Михаила Бородина с супругой.

Немедленно по прибытіи Бородина в Кантонъ, Сунъ Ят-сенъ возводитъ его в рангъ высокаго совѣтника Кантонскаго правительства, начинаетъ получать изъ Совѣтской Россіи оружіе и военное снаряженіе и лично принимаетъ, в безчисленныхъ аудіенціяхъ, цѣлую вереницу совѣтскихъ экспертовъ какъ военныхъ, такъ и гражданскихъ, — «военруковъ», «политруковъ» и просто агентовъ совѣтскаго шпіонажа.

Забывъ о томъ, что совѣтское правительство послѣдовательно проводило анти-религіозный походъ, чего, впрочемъ, не помнятъ и другіе христіанскіе правители міра, Сунъ Ят-сенъ соглашается на включеніе, в январѣ 1924 г., в ряды его національной партіи Гоминданъ, коммунистической интернаціональной партіи Китая, которая, до тѣхъ поръ, считалась нелегальной и пребывала в подпольѣ.

Сунъ Ят-сенъ, какъ видимъ, легко совмѣщалъ христіанство с коммунистическимъ активизмомъ, европеизмъ с вѣрностью азіатскимъ основамъ, матеріализмъ естествознанія со спиритуализмомъ культа почившихъ императоровъ національной династіи.

В декабрѣ 1924 года Сунъ Ят-сенъ, потерпѣвшій вмѣстѣ со своими 15.000 волонтерами, очередное жестокое пораженіе в родномъ Кантонѣ, который послѣ боевъ былъ подвергнутъ полному разгрому, ставъ жертвой двухдневнаго пожара и неслыханныхъ грабежей, прибываетъ в Пекинъ, куда, к этому времени, его позвали для совѣщанія о судьбахъ Китая мукденскій правитель маршалъ Чжанъ Цзолинъ и загадочный Фынъ Ю-сянъ, только что одержавшіе побѣду надъ войсками президента Цао Куна и маршала У Пей-фу.

Тутъ, помѣстившись в «Отель де Пекэнъ», болѣя смертельной болѣзнью, ракомъ печени, онъ былъ вскорѣ пере-

несен в госпиталь Рокфеллеровскаго института, миссіонерско-христіанское учрежденіе, но окружали его там, кромѣ второй супруги и сына чета Бородиных, ревниво никого кромѣ своих не допускавшіе к умиравшему вождю національнаго Китая.

Покидая в этот послѣдній раз Шанхай, он сдѣлал слѣдующее заявленіе:

«Циркулируют слухи о том, что я отправляюсь в Пекин с цѣлью занять там пост президента республики. Но, в настоящее время, я меньше всего думаю насчет того, чтобы занять этот пост. Я предпочитаю остаться тѣм, чѣм я есть, потому что я вѣрю, что Китай нуждается в человѣкѣ, способном объединить и организовать страну, точно также как руководить общественным мнѣніем и я *убѣжден в том, что я являюсь этим самым человеком, в котором наша страна столь нуждается*».

Увѣренность и нескрываемая властность этих слов мало соотвѣтствуют духу христіанскаго вѣроученія, как еще меньше соотвѣтствует христіанским канонам пожеланіе, высказанное Сун Ят-сеном перед кончиной, чтобы его тѣло было набальзамировано, положено в хрустальный гроб, «как тѣло моего друга Ленина» и помѣщено в специальном мавзолеѣ на вѣчныя времена, для поклоненія потомков.

2.

Точно также противорѣчивы и подчас взаимно друг друга исключаящими, были мысли и отношенія Сун-Ят-сена к иностранцам.

Начал он свою сознательную жизнь с того, что признал, даже преклонился перед всѣм иностранным.

Слѣдя за первыми его самостоятельными шагами, когда он был еще мальчиком, мы видим, что в 1877 году, одиннадцати лѣтъ, когда Сун Ят-сен в первый раз готовился совершить морское путешествіе из Китая в Гонолулу, его вниманіе привлек к себѣ тяжелый желѣзный брус-пояс, который шел вдоль борта корабля, скрѣпляя обшивку.

Д-р Сун Ят-сен потом сам рассказывал:

— «Это показалось мнѣ грандіозным. Я, прежде всего, подумал, сколько-же людей надо было собрать вмѣстѣ, что бы приладить такой металлическій пояс к ко-

раблю? Но когда, дальше, я пришел к заключенію, что этот брус сдѣлан при помощи машин и машиной-же помещен на свое мѣсто, я тотчас понялъ, что не все благополучно в Китаѣ, коль скоро мы не в силах дѣлать то, что дѣлают иностранцы. Развѣ и впрямь этот желѣзный пояс не демонстрировал превосходство иностранцев перед нами?»

В этом полудѣтском наивном силлогизмѣ сказалось, в сущности, все послѣдующее, весьма типическое для Сун Ят-сена и его послѣдователей, — отношеніе к иностранцам.

Признаніе их технического превосходства, зависть к их матеріальным средствам и возможностям, желаніе получить для Китая все то, что есть у них и, получив, отказаться от дальнѣйших услуг, остаться при своем.

Как бы там ни было, восхищеніе перед иностранцами в душѣ Сун Ят-сена продолжало по началу нарастать.

Послѣ высадки в Гонолулу, Сян Ят-сена прежде всего поразила организація у иностранцев службы почтовой связи, общій кругом порядок и чистота, установленные и поддерживаемые американцами, потом он отдал должное преимуществам, в утилитарном смыслѣ, латинскаго алфавита перед китайской іероглифической письменностью, для того, чтобы к концу жизни понять невозможность, а, пожалуй, и ненужность замѣны іероглифов латинским алфавитом.

Вернувшись домой, через два года, в родную деревню Цуйхень и, как мы уже описывали, будучи вскорѣ вынужден из за агитаціи против богов, скрыться оттуда, юный Сун Ят-сен, послѣ года пребыванія в Кантонѣ, в средней медицинской школѣ, прибывает в сосѣдній Гонконг.

Опять волна контрастных впечатлѣній поднимает в нем недолгій, но яркій восторг перед иностранцами, на этот раз англичанами: тут же, под боком у неустроеннаго, кипящаго, в котлѣ страстей Кантона, залегает жемчужина порядка и благоустройства — колонія британской короны, Гонконг.

Подтянутые, стройные, даже элегантные солдаты, словно вылизанные языком, для пущей чистоты и блеска, корабли британскаго флота, образцовый порядок, полиція, улицы, зданія.

— «Вот чего могла, — думает юный революционер, — достигнуть Англія, маленькій остров, в то время, как огромный Китай приведен Маньчжурами в хаос и доведен до послѣдней степени нищеты!..»

И, со свойственным ему темпераментом, он начал учиться, набираться знаній, работать, чтобы добиться диплома, чтобы бороться с тѣми, кто привел его страну в то состояніе, в каком он, родившись в 1866 году, ее застал.

Его біографія нам свидѣтельствует, что он, по началу, очень хотѣл пройти курс военной школы, чтобы научиться искусству вести, против ненавистнаго трона, вооруженную силу революціонеров, но военной школы по сосѣдству не было. Хотѣл попасть в морское училище и это не удалось.

Пришлось поступить в колледж Королевы, продолжать изучать медицину, чтобы ею зарабатывать кусок хлѣба, чтобы, при помощи иностранной школы, вплотную подойти к усвоенію тайн европейскаго техническаго прогресса.

Здѣсь, 18 лѣтъ от роду, Сун Ят-сен и был крещен, протестантским пастором К. Р. Хагером.

Франко-китайская война 1884-5 г. г. еще раз ему показала, всю угнетающую слабость Китая и правительства маньчжуров. Тѣм, кто тогда говорил, что Китай, при его размѣрах, непобѣдим, Сун Ят-сен отвѣчал:

— «Французы имѣют корабли из стали, тогда как у нас только джонки. Как мы можем бороться против Франціи, когда мы с трудом себѣ представляем, гдѣ она фактически находится?!»

«Прежде чѣм вступать в такую борьбу, — продолжал Сун Ят-сен, обычно мыслившій здраво и трезво, — мы должны научиться, как ведут войны в современных условіях».

И вот он начинает знакомиться вплотную с тѣми, как устроены другія государства, в чем их фактическая сила, в чем тайна их техническаго прогресса?

Революціонная работа позволяет ему, потом, по долгу жить в Японіи, гдѣ с большим интересом слѣдили за этапами его карьеры и гдѣ японскіе политики возлагали много надежд на то, что революція в Китаѣ, уничтожив косныя традиціи правленія маньчжуров, откроет рынки Китая фабрикатам японской промышленности.

В 1894 году он, уже взрослым, во второй раз отправляется в Гонолулу, в цѣлях пропаганды своих идей, потом попадает в Америку. Сторонников у него еще мало, китайцы за-рубежом, как это не странно, слушают его неохотно, многіе уходят в серединѣ доклада, никто не хочет жертвовать на «грядущую революцію», но американцы, вообще любознательная нація, наоборот широко открывают перед ним двери своих домов и радушно включают его и его дѣло — освобожденіе Китая — в круг своих интересов.

Первая попытка революціоннаго переворота, предпринятая им 9 сентября 1895 г. в Кантонѣ, хотя и кончается для Суна полным провалом, но создает ему за-границей имя: революціоннаго лидера.

Он мало по малу выходит в большіе люди.

Попав в первый раз в Англію, имѣя по приѣздѣ едва ли не двух знакомых во всем Лондонѣ, своих бывших учителей по Гонконгу, г. Джэмса Кэнтли и д-ра Хэнсона, послѣ своего освобожденія из плѣна в китайском посольствѣ, Сун Ят-сен становится сенсацией лондонскаго сезона.

Чтобы его освободить, была поднята на ноги вся лондонская полиція, вся пресса, сам лорд Салисбери послал в посольство Китая ультиматум — немедленно освободить Сун Ят-сена, в противном случаѣ он «изгонит посольство из Англій».

Послѣ освобожденія Сун Ят-сен отнынѣ и навсегда становится знаменитостью, дает бесѣды, пишет в газеты и два года путешествует по Европѣ.

Начинается длительная работа по подрыву престижа императорскаго Китая за рубежом, начинается настойчивая, кропотливая и неблагодарная работа безконечных попыток, в началѣ без денег, поднять возстаніе внутри страны, хотя бы только на югѣ; за голову Сун Ят-сена Пекином назначена награда в милліон долларов, ему сочувствуют передовыя демократіи міра: Америка, Англія, Франція, всюду у него создаются десятки вліятельнѣйших иностранных друзей, среди которых числится сам «тигр Франціи» Клемансо.

Секретно, каждый в своих національных интересах, ему помогают дипломаты даже Японіи, даже императорской Россіи. При Сун Ят-сенѣ постоянно находился тот или иной японскій «совѣтник».

От Запада у него больше нѣтъ тайн — все своими глазами видѣно, все, что хотѣлось, что представлялось важным — изучено, от прежняго пѣтета перед иностранцами не осталось в конечном счетѣ и слѣда.

Наоборот, в душѣ, с годами, как у каждого активнаго эмигранта, накопилось много горьких разочарованій за тѣ неисполненныя обѣщанія, которых было много, уклончивую «постольку-поскольку» поддержку, двусмысленную и двустороннюю политику, которая всегда проводилась державами в Китаѣ.

Десять лѣтъ, протекших послѣ осуществленія столь страстно жданной революціи, обнаружили воочию перед прозрѣвшим Сун Ят-сеном, что дѣло было не в одних маньчжурах, что причины несчастій в Китаѣ лежат гораздо глубже и уходят дальше, чѣм своды древних, величественных дворцов Запрещеннаго Города.

И вот, к концу жизненной карьеры, как утопающій за соломинку, он хватается за дружбу с Лениным.

Этот разочарованный и безконечно измученный человек ничего больше уже не хочет, кромѣ побѣды и при том, как можно скорѣйшей побѣды той партіи, во главѣ которой он напрасно, как казалось перед 1923 годом, стоял двадцать лѣтъ, ничего в сущности реального не достигнув.

Пусть в эту партію придут хоть коммунисты, лишь бы была достигнута побѣда над ненавистным прошлым, лишь бы поднялась над небосклоном родины звезда освобожденія Китая от всѣх бѣд и безсчетных зол.

От прежняго полуслѣпago преклоненія перед всѣм иностранным, от тактики дружбы и сердечных отношеній с Европой ничего, повторяем, к концу жизни не останется... Отчего не испробовать союз с Евразіей?!

Для Сун Ят-сена существуют теперь только тѣ иностранцы, которые согласны реально помогать ему в его дѣлѣ: освободить Китай от неравных договоров и объединить его под властью партіи Гоминдан.

И вот, когда, 17 ноября 1924 г., послѣ очереднаго провала его управленія в бурливом, измѣнчивом Кантонѣ, он, в очередной раз, прибыл на французскую концессию в Шанхай, прибыл уже как ближайшій соратник красной Москвы на общем дѣлѣ борьбы с мировыми имперіалистами и в шанхайской печати стали появляться протесты против его пребыванія на концессіи, он высту-

пил с негодующим заявленіем, которое было направлено не только в адрес шанхайских «дай-хардов», но и всѣх вообще трактатных иностранцев, «душащих свободу Китая».

— «Как китайскій гражданин — писал глава революціоннаго Гоминдана, я имѣю незаконнѣйшее право проживать всюду, гдѣ мнѣ захочется, на китайской территоріи. Тѣм же, кто пытаются возражать против моего пріѣзда, считаю необходимым напомнить, что Шанхай есть китайская территорія и что мы, китайцы, здѣсь хозяева, а иностранные резиденты — наши гости, пользующіеся нашим гостепримством! Смѣшно предполагать за гостями право протестовать по поводу того, гдѣ желают находиться в данный момент, у себя дома, хозяева...

«Поэтому, если иностранцы посмѣют только возражать или мѣшать моему пребыванію, то я, при поддержкѣ всѣх моих сограждан, вынужден буду предпринять самыя суровыя мѣры против них. Пусть знают, что мы, китайцы, не позволим больше себя третировать, да еще при том на нашей собственной землѣ. Пора сказать открыто, что пришло время покончить со всѣми иностранными сеттльментами в Китаѣ. Если иностранцы сами этого не поймут и будут оттягивать возвращеніе концессій, то я боюсь, что разыграются нежелательныя событія».

И он оказался прав. Из гроба он ранил больнѣе и мстил за разочарованія сильнѣе, чѣм при жизни. Тотчас послѣ его, достаточно неожиданной, смерти разыгрались событія 30 мая 1925 г. и всѣ послѣдующія в том же году и слѣдующем вплоть до событій рокового 1927 г., когда иностранцы, жители трактатных портов, бросая имущество, свои дома, предпріятія, с небольшими узелочками ношебнаго, бѣжали в Шанхай под прикрытіе десанта и крейсеров, но и в Шанхаѣ они были плохо увѣрены в том, что не придется эвакуироваться дальше...

В исторіи, в общем, далеко не счастливаго в личной жизни д-ра Сун Ят-сена, которому судьба не дала увидѣть, хотя бы временных триумфов 1927-29 г. г. проступает явственно положеніе, что Запад еще раз вышел таки сухим в состязаніи с пробудившимся, наступающим на него Востоком.

И когда нѣкоторые европейскіе историки, не отли-

чающіеся дальноркостью, со всѣм ядом ироніи над самими собой, писали, забѣгая событіям вперед, что, несмотря на то, что д-р Сун Ят-сен умирал горьким ненавистником трактатных держав, с которыми дружил всю жизнь, — эти державы воздали ему неслыханныя по смертным почести, всѣ фабричныя трубы, всѣ пароходныя сирены в экстерриториальном порту Шанхая трубили хорал его памяти, а, потом, раззолоченная свита державных представителей, провожала его останки к мавзолею на Пурпуровых горах, под Нанкином, нам неволью думается, что все еще рано подводить итоги и что у Запада есть свои пути на Востокъ, часто столь же извилистые и сложные, как пути азіатской дипломатіи.

3.

Из предыдущаго мы знаем, что когда революціонера, христіанина и естественника по образованію, д-ра Сун Ят-сена избрали первым президентом, только что рожденной, республики, он отправился к гробницам Минов и там вознес моленія перед тѣнями императоров, перекинув, таким образом, мост между республиканским настоящим и императорским прошлым.

Нельзя сказать, что он, послѣ этого, перестал быть христіанином, как нѣтъ основаній утверждать, и то, что он был язычником или что перед самой своей смертью превратился, как друг его Ленин, в убѣжденнаго безбожника.

Если послѣднее предположеніе было бы вѣрным, чѣм тогда объяснить, что семья его второй жены была христіанской и что, породнившись с этой семьей, ген. Чжан Кай-ши, один из стаи дѣйствительно славных птенцов гнѣзда «отца китайской революціи», тоже поспѣшил принять христіанство, уже будучи в званіи генералиссимуса китайской національной арміи и предсѣдателя центральнаго революціоннаго правительства.

Если Сун Ят-сен разочаровался перед смертью во всѣх иностранцах, кромѣ тѣх, кто согласны были помогать его дѣлу, то из этого нельзя сдѣлать вывод, что он отверг и европейскій прогресс.

Если Сун Ят-сен хотѣл стать Лениным для Китая, то, одновременно, в глубинах его сознанія, никогда не затихало сладостное желаніе уготовить себѣ в народнои

памяти мѣсто, которое до него полновластно и полноправно занимал Великій Учитель Кун Фу-цзы (Конфуцій).

В книгѣ этого мудреца — «Разговоры» («Лун-юй») сказано: кн. II, ст. 3 —

— «Правитель, который увлекает поблажками, который управляет наказаніями — тот развращает народ и не имѣет совѣсти. А кто ведет народ своим существом, управляет нравственностью — у него есть совѣсть и он достигает добраго».

Каждое слово предсмертнаго завѣщанія Сун Ят-сена, которое теперь читается на поминальных службах, как молитва в том странном почти религіозном культѣ, который установился нынѣ в Китаѣ в честь его памяти служит подтвержденіем и воплощеніем выше приведеннаго назидательнаго завѣта Великаго Учителя, на авторитет котораго Сун Ят-сен никогда не покушался, в тайнѣ осторожно в чем можно было, в чем умѣл, подражая Кун Фу-цзы.

Сун Ят-сен скончался в Пекинѣ, в палатѣ Рокфеллеровскаго госпиталя 12 марта 1925 года, в 9.30 утра, согласно бюллетеня подписаннаго д-ром Krieg.

В канун своей кончины 11 марта 1925 г. (14 г. Китайской республики) он подписал свое завѣщаніе. Вот оно, в переводѣ на русскій язык г. Ван Цзэн-жуна.

«Я тратил свои силы на народную революцію 40 лѣт. Цѣль революціи заключается в том, чтобы Китай был свободным и равноправным. Накопив 40-лѣтній опыт, теперь я глубоко убѣжден, что для достиженія этой цѣли нужно пробудить народныя массы и соединиться с тѣми народами в мірѣ, которые относятся к нам, как к равным, и совмѣстно с ними вести борьбу.

«Теперь, когда революція еще не закончена, всѣ мои единомышленники должны, согласно выработаннаго мною плана общаго устройства государства, «Цзян-го-фанлюэ», и основных начал устройства государства, «Цзян-го-та-ган», идей «Сан-мин», и деклараціи 1-го Всекитайскаго съѣзда представителей, — продолжать свои усилія, дабы осуществить намѣченныя идеи. Ближайшія задачи: открыть народное собраніе и уничтожить неравные договоры.

«Необходимо в самый кратчайшій срок претворить их в жизнь, что и завѣщаю».

Проф. Н. И. Никифоров, в статьѣ «Мѣняющийся Китай», вѣрно указывает:

«Націоналістическое движеніе в Китаѣ—нѣчто большее, чѣм простое политическое движеніе. Чисто политическій аспект этого движенія представляет собой много неяснаго для европейца. Но иначе и не может быть. Политическое развитіе Китая происходит иначе, чѣм в Европѣ. На Западѣ политическія свободы были достигнуты раньше, чѣм появились радикальныя движенія. В Китаѣ же либерализм не предшествует радикализму, но существует одновременно и представляет собой не столько міровоззрѣніе извѣстнаго класса, сколько умонастроеніе отдѣльных личностей. Поэтому націоналістическое движеніе может проявляться в самых различных формах, но в основѣ его заложено стремленіе к культурной независимости, стремленіе сохранить національныя религіозно-этическія основы жизни».

«Это не значит, что движеніе совершенно отрицает западную культуру. Наоборот, оно стремится усвоить западную науку и технику, но скептически относится к этическим основаніям западной культуры. Преждевременно говорить о том, возможен ли синтез западной культуры и восточных этических цѣнностей, но наличіе подобной тенденціи не подлежит сомнѣнію».

Во всяком случаѣ мы имѣем всѣ основанія утверждать, на основаніи не только писаній Сун Ят-сена, но и фактов его политической дѣятельности, что он не был нигилистом ни в русском, дореволюціонном «базаровском», ни в большевистском смыслѣ этого слова.

Он не отметал прошлаго Китая, как негодную вещь, наоборот, он всю жизнь мечтал найти пути к сліянію китайскаго прошлаго, которым китайцы очень гордятся, с бурным, измѣнчивым настоящим. Его послѣдователи, кромѣ уклонившихся в коммунизм, шли тѣм же путем.

Профессор Пекинскаго университета У Дин-чан в интересном изслѣдованіи: «Экономическіе идеалы китайскаго народа», старается даже идеалы народнаго хозяйства обосновать на фундаментѣ извѣчной китайской философіи.

«Китай, как страна, имѣющая самую древнюю исторію и самую раннюю культуру из современных народов являет примѣръ вѣрности историческим завѣтам. Как его общественная организація, так и его идеалы находятся под большим вліяніем народнаго духа.

«Как доказательство этого положенія возьмем факт особенной неподатливости китайских общественных идеалов и их претворенія в жизнь. Тысячелѣтія текли мимо китайской жизни, с ея давно сложившимися формами и, измѣняясь внѣшне, в частности, до сего времени сохраняют древнія формы в своей основѣ. Пусть смѣнялись десятки династій, пусть не меньшее число раз переносилась столица государства, все равно ничего не могло оказать существеннаго вліянія на дух народа, на его основные принципы. Так же не могли отразиться и такіе огромные по своей объективной значимости факторы, как завоеваніе и управленіе, в теченіе цѣлых эпох страной, со стороны чужих племен. Во время этих эпох мѣнялись внѣшнія формы жизни, начиная с одежды и кончая системой управленія. Однако дух китайскаго народа нисколько не мѣнялся в своей основѣ, наоборот, пришельцы всегда, в концѣ концов, китаизировались, воспринимали китайскую культуру, оставляя без самой малѣйшей царапины дух нашего народа».

Тот же проф. У Дин-чан говорит, что дух китайскаго народа, в родовой его жизни, заключается в іероглифѣ «ан». В переводѣ, этот іероглиф обозначает «спокойствіе». Этот іероглиф является антиподом іероглифа «тян» (сильный, сила) и указывает, что для личности важнѣе всего спокойствіе, для отношенія с другими личностями — тоже спокойствіе и, наконец, для цѣлаго, для общества и государства, также важнѣе всего руководствоваться принципом «спокойствія» в политикѣ, в смыслѣ управленія, умиротворенія, руководства народом.

Хотя д-р Сун Ят-сен, по нашему скромному мнѣнію, был скорѣе воплощеніем начала «тян»: сильный, сила, хотя он не цѣнил спокойствія ни в себѣ, ни вокруг себя, и не исповѣдывал принципа, что для общества и государства «важнѣе всего принцип спокойствія», послѣ смерти, его останки окружены специфической атмосферой спокойствія и на всѣх, наиболѣе популярных, портретах его, распространяемых в официальном порядкѣ, это выраженіе сосредоточеннаго спокойствія особенно подчеркнуто ретушером.

На той статуѣ, которая помѣщена лежащей на крышкѣ его гробницы и которая в милліонах репродукцій распространена в Китаѣ, лицу отца китайской революціи также нарочито придано выраженіе спокойствія.

И надо признать, что тѣ, кто послѣ смерти учителя, сдѣлали все, что было в силах человѣческих, чтобы окружить его останки, в роскошном мавзолѣ на Пурпуровых горах, вдали от шума городского, предѣльным покоем, — поступили в полном соотвѣтствіи с подсознательной психической сущностью Сун Ят-сена, который, не смотря на внѣшній европеизм, был, всегда оставался, прежде всего, китайцем. Подсознательно, он никогда не пребывал в отрывѣ от родного народа и строя его народной души, каким бы паспортом, в своих скитаніях перваго эмигрантскаго періода жизни, он не пользовался и каким бы платьем не прикрывал своего тѣла.

Принцип «ан» мы находим по всей исторіи Китая: еще в эпоху Тан-юй (2357-2225 г. г. до Р.Х.) согласно древней книгѣ «Шаншу», гдѣ описывается политика императора Яо, дается исчерпывающее пониманіе этого принципа. Книга говорит слѣдующими словами: — «... он, держа себя с почтенной солидностью и думая систематически, как дать народу спокойствіе...»

Конфуцій, излагая исторію императора Шун, говорил:

— «Работая над собою, правители тѣм самым успокаивают народ».

Если в своей повседневной политической работѣ Сун Ят-сен не мог осуществлять и проповѣдывать принцип «спокойствія», так как он был рожден для *sturm und drang'a*, то этот принцип, во всяком случаѣ, не отвергался им, оставался для него далеким и прекрасным идеалом.

Сун Ят-сен полностью и до конца раздѣлял любимую мысль китайских политических писателей, гласящую, что внѣшняя политика Китая всегда давала примѣры слѣдованія принципу «ан».

«Всегда китайскій народ был терпѣлив и спокоен в сношеніях с другими народами, в болѣе раннія эпохи в сношеніях с пограничными племенами, в позднѣйшую эпоху с иностранными государствами».

Конфуцій говорил:

— «Если отдаленные люди не подчиняются нам, то мы должны улучшить наши политическія и нравственныя состоянія, сдѣлать их лучшими у себя, чтобы они, эти дальніе, сами пришли к нам, а, если придут, тогда нужно дать им возможность жить спокойно».

И хотя в Китаѣ, как и под всѣми другими широтами земного шара, давно уже не живут по завѣтам древних мудрецов, однако Конфуцій гениально проник в сокровенную сущность народнаго духа Китая, с которым всегда можно при умѣни и желаніи поладить, можно ужиться, но который, вмѣстѣ с тѣм, как-то удивительно незамѣтно, крайне медленно и в полном спокойствіи, естественным фізіологическим процессом не то что ассимилирует, но попросту растворяет в своей средѣ чужеродные элементы. Не надо забывать, что Китаю удалось, если не до конца растворить, то поглотить без остатка в крови своей, выходцев из Іудеи, которых в древнія времена насчитывались в Китаѣ тысячи.

И в самом завѣщаніи Сун Ят-сена, хотя оно должно было играть роль призывнаго утвержденія и будить к активности, если не в словах, то в тонѣ, безспорно разлит и сразу чувствуется извѣчный элемент «спокойствія».

Ни одного вскрика, ни одного восклицательнаго знака, ни упрека врагам, ни мольбы к ученикам и единомышленникам: спокойный завѣт в спокойных словах, хотя этот спокойный завѣт давался на одрѣ мучительной болѣзни и спокойныя слова говорились устами, перекоренными страданіем.

Культ Сун Ят-сена, учрежденный и поддерживаемый его учениками уже полностью и сразу создавался в абсолютном соотвѣтствіи с принципом, вложенным в іероглиф «ан»:

— Спокойствіе.

4.

В февралѣ 1932 г., в разгар кровавой горячки чапайских боев, исход которых был ясен каждому, хоть в малой долѣ знакомому с военной наукой, когда нервы китайскаго народа пребывали в зенитѣ напряженія, бывший личный секретарь д-ра Сун Ят-сена, д-р Вей-Ю, предпринял паломничество к могилѣ учителя, а, потом, описал свои впечатлѣнія.

Прежде всего бывший личный секретарь убѣжденно и высокопочтительно отмѣтил, что «три великих принципа» Сун Ят-сена могут отлично быть названы «тремя волями народа, существующая, как они есть, в обликѣ пра-

вительства народа, для народа и через народ».

Потом д-р Вей-Ю указал, что взятая на себя его великим учителем задача «просвѣтить и руководить національной волей Китая есть задача сверхчеловѣческаго размаха».

«Массы, невѣдающія ни о своих правах, ни о своих обязанностях, не только не были в силах отстаивать республиканскій режим, но и просто осуществлять его — вот почему онѣ попали в ярмо милитаристов».

«Сознав, — почтительно указывает личный секретарь, — допущенныя ошибки, Сун Ят-сен создал партію Го-мин-дан, для того, чтобы эти ошибки исправить».

В рядѣ своих трудов он разработал план національной реконструкціи, раздѣлив этот процесс на три этапа: період военного правительства, выполняющаго задачу объединенія страны, період гражданскаго воспитанія правительством народных масс и третій вождедѣльный період конституціонной власти.

Первый період завершен, по словам д-ра Вей-Ю, на завершеніе второго учителем было положено шесть лѣтъ, начав его исчисленіе с момента созданія національнаго правительства.

Установить этот момент было не легко, в чем с нами согласится и д-р Вей-Ю.

Національное правительство считало себя возникшим сперва в Ханькоу, потом в Нанкинѣ, не раз дѣлалась попытка объявить центром національной власти Кантон и, наконец, осенью 1930 г. когда в Пекин съѣхались вожди лѣваго Гоминдана, во главѣ с пламенным Ван-Цзишъ-веем, то, при поддержкѣ шаньсійскаго правителя Ен Си-шана и готоваго поддержать каждую власть при ея зарожденіи, воспріемника стольких правительств и их же ниспровергателя, Фын Ю-сяна, древняя столица должна была опять стать центром объединенія страны, в пику диктаторствовавшему Нанкину, если бы маршал Чжан Сюэ-лян не двинул из Мукдена свои войска, сокрушив коалицію.

Как бы там ни было, д-р Вей-Ю считает, что шестилѣтній період «гражданскаго воспитанія народных масс» не кончился, быть может, скажет скептической историк о нашем времени, еще и не начинался.

О срокѣ вступленія Китая в третью фазу, конституціоннаго управленія, пока что не принято говорить с

правовѣрными сун-ят-сенистами. Когда заходит разговор на эту деликатную тему, они, обычно, цитируют фразу из Завѣщанія: „революція еще не закончена“. Вѣдь и мы, русскіе, на пятнадцатом году російскаго бѣженства, все еще упрямо вѣрим, что революція не закончена и что неизбежна рѣшающая переменѣна, которая вернет нам родину. Евреи берегли аналогичное упованіе тысячи лѣтъ, привѣтствуя друг друга на Пасхѣ: «слѣдующій год в Іерусалимѣ».

Но вернемся к описанію паломничества к могилѣ. Д-р Вей-Ю вспоминает затѣм историческій момент послѣдняго пріѣзда смертельно больного Сун Ят-сена в древнюю столицу.

«Больной, прикованный к постели Сун Ят-сен поручил переговоры с Дуан Ци-чжунем Ван Цзинь-вею, а дипломатическія сношенія от его имени вели Евгений Чен и автор настоящих строк (д-р Вей-Ю).

«Его лицо было блѣдным, на нем залегла печать страданія, он должен был дѣлать усилія над собой, чтобы улыбнуться тѣм, кто посѣщали его в вагонѣ, по прибытіи в Пекин. Поддерживаемый двумя адъютантами, он дошел до автомобиля. Огромныя толпы народа наводнили вокзал и стояли по обѣм сторонам пути его к Grand Hotel de Pekin.

«По прибытіи в отель, сопровождаемый управляющим M-eur Maille и поддерживаемый адъютантами, он медленно прослѣдовал к подъемной машинѣ, на которой был доставлен в пятый этаж, и свидѣтели этой сцены не думали, что видят в послѣдній раз Сун Ят-сена на ногах.

Умирая, он мало говорил, голос его был слаб, так что надо было наклоняться, чтобы услышать слова, сходящія с его уст: «Любите родину», «Работайте на ея спасеніе», «Боритесь для успѣха революціи», — вот что говорил, по свидѣтельству личнаго секретаря, умиравшій Сун Ят-сен.

Описывая поѣздку к Пурпуровым горам, на которых возведен теперь мавзолей отцу китайской революціи, его бывший личный секретарь все время подчеркивает красоту ландшафта, который как бы преисполнен спокойствія, в полном соотвѣтствіи с древним философским принципом «ан».

«Мы медленно поднимаемся по ступеням. Трудный

подъем. К счастью устроено не мало мѣст для остановки и отдыха, откуда можно полюбоваться окружающим видом. Горы кажутся расплывчатыми на разстояніи. Во всем предѣльный покой. Землеробы то тут, то там работают в полном молчаніи. Едва слышны шаги солдат стражи. Какое разлито во всем спокойствіе. Мы приближаемся к мавзолею, который поражает нас своим величіем.

«Через лѣвую дверь передняго фасада мы входим в мавзолей. Мы в большом залѣ, гдѣ помѣщена огромная статуя Сун Ят-сена, высящаяся на пьедесталѣ, по которому идут барельефы. Въ всякаго сомнѣнія это великолѣпное произведеніе искусства. Но почему скульптор придаѣ нашему почившему вождю столь суровое выраженіе лица? Мы поднимаемся на ципочки, чтобы разсмотрѣть лицо получше. Черты его тверды и энергичны. Подбородок преисполнен воли. Очевидно, скульптор лично не был знаком с Сун-Ят-сеном, тогда бы он знал, что это лицо улыбалось, когда принимало друзей. На стѣнах, по сѣро-черному мрамору идут іероглифическія надписи. У подножія статуи до сих пор отлично сохранились вѣнки от членов его семьи. За статуей большая желѣзная дверь, наглухо закрытая, за нею почит Сун Ят-сен.

«Ведомые сержантом, мы слѣдуем к гробницѣ. Массивная дверь открывается, сержант уходит (оставляя, таким образом, д-ра Вей-Ю одного перед гробом).

«В одиночествѣ, приближаемся мы к гробницѣ, сферической по формѣ и монументальной, освѣщенной слабым свѣтом. Наше вниманіе цѣликом сосредоточено на гробѣ, который содержит набальзамированное тѣло нашего Вождя, перед которым мы творим низкій поклон. Как долго оставались мы в положеніи почтительнаго поклона, мы не знаем. Мы думали только о нем, который покоится на вѣки в этом гробу из холоднаго камня. Мы вспоминали о многих годах, проведенных с ним в Кантонѣ, в Шанхаѣ, Пекинѣ и далеко за предѣлами Китая, в Южных Морях, в Сингапурѣ, повсюду. Эти воспоминанія еще слаще цвѣтут в нашем сознаніи рядом с останками Сун Ят-сена. Мы не можем оторвать своих глаз от статуи, которая возлежит на крышкѣ гробницы.

«Или это очарованіе слабого освѣщенія или галлюцинація, но только в этой статуѣ нѣтъ и в поминѣ того

суроваго выраженія на лицѣ, как у статуи большой залы.

«Перед нами лицо Вождя, полное спокойствія и умиротворенія. Это почти улыбающееся лицо, каким бывало оно у него при жизни, когда приходили добрыя вѣсти».

ГЛАВА X.

1927 год.

Этот год навсегда останется памятным для европейцев, живших в Китаѣ.

В этом году европейцы попали в такой-же водоворот событий, как было при тайпинах, в эпоху кровопролитнаго возстанія, длившагося с 1847 года по 1864, как было при возстаніи боксеров, в 1900 году, которое шло под лозунгом изгнанія европейцев из Китая...

1927 год, как всѣ глубинныя, органическія народныя движенія в Китаѣ, подготовлялся медленно, исподволь, не спѣша — китайскія массы в особенности крестьянство не легко расшевелить, раскачать, привести в движеніе, тѣм болѣе «вздыбить», а тут надо было поднять такую волну, чтобы, начав свое движеніе вверх, к гребню, послѣ событий в маѣ 1925 года, на Нанкин рол в Шанхаѣ, эта волна продолжала свой подъѣм пока не разбилась о желѣзныя когорты японской пѣхоты у Цинана, но и разбитая, все-таки еще имѣла силу дохлестнуть через год до Пекина, овладѣв им, окончательно пойдя на убыль, обратно в нѣдра китайскаго народнаго океана, лишь у Шанхайгуаня, у границ Маньчжуріи.

В Кантонѣ была задумана, Кантоном была начата, матеріально и морально поддержана кампанія по продвиженію частей арміи Гоминдана на сѣвер, для объединенія Китая под красно-синим знаменем національной революціи.

Как правильно отмѣчаетъ В. А. Яхонтов в своей, в общем довольно пристрастной книгѣ: „Russia and the Soviet Union in the Far East”:

— «Общеизвестен факт, что совѣтскіе эмиссары, дѣйствуя официально как частные граждане, сыграли самую рѣшающую роль в организаціи сил національнаго Китая и помогли лидерам Гоминдана положить конец остаткам стараго режима в Китаѣ».

Исторія 1927 года начинается с того, как толпа кули, грузчиков в порту, рикш, бродяг и прочее, оказалась рѣшающим фактором в отторженіи британской концессіи в Ханькоу, когда отряд британских моряков, в первый раз за исторію существованія великой морской державы, стоял неподвижно на берегу под градом оскорбленій, несшихся из толпы, которую будоражили плакаты и рѣчи агитаціоннаго отдѣла партіи и правительства, в котором тогда распоряжались Бородин и Евгеній Чен.

Англичане, потом, долго не могли понять, как они потеряли концессію в Ханькоу и чтобы как-нибудь объяснить случившееся потом писалось, что генеральный консул Гофф проявил непростительную мягкотѣлость, что если-бы на его мѣстѣ был Гарольд Портер, который в 1925 году, в том-же Ханькоу, отстоял концессію от перваго натиска революціи, то она не была-бы отобрана... А что если-бы в 1925 году вмѣсто Портера был Гофф?— этот вопрос англичане оставляют без отвѣта.

Вторым виновником считали адмирала Синклера, быстро, как и Гофф, смѣщеннаго, когда было уже поздно, но, потом, всѣ скорпіоны англичан живущих в Китаѣ обратились в адрес главы тогдашняго министерства иностранных дѣл, сэра Остина Чемберленз, который провозгласил пресловутую формулу «терпѣніе и уступчивость», за что он по сей день причислен к самым одіозным фигурам англійскаго политическаго міра, в Китаѣ, хотя, кромѣ сэра Остина Чемберлена, был еще совѣтник посольства О'Мэлли, скрѣпившій своею подписью пресловутый договор с Евгеніем Ченом, на счет санкціи сдачи китайским націоналистам британской концессіи.

Смѣстив «соглашателя» Синклера, Англія прислала в Китай адмирала сэра Реджинальда Тируитт.

Адмирал Тируитт, не задерживаясь в Шанхаѣ, немедленно пошел на истребитель в Ханькоу, которое было уже захвачено кантонской арміей и фактически находилось во власти улицы.

Адмирал Тируитт, в адмиральской формѣ и без охраны, прогулялся по главным улицам бывшей концес-

сін в Ханькоу и дал в Лондон телеграмму:

— «Одна дивизія возстановит положеніе в Китаѣ».

Через три дня эта дивизія начала грузиться: полки Суффолькскій, Дурхэмскій, Пограничный и, впервые в исторіи, лучшей из гвардейских полков, Колдстрим-гардс, стали в срочном порядкѣ перебрасываться в Китай.

А событія, между тѣм, развертывались: вслѣд за Ханькоу пал Кьюкиан, иностранцы начали эвакуироваться из портов по Ян-цзе-цзяну, в Шанхаѣ появились англійскіе и американскіе бѣженцы.

21-23 марта, послѣ боев у Сѣвернаго вокзала, Шанхай так же стал добычей побѣдоносной кантонской арміи, во главѣ которой стоял мало, по тѣм временам, кому тогда знакомый ген. Чжан Кай-ши.

Вѣсть о паденіи Шанхая, который до этого входил в орбиту административнаго вліянія нанкинскаго маршала Сун Чуан-фана, будущаго союзника Чжан Цзо-лина, Москва встрѣтила восторженно: — газеты выпустили экстренныя летучки, начались демонстраціи совѣтских рабочих на фабриках, «Извѣстія» писали, что паденіе Шанхая «открывает новую страницу в исторіи отношеній между Китаем и державами, которым придется измѣнить свою прежнюю политику и сдѣлать выбор: или борьба с національным движеніем или соглашеніе с ним».

Шанхай был занят не столько обходным движеніем в тылу, сколько при помощи внутренняго взрыва, при явном сочувствіи большинства китайскаго населенія, в том числѣ и коммерческих кругов, потому что когда Шанхай фактически уже пал, Сучжоу, озеро Тайху, Вузи, Чинкиан всѣ эти важные в стратегическом отношеніи пункты подступов к Шанхаю, находились еще в руках сѣверян, на сторонѣ которых оперировали и небольшія русскія части арміи маршала Чжан Цзу-чана, в том числѣ два броневика.

Иностранный Шанхай, несмотря на то, что полного сосредоточенія экспедиціонных войск еще не было, рѣшил защищаться, в случаѣ натиска кантонцев на границы селтльмента или французской концессіи, и приказ к полной боевой готовности был отдан в полдень в понедѣльник 21 марта.

Одна из первых под Шанхаем боевых стычек разыгралась в Чапѣ, в районѣ русской церкви, гдѣ повстанцы, — красные партизаны из рабочих, захватив три

смежных зданія, вели пулеметный и ружейный обстрѣл частей, оставшихся вѣрными маршалу Чжан Цзу-чану и занимавших Сѣверный вокзал.

Сѣверяне были в фуражках с красным околышем, части маршала Сун Чуан-фана в шляпах, вродѣ скаутских, повстанцы были в штатском, с повязками на руках и с неизмѣнными красными бантами на груди.

В то время, как власти международного селтльмента производили срочную эвакуацію иностраннаго населенія из опасных районов вдоль Норд Сечуэн род, Диксвел род, Дент род и Рэндж род, при чем пространство от Хонкью парка до Рэндж род было объявлено «мертвой зоной», на поддержку наступающей арміи кантонцев выступили шанхайскіе рабочіе.

Агенты Кантона подготовили забастовку не только на китайской территоріи, но и на селтльментѣ, на французской концессіи, так что к 21 марта бастовало уже сто пятьдесят тысяч человек, на половину не рабатали трамваи, торговая жизнь в городѣ замерла.

Кантонцы подошли к самому Шанхаю со стороны Лунхва, гдѣ были встрѣчены передовым англійским постом и остановлены, а когда части сѣвернаго адмирала Пи Шу-чена, поняв бесполезность дальнѣйшаго сопротивленія стали бросать оружіе и пытались прорваться, спасая свою жизнь, на селтльмент, кантонцы овладѣли и Сѣверным вокзалом, который играл потом такую историческую роль во время боев японцев с кантонцами ровно через пять лѣт, в февралѣ-мартѣ 1932 года.

Живо помню свою прогулку около 4 час. дня 21 марта 1927 года от зданія почтамта вниз по Норд Сечуэн род.

Навстрѣчу мнѣ из районов, подлежащих, по распоряженію полиціи, срочной эвакуаціи, тянулись грузовики с узлами, с домашним скарбом, с захваченной в поппых мебелью. Тут-же сплошное, шагом, передвигалось море рикш, каких-то допотопных карет, в обычное время почти не видимых на улицах ин-странных концессій, с мелодичным, как-бы серебряным звоном, напоминающим куранты, и несчетныя толпы народа как на тротуарах, так и на мостовой, в сплошной мѣшанинѣ людей и экипажей.

А, навстрѣчу этому водовороту, двигались, с трудом пробираясь в толпѣ, военные мотоциклеты, одни с

чинами муниципальной полиціи, другіе с англійскими ординарцами. Тут-же, медленно, вышагивал патруль городских волонтеров, вчерашних клерков и управляющих конторами, сегодня превратившихся, послѣ мобилизації, в защитников иностраннаго Шанхая, со стальными шлемами, низко надвинутыми на глаза.

А над всѣм этим водоворотом, напоминавшим скорѣе библейскія сцены переселенія народов, рѣяли, в несмѣтном количествѣ из всѣх окон, с балконов, с крыш, красно-синіе и просто красные флаги, видимо заранѣе тщательно заготовленные, так как сочувствіе населенія, в началѣ 1927 года, было нескрываемо и явно на сторонѣ кантонцев, шедших в карательную экспедицію, на сѣвер, против суровых дущюней, проводивших режим военной диктатуры.

Революціонный центр, который тогда руководил или пытался руководить событіями, бросил всѣ наличныя воинскія силы кантонской арміи на захват Шанхая и в тот самый день, когда в Шанхаѣ происходили, только что описанныя выше событія, в Ханькоу, по распоряженію перваго внѣ предѣлов Кантона гоминдановскаго правительства, был опубликован приказ цензуровать всю почту иностранцев, а це-ка профсоюзов, дѣйствовавшій по директивам Бородина, снял рабочих с иностранных предпріятій и организовал забастовку банковских служащих.

Это был зенит совѣтскаго вліянія в Китаѣ — работа Бородина в Кантонѣ, Карахана в Пекинѣ, дала пышные всходы.

А в это-же самое время Коминтерн поднимал во всем мірѣ движеніе против «интервенціи», как тогда называли отправку британских экспедиціонных войск в Китай и высадку в Шанхаѣ полка американских морских стрѣлков.

В самом Лондонѣ манифестаціи слѣдовали одна за другою, на Трафальгарской площади и в Гайд паркѣ. На страницах лѣвых газет, как и на знаменах манифестантов, пестрѣли лозунги:

— «Руки прочь от Китая!» «Мир с Китаем!» «Возвратите войска!» «Никаких кредитов на войну с китайскими рабочими и крестьянами»...

Британское правительство, конечно, находилось под воздѣйствіем этого, искусно инспирированнаго, движенія.

Британское правительство, выражаясь мягко, сидѣло между двух стульев.

Национальной власти, кабинета без оппозиціи в Англии, как в 1932 году, не было, правил Англией консервативный кабинет Балдина, терявшій симпатіи в странѣ, рабочая партія пользовалась событіями в Китаѣ, как орудіем борьбы с юніонистским правительством и поэтому Англія вынуждена была ограничиваться тусклыми заявленіями вродѣ тѣх, что в Китаѣ нѣтъ ни одного правительства, которое можно было-бы признавать, что там есть нѣсколько правительств, борющихся между собою, что британское правительство не может стать всецѣло ни на сторону краснаго кантонскаго правительства, несмотря на то, что его власть распространилась на Шанхай и бассейн Ян Цзе-цзяна, ни на сторону «бѣлаго» пенкинскаго правительства.

Британское правительство соблюдает, гласили меморандумы, строгій нейтралитет в гражданской войнѣ, идущей в Китаѣ, и заботится лишь об охранѣ жизни и имущества англичан, живущих и работающих в этой странѣ.

А пока шли эти академическія разсужденія, разыгралась Нанкинская трагедія.

На одном из участков праваго фланга линіи Шанхай-Нанкинскаго фронта авангард кантонцев потѣснил сѣверян, возникла паника, солдаты сѣверяне стали уходить с позицій, за одной частью потянулись с фронта другія, Нанкин начал наводняться дезертировавшими солдатами.

Сначала их пытались было остановить, повернуть назад, рубили трусам головы, стрѣляли в упор — бесполезно. На переправах через Ян Цзе-цзян на Пукоу, творилось нѣчто трудно вообразимое.

Солдаты захватывали пароходы, бросались вплавь за катерами, сталкивали на понтонах друг друга в воду, были случаи, когда шаланды так перегружались людьми и лошадьми, что, отходя от берега, вскорѣ тонули, рѣка представляла мѣсиво из плавающих и тонущих людей и животных.

Паника, охватившая почти стотысячную шандуно — чжилійскую армію под Нанкином, была такова, что сѣверяне потеряли здѣсь почти всѣ свои интендантскіе запасы, большую часть артиллеріи, отступив за рѣку даже

без натиска противника, бывшего численно гораздо слабѣе сѣверян.

В этой трагедіи пролилась и русская кровь. Русским частям, входившим в состав 65 дивизіи ген. Нечаева, пришлось отступать с боем. Китайскія части, при стремительном отходѣ, обнажили русскіе фланги и кантонцы имѣли возможность начать обходное движеніе с цѣлью поймать русских в мѣшок.

Русскіе потеряли 32 человекъ убитыми и ранеными, но, все-таки, благополучно переправились в Пукоу, на ту сторону великой рѣки, в полном порядкѣ, и успѣли затопить захваченный перед тѣм пароход «Память Ленина».

Послѣ оставленія Нанкина регулярными частями, в городѣ начался грабеж, пожары и насилія. Озвѣрѣвшая чернь грабила, убивала, насилывала женщин не только из среды зажиточнаго китайскаго населенія, но и тѣх иностранцев, которые не успѣли или не хотѣли выбраться из города.

Трагедія Нанкина отрезвила многих из распорядителей судеб Гоминдана, отрезвѣвшіе, во главѣ с Чжан Кай-ши, поняли, что волны народнаго разгула уносят их все дальше, что они уже не в силах справиться со стихіей.

Как человекъ волевой, Чжан Кай-ши сразу рѣшил дѣйствовать — он разстрѣливает, в началѣ апрѣля, в Шанхаѣ заправил городской партизанщины и отказывается, в дальнѣйшем, подчиняться Уханской власти, рѣшив сформировать правительство в Нанкинѣ, из болѣе умѣренных элементов.

К этому моменту в одном только Шанхаѣ было уже сосредоточено до 20.000 британских штыков, находившихся под командой ген. Дункана, 2000 было высажено американских марин, такое-же количество японскаго морскаго десанта, 1500 волонтеров и около 2000 солдат находилось на французской концессіи. В гавани стояли военные корабли всѣх націй, даже Португаліи, и Голандіи, англичане подвезли авіо-базу.

Чжан Кай-ши понял, что как не глубоки были противорѣчія в средѣ держав, заинтересованных в Китаѣ, дальнѣйшее заигрываніе с Москвой и игра в ея дудку, могут объединить державы против націоналистов, тѣм болѣе, что ген. Дункан проявил неожиданную твердость, когда, под предлогом неудовлетворительнаго отвѣта от китайскаго командованія, предъявил ультиматум и, для

подкрѣпленія ультиматума, разобрал полотно желѣзной дороги на Нанкин.

Отступленіе держав перед китайским національным движеніем заканчивалось, надо было спѣшить налаживать с державами болѣе или менѣе пріемлемыя отношенія, что, автоматически, обозначало неизбѣжность разрыва с Совѣтами.

И вот мы видим, что хотя, на протяженіи весны и всего лѣта 1927 года, войска, теперь уже нанкинскаго правительства, стоят грудь с грудью против войск объединившихся в борьбѣ с Югом сѣверных маршалов: Чжан Цзо-лина, Сун Чуан-фана и Чжан Цзу-чана, хотя со стороны сѣверян дѣлается попытка начать переправу через Ян-цзе-цзян, для обратнаго овладѣнія Нанкином, но, под шумок спорадических перестрѣлок, Чжан Кай-ши вступает в переговоры с Чжан Цзо-лином.

Послы Нанкина то и дѣло, обходными путями, появляются в Пекинѣ или устраивают встрѣчи с сѣверянами на нейтральной почвѣ иностранных концессій Тяньцзина и Шанхая.

Положеніе совѣтскаго посольства в Пекинѣ становится все двусмысленнѣе, тѣм болѣе, что еще 3 августа 1926 года министерство иностранных дѣл в Пекинѣ отправило в Москву, на имя Чичерина, ноту с просьбой отозвать Л. М. Карахана, в результатѣ чего послѣдній вынужден был покинуть Китай. Сперва его замѣщал, на правах повѣреннаго в дѣлах, шанхайскій совѣтскій генеральный консул Линде, потом прибыл в Пекин послѣдній полпред Черных.

Памятный обыск китайской полиціи, произведенный в помѣщеніи военнаго агента при посольствѣ СССР в Пекинѣ, дал в руки пекинской власти много уличающих большевиков документов, каковыя документы, на протяженіи лѣта 1927 года, тщательно разсортировались китайцами, фотографировались и переводились как на китайскій, так и на англійскій языки, будучи тут-же опубликованы официалъным изданіем.

Потом послѣдовало в декабрѣ 1927 года возстаніе коммунистов в Кантоуѣ, жестоко подавленное мѣстными китайскими властями.

В этом возстаніи оказались замѣшанными чины совѣтскаго генеральнаго консульства, что было каплей, переполнившей чашу, и нанкинское правительство рѣ-

шило порвать дипломатическія отношенія с Москвой, потребовать отозванія обратно в СССР всѣх дипломатических, консульских и военных представителей советской власти в Китаѣ, чтобы, осенью 1932 г. ровно через пять лѣтъ сдѣлать устами д-ра В. В. Ена предложеніе Литвинову, возобновить дипломатическія сношенія и этим ставить палки в колеса Японіи в Маньчжу-Го.

Больше не существовало уже никаких препятствій к сближенію Нанкина с великими державами; Америка первая форсировала признаніе Нанкина, когда посланник г. Мак Муррей, весной 1928 года, примчавшись на канонеркѣ, подписал в Шанхаѣ с представителем Нанкина соглашеніе о таможенной автономіи, являвшееся одновременно фактическим признаніем нанкинской власти центрального правительства Китая.

Послѣ добровольнаго отхода съверян и маршала Чжан Цзо-лина націоналистическія іюня 1928 года вступили в Пекин. В исторіи Китая перевернута новая страница.

ГЛАВА XI.

О „неравных договорах“.

В концѣ завѣщанія д-ра Сун Ят-сена указаны двѣ «ближайшія задачи» его послѣдователям и ученикам: «открыть народное собраніе и уничтожить неравные договоры».

Бороться с «неравными договорами» было тѣм легче, что эта борьба началась еще при жизни д-ра Суна и к моменту его кончины она как раз была в самом разгарѣ.

Однако, послѣ начала активных, японских военных дѣйствій, с 18 сентября 1931 г., в Сѣверной Маньчжуріи, разговоры о желательности, о необходимости, о возможности, о неизбѣжности отмѣны так называемых неравных договоров, которыми двѣнадцать лѣтъ подряд, без перерыва, были заняты умы как китайцев, так и иностранцев, как дипломатов, так и обывателей, живущих в Китаѣ, начали стихать, а, под грохот японских пушек в Шанхаѣ, в февралѣ 1932 г., совсѣм прекратились.

Но надо полагать, что это было лишь временным явленіем—китайскій націонализм снова поднимет, уже поднимает голову, снова воспрянет, как только ликвидируется полувойна с Японіей, подобно тому, как, в дни шанхайских боев, никто не слышал ни о каких забастовках, но, вот, стоило военным дѣйствіям ликвидироваться, как опять Шанхай по-прежнему сотрясается своей постоянной, перемежающейся лихорадкой рабочих волненій — забастовка трамвайщиков смѣняется забастовкой почтовиков, за почтовиками начинают проявлять беспокойство работницы на хлопчато-бумажных или шелкопрядильных фабриках,

против чего-то протестуют студенты того или иного высшего учебного заведения и т. д.

Национальное движение в Китаѣ существует, оно распространено по всей странѣ, оно пошло вглубь, в народную толщу, иногда оно принимает бурныя формы уличных демонстрацій, иногда тлѣет под землей, но не затухает, потому что оно всегда было живо в народѣ, как жив нутрянной патриотизм націи, этот, своего рода, источник государственнаго самосохраненія и конденсатор народной сопротивляемости, в каждой здоровой странѣ. В Китаѣ национальное движение к тому-же тѣсно переплетено с вѣчно существующим, тоже здѣсь органическим, движением извѣстнаго непріятія иностранщины — ксенофобія может ни в чем не проявляться, может годами не давать о себѣ знать, но она всегда жива, хотя-бы и пребывала періодами в стадіи анабіоза.

Экстерриториальность, своеобразно преломляясь в сознаниі китайских народных масс и сложившись в довольно сумбурное и путанное понятіе — под воздѣйствіем митинговых рѣчей, зажигательных статей в газетах и лозунгов на агитационных плакатах партіи Гоминдан, самым своим наличіем свидѣтельствует о власти и силѣ чужестранных пришельцев в Китаѣ.

Вот почему агитація против неравных договоров и их дѣтища, экстерриториальности, умрет вмѣстѣ со смертью этого института.

Можно согласиться с софистическими разсужденіями иностранных, в-особенности англійских, публицистов, как из Китая пишущих, так и пишущих о Китаѣ, в Англии, что экстерриториальность, по началу, возникла по инициативѣ самих китайцев, желавших, чтобы европейцы жили в тѣх мѣстах, которые Китай, не без нажима оружіем, согласился им отвести, и торговали только через тѣх лиц, компрадоров, которые на то получили специальное разрѣшеніе китайских властей и чтобы на них не распространялись законы, под которыми тысячелѣтія счастливо жили сыны, тогда Поднебесной Имперіи, пользуясь для своих чужеземных дряг чужеземными законами, разбираться в которых у китайцев, лѣт девяносто, сто тому назад, яко-бы, не было особеннаго желанія.

Но если так было в годы, предшествовавшіе подписанію знаменитаго Нанкинскаго договора в 1842 году, то, с тѣх пор и по сіе время, все в Китаѣ в корнѣ измѣ-

нилось: экстерриториальность стала и, пока что, остается институтом, помогающим влиятельным иностранцам жить в Китаѣ так, как они хотят, не считаясь с дѣйствующим в Китаѣ законодательством, не прибѣгая к защитѣ китайских судебных установлений и предоставляя даже китайцам право искать защиту своих, китайских, интересов на китайской землѣ против иностранцев не в китайском, а в иностранном консульском судѣ.

Китайским судебным установлениям и китайскому законодательству нами ниже посвящена специальная глава, так что здѣсь нам приходится лишь зафиксировать факт, что экстерриториальность (по русски — «внѣземельность») иностранцев в Китаѣ есть институт, который Европа вообще любила примѣнять в Азiи и в колонiях, конечно, не во вред себѣ, а на пользу — так было с режимом капитуляцій в Турціи, также было, в свое время, и в Японіи, пока послѣдняя не набралась достаточно реальной силы для того, чтобы дать иностранным державам понять, что больше, отнынѣ и впредь, она у себя их экстерриториальности и консульской юрисдикціи не потерпит. Пришлось, уступив, сдѣлать вид, что отказ от прав внѣземельности в Японіи носит добровольный характер.

Софистика иностранных журналистов, защитников экстерриториальности, в том числѣ и нынѣшних японских защитников этого института, как раз именно на примѣрѣ Японіи старается убѣдить, что иностранцы отказались от особых прав и преимуществ внеземельности в Японіи, только тогда, когда послѣдняя предварительно провела ряд необходимых, судебных и административных реформ, уничтожила архаическія формы судопроизводства, выстроила просторныя тюрьмы, ввела институт правозаступничества по европейскому образцу, декларировала, что власть исполнительная подчиняется власти законодательной и пр.

Не будем спорить, но отмѣтим что, если-бы Китай обладал той-же вооруженной силой, какую имѣла Японія, когда там институт внеземельности иностранцев был уничтожен, то иностранная дипломатія пошла-бы на уничтоженіе экстерриториальности не добываясь предварительно опубликованія новых уголовных и гражданских законов, реформы судебных установлений, постройки комфортабельных тюрем и т. д.

Примѣръ Турціи, которая, благодаря волевой энергии Кемаль Паши и натиску на державы кемалистской дипломатіи, уничтожила институт капитуляцій, служит лучшим подтвержденіемъ высказанной нами мысли.

По опредѣленію д-ра Альфреда Ши (Цзе), бывшаго китайскаго посланника сперва в Вашингтонѣ, потомъ при Сэнт-Джемскомъ Дворѣ — «юридическій иммунитет иностранцевъ в отношеніи китайскихъ властей распространялся гораздо дальше того, на что пошелъ в договорахъ Китай. Система экстерриториальности иногда даетъ возможность иностранцу остаться безнаказаннымъ, во-первыхъ потому, что нѣтъ по близости суда, гдѣ можно было-бы возбудить противъ иностранца преслѣдованіе, во-вторыхъ, потому, что, подчасъ, примѣненіе в консульскихъ судахъ своихъ-же законовъ производится по линіи наибольшаго снисхожденія к обвиняемому».

«Но — продолжаетъ этотъ китайскій дипломатъ, — что особенно раздражаетъ китайское общественное мнѣніе, это тѣ выгоды, которые иностранный купецъ, при желаніи, можетъ извлечь пользуясь наличіемъ института консульской юрисдикціи. Иностранныя фирмы, коммерсанты и промышленники, будучи свободны отъ китайскаго контроля и наблюденія, могутъ, на территоріи Китая, совершать дѣянія, которыя китайскимъ закономъ строго воспрещается совершать китайскимъ коммерсантамъ. Какъ примѣръ, можно указать, — говоритъ д-р Ши, что иностранные банки в Китаѣ обладаютъ правомъ, безъ согласія китайскаго правительства, не только открывать отдѣленія в любомъ изъ трактатныхъ «открытыхъ» портовъ, но пускать в обращеніе свои банкноты, не ставя об ихъ количествѣ и мѣновомъ качествѣ в извѣстность китайское правительство».

Мы можемъ не продолжать цитированіе этого заявленія потому, что «за» и «противъ» экстерриториальности исписаны горы бумаги, опубликованы десятки книгъ на разныхъ языкахъ и эти писанія, с одной стороны, основательно подточили этотъ нѣкогда прочный фундаментъ иностраннаго благополучія в Китаѣ, а, с другой, наоборотъ, помогаютъ удерживать институтъ экстерриториальности — явно устарѣвшій, себя достаточно в условіяхъ современности изжившій, даже дискредитировавшій, нуждающійся в какой-то основной перестройкѣ или окончательной отмѣнѣ, хотя-бы потому, что нынѣшняя экстерриториальность «для немногихъ» в Китаѣ, это бьющій в глаза

анакронизм, пребывающий в явном диссонансѣ с вѣяніями времени, при том трудно совмѣстимый с нынѣшней міровой экономикой и противорѣчащій современным путям интернаціональнаго сближенія народов, кристаллизованных в далеко несовершенном, но все-же реально существующем институтѣ Лиги Націй.

«Институт вѣземельности иностранцев в Китаѣ» создан, рос, расширлся, процвѣтал в атмосферѣ элементарнаго по основным вопросам политики в Азіи единенія всѣх европейских держав, которыя, в девятнадцатом вѣкѣ, были преисполнены сознанія своего безусловнаго, не подлежаваша никакому сомнѣнію, превосходства интеллектуальнаго, военнаго, даже физическаго над азіатскими народами.

Конечно, интриги между державами всегда существовали.

Англія, к примѣру, всегда подозрѣвала Россію в злокозненном желаніи, через Монголію и «желтую вѣру» буддизма, подобраться поближе к Тибету, а, через Тибет, как равно и через Афганистан, Персію, Бухару, Хиву угрожать британскому владычеству в Индіи.

Конечно, в 1898 году кн. Лобанов-Ростовскій подписал с Ли Хун-чжаном договор, не подлежавшій опубликованію, который, по мнѣнію и современных англійских публицистов, не только помог подѣлить Китай на сферы вліянія, но предрѣшил русско-японскую войну, обезпечил помощь Англіи японцам в этой войнѣ и многое другое.

Но, несмотря на интриги между собой, все-таки единый фронт всѣх бѣлокожих держав в Китаѣ не был фикціей.

В этот фронт замкнули, с общаго согласія и Японію, во-первых, считаясь с ея военной силой, во-вторых, рассчитывая, что ея реальную мощь можно будет удобно использовать в обще-европейских интересах, а в третьих, из опасеній, что оставшись в сторонѣ от концерта бѣлых держав Японія поддержит Китай против Европы, выдвинув азіатскую доктрину Монроэ: «Азія для азіатов»!

В китайской столицѣ Пекинѣ, в посольском кварталѣ засѣдал совѣт послов, который умѣл когда нужно дѣйствовать против китайских притязаній едино.

В каждом крупном городѣ находился совѣт консулов трактатных держав — подчиненный пекинскому

совѣту послов от всѣх самых вліятельных держав Европы, плюс Америка и Японія.

Германія и Россія играли большую роль в совѣтѣ послов.

Расправа держав над боксерами началась послѣ убійства германскаго посланника Кетлера и державы санкціонировали захват нѣмцами полуострова Кіао-чжао в иной транскрипціи Цзао-Чжоу послѣ того, как в концѣ 1897 г. были убиты два нѣмецких миссіонера, китайской чернью. Проф. Мартенс по этому поводу отмѣчает, что на основаніи трактата, заключеннаго между Германской Имперіей и Китаем, послѣдній уступил первой бухту Циндао с окрестностями в аренду и полное управленіе на 99 лѣт («Междун. право». Том 1, стр. 369).

Отправляя экспедиціонный отряд в Китай, Вильгельм Второй не только в его адрес, но и в адрес всѣх иностранных отрядов, тѣснивших боксеров, бросил крылатую фразу — «патронов не жалѣть», повторенную, потом столь неудачно, в московской интерпретаціи градоначальником Треповым, при подавленіи возстанія на Преснѣ.

Пекин долго не забывал кровавой бани, устроенной в нем, ген. Вальдерзее и «Вальдерзее казерне» было мѣсто, которое знал каждый возница-рикша, равно как, до сих пор, в посольском кварталѣ Пекина существует «рю» Линевица.

Но началась европейская война и державы Антанты спѣшно и достаточно недалековидно, стали на перегонки интриговать против Германіи и ея союзников.

Китай послѣ долгих колебаній вступил в войну с Германіей и по подсказкѣ экстерриториальных англичан, французов и др. в Китаѣ было воздвигнуто, на глазах у китайцев, всяческое возможное гоненіе на экстерриториальных-же нѣмцев — вплоть до отобранія у экстерриториальных германцев и австрійцев их собственных домов, магазинов и пр., вплоть до осады и захвата японцами экстерриториальнаго нѣмецкаго Циндао.

Крѣпость экстерриториальности, единый фронт трактатных держав против Китая дал зловѣщую трещину и трещина эта стала все расширяться, под воздѣйствіем вспыхнувшей в 1917 году русской революціи.

Революція в Россіи не только сразу-же еще при Временном правительствѣ связала активность русских

дипломатов, а, потом, она провозгласила открыто полный отрыв от традиционной политики «царизма».

— До «нот» Карахана и в двух этих нотах, красный Петроград, потом Москва, предлагали Китаю брать обратно от России все, что он считает захваченным ею у него «слугами самодержавия» под предложением и в силу «неравных договоров»: — концессии, Китайскую Восточную железную дорогу, фонды боксерской контрибуции и пр., и пр. и пр.

Экстерриториальность русских *de jure* еще существовала, *de facto* выветривалась с каждым днем.

В Китае не было в 1917 — 1920 г. г. социальной революции, центральная власть в Пекине часто мѣнялась, Пекин, вообще, ладил и считался еще с советом послов, так что сразу все взять, что принадлежало России и экстерриториальным русским, китайцы не захотѣли, но медленно, исподволь, осторожно, послѣдовательно и достаточно систематически, они стали возстанавливать свои права, прибирать, что можно, к своим рукам.

23 сентября 1920 г. была опубликована энциклика президента Ли Юан-хуна об отмене консульской юрисдикции в отношении русских, проживающих в Китае; за этим послѣдовала передача китайским властям русских концессий в Тяньцзинь и в Ханькоу, прекратил свои функции русской окружной суд в Харбине, потом русское городское самоуправление, закрыло двери российское посольство, российский генеральный консул в Шанхае превратился в советника по русским делам при китайской канцелярии, которая взяла на себя функции охраны русских, лишившихся консульской защиты.

В новых договорах, которые побѣжденные Германия и Австрия подписали с Китаем, они торжественно подтвердили отказ от особых прав и консульской юрисдикции, чему в началѣ радовались державы-побѣдительницы, потом стали сокрушаться; таким образом в Китае к 1921 году, к моменту созыва Вашингтонской конференции оказались иностранцы, «пользующіеся» и «не пользующіеся» экстерриториальностью. Послѣдних числом было гораздо больше, чѣм первых.

С одной стороны — англичане, французы, японцы, американцы, с другой русские, а, затѣм германцы, австрийцы, прежде игравшіе такую вліятельную, подчас доминировавшую роль в Китае и лишившіеся особых прав и

привиллеій всѣдствіи ослабленія военной мощи своих государств. Китайцы все это понимали, усваивали, вырабатывали средства борьбы с тѣми, кто был еще силен в Китаѣ.

Надо учесть, что еще за долго до пропаганды из Москвы за отмѣну экстерриториальности и уничтоженіе «неравных договоров», державы Антанты, добиваясь вступленія Китая в войну, обѣщали Китаю осуществленіе его сокровенных національных чаяній на счет того, чтобы выйти из положенія опекаемой страны, обѣщали пересмотрѣть договора прошлаго, получившіе у китайских делегатов кличку «неравных», обѣщали установить в будущем отношенія равные с равным, дать автономію таможни, уничтожить отдѣленія иностранной почты, обсудить вопрос о будущем консульской юрисдикціи и т. д.

Вежальская конференція в 1919 году показала китайцам, что радужныя по началу надежды далеки еще от осуществленія, что, добровольно, державы ничего отдавать не будут, что посулы, которыя дѣлались в трудный для Антанты період, теперь старательно забыты, что, для осуществленія національных чаяній, требуется борьба.

Она была начата и во главѣ движенія стала учащаяся молодежь.

В этой борьбѣ, которая продолжалась двѣнадцать лѣтъ до 18 сентября 1931 года, китайская дипломатія отлично использовала всѣ ошибки военного періода европейской дипломатіи, а также не отказалась от поддержки, которая была предложена в своих цѣлях из совѣтской Москвы, введя как фактор дипломатической борьбы выступленія народных масс: демонстраціи и бойкот.

Цѣли борьбы совѣтской дипломатіи и китайской не раз совпадали за указанный період — китайская дипломатія, находившаяся под постоянным воздѣйствіем нарастающаго національнаго движенія, иногда принимавшаго формы открытой ксенофобіи, добивалась прежде всего расщепленія трактатных держав, систематически подрывая авторитет совѣта послов в Пекинѣ.

Совѣтская дипломатія, связавшись по началу вплотную с національным движеніем, всячески его поддерживая и, раздувая, так-же была заинтересована в том, чтобы единый фронт «империалистических держав» в Китаѣ перестал существовать и чтобы совѣт послов, как инсти-

тут, руководящей политикой держав в Китаѣ, был дискредитирован, обезкровлен и обезличен.

Прежде всего надо было, что-бы в глазах китайцев он «потерял лицо».

Москва с этой цѣлью ничего не стоило возвести Л. М. Карахана в ранг посла, что дѣлало его автоматически выше всѣх посланников великих держав и превращало совѣтскаго посла в декана дипломатическаго корпуса, каковыя функціи Карахан и нес на церемоніи возведенія маршала Цао-Куна в должность президента республики.

Большевики, с разрѣшенія растерявшагося совѣта послов, заняли помѣщенія россійскаго посольства, превратив эти барскія помѣстья, пребывающія в центрѣ посольскаго городка, в штаб-квартиру революціоннаго, анти-иностраннаго движенія, при чем молодые китайскіе коммунисты и всѣх мастей красные агитаторы то и дѣло ныряли в подъѣзд посольства, прежде выдавшаго под своими сводами лишь сановников, свѣтских дам, военных и прочих атташэ и почтительных секретарей.

Из Россіи прибыл в Пекин выдающійся цивилист проф. Пергамент, которому был дан заказ, при помощи своей незаурядной эрудиціи, взрывать, в научных статьях на англійском языкѣ, авторитет и престиж цитадели экстерриториальности в Китаѣ — посольскаго квартала в Пекинѣ.

Дальше случилось все то, что должно было случиться, все то, что так хорошо всѣм извѣстно.

Как не глубоки были персональныя и идеологическія расхожденія революціоннаго юга и консервативнаго, военнаго сѣвера, в вопросѣ об отмѣнѣ экстерриториальности, Пекин всегда охотно переходил на мелодію Кантона и Кантон говорил державам то-же самое, что говорил правый и «бѣлый» Пекин, пока он был столицей.

Лучшим тому доказательством служит, что три крупнѣйших пекинских дипломата послѣдняго времени д-р С. Т. Ван, Веллингтон Ку и Альфред Ши продолжали дѣлать дипломатическую карьеру и при нанкинском режимѣ. Можно-ли у нас представить возможность совмѣстной работы С. Д. Сазонова с В. Г. Чичериным или М. М. Литвиновым? А в Китаѣ мѣстный Чичерин, Евгений Чен, замѣстил С. Т. Вана и уступил свой пост Веллингтону Ку.

привилегій всѣдствіи ослабленія военной мощи своих государств. Китайцы все это понимали, усваивали, вырабатывали средства борьбы с тѣми, кто был еще силен в Китаѣ.

Надо учесть, что еще за долго до пропаганды из Москвы за отмѣну экстерриториальности и уничтоженіе «неравных договоров», державы Антанты, добиваясь вступленія Китая в войну, обѣщали Китаю осуществленіе его сокровенных національных чаяній на счет того, чтобы выйти из положенія опекаемой страны, обѣщали пересмотрѣть договора прошлаго, получившіе у китайских делегатов кличку «неравных», обѣщали установить в будущем отношенія равные с равным, дать автономію таможеніи, уничтожить отдѣленія иностранной почты, обсудить вопрос о будущем консульской юрисдикціи и т. д.

Версальская конференція в 1919 году показала китайцам, что радужныя по началу надежды далеки еще от осуществленія, что, добровольно, державы ничего отдавать не будут, что посулы, которыя дѣлались в трудный для Антанты період, теперь старательно забыты, что, для осуществленія національных чаяній, требуется борьба.

Она была начата и во главѣ движенія стала учащаяся молодежь.

В этой борьбѣ, которая продолжалась двѣнадцать лѣтъ до 18 сентября 1931 года, китайская дипломатія отлично использовала всѣ ошибки военного періода европейской дипломатіи, а также не отказалась от поддержки, которая была предложена в своих цѣлях из совѣтской Москвы, введя как фактор дипломатической борьбы вступленія народных масс: демонстраціи и бойкот.

Цѣли борьбы совѣтской дипломатіи и китайской не раз совпадали за указанный період — китайская дипломатія, находившаяся под постоянным воздѣйствіем нарастающаго національнаго движенія, иногда принимавшаго формы открытой ксенофобіи, добивалась прежде всего расщепленія трактатных держав, систематически подрывая авторитет совѣта послов в Пекинѣ.

Совѣтская дипломатія, связавшись по началу вплотную с національным движеніем, всячески его поддерживая и, раздувая, так-же была заинтересована в том, чтобы единый фронт «империалистических держав» в Китаѣ перестал существовать и чтобы совѣт послов, как инсти-

тут, руководящій политикой держав в Китаѣ, был дискредитирован, обезкровлен и обезличен.

Прежде всего надо было, что-бы в глазах китайцев он «потерял лицо».

Москвѣ с этой цѣлью ничего не стоило возвести Л. М. Карахана в ранг посла, что дѣлало его автоматически выше всѣх посланников великих держав и превращало совѣтскаго посла в декана дипломатическаго корпуса, каковыя функции Карахан и нес на церемоніи возведенія маршала Цао-Куна в должность президента республики.

Большевики, с разрѣшенія растерявшагося совѣта послов, заняли помѣщенія россійскаго посольства, превратив эти барскія помѣстья, пребывающія в центрѣ посольскаго городка, в штаб-квартиру революціоннаго, анти-иностраннаго движенія, при чем молодые китайскіе коммунисты и всѣх мастей красные агитаторы то и дѣло ныряли в подѣзд посольства, прежде выдавшаго под своими сводами лишь сановников, свѣтских дам, военных и прочих атташэ и почтительных секретарей.

Из Россіи прибыл в Пекин выдающійся цивилист проф. Пергамент, которому был дан заказ, при помощи своей незаурядной эрудиціи, взрывать, в научных статьях на англійском языкѣ, авторитет и престиж цитадели экстерриториальности в Китаѣ — посольскаго квартала в Пекинѣ.

Дальше случилось все то, что должно было случиться, все то, что так хорошо всѣм извѣстно.

Как не глубоки были персональныя и идеологическія расхожденія революціоннаго юга и консервативнаго, военнаго сѣвера, в вопросѣ об отмѣнѣ экстерриториальности, Пекин всегда охотно переходил на мелодію Кантона и Кантон говорил державам то-же самое, что говорил правый и «бѣлый» Пекин, пока он был столицей.

Лучшим тому доказательством служит, что три крупнѣйших пекинских дипломата послѣдняго времени д-р С. Т. Ван, Веллингтон Ку и Альфред Ши продолжали дѣлать дипломатическую карьеру и при нанкинском режимѣ. Можно-ли у нас представить возможность совмѣстной работы С. Д. Сазонова с В. Г. Чичериным или М. М. Литвиновым? А в Китаѣ мѣстный Чичерин, Евгений Чен, замѣстил С. Т. Вана и уступил свой пост Веллингтону Ку.

Вашингтонская конференція не разрѣшила, но подняла вопрос о пересмотрѣ державами положенія об экстерриториальности иностранцев в Китаѣ.

Вѣрнѣе, сдвинула этот вопрос с мертвой точки.

Державы, имѣющія договоры с Китаем, большинство сроков которых истекло, полуискренно согласились пересмотрѣть их и, на чем Китай, послѣ вступленія в войну с Германіей на сторонѣ держав Согласія усиленно настаивал, подписать в будущем новыя соглашенія, которыя были-бы совмѣстимы с достоинством Китая, как суверенной державы.

Для того, чтобы еще больше убѣдить Китай в своей искренности, державы рѣшительно настаивали на том, чтобы Китай поскорѣе провел у себя судебную реформу, о чем мы выше говорили (этот послѣдній пункт сознательно был выдвинут для оттяжки вопроса) и, окончив с гражданской войной, сформировал-бы новое правительство, поддержанное всей націей, которое могло-бы возстановить в странѣ законность и поддержать порядок и спокойствіе.

Зная истинное положеніе вещей в Китаѣ, как оно опредѣлилось к 1921 году, когда в Вашингтонѣ собралась конференція девяти держав, зная, что Китай, еще при Маньчжурах, сохранял лишь фиктивное единство, что каждый из отдѣльных, пространственно огромных и экономически не очень друг от друга зависящих, округов, живет своей собственной, самостоятельной жизнью, зная, что революція 1911-12 г. г. порвала послѣднія скрѣпы между отдаленными провинціями, которыя могли друг от друга не зависѣть экономически, державы хитро постановили в Вашингтонѣ, что онѣ торжественно обязуются блюсти и охранять единство и недѣлимость Китая, в его нынѣшних исторических границах.

Для 1921 года эта формула весьма устраивала Америку, которая добивалась тогда вывода японских войск из русскаго Приморья, а также из полосы отчужденія Китайской Восточной желѣзной дороги, а, кромѣ того, эта формула, как будто, обезпечивала (так тогда хотѣли вѣрить) Америку, Англію и Францію от того, что Японія, явочным порядком, захватит Сѣверную Маньчжурію, в виду слабости Китая и потери державнаго пре-

стижа Россіей, превращенной в цитадель міровой коммунической пропаганды.

Пообѣщали державы в Вашингтонѣ Китаю довольно много, так как всѣ онѣ, кромѣ Японіи, были втапору сильно истощены европейской войной и моральное отсутствіе их перед поднявшим голову китайским націонализмом продолжалось.

Но можно не сомнѣваться, что в глубинѣ души профессиональные дипломаты, в том числѣ, вѣроятно, и американская дипломатія, полагались на то, что «скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается» и что пока Китай будет осуществлять свою судебную-административную реформу, пока, из распутицы междоусобія отолется в прочныя формы центральная власть, пройдет столько времени, что рѣшенія Вашингтонской конференціи потеряют свою обязывающую императивную силу (в смыслѣ радикальных уступок, конечно).

В отвѣт на рѣшенія Вашингтонской конференціи Японія стала систематически отмежевывать, очень осторожной и достаточно искусной политикой, Три Восточных Провинціи от остального Китая, встрѣчая поддержку со стороны старо-мукденской партіи.

Совѣтская Россія, отсутствовавшая в Вашингтонѣ и его рѣшеніями не связанная, поспѣшила закрѣпить вліяніе в Монголіи, не считаясь с тѣм, что Монголія входит в «историческія границы Китая», каковыя границы великія державы, гегемоны міра, соглашеніем в Вашингтонѣ, торжественно обѣщали оберегать, в полной их неприкосновенности.

Переходя от одного разочарованія к другому, видя уклончивую, всегда двойную игру держав, Китай, сам раздираемый междоусобіем, рѣзко подѣленный на Юг и Сѣвер, не только стал играть на противорѣчіях интересов держав (исконная тактика китайской дипломатіи) — но, мало по малу, был вовлечен в совмѣстное с СССР выступленіе в отношеніи судьбы Китайской Восточной желѣзной дороги, завершившееся соглашеніем, подписанным в Мукденѣ 24 октября 1924 года, по которому права французскаго капитала, в лицѣ Русско — Азіатскаго Банка и им поставленнаго правленія, были объявлены ничтожными и Китайская Восточная желѣзная дорога перешла в вѣдѣніе и совмѣстную эксплуатацію китайцев и совѣтскаго правительства.

Волны революціоннаго в Китаѣ движенія поднимались все выше, сил бороться с бушевавшей в 1925-27 г. г. стихіей у держав не было, онѣ брели разными путями и друг другу мало вѣрили, так что надо было лить какое-то масло успокоенія на воду.

И вот, в ноябрѣ 1926 года, в Пекинѣ была закончена кропотливая работа представителей держав, обслѣдовавших вопрос о путях постепенной отмѣны экстерриториальности.

На торжественной церемоніи в пекинском Вай-цзяо-бу, (министерствѣ иностранных дѣл) были оглашены выработанныя комиссіей держав постановленія слѣдующаго характера по пересмотру вопроса об экстерриториальности и консульской юрисдикціи.

Первое постановленіе гласило, что отправленіе правосудія на всем пространствѣ Китая, в отношеніи гражданскаго населенія, должно отправляться судебными органами, совершенно свободными от какого либо вмѣшательства исполнительной власти в отправленіе ими правосудія.

Второе постановленіе говорило о принятія Китаем программы по улучшенію существующаго законодательства, о реформѣ судебных установленій и тюремной системы. Комиссія патетически взывала перед китайским правительством о необходимости создать современные суды, уничтожить старые архаическіе магистраты, улучшить финансовое положеніе чинов судебного и тюремнаго вѣдомства и т. д.

Идя дальше на встрѣчу пожеланіям китайскаго общественнаго мнѣнія, комиссія держав намѣтила пути постепеннаго, если не отказа, то отхода от экстерриториальности.

В пунктѣ четвертом пожеланій комиссії объявлялось, что, до окончательной отмѣны экстерриториальности, в переходный період, пока будут осуществляться указанные реформы, державы соглашаются внести нѣкоторыя измѣненія в существующую систему примѣненія норм экстерриториальности.

1) державы могут согласиться примѣнять в своих экстерриториальных и консульских судах тѣ китайскіе законы и постановленія, какіе онѣ найдут умѣстным примѣнять;

2) в смѣшанных судах, при разборѣ дѣл, в которых

истец является подданным трактатной державы, а ответчик находится под китайской юрисдикцией, дела разбираются китайским судьей без участия иностранного assessora.

Кромѣ того, указанные постановленія обезпечивали выступленіе иностранных адвокатов в дѣлах, гдѣ одна из сторон была иностранец, другая — китаец.

А, самое главное, что постановленія комиссіи по вопросу об экстерриториальности обѣщали вмѣшательство консульских представителей трактатных держав во всѣх тѣх случаях, когда страдали китайскіе интересы в торговлѣ, в вопросах морского и рѣчного транспорта вслѣдствіе наличія экстерриториальных прав подданных трактатных держав.

Державы обѣщали также взаимное сотрудничество и всяческое содѣйствіе китайским судебным и административным властям по ускоренію вступленія в законную силу судебных приговоров, выдачѣ приказов на арест или производство обыска, а пятое постановленіе дословно гласило слѣдующее:

«Впредь до отмѣны экстерриториальности подданные трактатных держав должны платить тѣ налоги, которые предписывает платить закон или циркуляр, опубликованный компетентными властями китайскаго правительства и признанный державами подлежащим исполненію».

Подписывая протокол постановленій экстерриториальной комиссіи, представитель Китая д-р Ван Чун-гуй, впоследствии игравшій большую роль в нанкинском правительствѣ и занимавшій пост предсѣдателя законодательной палаты (учережденіе, могущее быть сравненным, для русскаго читателя, с Правительствующим Сенатом) отказался дать свое согласіе на ряд пунктов протокола и, кромѣ того, выпустил особую декларацію от 28 ноября 1926 г., в которой высказывал свое разочарованіе по поводу того, что комиссія держав не сочла возможным рекомендовать немедленной отмѣны экстерриториальности.

Игра в «кошки-мышки» между державами и Китаем меж тѣм продолжалась: иностранная дипломатія придерживалась единственно, впрочем, возможной для нея тактики, при наличіи полного между державами разброда и даже взаимнаго подсиживания: «два шага вперед, три назад»...

В концѣ 1926 года державы официально призна-

ли, что дни экстерриториальности если не сочтены, то сосчитаны, дѣло в сроках ея отмѣны, но в отмѣнѣ инстита экстерриториальности Китай может не сомнѣваться!

Сказавшій «а, скажет «б». — Шанхайскій смѣшанный суд, цитадель иностраннаго вліянія на концессіях, был преобразован во Временный суд, гдѣ права иностранных ассесоров по сравненію с их правами в Смѣшанном судѣ, были сведены почти к нулю, а Временный суд в свою очередь уступил свое мѣсто китайскому особому суду, как на международном сеттльментѣ, так и на французской концессіи.

В этих особых, уже китайских судах иностранцы, консульскія власти, муниципалитет, сохраняли лишь права внѣшняго контроля и располагали одной возможностью: опротестованія *post factum* рѣшеній китайской магистратуры.

А, тѣм временем, китайская дипломатія из Нанкина вела рѣшительное наступленіе на совѣт послов в Пекинѣ.

Перенос столицы національнаго Китая из Пекина в Нанкин имѣл своей цѣлью твердое рѣшеніе новаго центрального правительства, рожденнаго в гражданской войнѣ, послѣ удачнаго завершения «карательной экспедиціи на сѣвер», освободиться от непосредственной, если не опеки, о которой теперь не могло быть и рѣчи, то постояннаго моральнаго воздѣйствія представителей великих держав.

С переносом столицы в Нанкин институт совѣта послов как-бы «повис в воздухѣ»: не оказалось под рукой правительства, которому можно было-бы дѣлать представленія, посылать ноты и меморандумы, отправляясь тотчас-же вслѣд за нотой в министерство или даже вручая ее лично, как только она была подписана деканом дипломатическаго корпуса министру или его замѣстителю.

Надо было, одно из двух, или декану совѣта послов превратиться в странствующаго из Пекина в Нанкин вояжера или признать институт совѣта послов, как орган объединеннаго представительства трактатных держав, окончившим свои дни.

Нанкин категорически дал понять, что он отказывается разговаривать с «совѣтом послов» в цѣлом, предпочитая вести переговоры с каждым посланником в от-

дѣльности.

И вот мы присутствуем наконец при моментѣ, когда, одна за другой, державы вынуждены признать не только новый режим в Нанкинѣ, выросшій из революціоннаго движенія, но и декларируют, как было черным по бѣлому сказано в нотѣ американскаго посланника Дж. В. А. Мак Муррея от 24 іюля 1928 года, «глубочайшую симпатію законным чаяніям Китая».

Как правильно отмѣчает А. М. Котенев в своем трудѣ «New Lamps for old» стр. 349:

«Американское правительство послѣдовало политикѣ Совѣтской Россіи, которая, в дни ея величайших успѣхов на Дальнем Востокѣ, вступила в договор с китайским правительством, предоставив Китаю права полного равенства и отказавшись, в пользу Китая, от всѣх привилегій, которыя Россія обрѣла в прошлом».

Вслѣд за тѣм, как Америка срочным в пику Японіи и отчасти Англій признаніем тарифной автономіи Китая, признала де факто нанкинское правительство центральным, 9 августа того же 1928 года Великобританія обмѣнялась нотами с національным правительством относительно ликвидаціи «нанкинскаго инцидента», завѣрив Китай, что Великобританія «готова, в надлежащій момент, вступить с національным правительством в переговоры относительно пересмотра договоров».

17 августа все того же историческаго 1928 года был подписан договор Китая с Германіей, на основах полнѣйшаго равенства высоких договаривавшихся сторон, 1 октября 1928 г. Франція подписала соглашеніе о ликвидаціи Нанкинскаго инцидента, а, через недѣлю, 8 октября тому же примѣру послѣдовала Италія.

Дальше низвергается как из рога изобилія цѣлый ряд договоров Китая с державами, договоров «дружбы и торговли».

12 ноября с Норвегіей, 22 ноября с Бельгіей, 26 ноября с Италіей, 19 декабря сразу с тремя государствами: Даніей, Португаліей, Голландіей, 20 декабря со Швеціей и 26 декабря с Испаніей.

Этот дождь дружественных соглашеній был не только зенитом персональнаго успѣха министра иностранных дѣл д-ра С. Т. Вана, но был зенитом успѣха націоналистическаго движенія в Китаѣ, хотя тотчас нашлись критики, утверждавшіе, что в дипломатіи самое опасное

полагаться на количество договоров в ущерб их качеству.

Запад не только поспѣшно отступал перед Востоком, оставляя одну позицію за другой, Запад не знал, гдѣ он остановится, гдѣ задержится, когда ему явится возможность, говоря языком военных реляцій, «копать».

Китайская дипломатія, само собою разумѣется, «развивала успѣх», вела наступленіе по всему фронту.

Слѣдующій 1929 год был годом непрерывных вояжей посланников великих и малых держав из Пекина в Нанкин, пока, наконец, ряд держав, не связанных с дѣятельностью посольскаго квартала в развѣнчанной столицѣ и не располагавших средствами на разорительныя подъемныя и прогонныя, не начали открывать свои посольства в Шанхаѣ, гдѣ свободных, комфортабельных особняков всегда сколько угодно и откуда до Нанкина — «рукой подать».

Не довольствуясь заключенными новыми договорами, в принципѣ признававшими и санкціонировавшими равенство сторон, Нанкин хотѣл завершить десятилѣтнюю борьбу китайской интеллигенціи с институтом экстерриториальности, нанести ему послѣдній рѣшительный и сокрушающій удар.

Примѣр чичеринской брутальной тактики и односторонних дипломатических выступленій оказался, как увидим, весьма заразительным.

Тот самый д-р Ван Чун-гуй, который в ноябрѣ 1926 года в Пекинѣ дал свою подпись под пожеланіями комиссіи держав по пересмотру вопроса об экстерриториальности, 27 декабря 1929 года прибыл в Нанкин из Европы, гдѣ он обсуждал с различными правительствами непосредственно, все тот же вопрос о скорѣйшей отмѣнѣ, ненавистнаго для національнаго Китая института ставшаго, к тому моменту, едва ли не единственным, во всяком случаѣ самым боевым пунктом политической программы окрѣпшаго центрального правительства.

В тот-же день было создано чрезвычайное совѣщаніе центрального политическаго совѣта, на котором предсѣдатель судебной палаты д-р Ван Чун-гуй и министр иностранных дѣл д-р С. Т. Ван сдѣлали доклады о положеніи вопроса с институтом экстерриториальности.

Центральный политическій совѣт постановил, что національное правительство должно опубликовать 1 января 1930 года декрет, объявляющій отмѣну экстеррито-

рiальности в Китаѣ.

Декрет правительства гласил, что всѣ иностранцы, живущіе в Китаѣ и до тѣх пор обладавшіе правами экстерриториальности, с 1 января 1930 г. подлежат китайской юрисдикціи».

Декрету предшествовал манифест, в котором читаем:

«В каждом суверенном государствѣ иностранцы, равно как и граждане страны, одинаково подлежат воздѣйствию законов страны и юрисдикціи судебных установленій государства.

«Это положеніе есть необходимый атрибут государственнаго суверенитета и прочно установленный принцип международнаго права.

«На протяженіи болѣе чѣм восьмидесяти лѣтъ, — гласил этот манифест, опубликованный 28 декабря 1928 г., — Китай был связан системой экстерриториальности, которая мѣшала китайскому правительству примѣнять свою судебную силу в отношеніи иностранцев, пребывающих на его территоріи.

«До тѣх пор, пока экстерриториальность не уничтожена, Китай не будет в состояніи осуществлять свой суверенитет», — восклицал манифест.

Со дня опубликованія этого манифеста прошло три года и экстерриториальность в Китаѣ, в том видѣ, в котором она существовала на протяженіи болѣе чѣм восьмидесяти лѣтъ... продолжает существовать.

3.

Изложив ход борьбы Китая за отмѣну внѣземельности чужих и обрисовав обстановку, в которой она проходит, укажем теперь в чем, собственно, состоит экстерриториальность и освѣтим попутно взгляд тѣх иностранцев, которые заинтересованы в том, чтобы экстерриториальность не была уничтожена с излишней поспѣшностью.

В статьѣ В. В. Голицына, помѣщенной в I-ом сборникѣ «Китайскаго права», Харбин. 1931 г., слѣдующим образом формулированы основныя положенія договоров, получивших в процессѣ развитія китайскаго національнаго движенія прочное, но не точное названіе неравных: 1) открытіе портов для иностранной торговли, 2) право иностранцев на поселеніе в этих портах, 3) пра-

во веденія в открытых портах торговой и промышленной дѣятельности, 4) право передвиженія по всей территоріи Китая с торговыми цѣлями, 5) право выгрузки товаров, в так называемых портах захода, 6) право плаванія по внутренним водам, 7) правила юрисдикціи над иностранцами, 8) таможенное обложеніе по раз установленным, неизмѣнным ставкам, 9) особый налоговой режим для иностранцев, 10) постановленія о предоставленіи «наибольшаго благопріятствованія».

Исторію развитія системы так называемых неравных договоров дѣлят на нѣсколько періодов. Первый період обычно начинает исчисляться с договора, подписаннаго в Нанкинѣ, в 1842 г., явившагося результатом первой «опійной» китайско-европейской войны, и включает, кромѣ того, договоры 1844 г. с Соединенными Штатами и Франціей, договор 1847 г. со Швеціей и Норвегіей, тогда еще не бывшими в раздѣленіи. Послѣ так называемой 2-ой европейской войны, с Англійей и Франціей, продолжавшейся с 1856 по 1858 г., был заключен ряд новых договоров, в том числѣ с Россіей, Айгуньскій договор, о возвращеніи Россіи рѣки Амура, который с нашей стороны подписал граф Муравьев-Амурскій, 14 мая 1858 г. и Тяньцзинскій договор 13 іюня 1858 г. «об уравниеніи прав Россіи», подписанный Путьиным.

Третья европейская война начинает собою второй період исторіи развитія «неравных договоров». По ея окончаніи Россія подписывает Пекинскій договор 2 ноября 1860 г., о присоединеніи Уссурійскаго края, при чем нашим представителем является граф Игнатьев. За Россіей, Англійей, Америкой, Германіей, Франціей слѣдуют другія государства: Португалія, подписавшая договор в 1862 г., Данія и Голландія (в 1863 г.), Испанія (в 1864), Италія (в 1866) и Австро-Венгрія (в 1869 г.). Второй період включает в себя и ряд соглашеній 1870-85 г. г., предусматривавших развитіе договоров, с Англійей и США, а также договора с Японіей в 1871 г., с Перу в 1874 г. и Бразиліей в 1881 г.

Что касается Россіи, то в этот второй період, в результатѣ возстанія дунган (с 1862 г.) и таранчей (с 1871 г.), Россія занимает Или-скій край и, по Ливадійскому договору 1879 г., утверждаетъ в правах на него, но в 1881 г. возвращает Или Китаю по С.-Петербургскому

му договору.

В 1883-5 г. г. вспыхивает Тонкинская война с Франціей и начинается так называемый третій період: овладѣнія «арендными территориями» и раздѣленія Китая на «сферы вліянія». В результатѣ японо-китайской войны 1894-95 г. г. подписывается мир в Симоносеках, который в корнѣ мѣняет отношеніе Японіи к Китаю. По договору 1871 г. Японія имѣла с Китаем равные права касательно взаимнаго осуществленія консульской юрисдикціи, в договорѣ же 1895 г. Японія получает, помимо других преимущественных прав, право промышленной инвестиціи и таким образом, закрѣпляет за собой полностью положеніе трактатнаго, на ряду с другими державами, государства.

Одновременно с этим Россія и Китай (послѣдній для заслона от Японіи) рѣшают основать Русско-Китайскій банк, средства которому дает Франція и 27 августа 1896 г. подписывается договор на постройку Китайской Восточной желѣзной дороги, а в том же 1897 г. нѣмцы, как выше говорилось, осуществляют захват Цзяо-чжоу (Кіао-Чао) и Россія устанавливает свои арендные права на Ляодун.

Четвертый період наступает вслѣд за боксерским возстаніем, когда был подписан извѣстный «заключительный протокол 1901 г.», согласно которому была обусловлена контрибуція, слѣдуемая к полученію с Китая ряду иностранных государств. В развитіе постановленій этого протокола, были заключены договоры с Англійей в 1902 г., с Соединенными Штатами в 1903 г. и с Японіей в 1904 г. Послѣдними по времени «неравными договорами» считаются трактат со Швеціей от 1908 года и договор со Швейцаріей в 1918 году.

До самого послѣдняго времени правами трактатных государств пользовались слѣдующія 13 стран: Англія, Франція, Соединенные Штаты, Японія, Италія, Бразилія, Данія, Голландія, Норвегія, Перу, Португалія, Швеція и Швейцарія. Бельгія, Мексика и Испанія, бывшія ранѣе трактатными странами, по мнѣнію китайской дипломатіи, уже утратили таковыя права, и хотя фактически в положеніи их подданных ничего не измѣнилось, судятся они по законам своих стран, но для их подданных декларирован остающійся на бумагѣ режим «переходнаго времени». К моменту начала японо-китайскаго конфликта 18

сент. 1931 г. договор Японіи с Китаем истек, и Нанкин настойчиво требовал приступить к переговорам о новом трактатѣ.

15 сент. 1930 г. Китай признал новое правительство Перу, 13 ноября того-же года послѣдовало признаніе Китаем новаго правительства Бразиліи, 21 января 1931 г. Китай поспѣшил с признаніем новаго правительства Панамы и 20 апрѣля 1931 года был одним из первых, даровавших признаніе республиканскому режиму в Испаніи, ставшему у власти послѣ оставленія страны королем Альфонсом XIII. Эта политика подчеркнутой любезности в адрес новых режимов также преслѣдовала цѣль, как можно скорѣе добиться пересмотра старых договоров.

Подводя итоги своей дѣятельности на посту руководителя дипломатическаго вѣдомства в концѣ 1930 года, д-р С. Т. Ван заявил, что кромѣ договоров уже подписанных им с державами (выше мы их подробно перечисляли) готовы к подписанію: торговый договор с Кубой, с Перу, договор о дружбѣ и торговлѣ с Турціей и договор об эмиграціи с Никарагуа. К началу 1931 г. Нанкин был в переговорах относительно новых торговых договоров с Персіей, Японіей, Чили, Аргентиной и Панамой, в то время как, по заявленію министра, республики Сен-Доминго, Латвія, Эстонія, Финляндія, королевство Румынія, Сіам и Южно-Африканскій союз выразили желаніе вступить в переговоры о заключеніи договоров с Китаем, а пересмотр китае-голландскаго коммерческаго договора и консульскои конвенціи находился в стадіи окончательнаго сужденія заинтересованных сторон.

Столь поспѣшное форсированіе переговоров сразу чуть не со всѣми государствами міра не только большими, но и малыми, вплоть до самых малых, объяснялось, конечно, состояніем умов широких масс китайскои интеллигенціи и лидеров центральноаго комитета правящей партіи, которые памятовали и завѣщаніе д-ра Сун Ят-сена и то, что он говорит в самом началѣ своей знаменитой книги «Три народных принципа», настаивая на чрезвычайной важности отмѣны «неравных договоров»: «Послѣдствія политическаго и экономическаго давленія извнѣ являются для нас еще горшими. Они слишком тяжелы для нас и в національном отношеніи могут убить нас. Хотя мы выдерживали естественную эволюцію в теченіе ста лѣтъ, экономическое и политическое давленіе мы не

в состояніи будем выдержать и в теченіе десяти лѣтъ». Далѣе он говорит: «В період этих десяти лѣтъ мы должны, во чтобы то ни стало, найти выход, перенести испытываемое давленіе на другую точку, и только тогда наша нація сможет итти в ногу с другими; если-же этого не случится, мы утратим независимость нашего національнаго существованія».

Из приведенной цитаты не ясно-ли, что иногда жестоко ошибался и Сун Ят-сен, в особенности, когда рѣчь заходила об опредѣленіи сроков, как національных достижений, так, обратно, и національных потерь. К счастью для Китая, не смотря на то, что со времени написанія отцом китайской революціи только что цитированных строк прошло не мало лѣтъ и Китай до сих пор не освободился от договоров, которые он продолжает считать неравными, «независимость національнаго существованія» Китаем не утеряна и, мы глубоко убѣждены, что не будет и не может быть им утеряна.

4.

Ошибочно думать, что вопрос об экстерриториальности всплыл только послѣ вступленія Китая в ряды держав Согласія в міровой войнѣ, в результатѣ нарастанія національнаго движенія и русской революціи.

Нѣтъ, еще в 1902 году в англо-китайском договорѣ «Макая», в статьѣ 12, говорится дословно слѣдующее: «Китай выражает горячее желаніе реформировать свою систему отправленія правосудія и реорганизовать суды по примѣру западных стран, и Великобританія обязуется оказывать Китаю всяческое содѣйствіе в этом отношеніи; она будет готовиться к отказу от своих экстерриториальных прав, когда получит гарантію, что наличие и функціи новых законов, а также общее положеніе в странѣ дадут ей возможность пойти на это».

В пользующемся заслуженной извѣстностью трудѣ профессора политических наук университета Джонса Гопкинса, Вестеля Виллоуби, занимавшаго пост совѣтника китайской республики в 1916-17 г. г. „Foreign Rights and Interests in China“, дается слѣдующая сводка возраженій китайских дипломатов и политиков против экстерриториальности: 1) экстерриториальность ограничивает суверенныя права Китая, 2) являясь явным нарушеніем суверен-

ных прав Китая, этот институт постоянно раздражает национальные чувства народа и рождает неугасающую неприязнь к иностранцам, поставленным в особо привилегированное положение перед китайцами, хозяевами страны, 3) система экстерриториальности мѣшает Китаю снять существующіе запреты в смыслѣ предоставленія иностранцам права селиться по всей территоріи и ряд других ограниченій, специально введенных на предмет борьбы с политикой захватов, 4) экстерриториальность рождает многообразіе судов, мѣшает установленію единой для всей страны системы юстиціи, 5) вызывает необходимость примѣненія разных систем права, 6) бывают случаи, особенно часто при разборѣ уголовных дѣл, когда в статусѣ иностранных судов, дѣйствующих в Китаѣ, нѣтъ тѣх законов, которые должны примѣняться, вслѣдствіе чего преступник может остаться безнаказанным, 7) китайцы внутри страны не понимают сущности системы экстерриториальности, зная лишь, что иностранцы не отвѣтственны перед китайским судом, в результатѣ законныя права китайцев часто остаются незащищенными, 8) консульскія судьи часто оказываются мало компетентными, 9) китайцы утверждают, что консульскіе суды не безпристрастны к своим гражданам, 10) китайцы выражают сомнѣнія, что в консульских судах законы примѣняются во всей строгости, что эти суды не проводят полно вѣрній своих-же собственных законов, и 11) китайцы убѣждены, что наличие экстерриториальности не дает возможности создать власть, которая пользовалась-бы довѣріем и уваженіем со стороны китайских граждан.

Не может пользоваться довѣріем и уваженіем части населенія та власть, вѣрніям которой не подчиняется другая часть населенія: институт экстерриториальности создает как-бы государство в государствѣ, что служит к подрыву престижа и суверенитета Китая, а также моральнаго авторитета и удѣльнаго вѣса каждаго наличнаго китайскаго правительства.

Представители Китая на Вашингтонской конференціи Альфред Ши и Веллингтон Ку 15 ноября 1921 г. в борьбѣ там за отмену неравных договоров, формулировали требованія Китая нижеслѣдующим образом: 1) уважать территоріальную цѣлость и административную независимость Китая, 2) не заключать никаких договоров, в той или иной степени касающихся Китая, без предва-

рительнаго освѣдомленія Китая и его участія, 3) аннулировать всѣ особые права и преимущества держав, а также всѣ ограниченія политико — административной свободы дѣйствій для Китая, 4) установить точные сроки истеченія нынѣ безсрочныхъ обязательствъ, 5) принять мѣры к мирному разрѣшенію международныхъ конфликтовъ в Тихом океанѣ и, в будущем, періодически созывать конференціи, для обсужденія международныхъ вопросовъ, касающихся Тихаго океана и стран Дальняго Востока.

6 февраля 1922 г. восемь держав подписали с Китаем трактатъ в Вашингтонѣ, который содержитъ постановленія: об уваженіи суверенитета Китая, соблюденіи принципа «открытыхъ дверей», запрещеніи какой-либо отдѣльной державѣ сепаратно от другихъ искать специальныхъ правъ и преимуществъ, а также постановленіе, запрещающее устанавливать сферы вліяній и т. д.

Помимо этого основного трактата, получившаго наименованіе «Договора девяти державъ», в Вашингтонѣ были подписаны дополнительно нижеслѣдующіе акты: 1) договор о китайскомъ таможенномъ тарифѣ, 2) резолюція по вопросу об экстерриториальности в Китаѣ, с двумя дополненіями, предусматривающими созданіе специальной комиссіи по обслѣдованію правового положенія Китая, 3) резолюція по вопросу о нахожденіи иностранныхъ войскъ в Китаѣ, 4) резолюція о радио — станціяхъ, желѣзныхъ дорогахъ Китая и об ограниченіи его вооруженныхъ силъ и о порядкѣ дипломатическихъ отношеній с Китаемъ в будущемъ, 5) трактатъ с Японіей о возвращеніи Шандуня и другихъ бывшихъ германскихъ имуществъ. Кромѣ того, представитель Великобританіи Бальфуръ и китайскій посланникъ в Вашингтонѣ д-р Альфредъ Ши обмѣнялись письмами, в развитіе заявленія Англій, сдѣланномъ на первомъ же засѣданіи конференціи, по вопросу о возвращеніи Китаю арендной территоріи Вей-Хай-Вея, что было Англійей осуществлено по договору от 18 апрѣля 1930 г.

Просуммировавъ всѣ уступки, сдѣланныя державами, мы должны признать, что державы шли на встрѣчу національнымъ чаяніямъ Китая искренне и широко. Подъ воздѣйствіемъ ряда факторовъ, иногда и принудительнаго порядка, но, все-таки, демонстрируя и доброжелательство и великодушіе, потому что почти всегда приходилось поступаться собственными кровными интересами, державы готовы были на максимальныя жертвы.

Но отступая и уступая, державы не переставали повторять, как убѣждены в этом онѣ и до сих пор, то, что, во-первых, их договора с Китаем не могут быть квалифицированы, как «неравные», тѣм болѣе сознательно унижающіе національное самолюбіе китайскаго народа и подрывающіе суверенитет Китая а, во вторых, не могут быть, огулом, и безоговорочно отмѣнены, ибо, это означало-бы потерю всего того, что державами вложено в Китаѣ и, может быть даже, в особенности на первых порах, потерю Китая как рынка, ибо по мнѣнію ряда политических обозрѣвателей, Китай легко стал-бы аренной состязанія своих собственных конкурирующих честолюбцев и мог-бы быть ввергнут в состояніе политическаго хаоса, которое потребовало-бы срочной эвакуаціи из Китая всѣх иностранных резидентов.

Когда начались японскія военныя дѣйствія в Маньчжуріи, японцы за послѣднее время часто оперировали внушительной суммой своих инвестицій на Сѣверѣ Китая. Но не только Японія, но и другія державы, вплоть до Бельгіи и Голландіи, имѣют вложенными в Китаѣ колоссальныя средства и накопили здѣсь имущества вряд-ли поддающіяся точному учету.

Еще пять лѣтъ тому назад, когда подводились итоги проторей и убытков, понесенных иностранцами в 1927 году, общій итог инвестицій опредѣлся в гранціозной суммѣ в 1,400 милліонов фунтов стерлингов золотом. К 1933 г. эта сумма не уменьшилась, а увеличилась.

В одном только Сѣверном Китаѣ британскія инвестиціи исчислялись тогда в 150 милліонов фунтов, а если взять весь англійскій капитал, включая Гонконг, который оказался вложенным в Китаѣ, то, по данным британской статистики, он превышал 500 милліонов фунтов, почти совпадая с цифрой, исчисленной одной из британских страховых компаній в 700 милліонов фунтов стерлингов, которая, послѣ своего опубликованія, по началу показала гомерической самим англичанам.

Англичане утверждают, что если исключить у китайцев цѣнность земельной ренты, то иностранный капитал, вложенный в Китай почти равен капиталу, находящемуся в распоряженіи всего 450,000,000 китайскаго народа.

Второе мѣсто по количеству инвестицій занимает Японія, затѣм слѣдует французскій капитал, также колоссальный, если включить в общую его сумму богат

ства, находящіяся в распоряженіи французских духовных конгрегацій. Даже небольшія государства, как Бельгія, без капитала бельгійской духовной миссіи, инвестировала в Китаѣ 17 с половиной милліонов англ. фунтов. Вот нѣсколько цифр, которыя были тогда-же опубликованы и никѣм потом не были опровергнуты: *Compagnie Generale de Chemins de Fer et de Tramways en Chine* — Frs. 3,000,000; *Banque Belge pour l'Etranger* — Frs. 100,000,000; *Credit Foncier d'Extreme Orient* — Frs. 69,000,000; *Compagnie de Tramways et d'Eclairages de Tientsin* — Frs. 189,000,000; *Kailan Mining Administration* — 1,400,000 фунт. ст. и т. д.

Эти и другія цифры и давали основанія исчислять, что иностранный капитал, вложенный в Китай еще в 1927 году, колебался между 1,200 и 1,400 милліонов фунтов стерлингов.

5.

В серединѣ 1929 г. в Лондонѣ вышла книга американскаго публициста г. Родней Гильберта. „*The Unequal Treaties*“, который, по приѣздѣ в Китай, изучил язык и, в теченіе ряда лѣтъ, состоял корреспондентом газет, американских и мѣстных, в частности пекинским корреспондентом «*Норд Чайна Дэйли Ньюз*», самой вліятельной англійской газеты, издающейся свыше 70 лѣтъ в Шанхаѣ.

Не смотря на то, что нам трудно согласиться с общим тоном и нѣкоторыми конечными выводами этого суроваго писателя, покинувшаго Китай, которому он отдал лучшіе годы жизни, с горьким чувством разочарованія и чернаго пессимизма, Родней Гильберт дает, объективно и очень ярко набросанную общую картину зарожденія, нынѣ столь одіознаго, института экстерриториальности. Он рѣшительно опровергает ходячее мнѣніе, что неравные договоры стали таковыми по причинѣ давленія иностранцев на Китай, при том вооруженной силой, утверждая, что инициаторами неравных договоров были сами китайцы, в лицѣ мандаринов первой половины прошлаго вѣка, взяточников и самоуправцев, которые, при помощи указанных договоров, надѣялись легче творить беззаконія и набивать себѣ карманы.

Все, чего хотѣли и чего добивались тогда иностранцы, не превышало желанія получить в торговлѣ одинаковыя права с китайским коммерческим міром, на тѣх-

же самых основаніях, на каких велась торговля во всем остальном мірѣ и чего иностранцы не могли добиться в дореформенном Китаѣ, считавшем европейцев варварами, без которых Китаю можно и должно обойтись, как обходился без них Китай и раньше. Гильберт рассказывает, не без внутренняго волненія, как тѣ-же англійскіе купцы (в устах американскаго журналиста это звучит особенно убѣдительно) дѣлали, год за годом, терпѣливыя попытки добиться к себѣ элементарнаго равенства и справедливости, как англійскіе послы, с предѣльной вѣжливостью, тактом и всяческим благорасположеніем, искали у Китая путей сговора и взаимнаго пониманія и как, благодаря тогдашней нетерпимости императорскаго чиновничества, всѣ эти героическія попытки терпѣли неизмѣнный крах.

Касаясь обстоятельств пресловутой опійной войны, первой войны Китая с Европой в 1840-42 г. г., Гильберт, цитируя ряд документов, доказывает, что Англія официально гарантировала, что «китайское правительство имѣет полную возможность воспретить ввоз опіума, если сочтет это необходимым». Англичане лишь утверждали, что единственным средством держать торговлю опіумом под государственным контролем и искоренить ввоз контрабанднаго опіума является легализовать торговлю им, с каковым положеніем сам Китай полностью впоследствии согласился, когда, в 1858 году, без всякой связи с Нанкинским трактатом 1842 года и без всякаго давленія со стороны держав легализовал торговлю опіумом и сразу же контрабандный ввоз опія из-за границы упал до самых ничтожных размѣров.

Не только у англичан, но и у американцев тѣх времен ничего не выходило по началу из попыток наладить дружескія отношенія с императорским Китаем. По свидѣтельству чрезвычайнаго американскаго посланника Кэреба Кашинга в 1844 г., Хамфри Маршалла в 1852-4 г. г. и Р. Мак-Лэйна в 1855 г., китайцы не шли ни на какой сговор. Мак-Лэйн писал в Вашингтон государственному секретарю: «Дипломатическія сношенія с этим народом могут вестись только при помощи пушек. Китайское правительство творит правосудіе лишь под угрозой реальной силы, когда знает, что эта сила может быть пущена в ход».

Но то, что соотвѣтствовало истинѣ, когда Мак Лэйн писал вышеприведенныя строки и что было можно пи-

сать 80 лѣтъ тому назад, то никак не приходится исповѣдывать в наше время, потому что историческій процесс внес цѣлый ряд рѣшающих коррективов в отношенія Запада с Востоком вообще, и Китая с иностранцами в частности.

Между тѣм, как у Роднея Гильберта, как и у другого выдающагося публициста Г. В. Уудхѣда, редактора цѣннѣйшаго изданія «Ежегодник Китая», мы и до сих пор встрѣчаем оцѣнки и отклики на событія в Китаѣ, которые, по тону и настроенію, недалеко ушли от тѣх, которые давал в 1855 г. Мак-Лэйн.

В упомянутой нами книгѣ Гильберта «Неравные договоры», в концѣ ея мы читаем такое arrogantное заявленіе, которое цѣликом и полностью оставляем, конечно, на совѣсти автора:

«Националисты любят людей, которые говорят о прошлом их страны и о благородной цивилизаціи даже тогда, когда они читают, из дня в день в газетах об одном чудовищном человѣческом насиліи, слѣдующем за другим. Когда обсуждаются вопросы администраціи или юстиціи, националисты любят, чтобы к ним пріѣзжали люди вродѣ проф. Джона Дьюи, Бертрана Рѣсселя или Рабиндраната Тагора и говорили им, сколь неизмѣримо выше, в духовном отношеніи, их культура, по сравненію с культурой Запада и сколь справедливѣе они в своих надзвѣздных высотах. Националистическій Китай не предполагает заслужить признанія и уваженія, он не хочет занять то мѣсто, какое ему надлежит занимать по его дѣйствительным заслугам и качествам, он требует себѣ мѣста в соотвѣтствіи с тѣми правами, какими его наградило само Небо, каковых ни он сам, ни кто-либо другой не могут опредѣлить. Державы, которыя хотѣли-бы возложить на Китай отвѣтственность за его звѣринья жестокости, прежде чѣм признать Китай равным себѣ, просто напросто обнаруживают свой имперіалистическій снобизм, с которым Китай должен бороться всѣми своими силами».

Англійскій публицист Г. В. Уудхѣд, у котораго перед синологіей есть немалыя заслуги и который остается сейчас в Китаѣ едва-ли не одним из послѣдних моги-кан публицистов-критиков Китая, так сказать, «старой школы», писал в одной из своих статей на тему: «Проблема экстерриториальности» дословно слѣдующее:

«Одним из главных препятствій к взаимно-удовлетворяющему рѣшенію вопроса об экстерриториальности, является психологическій фактор. Привыкли, на протяжении столѣтій, разсматривать себя, как высшую расу, китайцы в настоящее время болѣют «уничижительным комплексом». Они отказывают чужим в правѣ пользоваться тѣми привилегіями, каковыми не могут пользоваться сами, и располагать гарантіями безопасности, которых они сами лишены. Они чувствуют, что находятся в положеніи низшем, чѣм иностранцы, в их собственной странѣ, и перефразируя заявленіе г. Тан Шао-и, сдѣланное нѣсколько лѣтъ тому назад, что «ни один строй не будет подходящим для китайцев, который не был-бы удовлетворяющим иностранцев, живущих в Китаѣ», они чувствуют, что все, что годно для них, должно полностью быть годно для иностранцев и удовлетворять их. Д-р Ван Чжун-гуй, предсѣдатель законодательной палаты, публично заявил, что «китайскіе законы писались прежде всего для 450,000,000 китайскаго народа, а не для небольшой группы иностранцев, живущих в Китаѣ».

— «Иностранцы, — продолжает г. Уудхэд, — наоборот, никак не могут стать на указанную точку зрѣнія. Столѣтія политической эволюціи выработали в них незыблемыя положенія, ставшія прописными истинами, на счет политических и судебных прав человека, которыя находятся в явном противорѣчій с тѣм, что в этом отношеніи практикуется в Китаѣ. Разницу эту лучше всего уподобить психологіи автомобиля, с одной стороны, и психологіи арбы, с другой. Из 450,000,000 китайцев всего лишь нѣсколько тысяч получили образованіе, которое дает им возможность мыслить в соотвѣтствіи с законами европейской логики. Но именно этот элемент подчас и является наиболѣе опасным. Воспріав западный взгляд на вещи, они искренне склонны вѣрить в то, что и вся остальная масса китайскаго народа думает, как они и что они то именно и есть истинные представители китайской цивилизаціи. Огромный процент тѣх иностранных собраній и аудиторій, которыя внемлют рѣчам и заявленіям культурных китайских дипломатов в Европѣ и в Америкѣ, совсѣм не дает себѣ труда подумать о том, что эти ораторы и докладчики являются исключеніем и что между ними и остальными массами китайскаго народа столь-же мало общаго, как у

кандидата прав англійскаго университета и островитянина с Фиджи».

В дальнѣйшем автор углубляется в вопрос о том, что хотя свирѣпья наказанія преступников в прошлом исключены из нынѣшняго устава о наказаніях уголовных и исправительных, все-таки и до сих пор правовая концепція китайских масс полна своеобразія, непостижимаго для большинства юристов, воспитавшихся на западной культурѣ. В частности, автор говорит о системѣ круговой поруки, как ее интерпретирует не только обычное китайское право, но и современное законодательство.

Но не только эти писатели, к которым китайскіе націоналисты давно пристегнули ярлык «джингоистов», но и люди не только в теоріи, но и на практикѣ полные исключительнаго благожелательства к современному Китаю как, напримѣр, бывш. японскій министр иностранных дѣл барон Шидехара, за свое китаефильство подвергшійся, весной 1932 г., опасности стать в Токио жертвой террористическаго акта, говорил на ту-же тему еще в іюль 1929 года слова, котрые, если-бы им, тогда-же, вняли бы нѣкоторые из экстремистов, могли предотвратить наступленіе кровавой ночи 18 сент 1931 г. в Мукденѣ.

Барон Шидехара говорил: «Неравные договоры являются результатом, а не причиной недостатков внутренняго управления и есть что-то воистину противоестественное и даже опасное в попытках уничтожить этот институт прежде, чѣм не уничтожены причины, его породившія. Если Китай приведет свой дом в порядок, выполнит всѣ необходимыя условія для того, чтобы имѣть возможность оказывать одинаковую защиту иностранцам, как и китайцам, и продемонстрирует способность поддерживать, на должной высотѣ, органы судопроизводства, то нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія в том, что иностранцы охотно согласятся отмѣнить институт веземельности и пойдут на отказ от других спеціальных привилегій».

6.

Все это прекрасно знали и знают и сами китайцы. Наболѣе мужественных из них не приходится упрекать в том, что они молчат или отнѣживаются.

Чтобы далеко не ходить за примѣрами процитируем слова ген. Чжан Кай-ши, сказанныя им почти одно-

временно с опубликованіем в Токио выше приведенной статьи барона Шидехара, по поводу развертывавшагося втапору (іюль 1929 г.) китайско-совѣтскаго конфликта:

«Лозунги и рѣчи нам мало помогут! Неравные договоры не могут быть отмѣнены военной силой. Наша подлинная сила лежит в преобразованіи страны. Если мы хотим, чтобы державы уважали наши права, мы должны создать сильное и умѣлое центральное правительство и дать странѣ и народу мир и правопорядок».

В серьезной китайской печати за послѣднее время ведется компанія за необходимость отказаться от политики громких выкриков и штампованных опредѣленій, вродѣ ходячаго термина «неравные договоры», из котораго начинает вывѣтриваться содержаніе.

Указывается, что до сих пор ни один из наиболѣе крупных государственных дѣятелей современнаго Китая не взял на себя задачи соотвѣтствующе разобраться в путях и методах иностранной политики и дипломатической тактики. Все, чѣм занимаются присяжные дипломаты Китая это, очередные переговоры, повтореніе идеологических задов, пользование штампами, которые были хороши, были пригодны во времена Карательной экспедиціи на Сѣвер, но даже и тогда были хороши поскольку, втапору, реальным фактором китайской дипломатіи были возмущенныя массы народа. Эти критики отмѣчают, что в выступленіях китайских дипломатов излишне большую роль играли всегда добрые совѣты иностранных экспертов и юрисконсультов и ссылки на университетскіе учебники международнаго права, как его толкует Европа и Америка.

Г. Тан Лян-ли в статьѣ, напечатанной в журналѣ «The South China Critic» говорит, что мало слѣпо слѣдовать лозунгу «борьба за отмѣну неравных договоров», надо прежде всего установить точную концепцію того, что такое собой представляют так называемые неравные договоры и каковы пути к их реальной отмѣнѣ или необходимому видоизмѣненію. Прежняя дипломатія, пекинскаго періода, умѣла проглатывать любыя пилюли, подносимыя искусными западными дипломатами, которые всегда были большіе мастера золотить пилюли. Иностранцы предлагали и настаивали, иногда требовали, пекинская дипломатія на словах протестовала, на дѣлѣ сдавала свои позиціи.

Руководясь учением Сун Ят-сена, дипломаты Юга: Ван Цзинь-вей, С. С. Ву, Евгений Чен и др. еще в Кантонѣ, потом в Ханькоу (Уханѣ) обосновывали свою дипломатическую работу на сотрудничествѣ революціонных масс и, мы бы добавили от себя, слѣдуя образцам, переданнымъ міру Чичериным, Караханом, Литвиновым и Бородиным. Но, с тѣх пор, много воды утекло. Массы не участвуютъ в политикѣ, міровая конъюнктура измѣнилась, а лозунги эпохи китайско-совѣтской дружбы «равенство и взаимное уваженіе суверенитета» остались, как были, хотя нѣтъ уже того упора, который дѣлал их двигательною силой.

Автор довольно смѣло подходит к вопросу, когда говорит, что понятіе «неравные договоры» имѣет и обратную сторону медали. Сами по себѣ договоры Нанкинскій 1842 г. или Тяньцзинскій не могут разсматриваться, как унижительные для національнаго престижа Китая, если учесть обстановку, в которой они заключались и цѣли, которыя Китай преслѣдовал, подписывая эти договора. Поселяя иностранцев в опредѣленных мѣстах, ограничивая этим их право передвиженія по странѣ, Китай, втапору, просто облегчал себѣ контроль за иностранцами. Китай поступал также, как поступала средневѣковая Европа в отношеніи евреев, как поступают сейчас в отношеніи китайскаго населенія в колониальных владѣніях Англіи или Голландіи. Достаточно привести примѣр, что китайское населеніе голландских владѣній Восточной Индіи, в отношеніи котораго дѣйствуют особыя правила и которое судится по законам своей страны, ходатайствуетъ перед голландскими властями, чтобы китайская юрисдикція в отношеніи их была уничтожена, и чтобы они судились как и все прочее населеніе, в голландских колониальных судах, а не в китайском магистратѣ.

Не надо забывать, что по духу и смыслу всѣх так называемых неравныхъ договоров, Китай, безоговорочно, признается носителем суверенныхъ прав над территоріями всѣх без исключенія иностранныхъ селтльментовъ и концессій. Нигдѣ в договорахъ не говорится о том, что иностранцы, проживающіе на концессіяхъ и селтльментахъ должны быть изъяты изъ налогового обложенія, примѣняемаго во всемъ остальномъ Китаѣ. Если прежніе договора заслужили названіе неравныхъ, говоритъ г. Тан

Лян-ли, то в этом повинны не столько державы, которые естественно преслѣдовали свои интересы, сколько китайская дипломатія и тѣ правительства Китая, которые не умѣли организовать реального сопротивленія несправедливымъ требованіямъ и вынуждены были сдавать одну позицію за другой. Китайскіе дипломаты очень часто смотрятъ на внѣшнюю политику Китая глазами иностранцев: сперва они давали себя увлечь разсужденіямъ безчисленныхъ совѣтниковъ, экспертовъ, юрисконсультовъ, приглашаемыхъ изъ Европы и Америки, потомъ они попали подъ эгиду совѣтской идеологіи, между тѣмъ пора вернуться къ тому, чтобы смотрѣть на китайскую внѣшнюю политику съ китайской точки зрѣнія. Тогда многое предстанетъ въ иномъ освѣщеніи.

Невольно приходитъ на умъ, что эти разсужденія крупнаго публициста-гоминдановца «лѣвтиста» совпадаютъ, какъ это не странно, съ разсужденіями г. Уудхэда, который также настаиваетъ на томъ, чтобы китайская дипломатія учитывала, что она представляетъ передъ міромъ не китайскую интеллигенцію, а 400,000,000 китайскаго народа, совершенно нетронутаго европейской культурой.

ГЛАВА XII.

Правящая партія.

Центральный Китай на протяжении восьми послѣдних лѣтъ управляется, стоящей у кормила правленія, партией Гоминдан, осуществляющей права верховной власти.

Эта народная, республиканская партія признает своим духовным вождем «отца китайской революціи» д-ра Сун Ят-сена.

Политическіе соратники д-ра Сун Ят-сена и его ближайшіе ученики нынѣ или принадлежат к ветеранам партіи Гоминдан, пребывая на покоѣ, или занимают руководящіе посты по администраціи в правящем центрѣ, из недѣли в недѣлю участвуют в поминальной церемоніи, гдѣ читается завѣщаніе учителя и произносятся отвѣтственныя рѣчи по текущему политическому моменту.

Партія Гоминдан была рождена на югѣ. Как извѣстно, в политическом отношеніи, юг Китая противопоставляется сѣверу в большей степени, чѣм в отношеніи географическом.

Партію Гоминдан в просторѣчи прежде называли «кантонской партией» и ея первых лидеров «кантонскими радикалами».

С тѣх пор много воды утекло — власть Кантона, к концу 1926 года, распространилась на Трехградье и в Уханѣ обосновалось первое центральное гоминдановское правительство, которое потом, послѣ ряда измѣненій своего персональнаго состава, на нѣсколько лѣтъ утвердило себя в Нанкинѣ, прочно связавшись с именем этой древней столицы Китая, пока не загремѣли, в ночь с 28 на

29 января 1932 года, японскія пушки в Чапѣ, части Великаго Шанхая, и нанкинское правительство в февралѣ того-же года, выѣхало вглубь страны, в Лойан, город, не так еще давно служившій опорным пунктом маршала У Пей-фу, который вел свои военныя операціи сначала против Пекина, а потом сражался с революціонным югом.

До сих пор можно читать, что отвѣтственные лидеры Гоминдана, то Ху Хан-мин, то Сун Фо, сын Сун Ят-сена, то С. С. Ву, сын знаменигаго У Тин-фана ѣдут из Шанхая на юг, в Кантон, и там или создают новыя политическія комбинаціи или агитируют за очередное объединеніе Кантона с остальным Китаем.

Словно это паломничество на юг, к мѣстам, откуда началось китайское, четверть вѣка назад, революціонное и республиканское движеніе, дает новыя силы и возстает нервную систему при соприкосновеніи подошв вождей с родной кантонской почвой.

С давних времен Кантон и вообще провинція Гуандун, играли в исторіи Китая роль непокорной и независимой окраины.

На югѣ Китая никогда не умирало сказаніе о том, как, послѣ перехода власти над Китаем к династіи манчжурских завоевателей Цинов, провинція Гуанси, сосѣдствующая с Гуандуном, оказывала долгое и стойкое сопротивленіе Пекину, пока был жив князь У, в жилах котораго текла царственная кровь Минов.

Императоры Цинской династіи Жень-Цзун (1796-1821) и Сюань-Цзун (1821-1851) все время преслѣдовали дѣятельность тайных обществ на югѣ, которые были источниками возстаній недовольных в массах и которые передали тайпинам лозунг, который был выкинут, в пятидесятих годах прошлаго столѣтія на их знаменах: «Уничтожай Манчжуров, возстанови Минов».

С шестнадцатаго вѣка юг Китая находился в болѣе или менѣе регулярных сношеніях с купцами из Европы — сначала это были португальцы, потом испанцы, голландцы, англичане и т. д.

Под давленіем страшной перенаселенности и гнетущей, безпросвѣтной нужды китайцы из Гуанси и Гуандуна стали выбираться на острова, сперва Хай-нань, потом Формозу, дальше они, и торгуя и эмигрируя, проникали в Сіам, на Филиппины, на Яву и Борнео, заселяли прибрежныя городки в проливах и, быстро достигнув здѣсь

матеріального благополучія, потом оказали большую поддержку Сун Ят-сену и его революціонной партіи. Можно прямо сказать, что без денежных переводов от китайских обществ за морями, в частности из Америки, Сун Ят-сен не мог-бы долгіе годы вести свою пропаганду, как на китайском югѣ, так и за границей, не мог-бы создать и поддерживать временное революціонное правительство, предпринимать, с агитаціонной цѣлью, поѣздки в Европу и в Америку, дѣлать все то, что, в концѣ концов, привело к торжеству идей партіи Гоминдан и прежде всего к сверженію династіи Цинов в далеком от Кантона Пекинѣ.

Тѣ, кто бывал на крайнем югѣ Китая, кто видѣл эти города, кишашіе людьми, кто знает, сколько милліонов человѣческих существ всю свою жизнь, от рожденія до могилы, проводят на лодках и плотах, так как на твердой землѣ для них не находится свободнаго мѣста, кто слѣдил за развитіем и безостановочным ростом китайской торговли и зарожденіем китайской отечественной промышленности, тот легко поймет, каким образом под воздѣйствіем экономических причин и перенаселенности, зародилось и быстро пріобрѣло поддержку в широких массах на югѣ движеніе, которое было направлено к освобожденію поднимавшаго голову торговаго класса от пут, налагавшихся на него централизованной системой чиновничьяго гнета.

Жизнь при морѣ всегда развивает. У кантонцев фантазія болѣе пылкая и темперамент болѣе горяч, у них больше инициативы и смѣлой предприимчивости, чѣм у тѣх китайцев, которые населяют Хунань, Аньхуй, Цзянсу и которые, впрочем, сами о себѣ думают, как о высшем образчикѣ подлинной китайской культуры, но которые умом медленнѣе и к политической активности, к социальному напору, возстанію, бунту пригодны в гораздо меньшей степени, чѣм жители жаркаго юга.

Сун Ят-сен, не будучи вождем в стилѣ Муссолини, был хорошим организатором и сумѣл изъ мелких и разобщенных секретных обществ Кантона сколотить, болѣе или менѣе внушительное, ядро, которое впоследствии, выросло в партію Гоминдан и первую республиканскую программу котораго объявил У Тин-фан, отец недавняго посланника Китая в Вашингтонѣ, а до того министра иностранных дѣл д-ра С. С. Ву.

На первые военно-революционные расходы деньги были получены Сун Ят-сеном почти исключительно от кантонцев, а в период 1924-27 г. г. тот-же Кантон помогал материально и морально, а также и своими воинскими частями, шедшими в авангардъ — успѣху продвиженія арміи Гоминдана на сѣвер, в ея знаменитую «карательную экспедицію», которая в 1928 году закончилась паденіем Пекина и возникновеніем центрального, гоминдановскаго правительства в Нанкинѣ, существующаго по текущей 1933 год.

Китайская революція началась кантонским возстаніем ген. Хуан-Сина, организованным по веснѣ 1911 года, а китайскую республику сдѣлали в Кантонѣ и через Кантон три человѣка:

— Сун Ят-сен; донинѣ благополучно здравствующій престарѣлый Тан Шао-и и ген. Ли Юань-хун, который в 1916 году стал президентом республики в Пекинѣ, послѣ гибели Юань Ши-кая.

При чем, как остроумно говорит Блэнд, Сун Ят-сен был рожден республиканцем, Тан Шао-и приобрѣл республиканизм, Ли Юан-хун имѣл республиканизм временно ввѣренным в его руки.

В нашу задачу не входит писать исторію Китая или хотя-бы исторію республиканскаго или революціоннаго его движенія — достаточно будет поэтому отмѣтить вкратцѣ, что стремленіе к освобожденію от власти династіи Цинов объяснялось двумя основными причинами: во-первых, ростом вліянія торгово-промышленнаго класса, который инстинктивно чувствовал, что при республикѣ меньше станет централизирующих правительственных шор, а, во-вторых, той поддержкой, которую державы, в том числѣ Японія и императорская Россія, в секретном, конечно, порядкѣ, оказывали революціонерам, в частности Сун Ят-сену, так как в задачи европейской дипломатіи, двадцать лѣт тому назад, входило возможно большее ослабленіе престижа и вліянія пекинскаго богдыхана и его маньчжурскаго двора.

Революція 1911-12 г. г. прошла сравнительно безболѣзненно и вот по каким причинам: в рядах дворцоваго окруженія не нашлось сильной, волевой личности, хотя-бы калибра Ли Хун-чжана, а в народѣ издавна тлѣло тайное недоброжелательство к Маньчжурам, как к династіи чужестранцев завоевателей. Трон не рухнул, а до

бровольно отошел от власти и замкнулся в Запрещенном Городѣ.

Когда изучаешь в подробностях агонію послѣдних мѣсяцев царствованія Цинов, то неволью ловишь себя на мысли, что исторія повторяется: ровно на пять лѣтъ позднѣе, в январѣ-февралѣ 1917 года, в Петербургѣ была пережита та же самая трагедія династїи, так хорошо сейчас знакомая русскому читателю.

Гоминдан не сразу пришел к центральной государственной власти — пятнадцать лѣтъ длилась гражданская война, за період которой народился, до сих пор не изжитый и могущій снова воспрянуть из временной летаргіи, институт ду-цзюната — провинціальных военных диктаторов — главными представителями котораго были Чжан Цзо-лин, Сюй Шу-чжен, У Пей-фу, Цао-Кун, Фын Ю-сян, Сун Чуан-Фан, Чжан Цзу-чан, У Цзинь-шень, ццикарскій, и т. д.

Но и став у власти, правящая нынѣ партія переживала длительный и мучительный процесс перерожденія тканей — то и дѣло у власти возникали новыя лица или перетасовывались старыя и единственный человѣкъ, который держался во главѣ центральной администраціи с середины 1927 г. по дек. 1931 г., совмѣстив в себѣ верховную, военную и гражданскую власть, а, потом, добровольно эту власть передавшій лидерам партїи, был ген. Чжан Кай-ши, роль котораго в исторїи современнаго Китая, пока он жив, не может быть признана сыгранной и который, отойдя в 1932 г. нѣсколько в сторону, все-таки продолжал оставаться центральной фигурой нанкинскаго олимпа.

Кто, теперь, помог Гоминдану придти к власти над большей частью страны?

Всѣм извѣстно, что до 1923 года Сун Ят-сен сам не был убѣжден, что судьба поможет его движенію и его партїи, справиться с междоусобицей, с сепаратистскими тенденціями и сравнительно быстро сформировать активную централизующую власть.

Несмотря на то, что Сун Ят-сен располагал колоссальными средствами, которыя стекались в казну «отца китайской революціи» от китайских патриотов, разсѣянных по островам Тихаго океана, в Сѣверной, как и в Южной Америкѣ и в Австраліи, он то возстанавливал свою власть в Кантонѣ, то должен был снова покидать этот котел бурлящих революціонных страстей под нати-

ском конкурентов или предателей.

Но, вот, в 1923 году произошла в Шанхае встреча и длительная беседа с А. А. Иоффе, бывшим из Пекина в Токио, договариваться с Японией, который преподавал несколько практических советов революционеру — философу и кабинетному работнику Сун Ят-сену, и указал пути конкретного сотрудничества с советской Россией.

При участии советских военных инструкторов, карательный поход на север, в первой своей части, уже после смерти Сун Ят-сена, был проведен довольно быстро и в руках партии Гоминдан, в которой тогда диктаторски распоряжался ответственный агент Москвы Михаил Бородин, оказались провинции Гуанси, Гуандун, Хунань, Цзянси и Хубей с Трехградьем, при чем Бородин, в январе 1927 года, в беседе с корреспондентом «Рейтера», похвалялся тем, что, под напором революционного энтузиазма китайских масс, Западу придется начать решительный отход от своих империалистических позиций в Азии и, прежде всего, потерять все свои экстерриториальные привилегии в Китае.

Британская концессия в Ханькоу была, действительно, потеряна Англией, выполнявшей директивы консервативного консулатора, сэра Остина Чемберлена, выработавшего целую философскую систему дипломатического непротивления, но на этом паническое отступление Запада как будто и кончилось.

Запад получил передышку, т. к. в Нанкин была сформирована умеренная власть гоминдановцев-эволюционистов и начался тот период правления партии, который фактически продолжается по тот день, что пишутся эти строки, не смотря на тяжкие испытания 1931-32 г. г.

Революционная в своей основе, составленная из разнообразных элементов, не преследовавшая никогда советской тактики террора в отношении суровой расправы с «уклонистами», партия Гоминдан, тем не менее, усвоила от Москвы основную структуру своего центрального аппарата с периодическими съездами членов партии и сессиями центрального исполнительного комитета и т. д., китаизировав, однако, эту советскую партийную структуру учреждением пяти верховных палат.

В рядах партии со стороны ее персонального состава и по сей час имеется подавляющее большинство тех, что получили высшее или среднее образование за границей.

цей или в китайских учебных заведениях, созданных по типу европейских университетов, хотя теперешнее самое молодое поколѣніе китайскаго студенчества быстро открывается гораздо лѣвѣе правящей партіи и, как свидѣтельствуяют многіе источники, находится под интеллектуальным вліяніем коммунизма, в его идеологическом и идеалистическом преломленіи.

Партія выработала за эти шесть, семь лѣт пребыванія у власти многочисленныя кадры администраторов, находящихся под воздѣйствіем демократических государственных ученій Европы и, в особенности, Америки.

Не всѣ, как признают и сами вожди партіи, чиновники Гоминдана отрѣшились от недостатков, характеризовавших бюрократическій строй мандарината, но в подавляющем большинствѣ, это горячіе патріоты, западники и прогрессисты, старательные работники, во всяком случаѣ люди, преисполненные самых лучших намѣреній.

Как во главѣ провинціальных органов администраціи, так и во главѣ крупных единиц арміи, во главѣ министерских департаментов центра и на таких отвѣтственных постах, скажем, как пост мэра Великаго Шанхая, стоят сравнительно еще молодые люди, полные энергіи и, вмѣстѣ с тѣм, усвоившіе от культуры предков осторожность, разсудительность, эластичный ум, много врожденнаго такта, умѣніе при всем своем европеизмѣ, оставаться вѣрными историческим путям и приѣмам китайской дипломатіи прошлаго.

В подтвержденіе только что сказанных слов, рекомендуется прочитать, хотя-бы, переписку мэра Великаго Шанхая ген. У Те-чена за період, предшествовавшій военным дѣйствіям в Шанхаѣ, а, потом, и за тѣ тревожныя недѣли, что шли бои, по сосѣдству с международным сеттльментом.

По письмам, меморандумам, нотам мэра, стоявшаго в центрѣ событій, трудно повѣрить, что автором их является молодой администратор — они проникнуты осторожной мудростью исторических китайских дипломатов, которые, как Ли Хан-чжан, У Тин-фан, Тан Шао-и вызывали всегда почтительное удивленіе своих европейских коллег по профессіи и лестную оцѣнку их дарованій со стороны историков Запада.

В заключеніе очерка, рисующаго, в общих чертах, правящую партію, надо отмѣтить, что только в самом

началъ партія проводила политику политической нетерпимости — пополняя свои ряды только заслуженными партійцами и отмежевываясь от сотрудничества государственных дѣятелей, связанных с режимами военных диктатур и, тѣм болѣе, с имперіей.

Под вліяніем тяжелых испытаній, вызванных сложным и длительным военным конфликтом с Японіей, который начался гораздо раньше официальной даты — 18 сентября 1931 года — старые счета были забыты и в рядах правительства, на ряду с дѣятелями лѣваго крыла, как Сун-Фо или Ван Цзин-вей, появились бывшіе пекинскіе министры и даже бывший премьер д-р Веллингтон Ку, который был в Нанкинѣ, в началѣ 1932 г., на короткое время, министром иностранных дѣл, а потом получил полномочія партіи представлять интересы Китая при комиссіи лорда Литтона, прибывшей в Китай в мартѣ 1932 года для детальнаго ознакомленія с сущностью японо-китайскаго конфликта и, наконец, назначенный посланником в Париж.

Конечно, под вліяніем политических событій 1931-32 г. г., правящая партія Гоминдан подвергается критикѣ в средѣ самих китайских кругов, но всякая партія, как и отдѣльные лидеры, всегда и всюду находятся под ударами критики.

Трудно, однако, отрицать историческую роль Гоминдана в судьбах современнаго Китая.

2.

Официальная точка зрѣнія такова, что с 1927 г. между исторіей Китая и партіей Гоминдан поставлен знак равенства. Дѣятели партіи считают, что Гоминдан в Китаѣ достиг тѣх-же успѣхов, что фашизм в Италіи и большевизм в Россіи. До известной степени с этим можно согласиться не потому, что у Гоминдана, как партіи, вот уже больше пяти лѣт, нѣт соперников, если не считать коммунистической партіи, находящейся в подпольѣ и являющейся скорѣе движеніем, чѣм партіей, а потому, что на протяженіи полуторах лѣт, что длится конфликт с Японіей, от котораго зависят судьбы Китая, Гоминдан, худо-ли, хорошо, но продолжает оставаться у власти.

Объясняется это рядом причин: отсутствіем сильной и могущей дѣйствовать легально, другой партіи,

обаяніем имени д-ра Сун Ят-сена, основателя Гоминдана тѣм, что в Гоминданѣ, кромѣ молодых элементов и интеллигентов, так сказать, разночинцев, имѣются вліятельные элементы из торгово-промышленных и банковских кругов, а также, конечно, наличіем убѣжденных сторонников партіи, лойяльных членов ея, плюс пропаганда идей партіи, законы страны, формулированные в духѣ этих идей, и немалая работа, продѣланная для того, чтобы обработать массы в соответствующем направленіи.

К числу слабых сторон Гоминдана, как правящей партіи, сами ея дѣятели относят извѣстное остываніе к Гоминдану среди молодежи, в частности студенчества, которое живо воспринимает вѣсти и лозунги, исх дящіе из коммунистическаго подполья, и, кромѣ того, уменьшеніе интереса среди старших кадров партійцев к работѣ по укрѣпленію основ партіи, расширенію ея соціального базиса и сліянію интересов партіи с интересами національной политики.

Этой темѣ как раз и была, в нѣкоторой части своей, посвящена рѣчь ген. Чжан Кай-ши, произнесенная в це-ка партіи 20 октября 1930 г., тогда еще исходившая из уст предсѣдателя правительства, одновременно совмѣщавшаго и функціи президента государства и генералиссимуса!

«С чувством глубокаго сожалѣнія я должен заявить, — говорил ген. Чжан, — что во многих мѣстах, в которых мнѣ пришлось быть, я убѣждался, что члены партіи оставляли по себѣ у населенія впечатлѣніе мало благопріятное. Едва-ли я преувеличу, если скажу, что ни один из областных партійных отдѣлов в тѣх мѣстах, гдѣ я был, не работает должным образом на благо населенія, но, больше того, партійные дѣятели погрязли во взяточничествѣ, избобличаются в коррупціи и заняты лишь удовлетвореніем своих честолюбивых вождедѣній. Маньчжуры были низвергнуты потому, что они превратились в замкнутую касту. А, теперь мы, которые подняли и начали дѣло революціи, во имя сверженія Маньчжуров, сами разсматриваемся, как привилегированная каста. Теперь, против нас самих поднимается волна той же самой ненависти и отвращенія, какія народ питал к Маньчжурам. Опасность такового положенія не нуждается в переоцѣнкѣ. Если мы не постараемся, как можно скорѣе, исправиться, нам угрожает катастрофа и мы

будем повинны в том, что оказались недостойными того довѣрія, которое нам было оказано покойным вождем.

— «Указанное тяжелое положеніе дѣл, — продолжал ген. Чжан, — проистекает не от того, что принципы партіи ошибочны, а от того, что нѣтъ в наших рядах должной дисциплины и партійные дѣятели оказываются невѣждами по части должнаго усвоенія революціонных принципов. Члены партіи, повинные в преступленіях по службѣ, должны подлежать гораздо болѣе суровому наказанію, чѣм изблеченные в таких-же поступках должностныя лица, не состоящіе членами партіи».

На втором пленарном засѣданіи центрального исполнительнаго комитета третьяго состава, избраннаго третьим національным съѣздом партіи, происходившем 10—18 іюня 1929 г., была принята резолюція о продленіи еще на шесть лѣтъ так называемаго воспитательнаго періода, который должен предшествовать періоду введенія конституціоннаго строя, в его чистом видѣ.

В объясненіях почему, по мнѣнію пленума ЦИК Гоминдана, Китай нуждается в продленіи воспитательнаго періода, указывалось на размѣры огромной страны, неграмотность, отсутствіе необходимых средств сообщенія, наличіе традиціоннаго консерватизма в массах, с одной стороны, и роста экстремистских радикальных настроеній с другой. Партійные лидеры думали, принимая эту резолюцію, что между патріархальной монархіей, которую они низвергли и демократической республикой, которую они хотят построить, образовался глубокій ров, засыпать который как будто еще не найдено дѣйствиельнаго средства.

Період политическаго воспитанія народа, который был продлен, покоится на слѣдующих принципах: 1) во время воспитательнаго періода и до созыва народнаго собранія національный всекитайскій съѣзд партіи дѣйствует от имени китайскаго народа, осуществляя его политическіе права, 2) в то время, когда національный съѣзд Гоминдана не засѣдает, политическими правами распоряжается Центральный Исполнительный Комитет Гоминдана, 3) народ должен быть постепенно обучаем пользоваться правом избирательным, правом отзыва, инициативы и референдумом, как предусматривает д-р Сун Ят-сен в «Основах національной реконструкціи» для того, чтобы быть готовым к воспріятію конституціоннаго правитель-

ства, 4) выполнение законодательных, исполнительных, судебных, ревизионных и контрольных прав должно быть вручено национальному правительству для того, чтобы заложить фундамент для представительного образа правления, когда наступит конституционный период, 5) направление и контроль национального правительства в руководствѣ важнѣйшими государственными дѣлами ввѣряется центральному политическому совѣту ЦИК Гоминдана, 6) Центральному политическому совѣту ЦИК Гоминдана предоставляется право исправлять и истолковывать основные законы.

Послѣдній пункт мог бы показаться странным, если не знать, что во вступительной части к основному закону, принятому 4 октября 1928 г., говорится:

«Гоминдан Китая, для утверждения Китайской республики на основах Трех Принципов Народа и положенія о пяти палатах, каковые создаются на основѣ революціонных принципов, побѣдив всѣ оппозиціонныя теченія вооруженной силой и переводя, в настоящее время, революціонный процесс из военного періода в період воспитательный, полагает необходимым точно очертить положенія устава пяти палат, с цѣлью развивать дарованія народа по выполненію политических прав, для того, чтобы могло, как можно скорѣе, сформироваться конституціонное правительство и политическія права могли бы быть возвращены народу и, далѣе, в полном сознаніи отвѣтственности, возложенной на партію по руководству и контролю над правительством, настоящим предписывает промульгировать нижеслѣдующій основной закон Национальнаго Правительства».

Чтобы не возвращаться еще раз к истолкованію сущности, столь страстно обсуждаемаго в самом Китаѣ, агитаціонно — воспитательнаго періода, приведем раздѣл VIII «Основнаго плана по устройству государства» («Цзян-го-та-ган»), составленный собственноручно д-ром Сун Ят-сеном и являющійся кратким изложеніем идей, болѣе пространно развитых в его книгѣ «Основные начала государственнаго устройства» («Цзян-го-фан-люэ»).

«С наступленіем в одной из провинцій полнаго успокоенія, там кончается военный и наступает агитаціонно-воспитательный період.

«Во время агитаціонно-воспитательнаго періода, Правительство должно командировать агентов, получив-

ших соответствующую идеологическую подготовку и выдержавших экзамены, во всё уѣзды для содѣйствія населенію по подготовкѣ его к самоуправленію.

«Когда в уѣздѣ населеніе будет подробно переписано, всё земли точно провѣрены и пронивелированы, полиція и народная милиція уже приведены в полный порядок, всё дороги, поперечныя и продольныя, также приведены в должный вид, и все населеніе получило подготовительное воспитаніе к пользованію ему четырьмя неотчуждаемыми субъективно-публичными правами, исполняет гражданскія обязанности и твердо идет по пути революціонных принципов, — то тогда населеніе может выбрать начальника уѣзда, который будет завѣдывать всѣми дѣлами уѣзда. Кроме того, населеніе уже может выбрать делегатов, для обсужденія и изданія мѣстных устных законов. Когда все вышеуказанное будет осуществлено, то данный уѣзд считается организовавшимся в «полный по самоуправленію уѣзд».

Из всего выше только что сказаннаго, явствует, что на протяженіи агитаціонно -- воспитательнаго періода, в каковом Китай сейчас пребывает, хотя-бы в силу того, что конституціонный строй в нем не введен, правительство Китая является „правительством Гоминдана, созданным для китайскаго народа“. Источник правительственной власти исходит от Гоминдана, а Гоминдан воспринимает силу от Революціи. Таким образом, при нынѣшнем политическом строѣ, суверенитет Китая сосредотачивается в Гоминданѣ, партіи, которая по данным от 1 дек. 1929 г., насчитывала в своих рядах 653,779 членов. Партія Гоминдан, словом, является по ея убѣжденію наставником, часовым и руководителем правительства и китайскаго народа.

В рядах Гоминдана, в особенности из уст официальных истолкователей идеологіи партіи и ея ближайших задач, не пользуется особым фавором безспорный факт вліянія, оставленнаго дружбой с Совѣтской Россіей, и наличіе и посейчас осязаемых слѣдов этого вліянія, не только потому, что совѣтское вліяніе является синонимом вліянія коммунистическаго, а коммунизм внѣ закона, но и потому, что это вліяніе как-бы опровергает органичность и самобытность существующаго режима.

Признавая, что существующій режим как и в Италіи, как в СССР, является режимом одной партіи, а

также и то, что наличие таких институтов, как политбюро партии, центральный исполнительный комитет, всекитайские съезды партии Гоминдан, органы областной администрации строятся в соответствии с советской системой, нося явственный этикет „made in Moscow“ — идеологи партии говорят, что режим одной партии, в нашу эпоху перерождения тканей парламентарного строя, предпочтительнее режима двух, тем более нескольких, политических партий, делящихся на правящую партию и официальную ей оппозицию.

Советский сколок партийно-административной машины, тот-же ЦИК Гоминдана, говорят эти идеологи, является механизмом, в котором все соответствующие части получают возможность беспрепятственно двигаться, «отправлять свои функции», не допуская возможности превращения ограниченной партийной диктатуры в неограниченную диктатуру отдельной личности. Кроме того этот аппарат является своего рода резервуаром, который собирает в себя все способные партийные элементы, всегда располагая кадром хорошо подготовленных политических руководителей, используемых на правительственных должностях по мере действительной в них надобности.

Возражая на указания, что гоминдановский режим имеет тенденции к вырождению в откровенную партийную диктатуру, защитники режима говорят, что Гоминдан никогда не применял, во всяком случае, не проповедывал партийного террора, как орудия сохранения за собою власти и не заслуживает упрека в партийной тирании. Гоминдан далек от того, чтобы обратиться в «партократию» и не хотел-бы, чтобы к терминам «советизм» или «фашизм», прибавился еще и термин «гоминданизм».

Защитники режима говорят, что партия прекрасно помнит и всегда повторяет, что ее режим явление временное, что с наступлением конституционного периода прекратится и та относительная партийная диктатура, которая в настоящее время существует. Защитники режима указывают, что в Китае, на протяжении тысячелетий, в народном сознании никогда не умирало признание за народными массами права решать судьбы страны путем восстаний и революций, так что всякая диктатура должна помнить, что сроки ее заранее сочтены.

Но, коль скоро заходит вопрос о том, что предпочесть — партийную-ли диктатуру, обеспечивающую

порядок и безопасность или демократическій режим, если он будет отмѣчен безпорядками, мздоимством, паденіем народнаго благосостоянія и т. д., то народ предпочтет остаться при партійной диктатурѣ, от которой откажется как только она перестанет его удовлетворять.

Возражая на критику, часто исходящую из рядов членов партіи, что «тан-пу», провинціальныя отдѣлы Го-миндана, часто вмѣшиваются в функціи мѣстных самоуправленій, защитники существующаго режима говорят, что сам по себѣ акт вмѣшательства не может еще разсматриваться, как преступленіе, поскольку вмѣшательство дѣлается агентами и слугами Національнаго правительства. Преступленіе начинается тогда, когда представители Гоминдана злоупотребляют своей властью. При отсутствіи парламентарной системы, с ея правом интерпелляцій к правительству со стороны депутатов, представителей с мѣст, вмѣшательство провинціальных отдѣлов Го-миндана в мѣстныя дѣла становится почти неизбѣжным.

Однако Гоминдан полностью признает принцип, что правительство партіи не есть еще правительство членов этой партіи. Не только на мѣстах, но и в центрѣ цѣлый ряд правительственных дѣятелей, даже руководителей таких отвѣтственных отраслей, как внѣшняя политика и пр., признавая принципы Гоминдана, не являются однако партійцами, не зарегистрированы в рядах партіи и вступать в партію их никто не принуждает.

Но, с другой стороны, поскольку верховная власть в Китаѣ, в данный момент, как-бы персонифицируется именно в партіи Гоминдан, надо признать, что члены партіи, руководители ея провинціальных отдѣлов, рассматривают себя лицами, облеченными довѣріем и несущими отвѣтственность перед партіей и, вполне понятно, что они болѣют душой за общій ход дѣл и хотят принести сильную помощь в дѣлѣ борьбы за успѣх существующаго режима, осуществляемаго правящей партіей Гоминдан.

Соглашаясь с указанными положеніями, мы, в интересах истины, обязаны признать в только что развитых положеніях и элемент официозной софистики, и должны отмѣтить, что, судя по цитированной нами выше рѣчи, ген. Чжан Кай-ши, б. президент государства, смотрит гораздо суровѣе и относится гораздо безпощаднѣе к злоупотребленію властью представителей партіи на мѣстах.

Не собираясь давать историю партии, хотя-бы и за последние годы, потому что этому надо было-бы посвятить отдельный труд, мы вкратце отмѣтим тѣ этапы, через которые правящая партия прошла, с момента основанія Национальнаго правительства в Нанкинѣ и государственных похорон на Пурпуровых горах, основоположника партии и отца китайской революціи, д-ра Сун Ят-сена, что совпадает в жизни партии с созывом первых пленарных сессій центрального исполнительнаго комитета третьяго состава, иными словами за період 1929-1932 г. г.

С 15 по 28 мая 1929 г. в Нанкинѣ происходил третій партийный съѣзд, который историографами партии разсматривается, как поворотный пункт в судьбах Гоминдана.

Смысл и значеніе этого съѣзда в том, что он был первым всепартийным съѣздом, созванным послѣ выполненія задачи объединенія страны под флагом гоминдановскаго Национальнаго правительства: в 1929 году, впервые послѣ сверженія монархіи, республиканскій Китай, простирающійся от берегов Амура до границ Индо-Китая, мог казаться единым, с прочно установленным и всѣми даже недругами режима, признаваемым центром.

Этот конгресс, среди многих других, принял резолюцію, очерчивающую административныя права партии и ея взаимоотношенія с правительством и позицію в отношеніи народа, который она ведет за собой в годы воспитательнаго періода и которому должна будет передать власть, по установленіи конституціоннаго періода или народоправства.

Кромѣ того, конгресс разработал резолюцію об экономической реконструкціи страны, о путях и средствах к осуществленію программы народнаго образованія и воспитанія, и *Last but not Least*, конгресс исключил из партии вождей так называемых «реорганизаціоналистов», один из уклонов фракціоннаго оппозиціонерства, в рядах каковых втапору числился сам Ван Цзинь-вей, любимый ученик Сун Ят-сена, один из немногих присутствовавших при его кончинѣ, партийный идеолог, оратор, поэт, страдалец за идею и самый красивый представитель гоминдановскаго олимпа, прославившійся еще при монархіи, когда, совсѣм юным, он покушался на убійство принца-регента. Почтив, с восточной любезностью пребывавша-

го на полунелегальном положеніи Ван Цзинь-вея избраніем в члены политбюро — центрального политическаго совѣта, председателем котораго был Чжан Кай-ши, а членами всѣ признанные лидеры Гоминдана: Ху Хан-мин, Сун-Фо, Юй Ю-джен, Дай Чи-тао, Цай Юан-пей, Ван Чжун-гуй, Т. В. Сун, а также два героя прошлаго, сданнаго в архив, періода власти дучзюней—шаньсійскій маршал Ен Си-шан и, так называемый, «христіанскій генерал» Фын Ю-сян, третій съѣзд партіи изобразил Ван Цзинь-вея в поддержкѣ коммунистическаго возстанія в дек. 1927 г. в Кантонѣ, с какового и начался окончательный разрыв Гоминдана с коммунистами и члены китайской коммунистической партіи были объявлены внѣ закона.

Кромѣ того, далѣе, съѣзд установил двѣ градациі для членов партіи — полноправных и на испытаніи: гоминдановец на испытаніи должен быть не моложе 16 лѣтъ, а полноправный партіец должен обладать возрастным цензом в 21 год. Прежде чѣм получить права партійца испытуемый должен подвергнуться извѣстному наблюденію и экзамену.

Съѣзд постановил также созывать всепартійные съѣзды через каждые два года, а в промежутках между съѣздами, вѣрить руководство судьбами партіи и страны центральному исполнительному комитету, выдѣляющему из себя опять таки по совѣтскому образцу нѣчто вродѣ «политбюро», центральный политическій совѣт, члены котораго должны представлять собою как-бы головку правящей партіи.

Описываемый період может быть характеризован, как сотрудничество с диктатурой ген. Чжан Кай-ши (хотя термин диктатура надо пользоваться, в примѣненіи к Китаю, с очень большими оговорками) Ху Хан-мина.

Совѣтскія персональныя параллели мало примѣнимы, но если мы уподобим, на минуту, Чжан Кай-ши Сталину, то Ху Хан-мина, в этой комбинаціи, лучше всего сравнить с Троцким. Как и у Троцкаго трудно у него установить с опредѣленной точностью, в чем расхожденія его идеологіи, правѣе он или лѣвѣе диктатора, как трудно заранѣе предугадать, что Ху Хан-мин Троцкій-бы одобрил, что осудил. Как и в случаѣ с Троцким, Ху Хан-мин, выгодно отличающійся от своего московскаго прообраза отсутствіем внѣшней позы, одобрил-бы все, что было сдѣлано им и осудил-бы все, что было сдѣлано

без него. В свое время один из самых радикальных гоминдановцев, ближе всего стоявший к Бородину, Ху Хан-мин оказался в 1931 году правѣе даже ген. Чжан Кай-ши, когда настаивал, что рано созывать Народное Собрание, рано отказываться от партійной диктатуры, рано считать, что воспитательный період окончен.

Не успѣл закрыться третій партійный съѣзд и только что приступила к совѣщаніям первая пленарная сессія новаго ЦИК, как вспыхнуло возстаніе, так называемой, Гуансійской военной группы.

Это был военный бунт команднаго молодняка, всѣх тѣх, кто в годы карательной экспедиціи на Сѣвер мѣтил в Наполеоны, но, увидав, что это мѣсто занято Чжан Кай-ши, начал преисполняться завистью и злобой, скучая в полубездѣйствіи постоая в отдаленных от шумливой столицы провинціях.

Гуансійская клика состояла из трех фигур: генерала Ли Чи-шена, генерала Ли Цун-джена и молодого генерала Бай Цзун-чи, который прославил себя занятіем, в мартѣ 1927 г., Великаго Шанхая. Лидером возстанія был Ли Чи-шен, занимавшій пост председателя политическаго совѣта отдѣла партіи в Гуандунѣ. Ген. Ли Цзун-джен занимал такой-же пост в Уханѣ, фактически держа под своим контролем провинціи Хубей и Хунань, в то время как ген. Бай Цзун-чи имѣл под своим командованіем большую армію, расквартированную втапоры в Сѣверном Китаѣ. Иными словами, к моменту недурно задуманнаго возстанія весь центральнй Китай оказывался как-бы во власти молодых «наполеонов» и правящій Нанкин, праздновавшій объединеніе страны, попадал в кольцо.

Попытка призвать мятежников к порядку не увѣнчалась успѣхом. Чжан Кай-ши сдѣлал съѣзду партіи доклад о необходимости начать против гуансійских смутьянов карательную экспедицію, а Ху Хан-мин внес предложеніе исключить мятежных генералов из рядов партіи «на вѣчныя времена».

27 марта были приняты эти рѣшенія, а уже 30 числа Чжан Кай-ши, обычно не теряющій время по напрасну, когда надо дѣйствовать, прибыл в Цзюцзянь (Кьюкиан) и отдал приказ о продвиженіи правительственных частей к Ханькоу, центру мятежа. Гуансійскія войска очистили Ханькоу и район Трехградья, отступив в Хунань, а что касается Бай Цзун-чи, который находился

в Пекинѣ, то на него рѣшено было оказать моральное давленіе. Пребывавшій на покоѣ уважаемый партійный работник ген. Тан Шен-чи получил приказ стать во главѣ войск мятежнаго генерала, которые, прежде, были под его руководством, да и сам взбунтовавшійся Бай Цзун-чи начинал свою карьеру у генерала Тана. Расчет был сдѣлан правильно — сѣверные военачальники, субординированные мятежному генералу, такая-же гоминдановская молодежь, как и он, отказали ему в дальнѣйшем повиноваться и отправили центральному правительству телеграмму, завѣряя в своей лойяльности. Растерявшіеся руководители гуансійской клики попытались было как послѣднее средство овладѣть Кантоном и объявить Кантон независимым от Нанкина, но и из этого ничего не вышло: мятеж был подавлен.

Не успѣло центральное правительство в іюнѣ 1929 г. окончательно ликвидировать выступленіе трех гоминдановских генералов, как вскорѣ пришлось официально выступить против Фын Ю-сяна, котораго смѣстили со всѣх его высокихъ должностей и даже изгнали из партіи.

В началѣ описываемаго 1929 г. пишущему эти строки как раз довелось побывать в Нанкинѣ, бесѣдовать с ген. Чжан Кай-ши, быть представленным г. Сун-Фо, сыну Сун Ят-сена, тогда занимавшему в правительствѣ постъ министра сообщеній, и видѣть в домѣ центральнаго исполнительнаго комитета интригующую фигуру «христіанскаго генерала» (потом друга Москвы) Фын Ю-сяна. Не смотря на то, что он был в должности предсѣдателя военнаго совѣта и членом ЦИК партіи и прибыл в Нанкин для участія в государственном совѣщаніи, обсуждавшем под давленіемъ министерства финансовъ важный вопросъ возможнаго сокращенія китайской арміи, Фын держался какъ «государство в государствѣ». В своемъ подчеркнуто простецкомъ видѣ — стеганый на ватѣ солдатскій костюмъ, в дешевенькихъ обмоткахъ, обросшій бородой, онъ явно придавалъ большое значеніе тому, чтобы выглядѣть, какъ можно ярче по пролетарски (есть тонкій снобизм и в этомъ). Но это опрощеніе совсѣм не гармонировало с огромной дорогой машиной, которая ждала его у запорошеннаго снѣгомъ подъѣзда ЦИК-а, а положеніе предсѣдателя военнаго совѣта и члена ЦИК-а трудно было совмѣстить с тѣмъ, что какъ только Фын покинул залъ засѣданій его тотчасъ-же бдительно окружила охрана изъ

собственных тѣлохранителей, словно он был не в обществѣ коллег по правительству, а парламентаром во вражьем станѣ. Уже тогда (январь — февраль 1929 г.) было понятно, что лойяльность Фына центральному правительству очень кратковременная и что сокращеній своей собственной вооруженной силы (части армій бывшаго Гоминчуна) он не допустит и на урѣзку ассигнованій на его войска не пойдет.

Покинув державный Нанкин он тотчас повел работу по сближенію с военачальниками сѣверо — западной арміи, в том числѣ и с шансійским дубанем Ен Си-шаном, заручившись принципиальным согласіем опального Ван Цзинь-вея возглавить новую военно — политическую коалицію против Нанкина. В іюнѣ 1929 г. был ликвидирован гуансійскій мятеж, а 3 октября того-же года ЦИК партіи в секретном порядкѣ постановил арестовать вожаков оппозиціи, называвшей опять себя «реорганизаціонным движеніем». Сдѣлано это было так:

11 октября государственный совѣт отдал распоряженіе об арестѣ военнаго министра ген. Лю Чжун-лина, фыновскаго представителя в Нанкинѣ Лю-Чжи и других сторонников Фын Ю-сяна и, одновременно, был отдан приказ о военном выступленіи против сил сѣверо-западной арміи. Бои начались с 14 октября, в Хэнани, и приняли одно время серьезный для правительства оборот, когда сѣверо-западная армія, обходным порядком, попыталась забрать в мѣшок города Ухана. Ген. Чжан Кай-ши опять лично принимает командованіе карательной экспедиціей и для того, чтобы выбить у Фына из рук главный козырь, предлагает шансійскому дубаню, хитрому и осторожному Ен Си-шану, пост вице-генералиссимуса над всѣми морскими и воздушными силами китайской національной арміи. 5 ноября Ен соглашается принять указанное высокое званіе.

20 ноября Чжан Кай-ши берет Лойан нынѣшнюю вторую, запасную, столицу центрального правительства, и очищает Хэнань от войск мятежников, приведя таким образом к концу сепаратистское выступленіе Фын Ю-сяна.

Однако пути китайской политической интриги не только всегда извилисты и прихотливы, но часто они не улавливаются антенной, настроенной на воспріятіе волн логики Запада. Только этим своеобразіем Востока и можно объяснить необъяснимый казалось-бы факт, что,

взысканный милостями центрального правительства вице-генералиссимус Ен Си-шан, протягивает руку разбитому и отступившему мятежнику Фын Ю-сяну с цѣлью свергнуть центральную власть Нанкина.

Обставляется это двурушничество в строгом соответствии с китайскими методами развертыванія крупной политико-стратегической комбинаціи: 10 февраля 1930 г. Ен Си-шан отправляет телеграмму ген. Чжан Кай-ши с совѣтом ему подать в отставку, ибо «невозможно объединить страну силой оружія». Указывая на создавшіяся условія хитрый Ен взывает к партійным чувствам Чжан Кай-ши: «среди товарищей по оружію, гоминдановцев, которые всѣ являются учениками Сун Ят-сена, один норовит другого убить или ранить» — гласит телеграмма. Напоминая ген. Чжану его неоднократныя заявленія о готовности подать в отставку, когда его уход будет в интересах страны и партіи, Ен совѣтует генералиссимусу «отрѣчься от своего мѣста» и отправиться вмѣстѣ с ним, с Еном, в за-граничное путешествіе.

Как и надо было ожидать, эту лукаво-вѣжливую и, стилистически, безукоризненную телеграмму правящей Нанкин почел открытым вызовом себѣ. Предсѣдатели пяти Палат немедленно выпустили манифест ко всѣм начальникам воинских частей в Китаѣ, убѣждая их слѣдовать за центральной властью и не соблазняться на посулы отдѣльных честолюбцев. А ген. Чжан Кай-ши, через два дня, 12 февраля отвѣчает Ену по телеграфу, совѣтуя ему продолжать сотрудничество с правительством, в рядах котораго он занимает столь высокой пост. 13 февраля Ен отвѣчает генералу Чжан Кай-ши слѣдующим посланіем:

«Я продолжаю твердо вѣрить, что вы подадите в отставку, так как вы закончили работу по упроченію в странѣ порядка. Но, учитывая существующія обстоятельства, я охотно останусь на своем посту, если вы будете оставаться, но если, при помощи своего ухода, я мог-бы помочь партіи и странѣ, я с удовольствіем подам в отставку вмѣстѣ с вами. Благополучіе и успѣх партіи и государства должны быть единственным рѣшающим фактором в том, что нам с вами дѣлать».

14 февраля ген. Чжан публикует заявленіе, в котором говорит, что будучи революціонером, он полагает, что его обязанностью является продолжать борьбу за полный

успѣхъ Революціи и так как основы правительства и фундамент партіи еще недостаточно цементированы, то он думает, что он не располагает моральным правом сбросить со своих плеч лежащую на нем отвѣтственность в переживаемый острый момент.

15 февраля снова предсѣдатели трех Палат: административной, законодательной и юстиціи шлют Ену совмѣстную телеграмму, с просьбой пересмотрѣть его рѣшеніе, а послѣдній, от 16 февраля, возлагает в своей телеграммѣ всю отвѣтственность за то, что «вооруженная сила поставлена впереди моральнаго авторитета партіи», на ген. Чжан Кай-ши, указывая, вмѣстѣ с тѣм, что до тѣх пор, пока этот порядок вещей не измѣнится, силы распада будут дѣйствовать. В тот-же самый день ген. Чжан Кай-ши обращается ко всѣм чинам китайской арміи с манифестом о необходимости оставаться лояльными центральной власти.

А пока идет этот обмѣн длинными, составленными в патетических тонах телеграммами, в которых лидеры не скупятся на высказываніе благородных мыслей и демонстрируют, на словах, свои лучшія намѣренія, шансійскія части, командованіе над которыми переходит к Фын Ю-сяну, начинают быстро передвигаться на юг.

Когда Чжан Кай-ши запрашивает Ена, что значат эти передвиженія войск, тот отвѣчает, что в его намѣренія не входит рѣшать спор оружіем и, со своей стороны, упрекает Нанкин в том, что послѣдній сам провоцирует войну.

18 февраля положеніе окончательно выясняется, так как Ен публикует циркулярную депешу, «всѣм, всѣм, всѣм», в которой говорится, что настал рѣшительный момент для полной реорганизациі нанкинской власти и подчеркивает, что с нынѣшними заправилами Нанкина (центральное правительство) у него и его сторонников не может быть никакого компромисса. Шансійскія войска продвигаются уже по линіи Пекин-Ханькоусской желѣзной дороги.

В нервном напряженіи от всѣх этих событій, в Нанкинѣ 1 марта 1930 г. созывается третья пленарная сессія ЦИК-а, которая в первой-же принятой резолюціи объявляет о том, что лидер лѣваго уклонизма Ван Цзинвей исключается из рядов партіи Гоминдан, а ген. Ли Ши-цен назначается предсѣдателем комиссіи по разслѣ-

дованію дѣйствительной позиціи, которую занял Ен Си-шан, «объединившійся с взбунтовавшимися милитаристами и тѣм нарушившій основы партійной дисциплины». Таким образом ясно, что Нанкин хотѣл нанести сѣверной группировкѣ диссидентов двойной удар: — подорвать в глазах народных масс престиж их духовнаго руководителя Ван Цзинь-вея и как можно дольше оттянуть момент реального разрыва с шансійским правителем Ен Си-шанем. В тѣ времена, еще очень вліятельный, молодой маршал Чжан Сюэ-лян, находившійся в Мукденѣ и располагавшій арміей, которая считалась образцовой, шлет от себя двѣ телеграммы — одну Чжан Кай-ши, другую Ен Си-шану, прося их обоих не нарушать в странѣ мира, но, вмѣсто отвѣта на этот призыв, форсирующій событія, Ен Си-шан объявляет незаконной третью пленарную сессію ЦИК-а, засѣдающую в Нанкинѣ.

Событія начинают мелькать с головокружительной быстротой, приближаясь к развязкѣ: 3 марта Ен телеграфирует в Нанкин, сам отказываясь под предлогом болѣзни и необходимости отдыха от всѣх, занимаемых им, постов и покидая ряды партіи (дабы предупредить свое изгнаніе и не раздѣлить судьбы Ван Цзин-вея). 4 марта Ен Си-шаном разсылается из Таонаньфу телеграмма по Китаю, что он и Фын ѣдут отдыхать за границу, что не мѣшает, однако, войскам обоих маршалов лихорадочно готовиться к войнѣ. Правительственныя части в свою очередь также спѣшно мобилизуются.

14 марта военные командиры Сѣвера обращаются с телеграфной просьбой к Фыну и Ену отказаться от мысли ѣхать за границу, а генерала Чжан Кай-ши тѣ-же командиры просят подать в отставку — бунт принимает открытую форму. Дѣлается попытка привлечь на сторону сѣверных заговорщиков мукденскаго правителя «молодого маршала», но эта попытка кончается неудачей — Чжан Сюэ-лян остается вѣрен Нанкину.

18 марта части Ен Си-шана, расквартированныя в Пекинѣ, занимают учрежденія, находившіяся под контролем центрального правительства, а на стыкѣ арміи мятежников с арміей правительства Фын, руководящій военными операціями, отдает приказ о наступленіи.

И 1 апрѣля Ен Си-шан, бывший ду-цзюнь, соратник, а, потом и соперник Чжан Цзо-лина, бывший член Гоминдана и один из военных вождей хотя и не активных

кантонской карательной экспедиціи, объявляет себя в Пекинѣ «главнокомандующимъ національными силами» не учтя, что первое апрѣля, по убѣжденію суевѣрнаго Запада, дата, малоподходящая для того, чтобы положить ея основой новаго переворота. Пост помощника главнокомандующаго, как и слѣдовало ожидать, получаетъ Фын Ю-сян.

В Шандунѣ и в Хунанѣ идутъ уже бои между частями возставшихъ и войсками центральнаго Нанкинскаго правительства, а в Пекинѣ Ен совѣщается с лѣвыми лидерами Гоминдана о том, чтобы создать свою, пейпинскую партію Гоминдана и объявить Пекин-Пейпин столицей новаго «національнаго Китая». При чемъ Ен проэктируетъ создать дуумвиратъ: всю полноту политической власти онъ хочетъ взять себѣ, а всѣ партійные дѣла передать въ безконтрольное распоряженіе Ван Цзинь-вея. Хотя это было очень тонкимъ, остроумнымъ и ловкимъ предложеніемъ со стороны Ена, но слабой его стороною надо признать то, что внѣ игры Еномъ былъ оставленъ самолюбивый и капризный Фын, который сам, конечно, имѣй онъ деньги, не прочь былъ-бы занять постъ диктатора всего Сѣвера и сосредоточить в своихъ рукахъ, какъ политику своего правительства, такъ и руководство судьбами укрошенной партіи. Изъ Пекина (Пейпина) в Гонконгъ помчались гонцы Ен Сишана убѣжать Ванъ Цзинь-вैया отправиться какъ можно скорѣе на сѣвер.

Новой правительственной комбинаціи нужны были деньги, и, по подсказкѣ англійскаго журналиста, и при томъ весьма талантливаго журналиста, Б. Ленокс-Симпсона, 16 іюня Ен захватываетъ тяньцзинскую таможеню. Этотъ шагъ былъ второй ошибкой Ена, такъ какъ хотя захватъ таможни и былъ выполненъ по совѣту англичанина, этотъ шагъ заставилъ насторожиться дипломатическій корпусъ и, прежде всего, самихъ англичанъ, такъ какъ единство таможенной службы, возглавляемой, по традиціи, англичаниномъ, (за послѣднее время сэромъ Фредерикомъ Мэйзъ) является основой британской политики в Китаѣ. Что-бы не возвращаться болѣе къ этому моменту отмѣтимъ, что самъ Ленокс-Симпсонъ палъ жертвой своей интриги. Пока онъ писалъ, и писалъ очень откровенно и рѣзко, обо всемъ, что творилось в Китаѣ, не щадя часто в своихъ писаніяхъ и сильныхъ міра, — ему все безнаказанно сходило с рукъ, но какъ только онъ оставилъ перо и возглавилъ таможеню в

Тяньцзинь, его убили, почти одновременно с провалом бунта Ена и Фына против центрального правительства, послѣ того, как мукденскія войска были двинуты для ликвидаціи возстанія и занятія Тяньцзина и Пекина.

Ключ к разрѣшенію конфликта, который мог оказаться роковым для Нанкина, во всяком случаѣ ставил центральную власть под смертельный удар, так как державы были уже достаточно утомлены яростной компаніей Нанкина за отмену существующих с ними договоров и вряд-ли-бы стали спасать нанкинскую власть, — судьба отдала в руки мукденской группировки, во главѣ с молодым маршалом Чжан Сюэ-ляном.

Обуреваемый, с одной стороны, желаніем выполнить свои обязательства перед центральной властью, правящим Нанкином, с дѣятелями котораго он связался еще при жизни отца маршала Чжан Цзо-лина, а, с другой, желая мысль распространить сферу своего вліянія на древнюю столицу, выйти из под опеки японцев, которая всегда ощущалась в Мукденѣ и, кромѣ того, ослабить главных своих соперников на пути к осуществленію больших планов во все-китайском масштабѣ Ена и Фына молодой маршал Чжан Сюэ-лян рѣшает бросить свою вооруженную силу на вѣсы спора Сѣверной коалиціи и Нанкином.

Так как было извѣстно, что Сѣверная коалиція также ищет заручки у Мукдена, то національное правительство в Нанкинѣ в срочном порядкѣ назначило юнаго мукденскаго правителя вице-генералиссимусом всѣх вооруженных сил республики. Рѣшив помочь Нанкину молодой маршал вряд-ли предвидѣл, что это будет началом конца его власти в Маньчжуріи.

25 іюня 1930 г. войска мятежников заняли Цинан, главный город Шаньдунской провинціи и в Пекинѣ была собрана расширенная пленарная сессія Гоминдана в пику и в подрыв третьему пленуму ЦИК-а Гоминдана, засѣдавшему в Нанкинѣ, при чем за два дня до открытія пекинскій сессіи Гоминдана, составленной из всѣх недовольных нанкинским режимом элементов в древнюю столицу прибыл с юга Ван Цзинь-вей, котораго почему то так и хочется уподобить нашему В. М. Чернову.

Когда стало извѣстно, что в Пекинѣ все-таки будут создавать свое правительство, ЦИК Гоминдана в Нанкинѣ опубликовал манифест к народу от 12 августа 1930 года,

говорившій о катастрофических послѣдствіях для Китая, для исхода всего революціоннаго движенія и судеб Го-миндана, которые Сѣверный бунт несет с собою для страны и народа.

На счастье Нанкина шансійским войскам, долго находившимся в отрывѣ от своего руководителя Ен Си-шана, наносится пораженіе, они откатываются из Шандуня в Хубей, отступая в большом безпорядкѣ. Цинан снова переходит в руки центрального правительства.

Ен Си-шан, главная дѣйствующая сила всего заговора, вынужден оставить Пекин и поспѣшить в догонку к своей отступающей арміи. Поняв безнадежность положенія, он 14 сентября отправляет телеграмму в адрес Ван Цзинь-вея в Пекин, Чжан Сюэ-ляна в Мукден и престарѣлому Тан Шао-и в Шанхай, заявляя, на сей раз вполне искренно, о своем желаніи уйти на покой.

На эту телеграмму 18 сентября слѣдует отвѣтъ от «молодого маршала» Чжан Сюэ-ляна, предлагающій прекратить операциі на фронтѣ и передать разрѣшеніе всѣх недоразумѣній на усмотрѣніе центрального правительства.

Как только эта телеграмма была отправлена, мукденскія войска начинают продвиженіе от Шанхайгуаня на Пекин. Шансійскія войска получают приказ к отступленію, а всѣ дѣятели мятежа спѣшат убраться из ставшаго опасным Пекина и укрыться на иностранных концессіях Тяньцзина. 30 сентября 1930 г. войска Чжан Сюэ-ляна занимают Тяньцзинь, Пекин вскорѣ также переходит под контроль мукденцев.

Подводя итоги этой компаніи ген. Чжан Кай-ши, на поминальной службѣ в помѣщеніи ЦИК партіи, дѣлает 13 октября заявленіе, что движеніе Сѣверной коалиціи против центрального правительства продолжалось шесть мѣсяцев, должно быть названо самой кровопролитной из всѣх гражданских войн, когда либо ведшихся в Китаѣ, и сумѣло объединить против Нанкина 600,000 армію мятежников, из которых 200,000 составляли войска провинціи Шаньси, а 400,000 принадлежало к рядам сѣверо — западной арміи. Со стороны правительственных войск 30,000 было убито и 60,000 ранено, а со стороны мятежников потери ранеными и убитыми исчислялись в 150,000 человек.

Чувство удовлетворенія в правительственных кругах по случаю благополучнаго исхода возстанія было

так велико, что отправившись к своей армии ген. Чжан Кай-ши послал ЦИК телеграмму, советуя объявить на 1 января 1931 г. широкую амнистию и включить в число амнистируемых даже Ен Си-шана. Имя Фына в этой телеграммѣ было знаменательно опущено.

4.

Но не долго правящій Нанкин наслаждался внутренним миром. Если замиреніе на фронтѣ гражданской войны оказалось болѣе или менѣе прочным, то в партійно — правительственной средѣ зрѣл раскол, который мог снова привести к распаденію уже и нанкинскаго крыла партіи Гоминдан на двѣ непримиримых и враждующих группировки, если-бы не выступленіе Японіи, заставившее временно отложить домашній спор в сторону и продемонстрировать для внѣшняго врага хотя-бы видимость внутренняго единенія.

Мы говорим об остром и длительном конфликтѣ в Нанкинѣ между тогдашним предсѣдателем правительства и генералиссимусом всѣх вооруженных сил республики ген. Чжан Кай-ши и г. Ху Хан-мином, официально занимавшем пост предсѣдателя Законодательной Палаты, но фактически являвшагося как-бы главой партіи, ея идеологом, истолкователем политики и тактики правительства, заявленія котораго даже в отдѣльных частных интервью для печати всегда воспринимались, как китайцами, так и иностранной прессой, как исходящія непосредственно от верховной власти.

Так как разрыву между Ху Хан-мином и Чжан Кай-ши был придан идеологическій характер — его несогласіе на опубликованіе временной конституціи и его оппозиція рѣшенію созвать Народное Собраніе и так как Ху Хан-мин разсматривался китайской интеллигенціей как-бы «заложником демократіи» в станѣ военной диктатуры, то, понятно, что отход от власти Ху Хан-мина, а, потом, и противорѣчивые, но нараставшіе слухи о том, что он подвергнут личному задержанію, породили большое движеніе в странѣ и, одно время, существовала опасность открытаго возмущенія, вспышки возстанія, если не в Нанкинѣ, гдѣ у ген. Чжан Кай-ши было достаточно войск, то в Шанхаѣ, гдѣ нѣсколько дней держалось военное положеніе, доступ в китайскій город, с наступленіем тем

ноты, был воспрещен и на концессіях как полиція, так и воинскія части держались на готовѣ.

Положеніе обострялось еще и тѣм, что предсѣдателя правительства ген. Чжан Кай-ши его противники стали особенно яростно упрекать в бонапартизмъ — говорили, что устранив Ху Хан-мина ген. Чжан созывает Народное Собраніе только для того, чтобы оно ему поднесло на блюдѣ президентство, что, принимая во вниманіе наличіе в его руках вооруженной силы, будет ни чѣм иным, как откровенной военной диктатурой: повтореніем опыта Юань Ши-кая!

Уподобляя событія февраля-марта 1931 г. в Нанкинѣ московским прообразам, мы вряд-ли ошибемся, если сдѣлаем сравненіе конфликта Чжан Кай-ши и Ху Хан-мина с борьбой за власть между Сталиным и Троцким, с тѣм, однако, варіантом, что в то время как, в рѣшительный час, за спиной Троцкаго не оказалось реальной силы, за Ху Хан-мином стоял Кантон и всѣ недовольные элементы, как внутри правящей партіи, так и внѣ ея, которые были весьма рады случаю начать подрывную работу при помощи поддержки позиціи, взятаго под стражу, Ху Хан-мина.

Конфликт начался 28 февраля 1931 г. не в Нанкинѣ, а по сосѣдству со столицей, на горном курортѣ Таншан, куда съѣхались для обсужденія вопроса о созывѣ Народнаго Собранія и выработки Временной конституціи слѣдующіе выдающіеся вожди Гоминдана: Чжан Кай-ши, Ху Хан-мин, Сун-Фо и Дай Чжи-дао. Обсужденіе поднятых вопросов носило бурный характер и тут-же Ху стал грозить своей отставкой, если остальные присутствовавшіе будут настаивать на обнародованіи «юэ-фа», Временной конституціи.

Угроза не подѣйствовала и 2 марта распорядительный комитет ЦИК-а принял отставку Ху Хан-мина, назначив на пост предсѣдателя Законодательной Палаты престарѣлаго Лин-Сена, исполнявшаго, с половины 1931 г. и весь 1932 год обязанности президента государства.

В тот-же день, 2 марта, на службѣ в память д-ра Сун Ят-сена, ген. Чжан Кай-ши, в качествѣ главы правительства, говорил слѣдующее:

«Товарищи! Исполняя волю нашего покойнаго Вождя, послѣ многих испытаній и перемѣн Національное правительство пришло к сознанію необходимости созыва

Народнаго Собранія. Для того, чтобы получить возможность созыва этого собранія мы должны были миновать года кровопролитія: многіе из наших товарищей положили живот свой за это дѣло, в то время как безымянные миллионы нашего народа терпѣли всяческія испытанія. Кто станет отрицать, что мы заплатили дорогой цѣной за то, чтобы добиться созыва національнаго Народнаго Собранія, которое проложило-бы дорогу к умиротворенію страны и ея матеріальному благополучію.

«Для того, чтобы Народное Собрание не выродилось в фарс, оно должно встрѣтить поддержку каждого из наших товарищей, иначе жертвы, принесенныя партией и народом на алтарь осуществленія этой идеи были-бы принесены понапрасну. И из всѣх вопросов, которые должны быть поставлены на обсужденіе Народнаго Собранія вопрос о «юэ-фа», Временной конституціи, которая должна дѣйствовать на протяженіи воспитательнаго періода, является вопросом чрезвычайной и исключительной важности.

«Г. Ху Хан-мин однако настаивает, — продолжал ген. Чжан, — чтобы Народному Собранию не было дано права обсуждать вопрос о введеніи Временной конституціи. Таким образом, он не хочет согласиться с тѣм, что без Временной конституціи нельзя обезпечить личную безопасность жизни и имущества населенія. Он, как будто-бы, не видит, что без гарантій в отношеніи личности и прав собственности, не представляется возможным осуществить дѣйствительное объединеніе страны и положить конец гражданским войнам. Г. Ху, настаивая на том, что обнародованіе Временной конституціи не обязательно, пока длится період политическаго воспитанія народа, обнаруживает, что он превратно толкует ученіе д-ра Сун Ят-сена. Какія намѣренія преслѣдует г. Ху, когда он безоговорочно отрицает за Народным Собраніем право обсуждать положенія Временной конституціи? Развѣ не ясно, что при отсутствіи Временной конституціи будет и впредь оставаться единственным авторитетом в вопросах законодательнаго почина и отмѣны уже существующих законов, законодательная палата на всем протяженіи, что будет длиться воспитательный період. Мы и впрямь поражены, видя, что г. Ху, который не является новичком в вопросах отвѣтственности в дѣлах государственных, хочет столь злонамѣренно лишить народ его

исторических прав»...

Не смотря на краснорѣчіе этого выступления, Ху Хан-мин играл все еще слишком большую роль в жизни официального Нанкина того времени, и был связан тысячами нитей со всеми сколько-нибудь ответственными дѣятелями столицы, чтобы можно было ограничиваться одним фактом принятія его отставки и даже насильственным лишеніем его свободы.

Детонація столичныхъ событій в странѣ заставляет ген. Чжан Кай-ши, который, как мы теперь видим, был совершенно прав в своихъ дѣйствіях, приложить всѣ усилія, чтобы конфликт прошел как можно безоблѣзненнѣе и чтобы всѣ объективно настроенные элементы поняли, что позиція Ху Хан-мина в данномъ спорѣ неправильна.

Поэтому предсѣдатель правительства находит необходимымъ пригласить всѣхъ членовъ Законодательной Палаты (позволяемъ себѣ напомнить, что это учрежденіе нѣсколько напоминаетъ нашъ дореформенный Государственный совѣтъ и отчасти правительствующій Сенат) к себѣ на ужинъ и разъясняетъ ближайшимъ сотрудникамъ Ху Хан-мина свою позицію и причины, которыя породили конфликтъ на верхахъ власти.

«Лично, я, всегда относился с глубокимъ почтеніемъ къ мнѣніямъ, которыя высказывалъ г. Ху. Однако, большая часть положеній объ амнистіи была принята в несогласіи с его взглядами; затѣмъ, верховная власть проектировала созвать 4-ый съѣздъ партіи до созыва Народнаго Собранія, но г. Ху также возражалъ противъ этого, под предлогомъ, что времени не достаточно для проведенія подготовительной работы. И по цѣлому ряду другихъ вопросовъ онъ оказался для власти камнемъ преткновенія, чтобы притти къ тѣмъ или инымъ конкретнымъ рѣшеніямъ. Только на дняхъ г. Ху счелъ для себя возможнымъ, черезъ правительственное бюро печати, сдѣлать заявленіе, что вопросъ о Временной конституціи не долженъ обсуждаться Народнымъ Собраніемъ. Это выступленіе подверглось суровой критикѣ со стороны ряда членовъ ЦИК-а, нѣкоторые изъ которыхъ предлагали подвергнуть г. Ху дисциплинарному взысканію. Какъ не высоко мы всѣ цѣнимъ качества г. Ху, какъ государственнаго дѣятеля, нельзя не признать очевиднаго факта, что если Народное Собраніе будетъ открыто вопреки настояніямъ г. Ху, то онъ, оставаясь у власти, будетъ чувствовать себя морально весьма уязв-

ленным. Вот почему распорядительный комитет ЦИК-а без колебаній счел себя вынужденным принять отставку г. Ху Хан-мина».

Так как слухи о том, что Ху Хан-мин находится под арестом на курортѣ Таншан, не прекращались, то ген. Чжан выпускает официальное коммюникэ, в котором удивляется тому, что отставка должностного лица, хотя-бы и такого высокаго ранга, как предсѣдатель Законодательной Палаты, вызывает столько к себѣ вниманія, толков и пересудов: «для отвѣтственного правительственнаго дѣятеля подать в отставку, когда обнаружались принципиальныя разногласія его с коллегами — является самым обыкновенным дѣлом. В странах, гдѣ правительство болѣе прогрессивно, и народ лучше политически подготовлен, дѣла подобнаго рода являются самым обычным явленіем».

Однако, слухи продолжали нарастать — заговорили о тяжелой болѣзни Ху Хан-мина, о том, что он не только не встает с постели, но что дни его сочтены. Ген. Чжан Кай-ши вовсе не улыбалось фигурировать в качествѣ могильщика Ху Хан-мина, тѣм болѣе, что китайскій Троцкій был здоровьем дѣйствительно слаб. Правительство оповѣщает тогда, что слухи о тяжелой болѣзни Ху Хан-мина слишком преувеличены, публикуется докторскій бюллетень, свидѣтельствующій, что у опальнаго вельможи температура и пульс совершенно нормальны.

Наконец, для того, чтобы попытаться окончательно разсѣять слухи, что г. Ху Хан-мин пребывает в состояніи нервной пристраціи, в газетах были опубликованы поэмы сановнаго узника, которыя тот написал уже в Тоншанѣ, на вынужденном досугѣ. Газеты, не только иностранныя, но и китайскія, выходящія на иностранных концессіях, продолжали, однако, настаивать, что г. Ху Хан-мин вовсе не так идиллически воспринял перемѣны в своей судьбѣ и что его задержаніе носит всю видимость суроваго ареста, тяжко отразившись на психикѣ заключеннаго.

Сказать кстати, пишушій эти строки имѣл случай бесѣдовать, как раз в описываемые дни, с одним из крупных нанкинских сановников, прибывшем из столицы, с намѣреніем отойти от правительственной работы. Сановник, в частном разговорѣ не для пачати, подтвердил, что Ху Хан-мин находится под бдительной охраной, что к нему никого не допускают и что даже члены прави-

тельства и ближайшіе его сотрудники по Законодательной Палатѣ тщетно хлопчат о свиданіи с ним. Дом, в котором Ху Хан-минъ содержался под арестом, был окруженъ специальнымъ военнымъ кордономъ.

Утаить истинное положеніе вещей оказалось трудно и ген. Чжан поступилъ умно, когда перенесъ вопросъ въ плоскость признанія за партіей права ограничивать въ извѣстныхъ обстоятельствахъ личную свободу членовъ партіи, которые всѣ связаны суровой партійной дисциплиной.

— «Теоретически разсуждая, — говорилъ ген. Чжан Кай-ши, — ни одинъ изъ членовъ революціонной партіи не пользуется абсолютной личной свободой. Даже (!) мои личныя дѣйствія и выступленія подлежатъ постоянному контролю и ограниченію партійнаго центра и правительственныхъ властей. Нашъ покойный Вождь не разъ подчеркивалъ, что интересы партіи и страны требуютъ, чтобы члены Гоминдана не считали, что они полностью располагаютъ собою. Если индивидуалисты стали-бы настаивать на полной личной свободѣ, то для націи въ цѣломъ не удалось-бы добиться положенія свободы среди другихъ націй. Даже тов. Ху самъ подчеркнул въ одной изъ своихъ послѣднихъ рѣчей на поминальной службѣ, что должностныя лица и члены партіи не могутъ претендовать на личную свободу. Членъ партіи обязанъ повиноваться приказамъ партіи и не выходить за рамки партійной конституціи. Революціонная партія и правительство имѣютъ полное право, когда того потребуютъ обстоятельства, ограничивать личную свободу любого отдѣльнаго партійца. На протяжении всей своей жизни тов. Ху Хан-минъ былъ послѣдователемъ нашего Вождя и является знатокомъ его ученія. Онъ самъ часто убѣждалъ своихъ сотрудниковъ и товарищей въ необходимости повиноваться ученію д-ра Сунъ Ят-сена и жертвовать личной свободой для того, чтобы достигнуть свободы для націи. Такъ что вопросъ о томъ, пользуется-ли тов. Ху Хан-минъ личной свободой не имѣетъ большой важности», — гласилъ этотъ замѣчательный историческій документъ, дающій поводъ для глубокихъ размышленій о проблеммѣ личности въ революціи и о идеологіи революціоннаго демократизма.

Для того, чтобы выбить у сторонниковъ, лишеннаго въ порядкѣ партійной дисциплины личной свободы Ху Хан-мина, самый главный козырь, оправдывающій политику Ху Хан-мина и его разрывъ съ генераломъ Чжанъ Кай-ши, по-

слѣдній, через телеграфное агентство «Гуо-мин» категорически заявил, что на пост президента Китайской республики он отнюдь не претендует.

Пока г. Ху Хан-мин пользовался дисциплинарным отдыхом на горячих источниках в Таншань и писал поэмы, устранялось главное препятствие к тому, чтобы созвать наконец в столицѣ Народное Собрание и объявить на нем и его именем, отмѣну неравных договоров, таким образом полностью выполнить завѣтъ д-ра Сун Ят-сена, как он выражен в его послѣдней волѣ.

5 мая 1931 г. ровно в 9 часов утра во вновь и специально выстроенном огромном залѣ Центрального Университета ген. Чжан Кай-ши, в исключительно торжественной обстановкѣ, открыл національное Народное Собрание в присутствіи членов правительства in cogroge и 475 делегатов с мѣст.

Сорок четыре члена ЦИК-а и государственного центрального совѣта также присутствовали на этой импозантной церемоніи, которая прошла при наличіи ряда представителей иностранных держав, в частности новаго посланника Японіи, молодого и энергичнаго дипломата г. Мамору Шигемицу, который приурочил ко времени открытія Народнаго Собрания вручение своих вѣрительных грамот и которому в Шанхаѣ ровно через год оторвало ногу во время взрыва бомбы в Хонкью Паркѣ.

Как только часы стали бить девять ударов, раздались звуки пушечнаго салюта с китайских военных кораблей, стоявших в нанкинской гавани, и огромное по численности собрание, стоя, запѣло національный гимн новаго, революціоннаго, демократическаго Китая.

Надо-ли говорить, что столица в этот день была убрана флагами и по дорогѣ к мѣсту засѣданій Народнаго Собрания, к залу Центрального Университета, высилась красивая триумфальная арка.

В своей привѣтственной рѣчи ген. Чжан Кай-ши, предсѣдатель правительства, одѣтый в штатское и, при том, с подчеркнутой скромностью, как и маршал Чжан Сюэ-лян в характерных крылатках, которыя придавали фигурам этих двух военных лидеров сугубо штатскій вид, с удовлетвореніем отмѣтил, что послѣ стольких трудов и испытаній, наконец то, явилась возможность исполнить волю покойнаго Вождя — созвать Народное Собрание (о передачѣ ему полноты власти не было сказано ни слова).

Разсмотрѣвъ и принявъ Временную конституцію Народное Собрание, как и слѣдовало ожидать, в самых рѣшительных выраженіях заявило об отказѣ Китая от всѣх «неравных договоров».

«Юэ-фа», Временная конституція, в третьем ея чтеніи, была принята 12 мая 1931 г. в составѣ 89 статей.

Голосованіе о ней закончилось в 12.20 дня и перешло в громовую овацію, при чем зал огласился кликами: «Да здравствуют Три Принципа Народа!»

Манифест об отмѣнѣ неравных договоров Народное Собрание утвердило в несчастливое число, 13 мая 1931 г. Это довольно пространный документ, который начинается словами:

— «На протяженіи свыше восьмидесяти лѣтъ Китай находился в тисках неравных договоров»...

В резолютивной части, под пунктом первым, сказано:

— «Китайскій народ не будет признавать всѣх прошлых неравных договоров, наложенных державами на Китай».

Неизбѣжность японскаго выступленія в этот день была окончательно предопредѣлена.

5.

Теперь, за исключеніем вѣчно бурлящаго Кантона, котораго, как будто не удовлетворишь никакой центральной властью, у правительства оставался один реальный, хотя и не представлявшій непосредственной опасности, враг, — коммунисты, которые особенно широко распространили свое вліяніе в провинціи Цзянси.

Но если коммунисты, методично и не спѣша, дѣлали свое дѣло, отвоевывая один округ за другим, то шумливый Кантон низвергал на правящую столицу поток телеграмм, в которых требовал, во-первых, отставки Чжан Кай-ши, а, во-вторых, освобожденія Ху Хан-мина.

13 іюня 1931 г. в Кантонѣ был создан военный совѣтъ, на котором рѣшили начать против Нанкина поход. Тучи новой, мы-бы сказали, очередной гражданской войны, опять начинали накапливаться на горизонтѣ. Это гѣм болѣе было странно, что отношенія Китая с Японіей становились все болѣе напряженными и торговый люд Шанхая открыто поговаривал, еще лѣтом 1931 г., о том, что, со дня на день, японская эскадра может поя-

виться у входа в Вампу, на высотѣ Вузунских фортов. В день покушенія на Сѣверном вокзалѣ на министра финансов Т. В. Суна, когда погиб от пуль террористов его личный секретарь и едва не стал жертвой покушенія японскій посланник Мамору Шигемитзу, прибывшій из Нанкина одновременно с министром финансов, настроеніе в Шанхаѣ было особенно тревожным: в правительственных сферах открыто говорили, что покушеніе на Т. В. Суна дѣло рук кантонцев.

Однако наиболѣе благоразумные круги в правительствѣ настаивали, в виду осложненій с Японіей и опасности, что ошибками нанкинской дипломатіи воспользуется Кантон во главѣ с находящимся там Евгеніем Ченом, на том, что должны быть приложены всѣ усилія к тому, чтобы не допустить до открытаго разрыва с Кантоном, тѣм болѣе до военных дѣйствій с ним, что поставило-бы крест над революціей, над всѣм дѣлом Сун Ят-сена и будущим партіи Гоминдан, коль скоро войска гоминдановскаго правительства в Нанкинѣ, рожденнаго путем похода из Кантона на сѣвер, теперь, двинулись-бы в обратном порядкѣ, из Нанкина на Кантон -- против другаго, тоже гоминдановскаго правительства, покорять город, бывшій колыбелью революціи и партіи Гоминдан.

Делегаты Нанкина: ген. У Тэ-чен и Чан-чи-отправились в Кантон, для того только, чтобы там выслушать категорическое заявленіе, что пока у власти будет оставаться ген. Чжан Кай-ши, до тѣх пор сговор не возможен.

21 іюля Кантон отдает приказ о снаряженіи карательной экспедиціи на Нанкин, для того, чтобы низвергнуть режим военной диктатуры.

Китай при этой вѣсти замер; многіе были убѣждены, что новой гражданской войны не избѣжать и что в этой войнѣ партія Гоминдан окончательно подорвет в массах свой авторитет и погибнет. Джордж Сокольскій в американской прессѣ бил тревогу, что на развалинах Нанкина воцарится коммунизм.

Но пока шли приготвленія с обѣих сторон к войнѣ, Кантон стягивал свои войска, Нанкин выдвинул в сторону Кантона авангарды и уже окапывался на широком фронтѣ, с цѣлью задержать наступленіе кантонцев в самом его началѣ, грянул гром японскаго выступленія — 18 сентября 1931 г. — предотвратившій роковую для Гоминдана междоусобицу.

На слѣдующій-же день послѣ событий в Мукденѣ мирные делегаты Нанкина, в лицѣ У Тэ-чена, Чан-чи и ген. Ли Ши-цена отправили кантонским лидерам телеграмму, в которой говорили: «Наша страна в страшной опасности, — мы самым категорическим образом настаиваем на созданіи единого внутренняго фронта, чтобы противопоставить его внѣшней агрессіи. Мы взываем ко всѣм товарищам Гуандуна и Гуанси немедленно объявить, что всѣ расхожденія забыты и слиться с нами в общем дѣлѣ спасенія родины».

В тот же день, 19 сентября 1931 г., ЦИК Гоминдана в Нанкинѣ разослал циркулярную телеграмму с призывом всѣм членам партіи объединиться в дѣлѣ борьбы с внѣшней опасностью. «Не вчера и не сегодня, а на протяженіи долгих лѣтъ Японія таила желаніе забрать Три Восточныя провинціи, — гласила эта весьма пространная телеграмма. За исключеніем краснаго бандитизма, который угрожает самому существованію нашей родины, и должен поэтому быть вырван с корнем, всѣ живыя силы страны обязаны слиться воедино для того, чтобы поддержать, в час испытаній, правительство».

«Товарищи по партіи должны отместить в сторону всѣ внутреннія разногласія и создать сильную и прочную единую организацію для того, чтобы дать примѣръ народу и содѣйствовать общему объединенію и сплоченію всей страны против внѣшняго врага».

Но и этого призыва показалось мало: ЦИК Гоминдана выпускает тотчас вслѣд за циркулярной телеграммой особый мандат, в котором декларирует, что всѣ классовыя, сословныя, личныя расхожденія должны быть преданы забвенію.

14 октября Ху Хан-мин, живой и невредимый, прибыл из Нанкина в Шанхай и поселился на французской концессіи: это служило лучшим доказательством того, что разговоры об объединеніи и забвеніи прошлых несогласій не ограничиваются на сей раз одними словами.

Восемь почти мѣсяцев продолжалось почетное заточеніе строптиваго политическаго лидера, но по освобожденіи он показал себя с лучшей стороны, когда, на слѣдующій-же день послѣ возвращенія в Шанхай, Ху Хан-мин отправил своим кантонским друзьям телеграмму, в которой просил их прекратить попытки к испроверженію генерала Чжан Кай-ши: «Ваша любовь и заботы

обо мнѣ меня до глубины души трогали. Но серьезность дипломатическаго положенія сейчас едва-ли меньше той, какая была в год «чжа-у» (1895 г., первая война с Японіей) в то время, как нынѣшняго состоянія внутренняго, домашняго развала и нестроенія тогда не существовало», гласила телеграмма Ху Хан-мина в Кантон.

«За ошибки, нами допущенныя, ни один из нас не сможет отказаться от отвѣтственности. Даже я сам можетъ быть был-бы признан виновным. Но, в настоящее время, каждый член партіи в отвѣльности и всѣ мы вмѣстѣ должны приложить всѣ силы к объединенію. Если всѣ мы не объединимся, не исправим свои ошибки, вряд-ли можно будет мобилизовать всѣ средства государства и сконцентрировать всѣ необходимыя силы для отпора врагу».

21 октября из Кантона в Шанхай прибыли мирные делегаты в лицѣ: Ван Цзинь-воя, впоследствии ставшаго предсѣдателем Нанкинскаго правительства и покинувашаго этот пост за отъѣздом ровно через год, за-границу, 22 октября 1932 г., Сун-Фо, С. С. Ву, Евгенія Чена и Ли Вень-фана.

Кантонскіе мирные делегаты тотчас по приѣздѣ в Шанхай опубликовали в подробностях ход своих предварительных переговоров с Нанкином.

«В то время, как мы посвятили всѣ наши силы и энергію, — гласил этот документ, — осуществленію истинно демократической власти — насильственное вторженіе в Маньчжурію заставляет сосредоточить силы націи на отраженіи внѣшняго врага».

Еще до прибытія мирных делегатов в Шанхай в Кантонѣ было получено личное письмо ген. Чжан Кай-ши, в котором он выражал свою готовность притти к соглашенію, обеспечивающему мир внутри партіи и объединеніе кантонскаго крыла Гоминдана с нанкинским.

Первоначальный вариант сговора заключался в том, что ген. Чжан Кай-ши подает в отставку с поста предсѣдателя правительства, а отвѣльное правительство Кантона объявляет себя распущенным и в Нанкинѣ происходит сформированіе единой центральной правительственной власти.

С 27 октября по 7 ноября 1931 г. в Шанхаѣ происходила мирная конференція Кантона с Нанкином.

Достигнуть соглашенія по вопросам внѣшней поли-

тики не представило особенных трудностей: всё было очевидно, что Китай не в состоянии немедленно оказать реального вооруженного сопротивления и даже к ведению партизанской войны, которая началась лишь к концу 1931 г. в Маньчжурii, он был по началу не подготовлен.

Поручив защиту своих интересов Лигѣ Націй, Китай настаивал на соблюденіи Японіей договора Девяти Держав, подписаннаго в Вашингтонѣ, который обезпечивал территориальную неприкосновенность Китая.

Гораздо труднѣе было договориться по вопросам внутренней политики, которые разъединяли крылья, нѣкогда единой, партіи: Кантон стоял за демократизацію власти, Нанкин, на основаніи горькаго опыта, пришел к сознанию, что без сильной, диктаторствующей личности трудно справиться с наслѣдіем четверть-вѣкового революціоннаго процесса, междоусобицы и прочими бѣдами.

Чжан Кай-ши сразу и широко пошел на сговор, устраняясь от власти, но не желая в безвластii нести какой-либо личной и, так сказать, единоличной отвѣтственности.

Он продолжал оставаться в Нанкинѣ, вел текущую государственную работу, прилетѣл на нѣсколько часов в Шанхай для того, чтобы еще раз завѣрить, что он искренно соглашается на свой уход и не готовит в Нанкинѣ для новой власти никакой ловушки, как одно время думали нѣкоторыя трусливыя души из штатских политиков.

Переговоры главным образом велись вокруг того, чтобы будущій предсѣдатель правительства исполнял функціи представительства государства, был-бы «главой без власти», как, скажем, французскій президент, и, при том, что бы срок его полномочій был-бы ограничен двумя годами.

Затѣм, кантонскіе демократы хотѣли, во что-бы то ни стало, строго разграничить функціи пяти Палат, чтобы каждая дѣйствовала самостоятельно и не могло-бы быть совмѣстительства в одном лицѣ функцій предсѣдателя правительства и предсѣдателя, скажем, Административной палаты: президент республики и, одновременно, премьер министр.

Вмѣсто Центральнаго Политическаго Совѣта кантонцы выдвинули проект созданія національнаго правительственнаго комитета, что, в сущности, было тѣм-же самым, но, опять таки, принцип единовластія подтачи-

вался с разных сторон, введеніем куда только возможно коллегіального начала и уничтоженіем органов, в которых ген. Чжан Кай-ши встрѣчал поддержку.

Словно уже тогда, в концѣ октября, в началѣ ноября 1931 г., мирные делегаты Кантона и Нанкина в глубинѣ души чувствовали, а, может быть, и знали, что в Китаѣ имѣется всего лишь одна крупная, волевая, доминирующая фигура, это Чжан Кай-ши, в руках котораго все равно, пока он жив, останется армія и он, все равно, сможет притти к власти, когда захочет или, в всяком случаѣ, начать борьбу за власть, и хотѣли, пользуясь періодом междуцарствія, наставить как можно больше палок в колеса будущей возможной диктатурѣ.

Во всяком случаѣ в протоколѣ, завершившем ход мирных переговоров между Кантоном и Нанкином, ничего не говорится о Народном Собраніи, которое так торжественно было открыто всего лишь за пол-года до описываемаго сговора и которое приняло Временную Конституцію.

Но, за то, в пунктѣ 8-ом II-го раздѣла говорится о том, что Національное правительство будет созывать ежегодно или по полугодьям так называемое Собрание Народных Представителей. Собрание Народных Представителей, орган явно законосовѣщательный, должен был быть облечен властью избирать из своего состава половину членов Законодательной и Контрольно-Ревизионных Палат.

Проект новой конституціи, разработанный в общих чертах на этой мирной конференціи, был несравненно болѣе бюрократичен, чѣм предшествующія конституціи, за исключеніем лишь пункта 10, единственнаго либеральнаго момента во всем документѣ, который официально санкціонировал право назначать на всѣ должности, вплоть до должностей министров, людей по их заслугам и качествам, а не по признаку принадлежности к правящей партіи.

Однако этот проект так и остался на бумагѣ — ход борьбы с Японіей требовал всего напряженія сил націи, для програмнаго крючкотворства времени не оставалось.

Протокол сговора был подписан всѣми участниками совѣщанія, но Ху Хан-мин, находившійся тогда тоже в Шанхаѣ и встрѣчавшійся с членами совѣщанія, официально в нем не принимал участія.

Вскорѣ Ху Хан-мин отправился в Кантон, потом поселился в Гонконгѣ и на протяжении года жил в комфортабельных условиях быта благоустроенной колонии Британской Короны. Он не отказался от политической работы, но отошел от личного участія в политической дѣятельности, сохранив в политических сферах южной столицы весь свой авторитет, значительно возросшій послѣ нанкинскаго плѣненія в 1931 году. Одним из его послѣдних заявленій уже когда печаталась настоящая книга было указаніе на необходимость наказать маршала Чжан Сюэ-ляна за то, что он «отдал без сопротивленія Маньчжурію японцам».

Как-бы там ни было, 30 ноября 1931 года Чжан Кай-ши официально пригласил кантонских делегатов прибыть в Нанкин и взять власть в свои руки. Однако кантонскіе делегаты колебались... Ъхать или не ѡхать за властью.

Тогда, 16 декабря, ген. Чжан Кай-ши формально отказался от всѣх своих постов и, прежде всего, от поста председателя Национальнаго правительства, на котором пребывал безсмѣнно на протяжении свыше трех лѣтъ, с 1928 года (17 года Республики).

В тот-же день ЦИК принял его отставку и назначил временным председателем правительства престарѣлаго и благообразнаго г. Лин-Сена. В тот-же день Национальное правительство опубликовало указ, принимавшій отставку маршала Чжан Сюэ-ляна с поста вице-генералиссимуса над всѣми вооруженными силами республики. Военный дуумвират официально перестал существовать.

А 17 декабря 1931 года в Нанкин прибыли кантонскіе делегаты.

Главой правительства стал Сун-Фо, министром иностранных дѣл Евгений Чен.

Ген. Чжан Кай-ши отправился на аэропланѣ в свою родную деревню Фенгуа, потом, на нѣкоторое время, его слѣды затерялись: по крайней мѣрѣ газеты не могли с точностью опредѣлить, гдѣ находится бывший глава правительства, что рождало массу самых невѣроятных слухов.

Побѣдители сразу-же, окунувшись в лихорадочный водоворот нанкинских дѣл того періода, поняли, что реальной силы у них нѣтъ и что без Чжан Кай-ши им не справиться с положеніем.

Поэтому была выдвинута идея триумvirата: в «распорядительный комитет» ЦИК были выбраны только три человека, а именно: ген. Чжан Кай-ши, Ху Хан-мин и Ван Цзинь-вей.

Триумvirат распался не собравшись — Ху Хан-мин уехал в Гонконг, Чжан Кай-ши затаился в провинции, потом проследовал к своей армии в Ханькоу, а Ван Цзинь-вей, оставшись один, не мог предстать в трех лицах, тем более, что, как раз к этому времени, у него опять обострилась старая болезнь, диабет, которая, потом, в октябрь 1932 г. и служила предлогом к его отъезду за границу.

ГЛАВА XIII.

Структура центральной власти.

Для нас, живущих в Китаѣ и внимательно при-
сматривающихся к нему, не подлежит сомнѣнію, что
Китай переживает сложный и мучительный, но беспор-
ный процесс модификаціи. И хотя темпы китайскаго
ренессанса совсѣм не тѣ, что в Европѣ или в Америкѣ,
хотя здѣсь все идет по своему и своими путями, хотя
основой, социальным базисом и для нынѣшняго, как и
для вѣкового Китая, продолжает оставаться глубинный
пласт консервативнаго крестьянства, но и в крестьянской
средѣ, как будет показано в слѣдующей главѣ о коммуни-
стическом Китаѣ, происходят сдвиги, созвучные пережи-
ваемой нами эпохѣ, которую М. А. Алданов аттестовал,
как катастрофическую. У того-же писателя в книгѣ
«Земли, люди» приведены слова Карлейля о Россіи: «Она
безразлична к жизни человѣка и к теченію времени. Она
безмолвна, вѣчна и несокрушима». Есть великій соблазн
уподобить и Китай этому опредѣленію. Но кто-же бу-
дет, вмѣстѣ с тѣм, отрицать, что Россія переживает одну
из напряженнѣйших своих эпох. Пусть это «года
глухіе», но, вмѣстѣ с тѣм, это рѣшающіе года и лик
Россіи мѣняется под вліяніем катастрофической трансфор-
маціи ея социальнаго-хозяйственнаго базиса.

В Китаѣ этот процесс протекает по своему и го-
раздо медленнѣе, но, все таки, и для Китая приложимо
опредѣленіе Г. Лебона, данное нашей эпохѣ за долго до
потрясеній европейской войны и русскаго большевизма,
с его коммунистической программой максимум: «Один

из главных характерных признаков настоящей эпохи состоит именно в изменении причин, определяющих развитие народов. Между тем, как в течение веков преобладающее влияние оказывали религиозные и политические факторы, в настоящее время это влияние значительно ослабло. Факторы-же экономические и промышленные, игравшие в течение долгаго времени очень малую роль, нынѣ приобретают преобладающее значение. Цезарю, Людовику XIV, Наполеону или всякому другому западному монарху было совершенно безразлично, обладал-ли Китай углем, или нѣт. Теперь-же один только подобнаго рода факт не замедлил-бы оказатъ самое глубокое влияние на ход европейской цивилизации». («Психологія социализма», СПб, 1908, стр. 122).

Современный Китай не подходит конечно под определение Коммунистическаго Манифеста, провозгласившаго в 1848 г., что «политическая власть в собственном смыслѣ слова естъ организованная власть одного класса в цѣлях угнетенія другого класса», хотя-бы по одному тому, что, как показала предыдущая глава, организованной в европейском смыслѣ власти Китай до сих пор не имѣет: власть продолжает переживать процесс безостановочнаго перерожденія тканей. Соціальной солидарности не хватает, соціальная борьба, точнѣе борьба внутренних органов и персональнаго состава партіи или, если хотите, правящаго класса, иногда принимает формы вооруженных столкновеній.

К современному Китаю, каким мы его видим, едва-ли полностью примѣнимо и школьное определение государства, как «общества или союза людей живущих на определенной территоріи и объединенных подчиненіем единой государственной власти», ибо очень часто Китай живет без единой государственной власти, порой бывает без всякой власти, живет и жил иногда вопреки правительству, не признавая его, не считаясь с ним, но, тем не менѣе, говорить, как говорят нѣкоторые, острые на язык, японскіе публицисты, в пылу военнаго конфликта, что Китай не естъ государство, а «явленіе природы», значит расходиться с фактами дѣйствительности, которая у всѣх перед глазами.

Д-р Сун Ят-сен, которому вряд-ли можно отказать в том, что он знал Китай и понимал сокровенную сущность народной души, не закрывал глаз на то, что в ки-

тайском народѣ, каким мы его сейчас знаем, хотя и сильно развито сознание родового единства. — семьи, — но недостаточно и не до конца развито национальное чувство, вѣрнѣе оно не переходит у нации, в цѣлом, в волевой императив — «лучше смерть, чѣм национальный позор».

Сун Ят-сен знал, что отсутствіе этого дѣйствительнаго патриотизма, который не только пьянит, как молодое вино, но конденсирует не в отдѣльных, развитых личностях, а в массах холодную рѣшимость умирать за родину, и дает европейцам право уподоблять китайцев рассыпчатому песку. : Вот почему Сун всюду и всегда повторял, что: «истинная цѣль наша заключается в культивированіи національнаго чувства».

Как показала исторія послѣдних восьми лѣтъ, Сун Ят-сен преуспѣлъ в своих стремленіях и то, что мы наблюдали на протяженіи 1925-27 г. г. только близорукіе и пристрастные публицисты характеризуют, как авантюру Коминтерна в Китаѣ: авантюра авантюрой, но, помимо и над нею, росло и ширилось подлинное национальное движеніе, бушевавшее как стихія, вовлекшее в свой водоворот миллионы людей и породившее строй, который держал на протяженіи ряда лѣтъ под своим обаяніем душу народа. Тут невольно приходят на ум прекрасные слова нашего политическаго мыслителя И. И. Бунакова, который сказал: прочен не тот строй, который питает тѣло народа, а тот строй, который держит его душу. Когда душа народа уходит от строя, строй обречен». В словах о нерадивых, невѣжественных, злоупотребляющих властью гоминдановцах-партиѣцах генерал Чжан Кай-ши показал, что он знает и не забывает мысль, так мастерски очерченную И. И. Бунаковым.

Рудольф Гильфердинг в книгѣ «Финансовый капитал» (стр. 445) говорит: «Историческій закон таков: в общественных формаціях, построенных на классовых противорѣчіях, великіе социальныя перевороты совершаются лишь тогда, когда господствующій класс достигнет возможнаго максимальнаго уровня в концентраціи своей силы. Экономическая сила господствующаго класса всегда знаменует в то же время власть над людьми, власть распоряжаться человѣческой рабочей силой».

Как всѣ теоретическія построенія и схемы ad hoc, в особенности у марксистов, в особенности в приложеніи к Китаю, содержа в себѣ зерно истины, нуждаются в суще-

ственных коррективах.

В широком смыслѣ можно, конечно, сказать, что с революціей в Китаѣ к власти пришел новый класс; это не только мелкая буржуазія гильдій, но и крупный капитал. Однако, вмѣстѣ с тѣм, не смотря на всѣ усилія Коминтерна и китайской коммунистической партіи, рабочее пролетарское движеніе все еще не выдѣлило в Китаѣ из своей среды дѣятелей даже того калибра, каким рабочее движеніе обладало в дореволюціонной Россіи и, как и в Россіи, глашатаями національной революціи в Китаѣ, ея заправилами, идеологами и жертвами, были деклассированные элементы китайской интеллигенціи, в рядах которых значительный процент составляли оторвавшіеся от своего класса разночинцы, одни из числа мечтателей, другіе (их становилось все больше) из числа карьеристов.

Сама партія Гоминдан создавалась путем сліянiя группировки «дун-мен-хой» с рядом других группировок и, по началу, была типичным образчиком интеллигентской кружковщины. Но и потом, превратившись в довольно сильную революціонно-демократическую организацію, она включала в свои ряды многих разночинцев, молодежь, часто не помнившую своего родства, — лучшим примѣром чему служит біографія, как самого Сун Ят-сена, так и подлиннаго, и едва ли не единственнаго, героя революціи, в особенности за послѣдніе ея годы, ген. Чжан Кай-ши, который начал свою карьеру служкой в мѣняльной лавкѣ.

Вот почему и, знаменитые теперь, всему міру извѣстные, «Сань-мин» — Три Принципа Народа, представляют собою типично интеллигентское, демократическое, в основѣ своей, ученіе, в котором если и есть оригинальная сторона, то только в том, что, как сам Сун Ят-сен, выученик Запада, так и всѣ его ближайшіе друзья и соратники, прилагали всѣ силы к тому, чтобы сблизить, связать и слить европейскій широкій демократизм и структуру современнаго нормально сбалансированнаго в социально-хозяйственном отношеніи государства, с вѣковѣчными основами китайской культуры и расовой самобытности.

А. Кулишер удачно отмѣчает, что доктрина народнаго суверенитета наталкивается на то логическое затрудненіе, что народ, для того, чтобы осуществлять власть,

уже должен быть как-то организован, и эта организация должна быть уже предписана какой-то властью.

Опыт вѣков китайской исторіи, обращеніе, мысленным взором, назад, к духам великой династіи Минов, помогли революціонеру, в достаточной степени доктринеру и мечтателю, Сун Ят-сену, оставить в своем завѣщаніи наказ, сначала установить власть в центрѣ страны, а, потом только собирать Народное Собраніе, но не наоборот, как было в 1917 г. в Россіи.

В унисон с вѣяніями в области новых демократических ученій, Сун Ят-сен инстинктом чувствовал, что «власть народа есть не изначальный факт, из котораго можно исходить, а нѣчто, подлежащее осуществленію путем государственнаго устройства, наиболѣе цѣлесообразнаго, с точки зрѣнія организациі общественнаго мнѣнія, как движущей силы в государствѣ».

Как правильно указывает А. Кулишер: «Страна является болѣе или менѣе демократической не в зависимости от того, кѣм и как была установлена конституція «в началѣ начал», а в зависимости от содержанія этой конституціи».

Вот почему по логикѣ сун-ят-сеновской мысли, за неизбѣжным «военным періодом» объединенія страны силой оружія под властью Гоминдана, должен был послѣдовать «строй начерно»: воспитательно-агитаціонный період опеки, и только послѣ него, вслѣд за созывом Народнаго Собранія, и рассмотрѣніем на этом собраніи текста конституціи, разработанной уже существующим революціонным правительством, мог и должен наступить конституціонный строй, сроки прихода котораго опредѣлялись, по началу, в шесть лѣт.

Только что очерченная нами выше в предшествовавшей главѣ эпопея Чжан Кай-ши, ученика и продолжателя дѣла Сун Ят-сена, находит свое оправданіе в словах русскаго политическаго мыслителя, хотя эти слова, когда писались, отнюдь не имѣли в виду самобытнаго китайскаго диктатора.

«Опыт бѣлых диктатур подтвердил лишній раз, что и «волевой человекъ» также не может сдѣлать сам себя властелином, как барон Мюнхгаузен не мог поднять себя за собственныя уши. Раньше, чѣм диктатору удастся подавить населеніе при помощи арміи, нужно, чтобы сама армія ему повиновалась, а для этого необходимо, чтобы армія видѣла в своем вождѣ нѣчто высшее,

чѣм она сама, — иначе говоря, чтобы этот вождь обладал каким-то иным правом на власть, помимо того орудія власти, которое заключается в штыках арміи».

Не потому-ли Чжан Кай-ши, опять таки при помощи вѣкового опыта китайской исторіи и не в примѣр европейским образцам, — отошел в декабрь 1931 года от диктатуры над дѣлами Гражданскаго порядка, но сохранил в своих руках армію, и ждет, когда обстоятельства, сама жизнь и Исторія, дадут ему иное право на власть «помимо того орудія власти, которое заключается в штыках арміи».

Наши мысли находят полное свое подтвержденіе в обстоятельном и старательном докладѣ комиссії лорда Литтона. Доклад, как и мы, безоговорочно признает, что Китай модернизируется. В докладѣ дословно сказано:

«Главным фактором в Китаѣ является модернизация самой націи, происходящая мало по малу. Китай нынѣшняго дня есть *нація в періодъ эволюціи*, всѣ проявленія національной жизни показывают, что Китай находится в промежуточной стадіи».

Далѣе слѣдует перечисленіе признаков эволюціи, не раз нами выше отмѣчавшихся, а именно: «политическіе перевороты, гражданскія войны, соціальныя и экономическія потрясенія и, как слѣдствіе всего этого — слабость центрального правительства. Таковы характерныя признаки Китая послѣ революціи 1911 г.».

Сначала, как живописует доклад комиссії лорда Литтона, революція происходит беспорядочно, одна неудача слѣдует за другой. «В 1923 г., послушавшись русских революціонеров, что для побѣды революціи необходимы ясная программа, строгая дисциплина внутри партіи и систематическая пропаганда, — д-р Сун Ят-сен реорганизовал партію Гоминдан».

Доклад говорит, что первый період, военный, удачно закончился к 1928 году «и мог начаться второй період — политической опеки под диктатурой партіи. Он должен был заключаться в воспитаніи народа, которому надлежало научиться самоуправленію и возстановленію страны».

В чем-же сокровенный смысл Трех Принципов Народа, по которым живет гоминдановскій Китай, дѣтище Сун Ят-сена.

Первый принцип — это принцип націонализма, *мин-*

чзү, или иначе принцип государственности. В Китаѣ, — говорит Сун Ят-сен в книгѣ «Сань-мин-чзү-и», — термины націонализм и государственность могут быть употребляемы с одинаковым значеніем, чего нельзя сказать про европейскія государства, гдѣ народ представляет собой по происхожденію нѣсколько націй, и, наоборот, одна нація может образовать нѣсколько государств. Поэтому в европейских государствах понятія національности и государства не всегда совпадают. В Китаѣ, населеніе представляет единую націю.

Как отмѣтил проф. В. В. Энгельфельд в своей работѣ «Конституціонные акты Гоминдана», націонализм, в пониманіи Сун Ят-сена, — это образованіе единого Китая, путем объединенія пяти національностей, входящих в современный Китай: маньчжуров, монголов, тибетцев, магометан и основного пласта — китайцев, под руководством послѣдних.

Второй принцип Сун Ят-сена — «мин-цюань» — демократизм, народовластіе. Народ — это организованный союз людей; власть — сила, направленная на управленіе общественной организаціей. Если соединить понятія народа и власти, то получится сила народа, направленная на общественное управленіе. Это и есть народовластіе, которое выражается во всеобщем избирательном правѣ, референдумѣ, правѣ отзыва и т. д.

Третій принцип — «мин-шен» — Под этим термином понимается обычно жизнь населенія, цѣлость общества, существованіе народа. Но Сун Ят-сен употребляет его для обозначенія понятія социализма, который и есть третье начало из серіи «сан-мин». По мысли Сун Ят-сена, это принцип всеобщаго равенства (матеріальнаго); отсюда он высказывался за націонализацию земли и крупной промышленности.

Для партіи Гоминдан эти «Три принципа» и до сих пор остаются догматом политической вѣры, но, как правильно указывает проф. Энгельфельд, с момента ликвидаціи, в серединѣ 1927 г., Уханскаго лѣваго правительства, третій принцип социализма как-бы выпал из учета и из практической программы Гоминдана.

Как только первый этап карательной экспедиціи на Сѣвер был удачно завершен націоналистами, и в Нанкинѣ было закончено формированіе центрального правительственнаго аппарата, Центральный Исполнительный,

Комитет партіи, 19 сентября 1927 года, приступил к реконструкціи партійнаго аппарата. Был сформирован Политическій совѣтъ, Военный совѣтъ, четыре министерства и университетскій совѣтъ. Впослѣдствіи число министерств было увеличено, а на четвертой пленарной сессіи организациа правящей партіи и Национальнаго правительства, получили слѣдующую форму:

Высшим партійным органом является ЦИК, в составѣ 35 членов, избираемый національным конгрессом (съѣздом) всекитайскаго Гоминдана, в составѣ представителей провинцій, особых округов и заграничных объединеній китайских резидентов. Делегаты избираются ежегодно. ЦИК собирается каждые три мѣсяца и назначает постоянный (распорядительный) комитет или президіум, в составѣ 9 человек, Политическій совѣтъ, Военный совѣтъ (из 16 человек, 9 военных и 7 не военных) и совѣтъ (комитет) Национальнаго Правительства, в составѣ 28 членов. Совѣтъ министров, по предварительному положенію 1927 г., должен был состоять из 9 министерств: иностранных дѣлъ, юстиціи, финансов, путей сообщенія, труда, земледѣлія, народнаго просвѣщенія, народнаго здравія и торговли.

Потом правительственный аппарат подвергался многочисленным реконструкціям и видоизмѣненіям. Основные этапы конструирования центральной власти были слѣдующіе.

2.

На четвертом пленарном засѣданіи 3-го съѣзда партіи Гоминдан, 17 ноября 1930 г., был принят закон об организации Национальнаго правительства, который продолжает, в основных положеніях своих, оставаться в силѣ и до сих пор.

Предисловіе к основному закону гласит:

«Мы, Го-мин-дан Китая, на основаніи революціонных идей принципов «Сан-мин» и Конституціи 5 властей, учреждаем Китайскую Республику. Нынѣ военными вооруженными силами устранены всѣ препятствія и из военнаго періода наше государство перешло в період агитаціонно-воспитательный. Должно учредить образец 5 властей и воспитать населеніе, чтобы оно могло-бы пользоваться своими политическими правами, и чтобы

в ближайшем будущем была-бы учреждена Конституція и суверенная власть была-бы передана всему народу».

«Теперь, на основаніи обязанности руководства и контроля, полученной партией Гоминдан, в процессъ ея историческаго развитія, устанавливаем настоящій закон об организаціи Національнаго Правительства и опубликовываем его для всеобщаго свѣдѣнія».

В раздѣлѣ I говорится: Ст. 1. Національное Правительство обладает всей полнотой верховной власти в Китайской Республікѣ; ст. 2. Національное Правительство принадлежит верховное командованіе всѣми вооруженными, сухопутными, морскими и воздушными силами (арміями и флотом); Ст. 3. Національное Правительство осуществляет права объявленія войны, заключенія мира, и учиненія дипломатическихъ договоров; ст. 4. Національное Правительство осуществляет права дарованія общей амнистіи, помилованія, уменьшенія наказанія и возстановленія в правах; ст. 5. Національное правительство организовано из пяти палат: — Административной, Законодательной, Юстиціи, Испытательной и Контрольно-Ревизионной; ст. 6. Національное Правительство имѣет председателя и членов, в числѣ от 12 до 16-ти человекъ; ст. 7. Должности Предсѣдателей и Вице-Предсѣдателей пяти палат, занимаются членами Національнаго Правительства; ст. 8. Предсѣдатель Національнаго Правительства представляет Національное Правительство при приѣмѣ иностранныхъ дипломатическихъ представителей и устраивает или принимает участіе в обрядахъ международнаго характера.

Разсмотрим теперь, как, по этой конституціи, опредѣлялся кругъ функцій каждой из Палат.

Административная Палата, говоритъ законъ, является высшимъ административнымъ органомъ Національнаго Правительства. Административная Палата имѣетъ министерства, которыми отдѣльно исполняются административныя функціи. Ст. 18-ая говоритъ, что в каждомъ министерствѣ Административной Палаты имѣется министр и вице-министр, вѣдающій политическими дѣлами и вице-министр, вѣдающій административными дѣлами. Указанные чины назначаются и увольняются Національнымъ Правительствомъ, по представленію председателя данной Палаты. Министры и председатели различныхъ комиссій Административной Палаты, могутъ, в случаѣ надобности, присут-

ствовать на засѣданіях Национальнаго Правительства и засѣданіях Законодательной Палаты.

На разрѣшеніе Административной Палаты восходят дѣла: законопроекты, которые представляются в Законодательную Палату, бюджет, который должен передаваться в Законодательную Палату, общая амнистія, объявленіе войны, заключеніе мира, учиненіе дипломатических договоров. Органы Административной Палаты по закону 20 октября 1928 г. слѣдующіе: министерства — внутренних дѣл, иностранных дѣл, финансов, военно-морское, земледѣлія и горной промышленности, торговли и промышленности (потом они были объединены), народного просвѣщенія, путей сообщенія, желѣзных дорог, здравоохраненія (впослѣдствіи было слито с министерством внутренних дѣл) и а) учредительная комиссія, б) комиссія по дѣлам Монголіи и Тибета, в) комиссія по колониальным дѣлам, г) комиссія по дѣлам труда и рабочих дѣл и д) комиссія по искорененію опиума.

Законодательная Палата состоит из нижеслѣдующих органов: 1) комиссії по законодательным дѣлам, 2) комиссії по иностранным дѣлам, 3) комиссії по финансовым дѣлам и 4) комиссії по экономическим дѣлам. Законодательная Палата является высшим законодательным органом правительства. Законодательная Палата имѣет своей компетенціей постановлять по предметам: законодательства, бюджета, общей амнистіи, объявленія войны, заключенія мира и учиненія дипломатических договоров. Срок службы членов Законодательной Палаты двухлѣтній, общее число назначаемых членов от 49 до 99. Члены этой палаты не могут совмѣщать свое положеніе с исполнительными должностями в органах как центрального, так и мѣстных правительств.

Палата Юстиціи является высшим судебным органом Национальнаго Правительства, имѣя своей компетенціей завѣдывать судебной юстиціей и судебной администраціей, наложеніем дисциплинарных наказаній на должностных лиц и административной юстиціей. Палата Юстиціи может представлять законопроекты в Законодательную Палату, по дѣлам, находящимся в ея компетенціи.

Палата Юстиціи состоит из нижеслѣдующих органов: 1) Министерства Юстиціи, 2) Верховнаго Суда, 3) Административнаго Суда и 4) комиссії по наложенію дисциплинарных взысканій на должностных лиц.

Испытательная Палата является высшим испытательным органом Національного Правительства, имѣя своей компетенціей завѣдывать испытаніями и учетом ценза должностныхъ лицъ. Всѣ должностныя лица могутъ быть назначены на должности лишь послѣ испытанія и учета его ценза в Испытательной Палатѣ, согласно законовъ. Палата должна испытывать и выбирать гражданскихъ чиновниковъ, судей, дипломатовъ, а также вести испытаніе специальныхъ техническихъ знаній. Всѣмъ должностнымъ лицамъ ведется общій списокъ и успѣхи ихъ регистрируются.

Пятой и послѣдней Палатой является Контрольно — Ревизіонная. Эта палата, по смыслу закона, является высшимъ контрольно — ревизіоннымъ органомъ Національного Правительства и, на основаніи законовъ, какъ сказано в положеніи о ней, осуществляетъ слѣдующія функціи: 1) аттестаціи (донесеніе) и 2) контроля. Под терминомъ «аттестаціи» надо понимать донесенія о неправильныхъ дѣйствіяхъ должностныхъ лицъ.

Контрольно — Ревизіонная Палата можетъ, в любое время, командировать чиновника во всѣ государственныя и общественныя учрежденія, с цѣлью осмотра дѣл, бумагъ и книгъ. В случаѣ надобности, какъ гласитъ законъ, «соотвѣтствующее начальство должно давать подробныя объясненія». Но и внутри самой палаты одинъ членъ палаты можетъ составить аттестацію на неправильныя дѣйствія другого члена.

3.

Китайскій юристъ г. Ван Цэн-жунъ отмѣчаетъ, что д-р Сун Ят-сенъ принялъ пяти — членную классификацію властей потому, что учитывалъ опытъ китайской исторіи, психологію народа, а, главное, хотѣлъ построить систему, которая наилучшимъ образомъ содѣйствовала бы проведенію реформъ и развитію населенія.

Онъ говорилъ, что, при созданіи пяти независимыхъ другъ от друга властей, — «будутъ соединены лучшія достиженія историческаго разума народовъ всего міра».

«В пяти-властной конституціи, — говорилъ Сун Ят-сенъ, — залогъ дѣйствительнаго осуществленія в жизни народнаго суверенитета» — каждая власть надлежало бы выполнять свою функцію и всякое должностное лицо, на-

ходящееся под бдительным контролем, должно поступать справедливо, избѣгая произвола.

Д-р Сун писал: «Для подбора и выдвиженія в качествѣ государственных чиновников, талантливых и знающих людей, в исторіи Китая пользовались тремя способами, а именно: 1) рекомендаціей, 2) выборами, 3) посредством экзаменов.

«В исторіи Китая, в древнѣйшее время, до эпохи Чэн-чжу (11 вѣков до Р. Х.) примѣнялась система рекомендацій. Послѣ этой эпохи, примѣнялась система выборов должностных лиц на мѣстах. Но, повидимому, объ эти системы, в чистом своем видѣ, не могут считаться совершенными и поэтому в эпоху Хань (2 вѣка до Р. Х.) знаменитый реформатор император Вен-ди, нашел необходимым сочетать выборы с экзаменами. Для этого он созывал всѣх выбранных людей в столицу и там подвергал их испытаніям. Выдержавшій экзамен сразу же получал назначеніе на должность. Послѣ династіи Хань, в эпоху Нань-Бей-чао (5 в. по Р. Х.), когда Китай раздѣлился на нѣсколько удѣлов, в каждом из них проводилась своя система и поэтому к власти пришли повсемѣстно люди, выдвинутые по протекціи, не отличавшіеся способностями.

В эпоху династіи Суй (16 в. по Р. Х.), когда Китай вновь объединился, мы видим возвращеніе к старой системѣ испытаній. Каждый уѣзд и каждая провинція устраивает экзамены. Выдержавшій таковые называется «сен-чун» (абитуриент). Ежегодно всѣ абитуриенты съѣзжаются в столицу, гдѣ их подвергали вторичному испытанію при сенатѣ («Шан-шу-шэн»), которое заключалось в составленіи аспирантами особых диссертаций, по индивидуальным заданіям. Выдержавшіе испытаніе сразу получали чин.

В эпоху Минской династіи всѣ выдержавшіе испытаніе в уѣздѣ, собирались в столицѣ в, так называемой, Академіи наук («Го цзы-цзян»), при чем их испытывали там в теченіе года, один раз в мѣсяц. Получившій восемь баллов выпускался из Академіи и ему давался чин. В послѣднее время эпохи Мин, испытанія раздѣлялись на слѣдующіе разряды: уѣздныя, провинціальныя, государственныя (в столицѣ) и испытанія, производившіяся лично самим Императором. При маньчжурской династіи (с 17 в. по Р. Х.) существовал институт специальных

правительственных комиссаров по производству испытаній на мѣстах, куда комиссары отправлялись в выѣздныя сессіи, в областныя и уѣздныя города. Выдержавшіе уѣздный экзамен получали первую степень («*сьюй-цай*»).

Раз в три года выдержавшіе уѣздныя испытанія собирались в провинціальный город, куда пріѣзжал уже другой комиссар из Пекина, командиремый с особыми императорскими полномочіями. Выдержавшіе провинціальныя испытанія получали 2-ую степень («*цзюй-жень*») магистра.

Послѣ этихъ испытаній желающіе отправлялись, по желанію в Пекин, гдѣ, специально назначенные ученые сановники, производили испытаніе на высшую 3-ю степень («*цзин-ши*», доктор). Экзаменаторы были совершенно независимыми в своихъ оцѣнкахъ и сужденіяхъ; никто, даже Императоръ не могъ отмѣнить ихъ рѣшеній.

Во главѣ независимой системы испытательной власти стояло своеобразное учрежденіе — Палата Чинов («*Хан-ли-юань*»).

Такимъ образомъ, система испытаній должностныхъ лицъ, независимая отъ другихъ властей, существовала в Китаѣ с древнихъ временъ. Почтеніе китайцевъ къ печатному слову, къ носителямъ ученыхъ степеней покоилось именно на этой системѣ, ибо человекъ, прошедшій благополучно черезъ три степени испытаній, дѣйствительно долженъ былъ представлять собою кладезь учености. Система экзаменовъ подвергалась всегда, до самого послѣдняго времени, суровому осужденію в европейской литературѣ о Китаѣ. Это было, однако, поверхностнымъ мнѣніемъ людей, которые не до конца узнали Китай и привыкли мѣрять Китай и китайцевъ на европейскій образецъ. Экзаменационная система не только исключала возможность пребыванія на верхахъ власти невѣжественныхъ людей, но служила огромнымъ воспитательнымъ факторомъ. Сун Ят-сенъ лишній разъ показалъ, что онъ былъ прежде всего китайцемъ, а потомъ уже революціонеромъ и социалистомъ на европейскій манеръ, когда онъ возстановилъ не только принципъ испытательной власти, но и власти контрольно-ревизионной.

Еще в эпоху династіи Цинъ (2 вѣка до Р. Х.) мы встрѣчаемъ в историческихъ памятникахъ указанія на существованіе особаго института контрольной власти. В эпоху династій Танъ и Сунъ, институтъ этотъ пріобрѣтаетъ стройную

систему. В ту пору были учреждены должности главных контролеров (цензоров) в государствѣ, именовавшихся «юй-ши», дѣлившихся на два разряда. Первые (высшіе контролеры цензоры) имѣли цѣлью своей дѣятельности подвергать критикѣ дѣйствія самого Императора, а вторые — дѣйствія всѣх высших и низших сановников.

Маньчжурская династія реконструировала контрольный аппарат в том смыслѣ, что он стал дѣйствовать не только в столицѣ, но и на мѣстах. Создается высшее контрольное учрежденіе «Да-ча-юань», которое распространяет контроль на всю территорию государства, обладая неограниченными полномочіями в смыслѣ ревизіи и контроля должностных лиц.

Этот высшій контрольный орган, которому наш извѣстный китаевѣд, от. Іакинф Бичурин, дал удачное наименованіе — «цензорат», — пользовался в Китаѣ громадным моральным престижем. Вот почему д-р Сун, в своем планѣ устройства національнаго государства взял исторически сложившуюся систему пяти независимых властей, которая при поверхностном с нею знакомствѣ, да и вообще, если хотите, с точки зрѣнія элементарных стандартов европейской науки государствовѣдѣнія, представляется запутанной и внутренне достаточно противорѣчивой. Кто хотѣл бы обстоятельнѣе познакомиться с сущностью и смыслом института пяти независимых властей-палат, тѣх мы отсылаем к монографіи проф. Сѣ И-чжоу, «Основные начала пяти властей». Нанкин, изд. 4-ое, 19 г. К. Р. — лекціи для слушателей высшаго института юридических наук при Министерствѣ Юстиціи.

Критикуя, с точки зрѣнія европейскаго права, контрольно — ревизіонный орган в его нынѣшнем видѣ, проф. Энгельфельд говорит, что в законѣ Национальнаго Правительства нѣт прямого отвѣта на то, вправѣ ли Контрольно — Ревизіонная Палата осуществлять непосредственно дисциплинарную власть над чиновниками других вѣдомств, или она может только передавать такіа дѣла в законно — существующія дисциплинарныя комиссіи по принадлежности. Палата, как будто, самостоятельных дисциплинарных полномочій не имѣет. В этом отношеніи может пригодиться аналогія с РКИ и ея ревизіонно — инспекціонными функціями. Как извѣстно, РКИ в СССР может лишь предлагать налагать дисциплинарныя взысканія за упущенія по службѣ в законном порядкѣ и предѣлах.

Проф. Энгельфельд находит, что китайское законодательство, касающееся структуры аппарата государственной власти не достаточно детализировано, часто очень кратко и, в то же самое время, законодатель часто повторяется, и удѣляет вниманіе таким вопросам (как штаты, перечисленіе функций секретаріата), которые могли бы быть с успѣхом опущены из органических статусов верховной власти. Наоборот, на многіе вопросы, относящіеся до структуры государственных органов, сферы их компетенціи и взаимоотношеній с другими властями, — мы отвѣта в основных законах не находим.

Вмѣсто обстоятельных и подробных, насчитывающих цѣлыя сотни статей «Учрежденій», «Положеній» и «Уставов» государственных установленій, мы видим акты первѣйшей конституціонной важности, написанные бѣгло и изложенные в 15-20 статьях. «Старое уходит, говорит с сокрушеніем русской ученый, навыки осядутся».

«И та же нелюбовь к закону, к его тщательной отдѣлкѣ и юридической полировкѣ, которая не раз отмѣчалась изслѣдователями правовой жизни Китая в прежних канституціонных и организаціонных актах, сквозит на каждом шагу и теперь, в правотворчествѣ гоминдановскаго правительства Китайской республики».

Самый текст законодательных постановленій порой изложен чрезвычайно неясно и противорѣчиво, открывая возможность сомнѣній и различных толкованій. Безусловно, большинство законодательных актов, в особенности на первых порах, составлялись с большой поспѣшностью, без надлежащаго участія квалифицированных юристов и детальнаго обсужденія отдѣльных статей.

Приходится, наконец, согласиться с проф. Энгельфельдом и в том, что лозунг: «власть исполнительная да подчинится власти законодательной» никак не найдет себѣ мѣста в государственном устройствѣ современнаго Китая.

4.

Благодаря особенностям структуры государственнаго аппарата, а также по причинѣ довольно частой смѣны личнаго состава кабинета, широкая публика, даже сами китайцы, не говоря уже про европейцев, живущих в Китаѣ, мало, в общем, знают рядовых министров и уж

совсѣм не знают их помощников.

На виду у всѣх — министр иностранных дѣл, министр юстиціи, в еще большей степени — министр финансов. Послѣдніе годы пост руководителя финансов страны находится в руках Т. В. Суна, который, одновременно, является, в момент, когда сдается в набор эта книга, и замѣстителем предсѣдателя Административной Палаты, иными словами, премьер министром.

Знают военного министра, нынѣ ген. Хо Ин-чин, не только потому, что имя его часто упоминается в связи с операциями на внутреннем фронтѣ против коммунистов и шаек бандитов, но еще и потому, что часто в Китаѣ пост военного министра передается крупному политическому дѣятелю, в котораго вѣрят или поддержкой котораго хочет заручиться правительство.

Министра финансов Т. В. Суна знают по личным заслугам — он не только один из признанных вождей партіи, не только брат г-жи Сун Ят-сен и г-жи Чжан Кай-ши, но и выдающійся финансист и администратор. Имя Т. В. Суна навсегда будет связано с двумя большими начинаніями, во-первых, ему принадлежит инициатива привлеченія к государственной работѣ представителей торгово-промышленных и финансовых кругов, а, во-вторых, он первый добился опубликованія, осторожно и грамотно составленной, росписи государственных доходов и расходов. Кромѣ того, Т. В. Сун лично храбрый, послѣдовательный и твердый человек, на жизнь котораго не раз производились покушенія, но он продолжал безтрепетно оставаться на своем нелегком посту, заставляя даже врагов признавать в нем качества выдающагося государственнаго дѣятеля и едва-ли не единственнаго финансиста на верхах вершителей дѣл страны.

Что-же касается других министров, то в Китаѣ примѣнима к ним поговорка: «не мѣсто красит человека, а человек мѣсто». Был министром земледѣлія и торговли д-р Г. Г. Кун, супруга котораго является сестрой министра финансов Т. В. Суна и сестрой г-жи Сун Ят-сен и г-жи Чжан Кай-ши, и всѣ знали, кто во главѣ указаннаго министерства. Ушел д-р Г. Г. Кун с этого поста и, спросите рядового обывателя, — никто не знает, навѣрное, кто его замѣстил, кромѣ, конечно, тѣх сфер, которая непосредственно связаны с министерством земледѣлія и торговли.

В ином положеніи, повторяем, министр иностранных дѣл — его всѣ и всегда знают. Он представляет Китай в повседневных сношеніях с внѣшним міром, выступает в печати от лица власти. Послѣдній глава дипломатическаго вѣдомства д-р Ло Вен-кан держится с подчеркнутой скромностью, и, все-таки, его имя у всѣх на памяти.

Объясняется это, на первый взгляд, странное незнакомство широкой публики с персональным составом руководителей министерств тѣм, что, помимо министров, имѣются в столицѣ еще и предсѣдатели пяти Палат, есть просто партійные вожди, имѣется предсѣдатель Національнаго правительства, члены распорядительнаго бюро Центральнаго Исполнительнаго Комитета, члены распорядительнаго бюро Центральнаго Политическаго Совѣта, просто рядовые члены ЦИК-а, государственные совѣтники, в гущѣ и массѣ которых невольно тонут отдѣльные министры, тѣм болѣе, что, по китайской конституціи, министерства не имѣют самостоятельнаго существованія, входя всѣ в состав органов Административной Палаты.

В заключеніе отмѣтим, что по пересмотрѣнному 29 декабря 1931 года основному закону, Національное Правительство имѣет во главѣ себя президента (предсѣдателя) и от 24 до 36 «государственных совѣтников», которые всѣ избираются ЦИК-ом Гоминдана. Государственный совѣтъ нынѣ состоит из предсѣдателя Національнаго правительства и государственных совѣтников. Пять выше перечислявшихся Палат подчинены ЦИК-у Гоминдана. Высшим исполнительным органом Національнаго правительства и по новому закону остается Административная Палата, которой субординированы всѣ министерства.

1 декабря 1932 г. древній город Лойан прекратил свое существованіе, как «запасная столица». Всѣ органы государственной власти, которые были туда эвакуированы из Нанкина, во время военных дѣйствій в Шанхаѣ, снова возвратились в Нанкин. Не служит-ли это молчаливым признаніем, что конфликт с Японіей идет к своему завершенію?

ГЛАВА XIV.

Коммунизм в Китаѣ.

Приступая к изложенію исторіи и практики коммунистическаго движенія в Китаѣ, в его современном видѣ, мы должны указать, что на эту тему пишется, в особенности в повременной печати, очень много.

Но тогда как в газетах и журналах тема о китайском коммунизмѣ не сходит со страниц вот уже больше десяти лѣтъ, специальных трудов, объективных и обстоятельных, о движеніи и ростѣ коммунизма в Китаѣ, за исключеніем пристрастных совѣтских изданій, почти не имѣется.

Мы, впрочем, поскольку не имѣем возможности на этих страницах специально заняться китайским коммунизмом, которому, может быть, предстоит сыграть в Китаѣ рѣшающую роль, совсѣм опустили-бы без сожалѣнія, эту достаточно в поверхностном изложеніи набившую оскомину тему, если-бы не желаніе познакомить читателя с нѣкоторыми из таких источников, которые русскому читателю, за рубежами нашей родины, и до сих пор остаются неизвѣстными.

Из русских не коммунистов на тему о совѣтской работѣ в Китаѣ, насколько нам извѣстно, составил книжку только Н. А. Митаревскій, в прошлом петербургскій адвокат, послѣ революціи обосновавшійся на Дальнем Востокаѣ и послѣдніе перед свой преждевременной смертью годы работавшій под началом ген-лейт. Д. Л. Хорват, бывшаго управляющаго Китайской Восточной желѣзной дорогой, возглавлявшаго с 1929 года русскую эмиграцію

в Китаѣ.

Н. А. Митаревскій, послѣ захвата пекинской полиціей 6 апрѣля 1927 г., по приказанію правительства маршала Чжан Цзо-лина, тогда верховнаго правителя в Пекинѣ, вслѣд за обыском в Дальбанкѣ, архива и канцеляріи совѣтскаго военнаго агента при посольствѣ СССР., систематизировал и описал наиболѣе важные документы.

Выпущенная им в концѣ того-же 1927 г. книжка: N. Mitarevsky: «World — wide Soviet Plot», as disclosed by hitherto unpublished documents' seized at the U.S.S.R. Embassy in Peking», Tientsin Press. Ltd. — русскому читателю вряд ли доступна, так как вышла она в Тяньцзинѣ, в ограниченном числѣ экземпляров, и, при том, на англійском языкѣ.

Мало существенно полезна эта сырая книжка и для нас, в нашей настоящей работѣ, так как посвящена она не столько коммунизму в Китаѣ, сколько разоблаченію дѣятельности в Китаѣ агентов совѣтскаго правительства и является, фактически, лишь сводкой документѣв, данных в натуральном видѣ, почти без обработки, и уж во всяком случаѣ без критическаго подхода.

Между тѣм, тема о коммунизмѣ в Китаѣ, помимо своего безспорнаго актуальнаго значенія для всего культурнаго человѣчества, для русских читателей имѣет свой особый, острый и сугубый интерес.

Во-первых, потому, что, с 1917 года, Россія находится под управленіем коммунистической партіи, а, во-вторых, потому, что систематическим насажденіем коммунизма в Китаѣ занимались, по началу, коммунисты русской національности, часто не знавшіе никакого другаго языка, кромѣ русскаго, и только послѣ провала перваго наступленія коммунистическаго интернаціонала на Китай, в концѣ 1927 года, послѣ кантонской неудачи, в 1928 году была пересмотрѣна, сверху до низу, программа дѣйствій и тактики Коминтерна, о чем мы будем говорить ниже, и в Китаѣ начинают псявляться отвѣтственные агенты Коминтерна не русскаго происхожденія, что наглядно продемонстрировал нашумѣвшій процесс захваченных в Шанхаѣ, лѣтом 1931 года, четы Ньюлансов (они-же Рэггс).

В современном Китаѣ, как и в Китаѣ прошлаго, всегда были, если не политическія партіи в европейском понятіи, то политическія группировки, чжилійская, клуб

Аньфу, партія Путей Сообщенія, партія Бей-ян, а что касается тайных обществ, то их в Китаѣ всегда было гораздо больше, чѣм в Европѣ.

Сейчас, в этом отношеніи, как не странно, наблюдается извѣстное оскудѣніе, так как о тайных обществах мало слышно, мелкія политическія группировки не проявляют какой-либо активности, никаким на ход политических событій вліяніем не пользуются и, кромѣ правящей партіи Гоминдан, на поверхности Китая существует и дѣйствует только одна партія — коммунистическая, которой, по мнѣнію ряда иностранных публицистов, принадлежит будущее.

Помимо связанности своей судьбы с судьбами російскаго коммунизма, эта партія располагает вооруженной силой — «китайской красной арміей» и, на протяженіи пяти послѣдних лѣтъ, имѣет, во внутренних провинціях Китая, свою, хотя и мнѣняющую границы, но довольно внушительную размѣрами территорію.

Не подлежит слѣдовательно ни малѣйшему сомнѣнію, что, как-бы не повернулись судьбы Китая, коммунизму в нем, и именно в совѣтской интерпретаціи, придется играть большую, может быть, повторяем, для нѣкотораго періода, снова рѣшающую роль, как это уже было однажды, в 1925-1927 годах.

Вѣхами китайскаго революціоннаго движенія лѣваго уклона считаются двѣ даты — начало революціи 10 октября 1911 г. и 5 мая 1919 года, когда китайское студенчество устроило памятную демонстрацію протеста против подписанія делегаціей Китая в Версали версальскаго договора.

О студенческом движеніи в Китаѣ также приходится всѣм постоянно читать и слышать, даже тѣм, кто не живут в Китаѣ, и истолкованію сущности студенческаго движенія надо было-бы удѣлить особое вниманіе, опять таки в виду обширности темы в особом трудѣ.

По своему составу китайское студенчество достаточно деклассировано, при чем в это опредѣленіе — «студенчества» — входят не только слушатели высших учебных заведеній, но и воспитанники средних школ, обоого пола, подчас совсѣм дѣти, когда устраиваются уличныя шествія.

Как-бы не расцѣпывать самобытность, самостоятельность и вліяніе на политику Китая этого движенія

молодежи, оно есть крупный фактор социальной жизни, с которым считаются не только китайскія политическія сферы, но и серьезно смотрят на него историки современнаго Китая — иностранцы. Отсылаем интересующихся к только что вышедшему капитальному труду Cyrus H. Peake'a. «Nationalism and Education in Modern China». New York, 1932.

В началѣ мая 1919 года во всѣх школах Пекина, Тяньцзина, а потом Шанхая и Нанкина, начались митинги, были выбраны делегаты для общаго собранія представителей всей учащейся молодежи, разосланы телеграммы в другіе города, намѣчен план координаціи дѣйствій студенчества во всей странѣ.

Объединившись, молодежь не без тайной, как почти всегда, поддержки властей повела неслыханную до тѣх пор, по своим размѣрам и натиску, агитацію: митинги на улицах, безконечное число петицій и протестов и т. д.

К этому движенію студенчества начали присоединяться купеческія общества, лавки не торговали, банки были закрыты, правящій Пекин указывал дипломатическому корпусу, что страна, от Мукдена и Тяньцзина до Шанхая и Нанкина, с каждым днем все больше революціонизируется, что единственное средство — это внять народным требованіям и отказаться правительству ставить подпись Китая под Версальским трактатом, иначе правительство, дав подпись, падет жертвой своей непопулярности.

Выведенные из состоянія покоя, наиболѣе чуткіе к политикѣ, слои городского населенія не удовлетворились уступкой пекинскаго правительства на счет Версальскаго договора.

Движеніе протеста избирает теперь своим объектом Японію, которая рисуется в митинговых рѣчах, в плакатах, несомых над демонстрантами, и в агитационных летучках экстренных выпусков газет, как захватчица китайских рынков, куда она проникла, в годы войны, когда других иностранных товаров на рынки не поступало.

Почва для анти-японскаго движенія и организациі первых бойкотов японских товаров, по началу весьма скромных и неуверенных, была подготовлена врученіем японской дипломатіей Юань Ши-каю извѣстных Двадцати Одного требованія, которыя на митингах интерпрети-

ровались, как потеря китайской государственной самостоятельности и как установление над Китаем японской гегемонии.

Кое какой навык в организации, если еще не масс, то, хотя-бы, сторонников тѣх или иных публичных выступлений, у нѣкоторых студенческих вожаков начал да-лѣе приобрѣтаться путем ознакомленія с практической дѣятельностью большевиков в Россіи.

Студенты пристегнули к своему движенію и торговый класс, исключительно многочисленный в Китаѣ, а так-же промышленников прогрессивнаго толка, вмѣстѣ с ремесленниками.

Зерна такового обще-народнаго объединенія заложил на Югѣ Сун Ят-сен и его ближайшіе послѣдователи, среди которых теперь все больше появляется молодых людей, прямо со школьной скамьи.

Для того, чтобы сблизить школу, торговое предпріятіе, мастерскую, заручиться хотя-бы моральной поддержкой владѣльца мастерской или лавки, создается ряд объединеній: «Национальный студенческий совѣтъ», «Ассоціація разных классов населенія», «Индустриальная лига» и т. д.

Как в 1911 году, при подготовкѣ сверженія императорской власти, китайскіе предпринимательскія сословія оказываются сочувствующими реформистскому (еще слабо революціонному) движенію потому, что они инстинктом чувствуют, что, как сперва наступленіе на монархію, так теперь выступленія, подсказываемыя ростом національнаго движенія в массах, должны освободить буржуазію от опеки иностранных держав, которым, предшествовавшія китайскія правительства, были вынуждены сдѣлать уступки, дававшія возможность иностранцам вліять на хозяйственную конъюнктуру, на торговую и, больше всего, на финансовую политику Китая.

Около того-же времени в Тяньзинѣ появляется «союз четырех классов», в который входили представители интеллигенціи, религіозных групп, коммерческих палат и различных гильдій.

Союз ставил себѣ задачей наблюдать за иностранной политикой, содѣйствовать объединенію страны, поддерживать выступленія от лица общественнаго мнѣнія Китая. Из рядов этого союза и была выдвинута уже упоминавшаяся выше «Индустриальная лига», которая

имѣла свои отдѣленія во многих провинціальных городах и в состав которой входили торговцы, студенты и ремесленники.

Так было положено начало активным выступлениям китайской демократіи, крайніе лѣвые элементы которой, впоследствии, связали свою судьбу с коммунистическим движеніем.

1920 год в анналах исторіи китайской компартіи считается поворотным пунктом.

В 1920 году радикальная часть китайской интеллигенціи и студенческой молодежи уже совершенно ясно усваивает положеніе, что надо вплотную ознакомиться с русским коммунизмом, для каковой цѣли не мало китайских интеллигентов и учащихся направляются в Москву, благо пріѣзд в Пекин перваго полпреда Юрина-Дзевалтовскаго в августѣ 1920 года облегчил путешествіе через Калган; дорога через Забайкалье была закрыта читинской «пробкой» атамана Семенова.

Из Москвы приходит совѣт, начать сближеніе с рабочим классом и, вскорѣ, начинается процесс организациі коммунистических ячеек, которыя, в противоположность прежним кружкам, ставят себѣ задачи практическаго дѣйствія.

Эти кружки, сперва робко, потом все смѣлѣе и организованнѣе, начинают собирать вокруг себя учащуюся молодежь, выдѣляют группы наиболѣе способных лиц для спеціального изученія марксизма, связываются с профессиональным рабочим движеніем.

Параллельно начинает дѣлать успѣхи и профессиональное движеніе среди китайских рабочих.

И чѣм больше разрастается в Китаѣ рабочее движеніе, тѣм все с большей настойчивостью перед мѣстными, дѣйствующими пока что в разброд, организациями китайских коммунистов встает необходимость принять участіе в руководствѣ рабочим движеніем.

А это, в свою очередь, толкает к консолидациі сил китайских коммунистов.

В 1921 году происходит первая конференція китайских коммунистических организаций, которая дает основаніе к выступленію китайских коммунистов на политическую арену уже в качествѣ единой партіи.

В официальных московских изданіях справочнаго характера зарожденіе коммунизма в Китаѣ также отно-

сится к 1920 году, при чем питающему корни коммунизма, рабочему движению, посвящаются слѣдующія строки:

«Развиваясь с 1911 года по линіи кустарно-цѣховых союзов или так называемых «рабочих союзов», руководимых буржуазной интеллигенціей, рабочее движение в Китаѣ получило отчетливый классовый характер лишь послѣ міровой войны и, главным образом, под вліяніем октябрьской революціи. Ужасающіе условія труда, при очень значительном примѣненіи женскаго и даже дѣтскаго труда, жестокая и беспощадная борьба, которую китайская военница, при активной поддержкѣ иностранной и собственной буржуазіи, вела и ведет против рабочаго движения (закрытіе союзов, аресты, избіенія, массовые разстрѣлы) — все это не может, конечно, не отражаться и на профессиональном движеніи. Тѣм не менѣе, послѣднее вписало в свою исторію ряд славных страниц, — стачечное движение, — и неустанно вело борьбу за интересы рабочаго класса, поставленнаго поистинѣ в ужасающіе условія. Нищенская зарплата, длиннѣйшій рабочій день при отсутствіи дней отдыха и отпусков, отсутствіе соціального страхованія, полнѣйшій произвол администраціи, массовое физическое уничтоженіе передовых пролетарских борцов — такова общая картина. В связи с разгромом революціонных организацій (писалось в 1929 г.) в результатѣ революціоннаго движения руководство профсоюзами в послѣднее время официально перешло в руки «желтых союзов», не ведущих, конечно, никакой борьбы за измѣненіе этих условій рабочаго быта. А революціонный профсоюзный актив вынужден был уйти и работать в подпольѣ».

1921 год уходит на собираніе сил, много вниманія у китайских коммунистов продолжаетъ отнимать профессиональное движение. Рядом с компартіей работает и как-бы является, в тѣ времена, ея авангардом «союз соціалистической молодежи Китая».

Событія 1922 года играют в руку китайской компартіи.

Снова и довольно бурно вспыхивает гражданская война, при чем, в отличіе от прежних вспышек, новая война 1922 года захватывает, втягивает в себя, интересы и вождедѣнія всего Китая, чего небыло со времени смерти Юань Ши-кая.

Мукденская военная партія, возглавляемая маршалом Чжан Цзо-лином, входит в острый конфликт с вождями чжилійской военной партіи, в которой тогда доминировал маршал У Пей-фу.

В эту борьбу втягивается и юг Китая, в лицѣ своего президента и кантонскаго диктатора д-ра Сун Ят-сена. При помощи вербальнаго соглашенія с Чжан Цзо-лином д-р Сун Ят-сен предполагал расширить фактическую власть кантонскаго правительства до Ханькоу, в тайнѣ мечтая, что из Ханькоу ему легче добратъся до Пекина, чѣм из Кантона.

Однако, войска Чжан Цзо-лина терпят поражение от войск У Пе-фу, который, упрочив теперь свое положеніе в Пекинѣ, декларирует созыв, так называемаго, «старога парламента» и, вмѣсто президента Сюй Ши-чжана, возстановливает в правах его предшественника, Ли Юан-хуна, для того, чтобы впослѣдствіи, передать кресло президента республики своему союзнику, покорному маршалу Цао-Куну.

Воспользовавшись невыгодным впечатлѣніем на массы Юга Китая этого союза революціонера Сун Ят-сена с реакціонером Чжан Цзо-лином, ближайшій соратник Сун Ят-сена, ген. Мен Цзюнь-мин поднимает возстаніе, но Сун Ят-сен подавляет это возстаніе и изгоняет из Кантона мятежнаго генерала.

Китайскіе коммунисты рѣшают использовать, в своих интересах, этот момент давно невиданной политической встряски.

Хотя коммунистическіе начетчики как раз в этот період «пересматривают тактику партіи», но партійный актив собирает в Кантонѣ двѣ конференціи — съѣзд профессиональных союзов и съѣзд социалистической молодежи.

На съѣздѣ профессиональных союзов в маѣ 1922 года, происходившем в Кантонѣ, китайская коммунистическая партія ставит, среди других пунктов повѣстки, вопрос, который впослѣдствіи сыграл рѣшающую роль в ея судьбах, о тактическом соглашеніи с народной партіей Сун Ят-сена Гоминданом и о дальнѣйшей совмѣстной борьбѣ за объединеніе Китая и освобожденіе его от иностранной опеки.

Коммунисты и их московскіе пестуны отлично учитывали, что, несмотря на измѣнчивость судьбы Сун Ят-

сена, который то правил Кантоном, то изгонялся оттуда, как его персональное влияние на широкія массы, так и авторитет его партіи Гоминдан были весьма велики.

Что-же касается самого Сун Ят-сена и его ближайших сподвижников, то провал рискованной ставки на Мукден, побѣда У Пей-фу над Чжан Цзо-лином и, в особенности, измѣна ген. Мен Цзюнь-мина, не только разрушали всѣ его планы овладѣть Трехградьем и, оттуда, осуществлять подготовку, давно лелѣимаго в мечтах, карательнаго похода на Сѣвер и объединенія Китая из Пекина, но ставили вопрос о прочности самой власти Сун Ят-сена в Кантонѣ а, через то, и на всем Югѣ.

По прежним опытам Сун Ят-сен знал прекрасно, как «горек хлѣб изгнанія» и как мгновенно прекращается приток средств из за-границы, как только из Кантона приходится переселяться в Шанхай, на гостепріимную французскую концессию: в дом № 29, по рю Мольер.

Что-же касается китайской компартіи, хотя и только что зародившейся и бывшей, пока, почти что в эмбриональном состояніи, то она, не в примѣр Гоминдану, проявила поразившую Сун Ят-сена сплоченность рядов, внутреннюю дисциплину и ту напористость, которую китайскіе коммунисты сумѣли заимствовать от русских большевиков.

Коммунисты же, в свою очередь, нуждаясь в расширеніи своей базы, хотя они и были всегда принципиальными противниками коалицій и соглашательства, учли рыхлость тогдашняго социальнаго состава партіи Гоминдан, но рѣшили использовать ея престиж в массах.

Поэтому тактика была пересмотрѣна.

Гоминдан был с разрѣшенія Москвы признан демократически-революціонной партіей, был признан представителем прогрессивных сил, полезных для освободительнаго движенія Китая, и была выработана программа:

— «Декларация китайской коммунистической партіи», которая была опубликована Це-Ка китайской компартіи 10 іюня 1922 г. и которая положила основаніе к объединенію китайской компартіи с Гоминданом.

2.

Ниже слѣдует перевод текста этой декларации китайской компартіи, со времени опубликованія которой

истекло одиннадцать лѣтъ.

«В теченіе тысячелѣтій Китай находился в условіях феодальнаго хозяйства. Базой китайской экономики являлось земледѣліе. Отсюда — общественная распыленность Китая с отсутствіем организующих сил. Отсюда — отсутствіе интереса к политической жизни страны. Лишь во вторую половну 19-го столѣтія развитіе мірового капиталистическаго производства поставило вопрос перед капиталистическими правительствами об использовании необъятнаго Китая в качествѣ рынка. Китай, ранѣе недоступный для посторонняго вліянія на протяженіи тысячелѣтій, был поставлен в условія угнетенія его другими государствами. В період утвержденія захватнических стремленій капиталистических государств в Китаѣ — его массы пытались в непосредственном дѣйствіи оказать сопротивленіе завоевателям. Послѣ расправы над народным возстаніем (?), Китай в еще большей мѣрѣ стал испытывать гнет иностраннаго поработителя, обнаруживая в то-же время продажность и порочность своего правительства.

«В процессѣ борьбы, китайскія народныя массы усваивали истину, что защита страны от иностраннаго порабоженія невозможна внѣ рѣшительной перемѣны всей политической системы во всей странѣ. Одним из проявленій пробудившагося самосознанія Китая, в свое время явилась борьба за конституціонную монархію, борьба, возглавлявшаяся Кан Ю-веем. Самым-же значительным событіем в эпохѣ борьбы со старым строем является революція 1911 г., открывшая народным массам возможность непосредственнаго участія в политическом переустройствѣ страны. В условіях политическаго и экономическаго гнета иностранных государств над Китаем — политическое развитіе и настаніе силы к организациі народных масс в Китаѣ, должно было перешагнуть через этапы маленьких реформ, с цѣлью исправленія и улучшенія государственнаго управленія и подойти к революціи, выбросившей лозунги и требованія демократической власти. Революція сбросила традиціонную монархію в Китаѣ, насчитывавшую тысячелѣтія своего существованія, открывая собою новую эру в политической исторіи Китая.

«Революція 1911 г. имѣла двѣ исторических задачи: во-первых, сверженіе Маньчжурской династіи, и, во-

вторых, освобождение Китая от иностранного гнета, с превращением Китая в независимое государство. Во втором своем значении, революция 1911 г. имела своей задачей, в рамках расовой и национальной независимости, создание условий, благоприятных для развития промышленности в Китае. Революция 1911 г. выявила тенденцию перехода от политической системы феодализма, к демократическому строю, от ручного труда и ремесленного хозяйства к капиталистическому производству.

«Революция в Китае — в определенных условиях исторической среды, не завершилась победой. Демократическая партия (Гоминдан), выражавшая требования либерального общества, пошла на компромисс с контр-революционным классом феодалов. Первый провал демократической партии заключался в соглашательстве с Юань Ши-каем, несмотря на то, что с вынужденным отречением династии, в исключительно неблагоприятных финансовых условиях, положение главы реакционных классов было чрезвычайно тяжелым. Лидеры революционного правительства отдали приказ войскам революции расквартироваться в Нанкин, вместо того, что-бы отдать приказ о переходе рѣки Янцзецзяна, для дальнѣйшаго наступления на Сѣверный Китай.

«Революционное правительство вручило власть Юань Ши-каю, организатору «Бэйян», военной партии, объединившей всех феодалов, контр-революционных военных лордов и военных командиров. После неудавшейся попытки Юань Ши-каю к восстановлению в своем лице монархии в Китае, власть еще на одно историческое мгновение, перешла к демократической партии, которая не сумела удержать ее в своих руках, вручив ее реакционному Дуань Цзи-Чжюю, новому главе бэй-янской военной партии. Соглашательская политика демократической партии еще раз привела ее к поражению.

«В условиях настоящего времени (1922 год), когда пекинский президент Сюй Ши-чжень покинул столицу и власть находится в реакционных руках Цао-Куня и У Пей-Фу, лидеров бэй-янской военной партии, третье поражение демократической партии, возможно предотвратить лишь при условии полного отказа демократических элементов страны от политики соглашательства и компромиссов и вступления на путь революционной борьбы. Демократическая власть в Китае может восторжествовать лишь в

процессъ революціоннаго захвата власти.

«Пораженіе революціи имѣло своимъ послѣдствіемъ усиленіе гнета мірового имперіализма над Китаемъ и усиленіе режима реакціи китайскихъ милитаристов. Такъ называемая республиканская власть в Пекинѣ находится в рукахъ милитаристов, которые в условіяхъ полуфеодалнаго хозяйства, пользуются республику для объединенія в своихъ дѣйствіяхъ с міровыми имперіалистами, вступающими с военной кликой Китая в соглашенія о займахъ на ихъ военныя нужды. Иностранныя государства, со своей стороны, используютъ возможность размѣщенія своихъ капиталовъ в Китаѣ, приобрѣтая, благодаря системѣ финансоваго закабаленія, сферы вліянія в Китаѣ, спеціальныя права и привиллегіи.

«Что, однако, всего болѣе важно для міровыхъ имперіалистовъ, — это поддержаніе гражданской войны в Китаѣ, которая задерживаетъ развитіе Китая, мѣшаетъ Китаю развивать свою собственную промышленность, насыщаетъ китайскій рынокъ фабрикатами иностраннаго производства, а буржуазіи Китая мѣшаетъ использовать Китай в интересахъ отечественной эксплуатаціи.

«С особенною силою соціально экономическія условія в Китаѣ сказываются на положеніи средних, промежуточныхъ классовъ. Владѣльцы маленькихъ предпріятій лишаются собственности, ремесленники пополняютъ собою ряды арміи безработныхъ, крестьяне продаютъ за безцѣнокъ свою землю помѣщикамъ, не будучи в состояніи вести свое хозяйство при непрерывномъ вздорожаніи жизни. Эти условія будутъ оставаться в неизмѣнномъ видѣ до тѣхъ пор, пока власть будетъ находиться в рукахъ правительства феодаловъ, в рукахъ милитаристовъ, пока не будетъ организовано демократическое правительство (*прим. автора: повторяемъ, что эта декларация была составлена в 1922 г.*)

«Демократическое правительство означаетъ правительство демократической партіи. Мы имѣемъ в виду созданіе власти на условіяхъ полной реорганизации всей политической системы управленія. В своемъ основномъ значеніи, это требованіе влечетъ за собою сверженіе власти реакціонныхъ, контрреволюціонныхъ элементовъ и группъ революціонными методами, демократической партіей или блокомъ демократическихъ группировокъ, организующимъ власть примѣнительно къ историческимъ потребностямъ своей страны, в реальномъ учетѣ новой международной обстановки.

В результатѣ компромисса, достигнутаго между Юань Ши-каем, — с одной стороны, и Сун Ят-сеном и Сун Цзяо-жэном, — с другой (*прим. автора:* оба эти лица являлись лидерами партіи Гоминдан) был образован кабинет, состоявшій из членов партіи Гоминдан, возглавлявшійся Чжао Бин-Цзюнем, ставленником Юань Ши-каей в роли премьер-министра. Каковы-же послѣдствія дѣятельности этого, так называемаго, гоминдановскаго кабинета. В 1913 г. Сун Цзяо-жэнь хотѣл организовать кабинет исключительно из членов партіи Гоминдан, но был убит. Если-бы даже Сун Цзяо-жэнь и не был убит, он подвергся бы той-же самой участи, какой подверглось все движеніе против Юань Ши-каей. Импульсами этого движенія было убійство Сун Цзяо-жэня и увольненіе ген. Ли Лэ-цзюня — главы тогдашних революціонныхъ войскъ партіи Гоминдан. Оба эти обстоятельства на дѣлѣ удостовѣряли невозможность коалиціи с Юань Ши-каем.

«Послѣ разгрома партіи Гоминдан, власть взяла «партія прогрессистов», поручив Сюн Си-линю организовать кабинет. Партія прогрессистов была орудіемъ в рукахъ Юань Ши-каей.

«Послѣ паденія и смерти Юань Ши-каей, борьба противъ контр-революціоннаго правительства закончилась избраніемъ Ли Юань-хуна в президенты и созывомъ парламента. Но все это не сопровождалось фактическимъ лишеніемъ власти всѣхъ сторонниковъ Юань Ши-каей, прочно засѣвшихъ на своихъ мѣстахъ.

«Изъ всѣхъ существующихъ в Китаѣ политическихъ партій, одна только партія Гоминдан можетъ быть охарактеризована какъ революціонная партія, впрочемъ с относительной демократичностью и с относительной революціонностью. Программа этой партіи еще до конца не разработана. Однако три начала этой партіи «за народ, для народа, черезъ народ», вмѣстѣ с планами промышленнаго развитія Китая, являются отблесками демократизма в партіи Гоминдан. Помимо участія этой партіи в революціонной борьбѣ в роли членов парламента, эта партія дала рядъ другихъ доказательствъ своего демократизма.

«Такъ, кантонское правительство не стѣсняло рабочаго движенія, отмѣнило полицейскія правила об «общественномъ порядкѣ и государственной безопасности», отмѣнило законъ, лишавшій рабочихъ права стачекъ.

«Весьма не рѣдко, однако, дѣйствія этой партіи —

внутренне противорѣчивы. Партія Гоминдан выявляет иной раз дружественную тенденцію даже по отношенію к монархистам и склонность к сближенію «по тактическим мотивам» с военной кликой. Если Гоминдан, как партія, желает играть опредѣленную роль в революціонной борьбѣ за утвержденіе демократіи в Китаѣ — этой партіи необходимо отказаться раз и навсегда от своей политики колебаній, компромиссов и вѣчных зигзагов. Учет уроков недавняго прошлаго свидѣтельствует, что и Ли Юань-хуну в період его президентства 1915-17 г.г. не удалось разрѣшить ни одной из политических задач, ни проблемы в цѣломъ.

«До тѣх пор, пока военщина будет господствовать в Китаѣ и над Китаем, до тѣх пор не только не прекратится организованная борьба против демократіи, но не прекратится также и борьба между самими милитаристами. Примѣры могут иллюстрировать эту мысль: война между мукденской партіей Чжан Цзо-лина и чжилійской партіей, при фактическом главѣ генералѣ У Пей-фу и номинальном главѣ маршалѣ Цао-Кунѣ.

«Если побѣдит мукденская партія, начнутся козни и раздоры внутри ея, если побѣдит чжилійская партія — неизбежны войны между У Пей-фу и Фын Ю-сяном, военным губернатором провинці Хэнань, извѣстным под именем «христіанскаго генерала», (прим. автора: надо признать, что предсказаніе оправдалось, когда, в концѣ 1924 года, Фын Ю-сян предал У Пей-фу). Борьба за должности дудзюней и командные военные посты не прекратится. Военщина — причина гражданской войны в Китаѣ. До тѣх пор, пока военщина существует и господствует — не может быть рѣчи о созданіи так называемаго «хорошаго правительства». Ни одно правительство в Китаѣ в свремежных условіях не может быть устойчивым и прочным, а жизнь и имущество граждан Китая подвергается разоренію, с каждой схваткой милитаристов между собою.

«Члены партіи Гоминдан! — вопликает далѣе патетически эта коммунистическая декларация 1922 года. Вы, первоначально были революціонными борцами, за торжество демократіи. Вы должны и сейчас вести революціонную борьбу и скорѣе погибнуть в этой борьбѣ, чѣм исчезнуть с общественно-политической арены. Вы были обмануты Юань Ши-каем, вы так-же жестоко бы-

ли обмануты Дуан Цзи-чжун, когда он предложил вам восстановление парламента и конституціи. Не дайте-же себя обмануть сейчас! Неспособность военщины к саморазруженію очевидна. Рабочіе, крестьяне, студенты, солдаты, полицейскіе и купцы! До тѣх пор, пока не свергнут класс военщины, нѣтъ надежды на разоруженіе провинціальных армій, и на упраздненіе дудзюната. До тѣх пор, пока не свергнута власть военщины, нѣтъ надежд на сокращеніе требованій народных средств, идущих на покрытіе военных расходов, на дальнѣйшее разрушеніе всей системы государственных и мѣстных финансов. До тѣх пор, пока не свергнута власть военщины, всѣ данные за то, что заключеніе новых займов с иностранцами будет продолжаться, с соотвѣтственным возрастаніем иностраннаго вліянія в Китаѣ, нѣтъ надежд на то, что милитаристы прекратят облагать тягчайшими налогами граждан Китая, нѣтъ надежд на прекращеніе грабежей и на приведеніе всѣх областей Китая в состояніе порядка.

«До тѣх пор, пока не свергнута власть военщины, нѣтъ надежд на широкую постановку образовательных задач в Китаѣ и на развитіе промышленности в нашей странѣ.

«Крестьяне и купцы являются первыми жертвами этих войн. Эти войны будут безконечны, если онѣ не будут остановлены силами самого народа».

Здѣсь кончается историческая часть первой коммунистической деклараціи, опубликованной, повторяем, одиннадцать лѣтъ тому назад и начинается часть императивная — что будет и что должна дѣлать компартія в борьбѣ за поставленные перед собою задачи?

Читатель не посѣтует за приведеніе этого интереснаго документа почти полностью, лишь с незначительными пропусками, несмотря на его размѣры, так как уже в этой первой деклараціи, которая, конечно, была сочинена в Москвѣ или ея отвѣтственным русским агентом в Кантонѣ, были предуказаны пути, которыми шли в Китаѣ не только компартія, но, что гораздо важнѣе, и сама китайская революція.

«Единственным выходом для всѣх вас — рабочіе, крестьяне, студенты, солдаты, полицейскіе и купцы, — выходом для освобожденія себя от тяжелаго ига военщины, — это присоединиться к борьбѣ демократіи против

статков феодализма, к борьбѣ, не знающей компромиссов, к борьбѣ без лживаго пацифизма, к борьбѣ за свободу и мир! Той оппозиціи правительству, в которую играет буржуазія, интеллигенція или политики — доверять нельзя. Мы всѣ желаем мира, но мира настоящаго, не фальшиваго. Мы привѣтствуем войну для борьбы за торжество демократіи, за сверженіе военщины и милитаристов, за освобожденіе китайскаго народа!

«Китайская коммунистическая партія, являясь авангардом пролетаріата, борется за освобожденіе рабочаго класса и за пролетарскую революцію! До момента, когда китайскому пролетаріату удастся захватить власть в свои руки и в учетѣ современных политических и экономических условий развитія Китая, в учетѣ всѣх, наблюдаемых сейчас в Китаѣ, иностранных теченій, насущной задачей для пролетаріата являются совмѣстныя дѣйствія с демократической партіей, в цѣлях образованія единаго фронта демократической революціи, для борьбы за сверженіе военщины и за организацию дѣйствительно демократическаго правительства.

«Конкретныя цѣли современной борьбы не могут ограничиваться борьбой за оглашеніе цифр правительственных финансов или за наблюденіем за дѣятельностью парламента или мѣстных административных органов.

«Нашими ближайшими задачами являются:

1) Пересмотр системы тарифов, насильственно навязанной Китаю мировыми капиталистами, отмѣна консульской юрисдикціи, и всей системы привилегій для иностранцев, учет желѣзнодорожных займов, учиненных иностранным капиталом Китаю и немедленный переход всѣх желѣзных дорог в руки государства.

2) Уничтоженіе строя военщины и взяточничества чиновников, конфискація собственности милитаристов, и распределеніе их земельных латифундій между бѣднѣйшими крестьянами.

3) Всеобщее избирательное право.

4) Свобода собраній, слова и печати. Отмѣна законов об охранѣ полиціей «общественнаго порядка». Свобода стачек.

5) Ограниченный налог на землю.

6) Обязательное обученіе.

7) Воспрещеніе дѣтскаго и женскаго труда. Законы о санитарных условиях на фабриках и заводах. Законы

Америку. Сун Ят-сен, послѣ свиданія с А. А. Юффе, соглашается на прибытіе в Кантон миссіи Бородина, с помощниками и с деньгами.

Москва рѣшила ему передать, хранившуюся во Владивостокѣ, аммуницію союзныхъ держав.

Но даже послѣ того, какъ союз с красной Москвой стал совершившимся фактомъ, послѣ того, какъ совѣтскіе «военруки» и «политруки» стали распоряжаться, какъ хотѣли, в Южномъ Китаѣ, Сун Ят-сен не упускалъ случая указать, в бесѣдѣ со своими прежними добрыми друзьями иностранцами и представителями великихъ держав, что сотрудничество с коммунистами ему не страшно, такъ какъ китайскій народъ никогда не будетъ, по его мнѣнію, обращенъ в коммунизмъ и в Китаѣ не можетъ произойти той соціальной, большевистской революціи, которая случилась в Россіи:

— Не забывайте, — искренне или дипломатически утѣшал Сун Ят-сен своихъ слушателей, — что коммунизмъ для Китая не новъ! В прошломъ китайскаго народа дѣлались уже попытки насадить в Китаѣ коммунистическій строй. Всѣ онѣ разбились о собственническую духъ китайскаго крестьянства.

Какъ-бы тамъ не было, тонъ официальныхъ заявленій, заявленій для массъ и исторіи, у Сун Ят-сена былъ инымъ.

В книгѣ «Три принципа» (англійскаго изд. стр. 87) мы читаемъ: «полтора мильіона русскіхъ, когда ихъ революція одержала верхъ, порвали с другими бѣлыми націями и проклинали имперіалистическую позу бѣлаго человѣка. Теперь они размышляютъ о томъ, какъ-бы имъ соединить свою судьбу, с болѣе слабыми, с болѣе мелкими народами Азіи для того, чтобы вмѣстѣ бороться противъ тиранствующихъ расъ».

В совмѣстномъ манифестѣ Сун Ят-сена и А. А. Юффе отъ 26 января 1923 г., какъ говѣритъ А. М. Котеневъ, Сун Ят-сенъ отказывался видѣть руководящую роль Коминтерна в русской революціи и считалъ эту революцію національной. Онъ не думалъ о союзѣ Китая с Совѣтами, онъ думалъ, что заключаетъ союзъ с революціонной Россіей.

Ошибка для Сун Ят-сена не такая ужъ большая, коль скоро в 1932 г. бывшій совѣтскій дипломатъ, потомъ «невозвращенецъ» С. Дмитріевскій также считалъ, что большевистская революція была національной и красная дипломатія была вышуждена идти путями національной Россіи («Со-

вѣтскіе портреты»).

Как-бы там не было, Бородин прибыл в Кантон и, в своем собственном письмѣ, которое цитируется в книгѣ Н. А. Митаревскаго, так описывает это событіе. Дѣлаем, по необходимости, обратный перевод с англійскаго.

«Для того, чтобы избѣжать остановки в Гонконгѣ, я выѣхал из Шанхая 26 сентября на небольшом пароходѣ, прямо в Кантон. По пути мы попали в тайфун, и если-бы мы не нашли укрытія среди островов Формозы, пишущій эти строки раздѣлил-бы судьбу тѣх двухсот овец, которыя были на борту и которыя всѣ были смыты.

«Я прибыл в Кантон 6 октября. Сун Ят-сен принял меня весьма тепло, усадил меня рядом с собою и, в теченіе нѣскольких секунд, пристально на меня смотрѣл. Я передал ему привѣты из Москвы, а также от полпреда тов. Карахана и добавил, что послѣдній очень хочет с ним повидаться и, при первой к тому возможности, не преминет это сдѣлать.

«Затѣм, я, вкратцѣ, объяснил ему цѣль моего прибытія в Кантон, и задал ему нѣсколько вопросов относительно положенія в странѣ и, в частности, в Гуандунѣ.

«Он высказал мнѣніе, что если-бы он мог обосноваться прочно в центральном Китаѣ и в Монголіи, то получил-бы возможность дѣйствовать с развязанными руками в отношеніи имперіализма. Что касается центральнаго Китая, то все зависит от успѣха движенія его войск на сѣвер. Он, кромѣ того, ожидает результатов переговоров его представителей в Москвѣ. Не подлежит сомнѣнію, что он ждет весьма многого от этих переговоров.

«Монгольская база очепь его прельщает. Монголія, говорит он, предоставляет исключительныя возможности, прежде всего потому, что на сѣверѣ у него больше сторонников, чѣм на югѣ... В Монголіи, располагая в тылу дружественно расположенной Россіей, он был-бы в состояніи проводить болѣе открыто болѣе толковую политику. Для того, чтобы это осуществить, он нуждается в поддержкѣ и эта поддержка, как он говорит, должна притти из Владивостока. Для этого желательно использовать прямой путь морем, из Владивостока на Кантон, минуя Гонконг. Но установленіе прямого сообщенія между Кантоном и Владивостоком, естественно, породило-бы по-

дозрѣнія и эти рейсы можно было-бы без труда объяснить тѣм, что новая линія установлена с цѣлью начать обмѣн мѣстных фабрикатов на лѣс, рыбу, бобы и т. д. Эту линію надо тотчас установить, так как он чрезвычайно нуждается в прямой связи с СССР. Оружіе нужно до зарѣзу и его из-за блокады получить нельзя ни откуда, кромѣ Владивостока» (стр. 131).

Митаревскій правильно указывает, что главным стимулом къ соглашенію с СССР было, конечно, желаніе получить военное снабженіе, а, потом, имѣть дружественный тыл в Монголіи и Синцзянѣ.

Однако, совѣтское правительство не оказало своей помощи безвозмездно. Кромѣ векселей, которые должны были быть оплачены в будущем, оно выдвинуло ряд условій, на принятіи которых категорически настаивало и одним из первых пунктов этих условій была реорганизація партіи Гоминдан.

Коммунисты не были ни в какой степени удовлетворены наличным составом членов «народной партіи» и, в архивѣ военнаго атташэ при совѣтском посольствѣ, во время обыска, был обнаружен слѣдующій протокол, касательно проведенной реорганизаціи партіи Гоминдан.

«Протокол засѣданія от 11 октября. Присутствовали: Тан Пин-сян, Юан Сяо-сен, Фу Юн-юй и т. т. Бородин, Герман и Поляк.

«Тов. Бородин информировал присутствующих относительно его плана реорганизаціи Гоминдана, указав, что этот план обсуждался уже в Шанхаѣ и в Це-ка. План предусматривает немедленное созданіе временнаго національнаго комитета в составѣ 21 члена.

«В состав комитета включаются наиболѣе крупные лидеры Гоминдана, китайской компартіи, члены союза социалистической молодежи и профсоюзов. Предсѣдательствует в комитетѣ д-р Сун Ят-сен».

Эта реформа проводилась с исключительной цѣлью, как можно скорѣе прибрать партію Гоминдан къ своим рукам и предоставить коммунистам и, идущим у них на поводу, представителям профсоюзов и социалистической молодежи, возможность распоряжаться в Кантонѣ так, как они хотят.

Одновременно с реорганизаціей партіи Сун Ят-сена, Бородин подбирал къ своим рукам и рабочее движеніе на югѣ.

Американскій корреспондент, посѣтившій в это время Кантон, так описывает свою встрѣчу с Бородиным.

Бородин жил в Кантонѣ с женой, в довольно невзрачном домѣ, крашеном в желтый цвѣт, который усиленно охранялся китайскими часовыми и который был расположен как раз напротив зданія центрального комитета партіи Гоминдан. Его дом был, одновременно, и штаб квартирой всѣх русских совѣтников и инструкторов, работавших при кантонской власти.

Сначала он занимал пост совѣтника при правительствѣ, потом его официально именовали высоким совѣтником при партіи Гоминдан.

Для того, чтобы добиться у него приѣма, американскому корреспонденту пришлось записаться за недѣлю.

Бородин около часа растолковывал корреспонденту, что такое партія Гоминдан и сказал, что все ея будущее он видит в ея лѣвом крылѣ, которое вплотную соприкасается с китайской коммунистической партіей.

Несмотря на то, что послѣ смерти Сун Ят-сена Бородину было труднѣе работать, так как правое крыло дѣятелей Гоминдана, одно время возглавлявшееся сыном Сун Ят-сена, г. Сун-Фо было настроено непримиримо к коммунистам, Бородин добился того, что вторая національная конференція китайских профсоюзов, на которой присутствовало двѣсти пятьдесят рабочих делегатов от профессиональных объединеній Юга Китая, в резолюціи от 1 мая 1925 года, вотировала полное сліяніе со все-совѣтской федераціей профсоюзов.

Когда, послѣ шанхайских событій 25 мая того-же года, вспыхнула в Китаѣ всеобщая забастовка, совѣтское правительство организовало сбор помощи китайским бастующим рабочим массам и отправило в Китай делегацію це-ка всероссійских профессиональных союзов, которую возглавлял Лепсе и которая прибыла в Шанхай 1 августа 1925 года.

Несмотря на протесты праваго крыла Гоминдана, настаивавшаго на отстраненіи Бородина от руководства революціонным движеніем Юга, протесты одно время настолько сильныя, что к концу 1925 года, Бородин счел себя вынужденным, по тактическим соображеніям, подать в отставку, второй съѣзд партіи Гоминдан, на котором присутствовали делегаты от всѣх частей Кр. Юж-созванный в Кантонѣ, отказался принять отставку Юж-

дина и, в резолюціи от 4 января 1926 года, торжественно подтвердил нерушимость союза с Совѣтской Россіей.

Для того, чтобы подчеркнуть искренность симпатій, съѣзд постановил поднести Бородину треножник из чистаго серебра с надписью — «Борьба общими силами».

Однако, в нашу здѣсь задачу не входит описывать то, что давно уже и много раз описано, как Бородин и совѣтскіе военные инструкторы, среди них «командарм» Блюхер (Галин), помогли кантонской арміи захватить сперва Трехградье, разработать план отобранія явочным порядком британской концессіи в Ханькоу, принудить иностранцев начать срочную эвакуацію женщин и дѣтей из рѣчных портов по Янцзецзяну, и, как, наконец, эта кантонская армія оказалась, в серединѣ марта 1927 года, у подступов к Шанхаю.

19 января 1927 года, в бесѣдѣ с представителем «Рейтера», торжествующій Бородин обмолвился такой фразой:

— «Плотины прорваны и вода стремительно несет-ся вперед».

Но именно в этот період полного торжества трехлѣтней работы «высокаго совѣтника партіи Гоминдан», начали сбываться, цитированныя уже нами слова, д-ра Сун Ят-сена, которые теперь, из гроба, зазвучали вдруг особенно убѣдительно.

Слова о том, что Китай одолѣет коммунизм, что, в тысячелѣтней исторіи этого народа, уже были попытки насаждать коммунизм, но онѣ не увѣнчались успѣхом.

Во всяком случаѣ, первый натиск Коминтерна овладѣть Китаем завершился крахом.

Чжан Кай-Ши, взяв Шанхай, порвал с лѣвым правительством Трехградья, гдѣ все еще диктаторствовал Бородин и гдѣ с иностранцами, в чичеринском тонѣ, разговаривал Евгений Чен.

В Нанкинѣ была созвана сессія центрального исполнительнаго комитета Гоминдана и 18 апрѣля 1927 года эта сессія вынесла постановленіе, что Нанкин, древняя столица династіи Минов, избирается мѣстопробываніем новаго правительства для всего Китая, которое объявляет-ся центральным.

Борьба. Правительство Трехградья, тѣм-же постановленіем, югѣ. объявлено уклонившимся от завѣтов д-ра Сун Ят-се-

на и подлежащим партійной чисткѣ. За ним были оставлены лишь функции краевой власти.

Это постановленіе явилось началом конца непосредственного участія совѣтских дѣятелей в ходѣ событий китайской революціи.

Как-же сами коммунисты восприняли этот свой провал?

4.

Для того, чтобы изложить наглядно, как представители совѣтскаго правительства и Коминтерна отнеслись к своему первому и, при том, грандіозному провалу в Китаѣ, надо привести их собственный взгляд на ход дальневосточных событий.

А Лозовскій на Тихоокеанской конференціи профессиональных союзов в Ханькоу, которая продолжалась с 20 по 26 мая 1927 г., так расцѣпывал тогдашнюю мировую конъюнктуру.

«Растущее соперничество между великими державами на Тихом Океанѣ и несомнѣнное приближеніе войны, — не тихоокеанской, а мировой, — с этого конца, заставило всѣ передовые элементы международного рабочаго движенія обратить вниманіе на *китайскій* участок имперіалистическаго фронта.

«Особенно остро стал вопрос об объединеніи рабочих тихоокеанскаго побережья в связи с развертываніем китайской революціи и непрерывно продолжающейся военной интервенціей в Китаѣ.

«Чѣм шире развертывалась китайская революція, тѣм ожесточеннѣе становилась борьба имперіалистов в Китаѣ а это толкало даже наиболѣе отсталых рабочих заняться тихоокеанской проблемой.

«Три державы борются сейчас за власть над Тихим Океаном: — Японія, Англія и Соединенные Штаты. Из этих трех держав Соединенные Штаты одни имѣют достаточно финансовых и экономических ресурсов, чтобы претендовать на превращеніе Тихаго Окена во «внутреннее море» американскаго имперіализма. Это соперничество между наиболѣе могущественными морскими державами с особенной наглядностью проявилось на конференціи по разоруженію в Женевѣ (1927).

«Тихій Океан, омывающій Азію, Сѣверную и Юж-

ную Америку, несмотря на свое громадное пространство, не является уже сейчас препятствием для установления тѣсной связи между народами. Гигантскій рост транспорта, индустриализация Японіи, Китая, Индіи, Индонезіи, Латинской Америки и тихоокеанских островов, сдѣлали возможной непосредственную связь рабочих всѣх этих отдаленных стран.

«Болѣе того, быстрая индустриализация тихоокеанских стран поставила перед рабочими всего міра цѣлый ряд новых вопросов, которые раньше не стояли перед рабочими организациями.

«Своеобразная обстановка, сложившаяся на Тихом Океанѣ к концу войны, заставила передовых рабочих разных стран задуматься над тѣм, как вовлечь эксплуатируемых Тихоокеанскаго побережья в мировую организацию рабочего класса. Впервые этот вопрос возник на 2-ом конгрессѣ Профинтерна в 1922 г., когда австралийскіе делегаты внесли предложеніе о созывѣ тихоокеанской конференціи. В іюнь 1924 г. была сдѣлана первая попытка объединенія рабочих транспортников тихоокеанских стран, а затѣм, вопрос был поставлен на практическую почву в февралѣ 1926 г.: всеавстралийским конгрессом профсоюзов. В Сиднеѣ было рѣшено созвать тихоокеанскій конгресс профсоюзов 1 мая 1927 года в Кантонѣ».

На этом можно прекратить дальнѣйшее цитированіе отчета Лозовскаго о тихоокеанской конференціи профсоюзов, вмѣсто Кантона, «по независящим обстоятельствам», собравшейся в Ханькоу.

Всякій, кто слѣдит за развитіем мирового коммунистическаго движенія, отлично знает, что это движеніе всюду и вездѣ не только развивается параллельно с рабочим движеніем, но что Коминтерн прилагает всѣ старанія руководить мировым профессиональным движеніем, поскольку это ему удается.

Документы, захваченные в связи с арестом в Шанхаѣ в іюнь 1931 г. четы Нюлансов, лишній раз подтвердили безспорность связи коммунистической работы с профдвиженіем, так, что когда Лозовскій излагал рост организованнаго рабочего движенія на берегах Тихаго Океана, то он, одновременно, подразумѣвал, конечно, и ход развитія коммунистической активности.

Однако, в описываемый нами період, апрѣль-май,

а потом, и вплоть до конца 1927 года, обстановка начинает складываться в Китаѣ крайне неблагоприятно для Коминтерна.

Когда делегация ВЦСПС, во главѣ с Лозовским, прибыла, ко дню открытія Тихоокеанскаго конгресса, в Кантон, то, как раз в самый день прибытія, 14 апрѣля 1927 г., в Кантонѣ произошел анти-коммунистическій переворот, которым руководил ген. Ли Ци-сень, один из выдающихся военных дѣятелей Гоминдана.

Он рѣшительно повел поход на кантонскія рабочія организациі, которыми, с пріѣзда в Кантон Бородина, руководили коммунисты.

Он арестовал цѣлый ряд видных главарей и пресѣкъ всякую связь кантонских коммунистов с ханькоускими.

Тут произошел довольно любопытный инцидент: по распоряженію командующаго войсками ген. Ли Ци-сенья, который принял на себя, послѣ овладѣнія Кантоном, всю полноту военной и гражданской власти, были арестованы три делегата Тихоокеанскаго конгресса, бывшіе из Индонезіи.

Лозовскій, Андрейчик и Ракамон отправились на пріем к ген. Ли Ци-сеню и просили освободить арестованных.

Генерал принял русских коммунистов очень любезно, заявив, что он готов оказать содѣйствіе съѣзду участников Тихоокеанской конференціи профсоюзов, но поинтересовался, кто разрѣшил созыв Тихоокеанской конференціи в Кантонѣ?

Лозовскій, со свойственным большевистским дѣятелям нахрапом, благо на мертваго можно все валить, отвѣтил:

-- Этот вопрос был нами согласован еще с покойным д-ром Сун Ят-сеном.

По словам самого Лозовскаго, ген. Ли Ци-сень не повѣрил этому утверженію и подчеркнул в дальнѣйшей бесѣдѣ, что он ничего не имѣет против профессиональнаго рабочаго движенія, но не может допустить коммунистической пропаганды среди рабочих.

Как-бы там ни было, коммунистам удалось, хотя и с опозданіем на три недѣли, созвать указанную Тихоокеанскую конференцію в Ханькоу.

Впрочем, цѣлый ряд делегатов туда прибыть не

смогли, потому что настроеніе китайских властей как раз в этот період быстро мѣнялось в адрес Москвы и ея агентов, становясь все подозрительнѣе и недружелюбнѣе, ниже тому слѣдуют факты.

Вслѣд за разоруженіем рабочих партизанских отрядов в Шанхаѣ, в началѣ апрѣля 1927 года, по личному распоряженію ген. Чжан Кай-ши были разгромлены гнѣзда коммунистической пропаганды и лѣваго рабочаго движенія в Нанкинѣ, в Сватоу, Сучжоу, в Уху, Ханьчжао, при чем ряд красных заправил были судимы военно-полевым судом и разстрѣляны.

Шандунскія военныя власти перед самым своим отступленіем от Пукоу, 28 февраля того-же 1927 г., захватили совѣтскій пароход «Память Ленина» и на борту его, среди пассажиров, обнаружили жену бывшаго кантонскаго, впоследствии уханскаго диктатора, Фанни Бородину, которая была задержана и препровождена из Пукоу в Пекин для суда и слѣдствія, как о том официально заявил штаб сѣверных армій «Ангоцзюна» от 17 марта 1926 г.

Совѣтское правительство прилагало всѣ усилія ускорить освобожденіе Бородиной из под ареста, что явствует из ноты совѣтскаго генеральнаго консула в Шанхаѣ Линде к маршалу Чжан Цзу-чану от 11 марта, а также из ряда представленій совѣтскаго посольства в Пекинѣ министерству иностранных дѣл от 5, 10 и 11 марта 1927 г. Вмѣстѣ с Бородной были задержаны на «Памяти Ленина» и три совѣтских дипломатических курьера, слѣдовавших в Трехградье, с инструкціями Бородину.

Тѣм временем, событія, неблагоприятныя для коммунистов, продолжали развиваться своим чередом.

13 июля 1927 года на съѣздѣ членов центральнаго исполнительнаго комитета Гоминдана, под предсѣдательством Ван Цзин-веля, было постановлено, что партія Гоминдан порывает всякія отношенія с коммунистической партіей и, одновременно, было постановлено, что Бородин и всѣ русскіе военные совѣтники должны покинуть предѣлы Китая.

Вслѣд за этим постановленіем, командующій 35-ой націоналистической арміей ген. Хо-Чен, который за два дня до того установил свою власть в Наньянѣ, 17 июля совершает безкровный переворот в Ханькоу, при чем этот переворот выполняется по инструкціи из Нанкина, от

генерала Чжан Кай-ши и при молчаливом одобрении, находившихся в Ханькоу, лидеров лѣваго крыла партіи Гоминдан.

Правительство Ухана в этот момент включало, среди других, в свой состав нѣсколько членов семьи Сун Ят-сена. Его сын, Сун Фо, был министром сообщеній и комиссаром по возстановленію края, Т. В. Сун, брат жены Сун Ят-сена, был министром финансов, зять Сун Ят-сена д-р Г. Г. Кун, женатый на сестрѣ г-жи Сун Ят-сен, занимал пост товарища министра финансов.

Всѣ эти лица, впоследствии игравшіе такую выдающуюся роль в дѣятельности центрального правительства в Нанкинѣ, на протяженіи 1928-1932 г. г., за исключеніем самой г-жи Сун Ят-сен, пришли в іюль 1927 года к сознанию желательности и даже неизбежности разрыва Гоминдана с коммунистами, при чем, как только переворот в Ханькоу был осуществлен, упомянутыя лица прослѣдовали в Нанкин и быстро получили там высокія назначенія.

Бородину ничего не оставалось дѣлать, как 27 іюля 1927 года покинуть негостепріимное Ханькоу, направившись через Шэньси, гдѣ тогда правил Фын Ю-сян в Москву, куда, за ним, но через Шанхай, вскорѣ послѣдовала и вдова Сун Ят-сена. Из блока лѣвых гоминдановцев с коммунистами ничего как видим не вышло, но нѣкоторые лѣвые гоминдановцы в результатѣ этого блокированія замѣтно поправѣли.

Уѣзжая, г-жа Сун Ят-сен сдѣлала такое заявленіе: — «Партія больше уже не существует, как двигатель революціи, как революціонная партія. Она является отнынѣ не болѣе, как орудіем в руках тѣх или иных милитаристов».

Потом та же мысль ею варьировалась годами на разные лады.

Вечером 7 ноября 1927 года имѣла мѣсто демонстрація в Шанхаѣ, перед зданіем совѣтскаго генеральнаго консульства, из котораго по толпѣ стрѣляли, в результатѣ чего двое русских юношей-эмигрантов были тяжело ранены, а один, Бахтин Евгений, был убит.

11 декабря 1927 года в Кантонѣ произошло коммунистическое возстаніе. Пять тысяч красных, во главѣ с ударниками «краснаго рабочаго корпуса», одержали побѣду над гоминдановскими войсками Чжан Фа-Куя,

обезоружили городскую полицію и захватили Кантон в свои руки. Это была послѣдняя, отчаянная попытка китайских коммунистов, под руководством русских агентов Коминтерна, как то все-таки задержаться в Китаѣ даже послѣ, только что описанных, неудач в долинѣ Янцзецяна. Рѣшили дѣйствовать напролом.

В кантонѣ была тотчас же объявлена совѣтская власть, которая называлась «Революціонный совѣт Гуандуня». Кантонским Лениным оказался бывший министр труда Уханскаго правительства Су Чжао-Цен.

В городѣ началась кровавая оргія — во многих мѣстах столицы южнаго Китая возникали пожары, громились банки и крупнѣйшіе магазины, были выпущены из тюрьмы преступники, тысячи представителей зажиточнаго класса, бѣженцев из Кантона, наводнили Гонконг и Макао.

Но торжество красных было очень не долгим.

Уже на слѣдующій день 12 декабря соединенныя части войск генералов Ли Фу-Лина и Чжу Хвай-Чжи, поддержанныя рѣчными канонерками, повели наступленіе на коммунистическій центр с Хонама, пригорода Кантона, и, скоро, заставили коммунистов эвакуировать город.

С захваченными коммунистами расправа, на сей раз, была беспощадной.

В числѣ арестованных и разстрѣлянных находилось нѣсколько русских совѣтских агентов, в том числѣ совѣтскій вице-консул Хассис.

Совѣтскій генеральный консул Б. А. Похвалинскій и его жена, послѣ задержанія и ареста, были депортированы.

Кантонское возстаніе красных не было случайностью. Как утверждает в своей книгѣ А. М. Котенев (стр. 286) — «это был глубоко задуманный план по низверженію гоминдановскаго режима на Югѣ Китая для установленія вмѣсто гоминдановской — коммунистической власти».

«Этот план выполнялся под непосредственным руководством русских совѣтских агентов, в то время как зданія совѣтскаго генеральнаго консульства и различных торговых представительств СССР, служили для повстанцев штаб-квартирами».

14 декабря 1927 г., по предложенію ген. Чжан Кай-ши, центральное правительство в Нанкинѣ, опубли-

ковало декрет о разрывѣ дипломатических сношеній с СССР и отдало приказ закрыть всѣ совѣтскія консульства и торговыя представительства и, в недѣльный срок, выслать всѣх совѣтских представителей из Китая.

Генеральный консул СССР в Шанхаѣ Б. И. Козловскій, в послѣдствіи нѣсколько лѣтъ занимавшій пост руководителя дальневосточнаго отдѣла наркоминдѣла, прибыв в Москву, рассказал слѣдующее:

— Еще за нѣсколько мѣсяцев до разрыва, кампанія против совѣтскаго консульства рѣзко усилилась. Кампанія в печати подготовила разрыв нанкинскаго правительства с СССР. Послѣ врученія нам ноты нанкинскаго правительства о разрывѣ, мы немедленно приступили к ликвидаціи дѣл и передачѣ имущества германскому консулу. Англійская пресса при этом метала громы и молніи, что нам был дан срок для ликвидаціи дѣл. «Шанхай Таймс» писала, что китайцы пожалѣют о том, что они не дѣйствовали так, как поступили китайскія власти в Кантонѣ с русскими представителями».

Генеральный консул СССР в Ханькоу О. Пliche рассказывал о событіях, предшествовавших его депортированію:

— «В 7 час. утра 16 декабря в консульство явились два представителя комиссаріата иностранных дѣл в сопровожденіи трехсот вооруженных солдат, имѣвших с собою и веревки, для связыванія сотрудников. Нам были предъявлены — нота, содержавшая приказ нанкинскаго правительства о высылкѣ совѣтских представителей, и требованіе мѣстнаго уханскаго правительства немедленно покинуть Ханькоу и предѣлы Китая. На мое встрѣчное требованіе о выводѣ войск и предоставленіи срока для ликвидаціи дѣл, офицеры отвѣтили отказом и предложеніем в теченіе 15 минут оставить консульство. Они угрожали, в случаѣ отказа, связать меня и силой вывести из консульства. Меня, жену, вице консула Минина объявили арестованными и отвезли, под охраной, в комиссаріат по иностранным дѣлам».

Как не похожи эти заключительныя сцены не только на демонстраціи первых мѣсяцев прежней дружбы, но даже на отѣзд, хотя и вынужденный из того-же Ханькоу, Бородина за четыре мѣсяца до описываемой высылки чинов генеральнаго консульства... «этапным порядком».

Бородин, все таки, уѣзжал с помпой. В его распоряженіе был предоставлен специальный поѣзд, члены уханскаго правительства и центрального исполнительнаго комитета Гоминдана, во главѣ с Ван Цзин-веем, собрались на вокзалѣ, пожелать Бородину счастливаго пути.

По поводу событій, несчастнаго для Коминтерна, 1927 года, мы читаем в «Красном Знамени» № 2205 от 22 декабря 1927 года в статьѣ за подписью нѣкоего ХорOVERA, слѣдующія меланхолическія строки:

«Обострѣніе гражданской войны в Туандунѣ, кровавая расправа в Кантонѣ и аресты совѣтских граждан, врученіе паспортов совѣтским консулам на территоріи нанкинскаго правительства, — таковы новые факты послѣдних дней.

«Нанкинское правительство буржуазной контр-революціи не нашло ничего новаго, чѣм старое использованіе всѣми имперіалистическими правительствами, объясненія, что совѣтскіе консула дѣлают китайскую революцію. Раньше англійскіе имперіалисты объясняли, что китайцы сдѣлали революцію в Россіи.

«Дѣло, понятно, обстоит иначе. В кровавом разгромѣ движенія кантонских рабочих и крестьян, в нападеніи на совѣтскія учрежденія, как и в старом затасканном объясненіи, проглядывает лицо иностраннаго имперіализма».

Как далеки приведенные факты от тѣх настроеній за два года до описанных только что событій, которыя водили пером отца китайской революціи, который наканунѣ смерти 11 марта 1925 года, в обращеніи к ЦИК СССР, писал:

«Дорогіе товарищи! В то время, когда я здѣсь лежу в недугѣ, против котораго безсильны люди, моя мысль обращена к вам и к судьбам моей страны. Вы возглавляете союз свободных республик — то наслѣдіе, которое оставил угнетенным народам безсмертный Ленин. С помощью этого наслѣдія жертвы имперіализма добьются освобожденія от того международнаго строя, основы котораго издревле коренятся в рабовладѣльчествѣ, войнах и несправедливости.

...«Я завѣщал Гоминдану продолжать дѣло національно освободительнаго движенія вплоть до полнаго освобожденія Китая. С этой цѣлью я поручил партіи быть в полном контактѣ с вами».

Но партія нарушила этот «контакт».

И, будем справедливы, скажем не задумываясь, что если бы она этого контакта, тѣм болѣе полного, как за-вѣщал Сун Ят-сен, не нарушила, то коммунизм поглотил бы и растворил в своей ѣдкой щелочи деликатную матерію партіи, вышедшей из рядов китайской интеллигенціи и остающейся партіей интеллигентов по сей день.

Что же оставалось дѣлать Коминтерну послѣ грандіознаго провала 1927 года?

Прежде всего, конечно, пересмотрѣть свою тактику в Китаѣ.

5.

В концѣ все того-же, богатаго событіями, 1927 года вождь китайскаго революціонно-національнаго движенія Ван Цзинь-вей, занимавшій, в послѣднее время, постъ предсѣдателя Административной Палаты, что, по европейской терминологіи, равновелико посту предсѣдателя совѣта министров, и даже выше канцлера, — обратился с рѣчью к представителям партіи Гоминдан, в которой подвел итоги изгнанія агентов совѣтскаго правительства и Коминтерна из Китая и, одновременно, гѣворил о путях к очищенію партіи от коммунистическаго элемента.

Он, тогда уже, отмѣтил, что, в резолюціи китайской коммунистической партіи, принятой 13 іюля 1927 года и повторенной, в основных своих частях, в постановленіи китайской ассоціаціи молодежи (комсомол) от 19 іюля того-же года, было рѣшено бороться с націоналистическим правительством Китая всѣми доступными коммунистам средствами, в частности путем сохраненія коммунистами членских билетов партіи Гоминдан, с цѣлью, пребывая в ея рядах, взрывать Гоминдан изнутри.

Коммунисты в Китаѣ, равно как и их московскіе менторы, заранѣе предвидѣли, что разрыв Коминтерна с Гоминданом неизбежен, вот почему нѣтъ ничего удивительнаго, что, еще до официальнаго разрыва дипломатических сношеній Нанкина с Москвой, тотчас послѣ вынужденнаго отъѣзда Бородина из Ханькоу, в совѣтской печати находим слѣдующія многозначительныя слова:

«Національная или, вѣрнѣе, буржуазно-феодалная контр-революція, желѣзом и кровью пытается уничто-

жить революційне движеніе в Китаѣ. Она разстрѣливает, топит и сжигает революціонных рабочих и крестьян, но она безсильна уничтожить причины, породившія великую китайскую революцію.

«Движеніе ушло глубже, но оно ширится. Крот исторіи дѣлает свое дѣло. Он подрывает основы угнетенія. Стихійное движеніе голоднаго, обезземеленнаго крестьянства охватывает новые округа и провинціи.

«В Гуандунѣ, в Хубеѣ, Хунани, Цзян-си и других провинціях растут и множатся крестьянскія возстанія, уничтожающія джентри, помѣщиков и чиновников. Рабочія стачки становятся болѣе длительными и массовыми. Китайская компартія, допустившая ряд оппортунистических ошибок, сумѣла обновить свое руководство, она сколачивает сейчас новый рабочий актив. Пройдя через полосу стихійнаго, массоваго движенія, она поведет его к организованности, сплоченію, к побѣдам под новым знаменем рабочих и крестьянских совѣтов. Великія народныя революціи никогда вообще не побѣждают до конца, на первом турѣ своих выступленій. Онѣ растут и укрѣпляются в порядкѣ приливов и отливов. Так было вездѣ, в том числѣ и в Россіи. Так будет и в Китаѣ».

25 февраля 1928 года пленум исполнительнаго комитета Коммунистическаго Интернаціонала принял единоголосно резолюцію по китайскому вопросу, внѣсенную от имени делегаціи ВКП (б) и китайской компартіи: Бухариным, Сталиным, Сяном и Ли (см. «Извѣстія» № 50 (3284) от 26 февр. 1928 г.).

«1. Текущій період китайской революціи есть період буржуазно-демократической революціи, котѳрая не завершена ни с точки зрѣнія экономической (аграрный переворот и уничтоженіе феодальных отношеній), ни с точки зрѣнія національной борьбы против имперіализма (объединеніе Китая и національная независимость), ни с точки зрѣнія классовой природы власти (диктатура пролетаріата и крестьянства).

«Характеристика текущаго этапа китайской революціи, как революціи, переросшей уже в революцію социалистическую, неправильна. Равным образом неправильна и характеристика ея как революціи «перманентной» (позиція представителя ИККИ). Тенденція к перепрыгиванію через буржуазно-демократическій этап

революціи, при одновременной оцѣнкѣ революціи, как «перманентной», есть ошибка, аналогичная той, которую допустил Троцкій в 1905 году. Эта ошибка тѣм болѣе вредна, что при такой постановкѣ вопроса, выключается и крупнѣйшая національная особенность китайской революціи, как революціи полу-колониальной.

«2. Первая волна широкаго революціоннаго движенія рабочих и крестьян, шедшаго, в основном, под лозунгом — (и в значительной степени под руководством) — коммунистической партіи, прошла. Она закончилась в рядѣ центров революціоннаго движенія тягчайшими поражениями рабочих и крестьян, физическим истребленіем части коммунистических, — и вообще революціонных, — кадров рабочаго и крестьянскаго движенія, рѣзко выраженным развитіем крайних флангов общественных сил, сформированіем политических лозунгов, борющихся классов, полным разоблаченіем гоминдановско-генеральскаго руководства, как руководства контр-революціоннаго, пріобрѣтеніем величайшаго революціоннаго опыта со стороны широких трудящихся масс, наконец, переходом всего массоваго революціоннаго движенія в Китаѣ в его новый, совѣтскій этап. Совершенно несомнѣнно, в связи с перегруппировкой класса, извѣстная консолидація сил реакціи: буржуазія не только перешла к полному блоку с контр-революціонными феодалами и милитаристами, но фактически заключила соглашеніе с иностранным империализмом, обнаруживающим повышенную активность и по линіи захвата основных экономических позицій, и по линіи усиленія своего политическаго вліянія. Эти три основныя силы контр-революціи выступают совмѣстно против рабочих и крестьян, против революціи, против коммунистической партіи. Одновременно наблюдается ожесточенная внутренняя борьба в этом контр-революціонном лагерѣ, которая, с одной стороны, отражает противорѣчія интересов борющихся китайских группировок, с другой — противорѣчивые интересы различных групп империалистических держав.

«3. В настоящее время еще нѣтъ новаго мощнаго подъема революціоннаго движенія масс в общенациональном масштабѣ. Однако, ряд симптомов указывает, что рабоче-крестьянская революція идет к такому именно новому подъему. На это указывает не только героиче-

ское возстаніе кантонских рабочих, но, прежде всего, развертываніе крестьянскаго движенія, в рядѣ областей (совѣтизація ряда уѣздов в Гуандунѣ) и расширение революціоннаго движенія в этой провинціи, рост революціоннаго движенія в Хунани, в Цзяньси, в Хубеѣ, в Хенани, в Шандунѣ, в Маньчжуріи и в сѣверных провинціях вообще (так-же как и учающіеся случаи возмущенія среди солдат милитаристских армій, катастрофическое ухудшеніе экономическаго положенія масс, финансовый кризис, раззореніе, в силу непрерывных войн между милитаристическими группами, неслыханный политическій гнет, неизбежно толкает массы на путь дальнѣйшей революціонной борьбы).

«4. Опыт китайской революціи подчеркивает ту ея особенность, что движеніе развивается крайне неравномѣрно. Оно развивается неравномѣрно в разных провинціях Китая, с различными, исторически созданными, условіями борьбы. Оно до сих пор развивалось неравномѣрно и постольку, поскольку рѣчь идет о городѣ и деревнѣ. Настоящій момент характеризуется, между прочим, тѣм, что в то время, как в рядѣ провинцій крестьянское движеніе развертывается дальше, в рядѣ индустріальных центров, обезкровленное и зажатое в тиски неслыханнаго бѣлага террора, рабочее движеніе переживает стадію извѣстной депрессіи.

«5. Вся эта обстановка диктует основную тактическую линію партіи в данный момент. Партія должна готовиться к широкому подъему новой революціонной волны. Этот подъем обязательно поставит перед партіей, как прямую практическую задачу, организацію и проведеніе массоваго вооруженнаго возстанія, ибо только путем возстанія и сверженія власти, могут быть рѣшены задачи революціи. Но именно для того и потому центр тяжести всей партійной работы, в данный момент, лежит в завоевываніи миллионных масс рабочих и крестьян, в их политическом просвѣщеніи, в их организаціи вокруг партіи и ея лозунгов (конфискація помѣщичьих земель, восьмичасовой рабочей день, національное объединеніе Китая и освобожденіе от ига империализма, сверженіе существующей власти, диктатура пролетаріата и крестьянства, организація совѣтов).

«Величайшая опасность всей теперешней обстановки состоит в том, что авангард рабоче-крестьянскаго

движенія, в результатѣ неправильнаго учета нынѣшней обстановки и недооцѣнки сил противника, может оторваться от масс, забѣжать далеко вперед, распылить свои силы и дать себя разбить по частям. Компартія будет навѣрняка разбита и дезорганизована, если она не поймет всей необходимости завоеванія масс и их организациі, если она не будет бороться со всякими попытками отвлечь ея вниманіе от подготовки милліонных масс к новому, широкому революціонному подъему, подготовки, представляющей центральную задачу дня.

«6. ИККИ обращает, ввиду этого, особое вниманіе на необходимость усиленія массовой работы партіи среди рабочих и крестьян. Необходимо всеѣрно усиливать работу по организациі рабочих профсоюзов, используя для этой цѣли так называемыя «братства рабочих», проникая в легальные и даже желтые союзы (в цѣлях борьбы с их полицейским и гоминдановским аппаратом) там, гдѣ они являются болѣе или менѣе массовыми организациями, для отвоеванія рабочих у классоваго врага. Необходимо одновременно, раз навсегда, покончить с практикой террора в области профдвиженія, как губительной для партіи. Необходимо, самым рѣшительным образом, бороться против метода насильственнаго проведенія стачек. Только убѣждая массу в правильности пути, рекомендуемаго партіей, только имѣя беззавѣтную поддержку и полное довѣріе со стороны масс, можно руководить движеніем. Равным образом, необходимо усилить работу по созданію и расширенію сѣти крестьянских организаций — крестьянских союзов, комитетов и т. д., обратив особое вниманіе на работу среди крестьянской бѣдноты, с особой организацией пролетарских элементов деревни. Систематически, изо дня в день, идущая работа по проясненію классоваго сознанія масс, руководство их повседневной борьбой, их организациа, обязательны для коммунистической партіи Китая в настоящій момент, больше, чѣм когда-либо.

«7. Необходимо рѣшительно бороться против «пукизма» в извѣстных слоях рабочаго класса, против неподготовленных и неорганизованных выступленій, как в городѣ, так и в деревнѣ, против игры с возстаніем. Игра с возстаніем, вмѣсто массоваго возстанія рабочих и крестьян, есть вѣрное средство загубить революцію. Руководя стихійными партизанскими крестьянскими вы-

ступлениями в отдельных провинциях, партия должна иметь в виду, что эти выступления могут превратиться в исходный пункт победоносного всенародного восстания лишь при том условии, если они будут связаны с новым подъемом революционной волны в пролетарских центрах. Партия и здесь должна видеть свою главную задачу в подготовкѣ общих и координированных выступлений в деревнѣ и в городѣ, в рядѣ сосѣдних провинцій, и, при том, выступлений, подготовленных и организованных в широком масштабѣ. В связи с этим необходимо бороться против увлеченія партизанскими боями, распыленными и не связанными друг с другом и обреченными на поражение (такая опасность была в Хунани, в Хубей и других мѣстах). Необходимо, постоянно и неуклонно, считаться, при организациі выступлений крестьянства, на которыя партия и впредь должна обращать серьезное вниманіе, с различіями условий борьбы в разных провинціях и в разных частях территоріи Китая, каковыя различія необходимо учитывать, прежде всего в тѣх районах, гдѣ имѣется, находящаяся под руководством коммунистов, совѣтская власть, причем ИККИ считает, что главной задачей партіи и в совѣтизированных китайских крестьянских районах, являются проведение аграрной революціи и организациа частей Красной арміи в расчетѣ, что эти части будут постепенно объединяться в одну общую, всекитайскую Красную армію.

«8. Важнѣйшими условіями дальнѣйшаго развитія революціи является всемѣрное укрѣпленіе самой китайской коммунистической партіи, ея кадров, ея периферіи, ея центра. Несмотря на то, что коммунистическая партія Китая в основном исправила свои прежнія коммунистическія ошибки (конференціа китайской компартіи в августѣ 1927 года), отмѣченныя в прежних резолюціях Коминтерна, она еще не приспособилась, цѣликом, к условіям теперешней обстановки, проявляя шатанія, как в области тактической (недооцѣнка опасностей путчизма, террористических методов борьбы в профсоюзах, увлеченія партизанщиной в деревнѣ), так и в области организационной. Укрѣпленіе партійной организациі, вербовка новых членов партіи, укрѣпленіе связи между центром и мѣстными парторганизациями, построеніе крѣпкаго партійнаго аппарата, правильное соотношеніе между партіей и безпартійной массой, борьба как с остатками

оппортьюнизма, так и с увлеченіями «лѣвой» фразой («авангардизм», идея созданія «юной компартіи», террор, путчизм, насильственные стачки и проч., и проч.) — должны быть очередной задачей дня.

«9. ИККИ считает, что китайская коммунистическая партія должна вести беспощадную борьбу против попыток организациі новой яко-бы истинно-коммунистической, «рабоче-крестьянской» а, на дѣлѣ, буржуазно-реформистской партіи, попыток, которыя дѣлаются нѣкоторыми бывшими коммунистами (Тан Пин-сян и др.).

«10. ИККИ считает необходимым тщательный учет всего опыта революціоннаго движенія в Китаѣ и проработку этого опыта во всѣх ячейках партіи. В частности, необходим учет кантонскаго возстанія. Кантонское возстаніе, являющееся героической попыткой пролетаріата организовать совѣтскую власть в Китаѣ, и сыгравшее огромную роль для развитія рабоче-крестьянской революціи, все-же вскрыло цѣлый ряд ошибок руководства, недостаточную предварительную работу среди рабочих и крестьян, равно как и в арміи противника, неправильный подход к рабочим, членам желтых союзов, недостаточную подготовку к возстанію самой партійной организациі и комсомола, полную неосвѣдомленность обще-китайскаго партійнаго центра о событіях в Кантонѣ, слабость полтической организациі масс (отсутствіе широких политических стачек, отсутствіе выборнаго совѣта в Кантонѣ, как органа возстанія), за что всю долю вины несут непосредственные руководители, политически отвѣтственные перед Коммунистическим Интернаціоналом (тов. Н. и др.). Несмотря на эти ошибки руководства, кантонское возстаніе должно быть учтено, как образец величайшаго героизма китайских рабочих, по праву претендующих на историческую роль гегемона великой китайской революціи.

«11. ИККИ вмѣняет всѣм секціям Коминтерна в обязанность бороться против клеветы со стороны социал-демократіи и троцкистов, утверждающих, что китайская революція ликвидирована.

«Эта клевета лишь облегчает работу империалистов в Китаѣ, стремящихся удушить движеніе китайских рабочих и крестьян, идущих на встрѣчу новому, мощному подъему революціи. ИККИ вмѣняет в обязанность всѣм своим секціям всемѣрную поддержку китайской револю-

ціи. В настоящій період усиленія контр-революціоной интервенції імперіалізма, эта поддержка в особенности необходима и обязательна. Секції Коминтерна в імперіалістических странах должны болѣе, чѣм до сих пор, бороться за отзыв из Китая войск и флота, против всяких попыток аннексій и раздѣла китайской территории, против попыток удушенія китайскаго революціоннаго движенія. ИККИ призывает всѣх рабочих и коммунистов, в первую очередь, к выполненію своего международнаго, пролетарскаго долга солидарности и помощи героическому пролетариату Китая».

Из этой пространной резолюціи надлежало сдѣлать вывод, что коммунистическая работа из пролетарских центров, вродѣ Кантона и Шанхая, была перенесена коммунистами во внутренніе округа, в деревню и в тѣ города, которые оказывались в зонѣ расположенія частей китайской красной арміи.

Положенія указанной резолюціи, за истекшіе пять лѣтъ подвергались частичным измѣненіям, так, к примѣру, не особенно старательно соблюдался пункт за счет недопустимости «путчизма».

Возстаній было много и почти всегда недолговѣчных, достаточно вспомнить кровавый «путч» в Чанша.

Точно также и пункт на счет воздержанія от примѣненія террора в рабочем профессиональном движеніи остался лишь бумажным пожеланіем. Самая природа китайских тайных братств, от вѣка протекает в атмосферѣ страха перед террором и с каждым годом рабочей террор принимает, с благословенія и, часто, при содѣйствіи отдѣльных членов китайской компартіи, достаточно организованный и систематически проводимый характер.

На протяжении 1928, 1929, 1930 и 1931 г. г. коммунистическое движеніе росло и развивалось, главным образом, внутри Китая и только с середины 1932 года, послѣ японскаго выступленія в Шанхаѣ, мы снова присутствуем при перенесеніи коммунистической активности из глухих провинціальных райнов в пролетарскіе центры.

С каждым мѣсяцем снова нарастает в городах упорное стачечное движеніе, все болѣе напряженно работают агитационные отдѣлы, учащаются уличныя выступленія, что явно указывает на то, что, по мнѣнію отвѣтственных руководителей партіи, подходит, очевидно, момент,

о котором все время повторяла резолюція 1928 года, момент новаго мощнаго подъема революціи в Китаѣ.

Во всяком случаѣ, иностранные обозрѣватели не склонны приуменьшать опасность коммунистической угрозы и в вышедшей в іюль 1932 г. книгѣ американскаго публициста Дж. Сокольскаго, «The tinder box of Asia», много лѣтъ жившаго в Китаѣ и специально изучавшаго Китай, сказано без обвиняков:

«Часто спрашивают, примѣнима-ли коммунистическая система в Китаѣ? Обычный отвѣтъ на это тот, что китайскій народ слишком консервативен, чтобы когда-либо воспріять коммунизм. Это бессмыслица. Во многих частях Южнаго Китая массы голодают и пребывают в состояніи отчаянія. У китайских интеллигентов не осталось больше никаких иллюзіи. Молодежь унижена. Дорого стоящая армія видѣла свое пораженіе при столкновеніи с Японіей. Поскольку эти условія — реальность, страна подготовлена к перемѣнам. Перемѣны в Китаѣ могут приходиться только революціонным путем. Революція-же может быть наиболѣе успѣшно выполнена именно китайской коммунистической партіей, чѣм усиліями каких-либо других элементов в странѣ. Мой русскій опыт, во время большевицкой революціи, — говорит этот американскій писатель, — укрѣпил меня в мысли, что революція может одержать верх только, если располагает вооруженной силой, которая пожелает себя связать с революціей. И, мнѣ кажется, что, если коммунисты одержат рѣшительную побѣду, то армія стает на их сторону».

6.

Больше двух лѣтъ тому назад японскій публицист д-р С. Вашіо опубликовал изслѣдованіе под тѣм-же самым заголовком, что и наш в этой главѣ: «Коммунизм в Китаѣ».

Д-р Вашіо старается подойти к вопросу не только с подчеркнуто нейтральной точки зрѣнія, но по особому. Он говорит:

«Теорія, что китайским коммунизмом руководит Россія, как «трамплином для міровой революціи» очень проста. Нельзя сказать, чтобы эго было ложное представленіе. С той поры, как покойный д-р Сун Ят-сен

согласился на русскую поддержку, коммунистическое движение в Китаѣ стало неотдѣлимым от русскаго вліянія. Но эта теорія не может слишком ярко освѣтить пониманія китайскаго коммунизма, как такового, — в каких условіях он возникает и как он распространяется.

«Россія дала ученіе и преподала технику организаціи, но, в сокровенной своей сущности, это явленіе китайское. Китайскій коммунизм является продуктом гражданской войны и, порожденнаго междоусобицей, страданія народных масс. Это в значительной степени бунт крестьянства. Хотя ведется агитація и среди фабричных рабочих — опора китайскаго коммунизма — земледѣльческія коммуны.

«Это не значит, однако, что крестьянскій коммунизм представляет собою лишь нѣкую разновидность хунхузнчества. Это, конечно, бандитизм, поскольку ряды движенія пополняются обнищавшими землевладѣльцами и населеніем разграбленных городов и мѣстечек. Но это, в то-же время, столь огромная организація, и ея вліяніе уже распространилось так широко, что это движеніе нельзя уложить в рамки традиціоннаго бандитизма.

«Весьма вѣроятна гипотеза, что это движеніе не новость для Китая. Не ко всему можно задѣсь пристегнуть русское вліяніе! Исторія Китая полна примѣров крестьянских возстаній, которыя принимали такіе размѣры, что свергали династіи. Революціонная армія, положившая конец царенію династіи Минов, была организаціей крестьян, поднявшихся против непосильных налогов и подхлестнутых к возстанію голодом.

«Революція, которая положила конец правленію послѣдней Маньчжурской династіи, черпала, по началу, свою силу в движеніи вооруженнаго крестьянства. В необъятной странѣ, как Китай, недовольство крестьянских масс зарождающееся, обычно, в глубинах под почвой, потом, вырвавшись наружу, распространяется как лѣсной пожар при сильном вѣтрѣ.

«Девятнадцать лѣтъ прошло (д-р Вашіо писал в 1930 году) с тѣх пор, как пал трон Цинов. Это был період непрекращавшихся гражданских войн, быть может самых опустошительных, какія только знала китайская исторія. С каждым годом гражданскія войны становились все опустошительнѣй, захватывали все болѣе широкой район и поглощали все больше матеріальных

средств. В портовых городах еще можно было наблюдать развитие модернизации. Общественная поверхность Китая претерпела изменения, и, в некоторых местах, не было недостатка в примѣрах индустриального прогресса.

«Но если мы возьмем государство в его цѣломъ, которое, в подавляющей своей массѣ, земледѣльческое, то нѣтъ никакихъ данныхъ утверждать, что в 1930 году стало лучше, чѣмъ было в первый год республиканской революціи. Идя дальше в прошлое послѣднихъ лѣтъ, мы видим, что Китай, под владычествомъ У Пей-фу, пребывалъ в болѣе спокойномъ состояніи, чѣмъ под главенствомъ Чжан Кай-ши.

«Было вѣрно указано, кѣмъ то, что в результатѣ первой революціи, случившейся на пятый год Республики и направленной противъ Юань Ши-кая, Китай потерялъ свой моральный центр, в гоминдановскомъ движеніи Тринадцатаго года Республики онъ потерялъ просвѣтительный центр, а, объединившись с русскимъ коммунизмомъ, онъ выпалъ изъ круга международной гармоніи»...

Больше всего этотъ процесъ, по мнѣнію д-ра Вашю, сказывается в ухудшеніи положенія крестьянства: «голодъ в Шэньси, Ганьсу и Хэнани такъ подробно описывался, что нѣтъ смысла повторять об этомъ здѣсь. По вычисленіямъ американскаго наблюдателя, за послѣдніе три года в Ганьсу и Шэньси умерло от голода от двухъ до трехъ милліоновъ человѣкъ. Даже в Шаньси, гдѣ Іен Си-шанъ по справедливости заслужилъ репутацію образцоваго правителя, населеніе уменьшается. Согласно переписи населенія этой провинціи, имѣвшей мѣсто нѣсколько лѣтъ тому назад, большая часть населенія состояла изъ мужчинъ в возрастѣ от 36 до 40 лѣтъ и женщинъ от 31 до 40 лѣтъ. Населеніе убывало в приростѣ какъ мужское, такъ и женское, чѣмъ моложе брался статистиками возрастъ.

«В провинціи Шандунъ, которая такъ часто становилась центромъ войнъ, убыль населенія приняла формы массоваго исхода в Маньчжурію.

«В этихъ условіяхъ вполне естественно, что мужская молодежь с неугашеннымъ духомъ, протестовавшимъ противъ создавшихся условій существованія, уходила в бандиты. Какъ разъ изъ этихъ бандитскихъ элементовъ деклассированнаго крестьянства и вербуютъ главарей бандитскихъ шаекъ свои кадры. Дальше все уже зависитъ от величины шайки и царящей в ея рядахъ организованности. Чѣмъ

шайка крупнѣе и чѣм больше в ней порядка, тѣм скорѣе ее переманивают на службу в регулярныя части. В свою очередь, регулярныя части, когда их распускают, становятся бандитами.

«Но и крестьянство, со своей стороны, не остается без самозащиты в отношеніи бандитов.

«Среди мелкаго крестьянства всегда существовала, в извѣстном видѣ, по военному организованная самозащита».

По мнѣнію д-ра Вашю, процесс дальнѣйшаго обезземеливанія крестьянства не только умножает бандитскія объединенія, но и придает им формы организованнаго коммунистическаго движенія, пополняет ряды китайской красной арміи, создает внутри тѣх провинцій, которыя захвачены и удерживаются красными, условія, в которых коммунистическое движеніе встрѣчает поддержку широких масс крестьянскаго населенія, а так-же населенія небольших городов.

Слѣдя дальше, в своем трудѣ, за развитіем и ростом китайскаго коммунистическаго движенія внутри страны, как-бы освѣщая эту проблему изнутри, японскій публицист говорит:

«Китайскій коммунизм развивается на Югѣ, под воздѣйствіем совѣтской революціонной доктрины и параллельно с продвиженіем Кантонской арміи в карательную экспедицію на Сѣвер. Послѣ разгрома коммунистов в Трехградьи, коммунизм окопался во внутренних районах Хунани, Цзянси, Гуандуня и Фуцзяня. Он поразил мір захватом Чанши. По сегодняшній день (статья писалась в серединѣ 1930 года) фактически всѣ земельческіе районы Юга находятся под его вліяніем.

«Передают, что 20 процентов коммунистической арміи состоят из регулярных солдат, 15 процентов составляют студенты и рабочіе, а остальное пополняют крестьяне. Передают так-же, осторожно говорит автор, что 80 процентов красно-армейцев хорошо вооружены. Эти крестьянскія массы вытенированы кадровыми солдатами-инструкторами и распропагандированы студентами.

«Каждому, кто знает об общем недовольствѣ крестьянских масс Китая, о грабительских инстинктах болѣе молодых элементов и полурелигіозном воинственном духѣ организацій, подобных содружеству «красных копій», не покажется удивительным, что коммунизм так широко

распространился, в столь короткое время, в южных провинциях. Почва была хорошо подготовлена еще прежде, чем коммунизм пришел. Сверх в большинствѣ пока свободен от его вліянія. Но подготовка благоприятной почвы для прихода коммунизма идет по всему Китаю», — заканчивает д-р Вашю свои пессимистическіе выводы.

Прошло около трех лѣтъ, как написаны эти строки и коммунистическое движеніе в Китаѣ не только не убывает, но продолжает шириться.

В началѣ осени 1932 года ген. Чжан Кай-ши, стоящій во главѣ вооруженных сил центрального правительства, ведущих борьбу с красными частями и бандитами, заявил, что коммунизм является самой страшной угрозой для будущаго Китая.

Интересно далѣе привести заявление извѣстнаго философа современности д-ра Ху-Ши, который, в серединѣ 1932 года, посвятил в журналѣ „The Independent Critic“ специальную статью о «Красной угрозѣ Китаю».

Эта статья извѣстнаго мыслителя для русскаго читателя, как увидим дальше, имѣет особый интерес, так как китайскій ученый хочет черпать опыт из уроков русскаго блага движенія.

Проф. Ху-Ши привѣтствует декларацию ген. Чжан Кай-ши, в которой послѣдній указывает, что сущность разрѣшенія проблемы дѣйственной и успѣшной борьбы с бандитизмом и коммунистическим движеніем в Китаѣ лежит не столько в открытых военных дѣйствіях, сколько в принятіи, разработкѣ и проведеніи мѣр административнаго характера.

В 1931 году ген. Чжан Кай-ши, тогда глава правительства, заявил, что он подавит бандитизм во внутренних районах (вооруженной силой на протяженіи трех или четырех мѣсяцев...

Теперь точка зрѣнія совѣм иная — только три десятых проблемы могут разрѣшиться мѣрами военнаго характера, а семь десятых должны быть разрѣшены реорганизаціей административной системы внутри страны.

Проф. Ху-Ши подчеркивает свою полную солидарность с заявленіем ген. Чжан Кай-ши, относящихся к лѣту 1932 года о том, что положеніе, создавшееся в районах, занятых коммунистами, должно быть признано угрожающим для страны и для будущаго центральной власти.

Философ утверждает, что в дѣлѣ возвращенія районов, которыми владѣют красные, снова под эгиду центральной власти, министерство внутренних дѣл обязано сыграть большую роль, чѣм военное министерство или походный штаб карательной экспедиціи.

Обще-экономическія условія внутри Китая, система нынѣшняго внутренняго управленія, служат источником нарастанія силы коммунистическаго движенія — с этим положеніем согласилось теперь и центральное Нанкинское правительство.

Проф. Ху-Ши придает рѣшающее значеніе земельному передѣлу. Если-бы удалось размежевать землю, нѣсколько наивно говорит философ, — дав по равной долѣ каждому крестьянину, проблема народнаго недовольства разрѣшилась-бы сама собою.

Не так давно еще Китай стоял перед дилеммой милитаризма, каковая система внутренняго управленія тормозила торговлю и не давала развиваться промышленности. Сейчас положеніе гораздо серьезнѣе.

Вся система народнаго хозяйства Китая, базирующагося на агрикультурѣ, на крестьянствѣ, как классѣ, у края пропасти и, в случѣ краха этой системы, Китай окажется погребенным под обломками этого крушенія.

Если, наоборот, экономическая система китайской деревни останется, то гибель под огнем японской артиллеріи Шанхая, Тяньцзина, Кантона, трех городов Ухана, будет сравнительно небольшим несчастьем — утверждает китайскій философ.

«С другой стороны, — говорит он, — если конденсированная энергія всей націи не будет обращена на то, чтобы спасти и сохранить основу китайскаго деревенскаго хозяйства, главнѣйшіе города Китая исчезнут даже без участія в этом процессѣ внѣшней враждебной силы».

Но ученый понимает, что возстановленіе крестьянскаго хозяйства нельзя достигь однимъ только передѣломъ земли: нужно улучшить способы веденія сельскаго хозяйства, снабдить крестьянство, в должных количествах, искусственнымъ удобреніем и, прежде всего, наладить пути сообщенія.

Однако вопрос о земельномъ передѣлѣ пріобрѣлъ характеръ актуальной проблемы в отношеніи тѣхъ районов, гдѣ правила коммунисты и которые освобождаются изъ под красной власти путемъ продвиженія правительствен-

ных войск.

Д-р Ху-Ши настаивает, чтобы правительство открыто признало законными, созданными коммунистическим владичеством в деревнѣ, условія. В точности не известно, хотя сообщеній на эту тему много, как именно осуществляют китайскіе коммунисты свою земельную реформу, говорит мыслитель — по совѣтскому образцу или внося в совѣтскій закон о землевладѣніи и землепользованіи свои коррективы.

Во всяком случаѣ, известно, что класс зажиточных крестьян уничтожается силой. Зажиточное крестьянство провинцій Цзянси, Хубея и Аньхуя знает это на собственной шкурѣ. Недаром, как только коммунистическія части подходят к деревнѣ, из нея начинается повальное бѣгство зажиточнаго класса.

Коммунисты, прежде всего, уничтожают всѣ документы, касающіеся землевладѣнія, вырывают из земли межевые столбики и всѣ вообще знаки, указывающіе границы прежняго частнаго землевладѣнія, а, потом, начинают свой земельный передѣл.

Проф. Ху-Ши оговаривается, что он не мог раздобыть точных данных, указывающих, как, в деталях, коммунистическія власти осуществляют на мѣстах свою земельную реформу, отмѣчают ли они знаками границы новаго землевладѣнія, дѣлят-ли они всю землю поровну, или сохраняют часть земли за государственным фондом. Проф. Ху-ши думает, что система краснаго землевладѣнія до сих пор еще не регламентирована коммунистами точно, и, что, в каждой отдѣльной мѣстности, допускается много уклоненій от основнаго закона, созданнаго, конечно, под сильным вліяніем земельнаго законодательства СССР.

Но проф. Ху-Ши настаивает на том, чтобы всѣ признали его положеніе, что часть китайскаго крестьянства выигрывает, а не проигрывает на этой реформѣ.

Таким образом, если правительство прилагает усилія к тому, чтобы возстановливать старый порядок и шлет обратно на мѣста, бѣжавших при приходѣ красных, землевладѣльцев — немедленно должны возникать и возникают, чреватые тяжкими послѣдствіями несогласія между старыми и новыми землевладѣльцами.

Проф. Ху-Ши рекомендует не вмѣшиваться в вопросы землевладѣнія на первых порах послѣ того, как

тот или иной округ освобождается от красного владычества и уж, во всяком случаѣ, не содѣйствовать возвращенію прежних землевладѣльцев, не отстаивать их утерянных, в революціонном процессѣ, прав и интересов:

В захваченных китайским совѣтским правительством районах доказательство частных прав на землю всѣ до крайности спутаны и противорѣчивы. Попытки правящаго Нанкина возстановлять «статускво», сажать бывших землевладѣльцев на их прежнія мѣста, вызывают еще большій хаос в деревнѣ.

На протяженіи послѣдних лѣтъ борьбы правительственных войск с китайской красной арміей, агитотдѣлы этой красной арміи не устают напирать на то, что Нанкин ведет классовую войну против китайскаго крестьянства и рабочих. И тактика центральнаго правительства все время это как-бы подтверждала, давая красным в руки большой козырь: уже самый тот голый факт, что правительственныя войска дѣйствовали за одно с землевладѣльцами, изгнанными из своих мѣст приходом красной арміи, а, потом, возвратившимися вмѣстѣ с правительственными войсками и приступающими к насильственному отобранію земли от тѣх новых ея владѣльцев, которые в данный момент на землѣ находятся, доказывает массам правильность коммунистических агитаціонных листовок, которыя без устали кричат, что правительство отстаивает интересы капиталистов и кулаков против интересов рабочих и бѣднѣйшаго крестьянства. Часто случается так, что личные враги прежняго владѣльца того или иного надѣла земли становятся, в глазах масс, революціонными героями, проповѣдниками и борцами за коммунизм.

Проф. Ху-Ши правильно подмѣчает, что положеніе от всего этого еще болѣе запутывается и осложняется и даже тѣ элементы деревни, которые прежде были откровенно рады возвращенію правительственных войск, быстро мѣняют политическія симпатіи: таким образом толща китайскаго крестьянства признается китайским философом не переболѣвшей до конца лихорадкой коммунизма.

Само собою понятно, что тут так и напрашивается аналогія с тѣм, что было у нас в Россіи в 1919 году, при продвиженіи арміи ген. Деникина к Орлу и с чѣм в свою очередь столкнулось движеніе адмирала Колчака

в Сибири.

Китайскій ученый так и пишет (приведем его слова буквально): «в началѣ русской революціи совѣтскіе агитаторы обѣщали землю крестьянам. Потом они измѣнили на это свою точку зрѣнія, под предлогом, что цѣли революціи еще не достигнуты. Деникин был, одно время, их самым страшным врагом и народ не сразу поддался большевицкой пропагандѣ. Но когда армія Деникина стала быстро продвигаться вперед, к Москвѣ, отбирая от красных огромныя пространства земель, когда компанія достигла кульминаціоннаго пункта, крестьянство стало запрашивать насчет земельной программы и Деникин, послѣ ряда колебаній, объявил, что этот вопрос должен быть разрѣшен законодательным собраніем, послѣ тщательнаго изученія».

Проф Ху-Ши говорит, что эту точку зрѣнія крестьянство Россіи понять не могло, оно опасалось, что законодательное собраніе не пойдет широко на встрѣчу крестьянам и они снова дали себя увлечь большевицкой демагогіи.

Мѣсто не позволяет нам болѣе подробно остановиться на дальнѣйших положеніях этой хорошо продуманной и до конца яркой статьи, интересующихся мы отсылаем к ней непосредственно.

Нам только хочется подчеркнуть, что как и японскій публицист, котораго мы выше цитировали, китайскій философ и общественный дѣятель, один из крупнѣйших культурных представителей современнаго Китая, пользующійся исключительной популярностью как в Англии, так и в Америкѣ, не только сознает опасность коммунистической угрозы Китаю, но и дѣлает тот-же самый вывод — коммунистическое движеніе опирается не столько на люмпен-пролетаріат, сколько на деклассированные элементы крестьянства.

Он говорит как-бы пророчески: «Если земельная проблема не будет удовлетворительно разрѣшена, ни правительство, ни нынѣшняя система народнаго хозяйства не выдержат. Раздѣл собственности рано или поздно все равно случится. Мнѣ-бы хотѣлось, чтобы эта революціонная реформа передѣла частной собственности, пришла и была проведена сверху, а не так, как сейчас хотят ее насадить при помощи потоков, обильно льющейся, крови».

Как-же, все-таки, фактически, осуществляют внутри Китая свою работу китайское совѣтское правительство и китайская красная армія и как с ними, на дѣлѣ, до сих пор, боролось центральное правительство?

7.

Базами организованной коммунистической активности являются центральныя провинціи: Цзянси, Фуцзянь, сѣверные районы Гуандуна, Хунань, Хубэй, Аньхуй, приграничная полоса Аньхуя с Цзянсу, южные районы Хэнани, сѣверо-восточныя границы Сычуани, иными словами — сердце центрального Китая.

Если изъять узкую линію морского побережья от Кантона до Шанхая; охраняемые канонерками иностранных держав рѣчные порты великой Голубой рѣки (Ян Цзе-цзяна) и учесть то обстоятельство, что провинціи к западу от красного владычества: Гуанси, Гуйчжоу, Сычуань, Шэньси, лишь номинально зависят и включаются в орбиту центрального правительства, то можно сдѣлать наглядное сопоставленіе современнаго Китая с челювѣком, кожные покровы котораго одни находятся во власти Нанкина, тогда как мускулы, внутренніе органы и костяк пребывают уже во власти коммунистической стихіи.

Из сказаннаго ясно, что приведенное нами, в предыдущей главѣ, заявленіе ген. Чжан Кай-ши о том, что красная угроза является реальной и наиважнѣйшей опасностью для официальнаго правительства Китая — ни чуть не страдает преувеличеніем.

И, все-таки, несмотря на сказанное, многотысячное населеніе иностранных колоній, в так называемых договорных портах, а равно и великія державы, продолжают пребывать в безпечной увѣренности, что все как нибудь «образуется», что Китай «никогда не станет совѣтским».

Эта своеобразная психологія очень напоминает настроенія иностранцев, а равно и правительств великих держав (за исключеніем Японіи, знающей истинное положеніе вещей), которыя были характерны и которыя доминировали на протяженіи 1924, 1925 и 1926 годов: тоже утѣшали себя тѣм, что «все образуется», власть красного Кантона до сердца Китая не докатится, феодальный строй дудцзюней сохранится.

Как сейчас, коммунистическій центр прилагает уси-

дѣя захватить, рано или поздно, города Трехградья, чтобы, из Ханькоу, организовать дѣйственное наступленіе на китайскій сѣвер и двинуться, через Пекин, к Калгану, на смычку с совѣтизированной Монголіей, так и тогда в ту-же самую сторону были направлены усилія еще д-ра Сун Ят-сена, а, потом, и кантонской арміи, отправившейся, во главѣ с Чжан Кай-ши и окружавшими его тогда совѣтскими инструкторами, в «карательную экспедицію на сѣвер».

«Карательная экспедиція» тогда то брала города, продвигаясь к берегам Ян Цзе-цзяна, то отбрасывалась назад, к исходным базам усиліями военных диктаторов, «дудцзюней», свѣдѣнія об операціях кантонских частей публиковались во всеобщее свѣдѣніе, как сейчас, чуть не ежедневно, публикуются свѣдѣнія об операціях китайской красной арміи, населеніе в отдаленнѣйших провинціях, равно как и в крупнѣйших городах Китая мало по малу свыкалось с мыслью, что власти дудцзюней идет революціонная смѣна, в лицѣ партіи Гоминдан, подобно тому, как сейчас населеніе в отдаленнѣйших провинціях и крупнѣйших городах свыкается, мало по малу, с мыслью, что на смѣну нынѣшней гоминдановской власти идет или может притти власть китайскаго совѣтскаго правительства, а иностранные обозрѣватели и правительства держав, повторяем, были годами увѣрены, что маршалы: Сун Чуан-фан, У Пей-фу, Чжан Цзо-лин сдержат напор гоминдановских сил и «все как-нибудь образуется». Власть Гоминдана с Бородиным казалась химерой.

Нужно было загремѣть выстрѣлам на шанхайской главной улицѣ, Нанкин род, 30 мая 1925 года, выстрѣлам в Шаминѣ, под Кантоном, прокатиться волнѣ неслышанной забастовки, нужно было случиться трагическому захвату британской концессіи в Ханькоу, начаться исходу иностранцев из всѣх портов по Голубой рѣкѣ, нужно было, наконец, разыгратъ кровавой оргіи в Нанкинѣ, чтобы мір проснулся и узнал, что Китай вмѣсто военно-сатрапскаго феодальнаго стал, вдруг, красно-націоналистическим.

Третій Интернаціонал обнаружил в этом отношеніи гораздо большую дальнзоркость и выдержку: еще Юффе учел всѣ выгоды альянса Москвы с Гоминданом, рассматривая этот альянс, как трамплин для дальнѣй-

шей революціонизаці Китая.

Раз начатый процесс революціонизаці не может остановиться. Революція в Китаѣ 1925-27 г. г. таила многія признаки февральскаго переворота в Россіи. Правда, то, что потребовало у нас всего лишь семи с половиной мѣсяцев, здѣсь растянулось на долгіе годы, но темпы Китая вообще гораздо медленнѣе темпов европейских.

И если уж продолжать пользоваться историческими аналогіями, то ситуація, в которой пребывает в данный період центральная власть, которая удерживает за собою лишь коммуникаціонныя базы, подчас до деталей, напоминает положеніе, в каком очутилось омское правительство адмирала Колчака лѣтом 1919 года, когда бѣлая армія сражалась на Уралѣ, в руках омскаго правительства была лишь узкая полоса Великаго Сибирскаго пути, охраняемаго чехами, а вся Сибирь, вглубь и вширь, кипѣла в котлѣ красной партизанщины. Результаты — нам всѣм хорошо извѣстны.

Очень показательным фактором мы склонны считать так-же настроенія китайской учащейся молодежи. Студенчество, послѣ разочарованія, принесеннаго в 1919 г. Версалем, стало охватываться напором патріотических страстей. Но эти страсти, в началѣ, не носили никакого революціоннаго характера и ни в какой степени не были связаны с рабочим движеніем, хотя-бы в формах умѣреннаго трэд-юніонизма.

Пропаганда послѣдователей Сун Ят-сена превращает, мало по малу, студенческое движеніе в идеологическій авангард партіи Гоминдан.

Из патріотическаго это движеніе становится націоналистически-революціонным.

Но, вот, уже три или даже четыре послѣдних года, как лица, стоящія близко к настроеніям китайской студенческой молодежи, не устают повторять, что национализм и идеологія партіи Гоминдан, теряет, мало по малу, упоры в студенческой толщѣ — процесс революціонизаціи продолжается.

Студенчество усваивает все болѣе экстремистскія тенденціи и, теперь, количество обольшевиченной молодежи, даже из рядов зажиточных семей, становится с каждым мѣсяцем все больше.

То тут, то там в высших и даже средних школах раскрываются коммунистическія ячейки, студенчество

участвует в дѣятельности подпольных коммунистических организацій, печатает листовки, расклеивает прокламаціи, организует уличныя выступленія и даже ухитряется выпускать нелегальныя газеты и другія красныя періодическія изданія.

Кто знает, какую большую роль сыграла китайская учащая молодежь в побѣдѣ Гоминдана, тот согласится с нами, что большевизація китайскаго студенчества может стать реальным фактором будущих успѣхов коммунистическаго движенія в Китаѣ.

К октябрю 1932 года положеніе на коммунистическом фронтѣ внутри Китая было нижеслѣдующим.

Послѣ того, как, в 1931 году, правительственныя части нанесли поражение коммунистам в провинціи Цзянси, в рядах красных была проведена большая реорганизаціонная работа. Этот процесс перестройки кристаллизовался еще до начала японо-китайских боев в Шанхаѣ, в февралѣ 1932 г., потребовавших переброски в Шанхай 19-ой арміи, что значительно облегчило коммунистам консолидацію их сил.

Здѣсь, в городѣ Цзюцзяй, который теперь называется «красной столицей», был создан съѣзд представителей китайской коммунистической партіи, который выдѣлил центральный исполнительный комитет с председателем Мао Цзе-тумом во главѣ.

Были сформированы также и комиссаріаты, при чем комиссаріат по иностранным дѣлам возглавил Ван Чи-чан, во главѣ комиссаріата по военным дѣлам стал извѣстный коммунистическій лидер и вождь красной арміи Чу-Тэ, назначенный одновременно главнокомандующим красной арміи.

Китайская красная армія, согласно проведенной реформы, распадается теперь на шесть армейских корпусов, при чем в каждом корпусѣ имѣется три дивизіи, дивизія, в свою очередь, подраздѣляется на три бригады, каждая бригада на три полка, полк обычно четырехротнаго состава и в каждой ротѣ должно быть восемьдесят восемь рядовых.

При чем, при каждой бригадѣ имѣется учебная команда, но, не в примѣр учебным командам в нашем понятіи этого слова, учебная команда китайской красной арміи пополняется новобранцами и слѣдует за регулярными частями, не принимая сама участія в военных

операціях, лишь изучая военное дѣло так сказать «на практикѣ», на примѣрѣ других, активно сражающихся.

При каждом армейском корпусѣ имѣется военное училище, для подготовки офицерскаго кадра, при чем большинство юнкеров это или выдвиженцы из рядов красноармейцев, или студенты, добровольно присоединившіеся к красной арміи и состоящіе в рядах партіи или китайскаго комсомола.

Первый армейскій корпус находится под непосредственным командованіем Чу-Тэ и считается лучшим как по дисциплинѣ, так и по вооруженію. Согласно тѣх данных, которыя можно было получить, он насчитывал к срединѣ лѣта 1932 года: 120.000 солдат, имѣвших 37.000 винтовок, 85 пулеметов и восемь полевых орудій. Другіе корпуса, по численности, не на бумагѣ, а на дѣлѣ, не располагали больше, чѣм двадцатью тысячами рядовых, винтовки у них имѣются в недостаточном количествѣ, пулеметов и орудій нѣтъ.

Первый корпус занимает стратегическіе пункты вдоль границы провинцій Фуцзян-Цзянси, второй корпус находится в Хубеѣ, третій по границам Хунани и Цзянси, четвертый на границах Хубея, Хунани и Аньхуя, пятый и шестой корпуса занимают южные районы Цзянси.

Трудность борьбы с частями красной арміи заключается не только в том, что эта война требует больших денежных затрат, до восемнадцати милліонов долларов ежемѣсячно, каковыми суммами не всегда располагает главный штаб правительственных войск, но также и потому, что красное командованіе прекрасно использовало опыт гражданской войны в Россіи.

Красное командованіе ведет партизанскую войну. В тѣх районах, куда правительство направляет большую ударную силу, красноармейцы, не нося формы, которая выдѣляла-бы их из рядов населенія деревень и городков, быстро мѣшаются с крестьянами и являются, таким образом, для регулярных частей неуловимыми.

Но, как только ударная сила, правительственная части, отходят, у них в тылу тотчас оячь собираются партизанскіе отряды и тотчас снова вступают в управленіе очищенной от постоа правительственных войск, мѣстностью.

Для того, чтобы бороться с этим обстоятельством, на совѣщаніях в Кулинѣ и в Ханькоу, в іюль 1932 г.

по предложенію ген. Чжан Кай-ши, было рѣшено примѣнить метод, впервые использованный нѣсколько десятков лѣтъ тому назад, при подавленіи тайпинскаго возстанія и предложеный тогда трону выдающимся государственным дѣятелем, генералом и ученым, Цзен Куо-фаном.

Тогда имперское правительство Пекина также было поставлено перед диллемой рѣшительнаго подавленія крестьянскаго бандитизма и чтобы с ним бороться, рѣшено было против голытьбы тайпинов объединить зажиточный класс деревни, создать крестьянскую милицію и вооружить ее. Опыт дал благопріятные результаты.

Теперь тоже предположено создать гражданскій волонтерскій корпус в деревнях, при чем каждый «сянь» выдѣляет 500 человек, а пять «сянь»-ей образуют боевую единицу в 2500 человек, которая уже в силах справиться с крупной коммунистической частью. Правительство вооружает волонтеров и дает им из арміи инструкторов. Если-же сил вооруженной зажиточной части ряда объединенных деревень не хватит, то тогда только вызывается близъ стоящая регулярная часть правительственных войск.

Из кого-же состоятъ коммунистическія части, откуда красное командованіе черпает свои пополненія, как создалась основная сила китайской красной арміи?

На эти вопросы отвѣчают слѣдующія данныя:

1. Бандиты, или то, что у нас, у русских принято понимать под словом хунхузы. Эти бандиты ведут свое происхожденіе из провинціи Хунань. Еще в 1927 году число этих бандитов было весьма не велико и с их шайками легко справлялись регулярныя войска, но к концу 1927 года, бандитскія шайки стали получать вооруженіе из коммунистическаго центра в Хубеѣ.

В 1928 г. бандиты начинают объединяться, начинают называть себя уже «красной арміей», исповѣдуют открыто коммунистическое ученіе и выкидывают красныя флаги, при чем нѣкоторые обозрѣватели склонны думать, что именно от них и пошла основная сила китайской красной арміи. Эти кадры, во всяком случаѣ и до сих пор удерживают стратегическіе пункты в Хунанѣ, Хубеѣ и Аньхуѣ.

2. Дезертиры. Зарожденіе дезертирства, в его новѣйшей формациі, относится к временам сѣверной карательной экспедиціи арміи Гоминдана, двинувшейся из

Кантона к городам Трехградья.

Когда гоминдановскія части продвинулись в Хунань, под командой ген. Чжан Фа-гуя, который упрочил за своим корпусом прозвище — «желѣзнобоких», то, встрѣтив сильное сопротивленіе свѣжих мукденских частей, часть націоналистических сил дезертировала. Дезертиры оставались, по началу, в горах, находя себѣ пропитаніе грабежом на больших дорогах и грома деревни, а когда бандитско-коммунистическія силы стали принимать организованную форму, дезертиры, естественно, начали вливаться в их ряды.

3. Сдавшіяся правительственныя войска. В 1930 г. войска, находившіяся под командой ген. Фан Чжен-у, являвшагося предсѣдателем провинціального правительства в Аньхуѣ, взбунтовались в Люани и, отправившись в горы, объявили о своем присоединеніи к коммунистам. В мартѣ 1931 г. войска гарнизона в Иншанѣ тоже взбунтовались и унесли с собою больше двух тысяч винтовок, нѣсколько пулеметов и т. д. В этом-же районѣ, в іюль 1931 года, цѣлый полк из состава правительственной карательной экспедиціи перешел на сторону коммунистов. Таким образом, благодаря этим и ряду других бунтов в правительственных частях, красная армія получила не мало дарового оружія.

4. Всѣм извѣстна роль в исторіи гоминдановскаго движенія военной академіи в Вампоа, созданной Сун Ят-сенем. Эта академія успѣла выпустить не менѣе десяти тысяч юнкеров, прошедших полный курс военных наук. Но не всѣ эти окончившіе были зачислены в правительственную армію и еще меньшее количество из них получило должности, которыя удовлетворяли-бы молодое честолюбіе. Извѣстный и при том, не малый процент, остался за бортом. Эти военные спеціалисты, хотя и не имѣвшіе еще пракческаго стажа, по уговору или добровольно, заняли ряд командных должностей в красной арміи и кое кто там успѣл сдѣлать уже головокружительную карьеру.

5. Как уже указывалось в предшествовавшей главѣ, систематическія голодовки в рядѣ провинцій Китая, а равно и процесс обезземеленія крестьянства играет свою роль в дѣлѣ пополненія рядов красной арміи.

Благодаря безконечным междуособным войнам тысячи и десятки тысяч крестьян стали бездомными, пашни

и огороды их были вытоптаны, потерявшим голову от отчаянія людям ничего не оставалось, как браться за разбой. Этот элемент составляет едва-ли не основной, по численности по крайней мѣрѣ, кадр нынѣшней китайской красной арміи.

В китайской красной арміи имѣется не мало представителей интеллигенціи и на отсутствіе дисциплины она пожаловаться особенно не может. Революціонно-возный совѣт является высшей апелляціонной инстанціей.

На мѣстах он располагает сѣтью областных «революционно-совѣтов», которые, когда армія переходит на мирное положеніе, тотчас принимает на себя функціи областных совѣтских правительств. Флаг, принятый в китайской красной арміи, как и флаг СССР, имѣет на красном полѣ изображеніе серпа и молота.

Каждое областное совѣтское правительство выдѣляет из себя ряд комитетов: комитет по борьбѣ с контр-революціей и саботажем, комитет рабоче-крестьянской юстиціи, «культпросвѣт», комитет народнаго хозяйства, комитет продовольствія, комитет агитаціи и пропаганды и т. д.

Кромѣ регулярных частей красной арміи есть еще отряды «особаго назначенія» или, как их иначе называют, «летучіе отряды» — они находятся под непосредственным контролем областных совѣтских правительств. Вербуются они преимущественно из крестьянской бѣдности и вооружены довольно пестро, от современных винтовок и маузеров до кремневых ружей. Кромѣ крестьянской бѣдности в их рядах можно встрѣтить и студентов-коммунистов и профессиональных бандитов. Их посылают в разныя экспедиціи — то подавить вспышку деревенской контр-революціи, то совершить ту или иную реквизицію, а при общем наступленіи, они часто идут впереди наступающих колонн регулярной красной арміи.

Кромѣ этих «отрядов особаго назначенія» имѣются еще отряды «красной гвардіи» — ими вѣдают в деревнях комитеты бѣдности. Эти отряды вооружены еще хуже, часто только пиками и мечами. В их задачи входит похищать богатых крестьян из деревень и городов, (которые еще не находятся под полным совѣтским контролем) с цѣлью выкупа; иногда они просто грабят деревни, для того, чтобы изыскать средства к существованію.

Пользуются коммунисты и женскими частями. Иног-

да эти отряды юных комсомолок несут развѣдческую службу в тылу у правительственных войск, иногда исполняют, болѣе соответствующія им, обязанности маркитанток и сестер милосердія при арміи — ухаживают за больными и ранеными, стирают бѣлье, чинят одежду, штопают носки и т. д.

Нельзя не упомянуть также об отрядах коммунистическаго молодняка, в которых находится молодежь от 14 до 17 лѣт, а то и младше. Они проникают, не вызывая особенных подозрѣній, в города и деревни, гдѣ надо провести ту или иную агитаціонную работу — расклеивают большевистскіе плакаты, разбрасывают коммунистическую литературу и т. д.

В сѣверной части провинці Хунань имѣется второй руководящій центр красной арміи и совѣтскаго правительства в городкѣ Хунчуан, который теперь носит названіе — «Новая Москва».

Свѣдѣнія о деталях операцій правительственных войск, дящихся вот уже на протяженіи послѣдних трех с половиной лѣт, не могут быть пока что авторитетно подитожены, так как центральныя власти, по понятным соображеніям, держат в секретѣ итоги своих боевых операцій.

Да это и не так важно, важно знать, что борьба продолжается и ей не видно конца.

Важно согласиться, в результатѣ вышеизложеннаго, с положеніем, что борьба несовѣтскаго Китая с совѣтским только что начинается и каков будет ея исход никто не знает.

Может быть все сказанное выше есть лишь краткое предисловіе к той схваткѣ, не на живот, а на смерть, от завершенія которой будут зависѣть судьбы не только Китая, но и всей Азіи.

8.

Вслѣд за тѣм, как члены обслѣдовательской комиссіи Лиги Націй, во главѣ с лордом Литтоном, покинули предѣлы Китая и их обширный доклад, со всѣми возможными предосторожностями, срочно слѣдовал морем, сушей и по воздуху в Женеву, японское министерство иностранных дѣл, в сентябрѣ 1932 года, поспѣшило выпустить и широко распространить два весьма ком-

пактных изданія, своего рода «Бѣлую книгу», первая часть которой, общим количеством около трехсот страниц, называется болѣе чѣм скромно: «Документ А», хотя, в основном заголовкѣ, сверху значится:

— «Современное положеніе Китая, со ссылками на обстоятельства, вліявшія на международныя отношенія и взаимопониманіе между націями, от которых зависит поддержаніе мира».

Нас, в этом обстоятельном и разнообразном по содержанію трудѣ, болѣе всего заинтересовало «Прибавленіе А-3», под отдѣльным заголовком «Коммунизм в Китаѣ», которое насчитывает 47 страниц убористой печати, а также карта, наглядно иллюстрирующая, как Коммунистическій интернаціонал, овладѣвъ Россіей, охватывает теперь Азію.

Едва-ли не впервые за годы послѣ прекращенія интервенціи официальный документ державы, которая, к тому-же, находится в нормальных дипломатических отношеніях с Совѣтским Союзом, освѣщает комунистическую дѣятельность, со ссылками на СССР и его агентов, не говоря уже о том, что, в другом мѣстѣ этого труда, глава IV-ая говорит о:

— «Вліяніи Третьяго Интернаціонала на внѣшнюю политику Національнаго правительства» (стр. 16-18). То, что мы, в цѣлях наиболѣе полного освѣщенія вопроса, изложим ниже, можно было-бы характеризовать, как «Коммунизм в Китаѣ в японской оцѣнкѣ».

Итак, в указанном Прибавленіи мы читаем, что китайская коммунистическая партія была официально учреждена в Шанхаѣ, в сентябрѣ 1920 г., Т. Ч. Ченом, Ф. Х. Чу и другими радикалами, под руководством Войтинскаго, прибывшаго из Россіи, по порученію Коминтерна.

«Китай, — гласит Бѣлая книга, — все еще пребывая в отношеніи социальных и промышленных условий в отсталом состояніи, будучи слабо затронут капитализмом и рабочим движеніем, вряд-ли сам, собственными средствами, мог-бы поддаться вліянію коммунистическаго ученія. Коминтерн был в курсѣ этого положенія вещей, и рѣшил объединить китайскую коммунистическую партію с какой либо другой партіей Китая, оказать этой послѣдней партіи поддержку и постараться черпать из ея рядов своих адептов. Такой партіей оказался

Гоминдан, партія Сун Ят-сена, тогда не располагавшая властью».

В дальнейшем мы будем опускать все факты, которые нам уже известны по предыдущим главам «Коммунизм в Китае», выбирая из указанной книги только те сведения, которые дополняют наше собственное исследование, утя попутно, конечно и то, что все факты даются в японской и при том официальной, оценке.

Объединение китайской коммунистической партии и Гоминдана состоялось в январь 1924 г. С этого периода Гоминдан, поддержанный Коминтерном извне и китайскими коммунистами изнутри, быстро окреп. Вновь организованная революционная армия начала движение на север в июль 1926 г. Продвигаясь победоносно вперед, она захватывает города Ухана в сентябрь 1926 г., занимает Шанхай в мартъ 1927 г. подчиняя, таким образом, партии Гоминдан всю южную часть долины Ян Цзе-цзяна.

В это же самое время китайская коммунистическая партия, под руководством Бородина и других «русских» советников, посланных из Москвы срочно организует рабочих и крестьян, в каковой работе ее поддерживают левые элементы Гоминдана, для того, чтобы, при помощи тайного заговора и поддержки рабоче-крестьянских масс, захватить в коммунистическія руки всю власть в партии Гоминдан.

Это становится известным руководителям Гоминдана и как только Гоминдан почувствовал, что позиции его армии укрепляются в Южном Китае, в мартъ 1927 г., под руководством Чжан Кай-ши, Гоминдан решительно изгоняет коммунистов из Шанхая, Кантона, Сватао и других мест.

Это выступление приводит партию Гоминдан к конфликту с Ханькоуским правительством, все еще находившимся под руководством коммунистов, в результате чего гоминдановское правительство в Нанкинъ объявляет, что центральная государственная власть принадлежит только ему. В июль 1927 года, и ханькоусское правительство, в свою очередь, отдѣляется от опеки «коммунистических коллег».

Послѣ разрыва с Гоминданом, китайская коммунистическая партия, в соответствии с инструкціями Коминтерна, отказывается от тактики компромиссов и оппортунизма, и переходит на путь «революціоннаго коммуни-

зма», устраивая вооруженныя возстанія и примѣняя в отдѣльных случаях террор, что может быть подтверждено возстаніем в Наньчанѣ 1 августа 1927 г., возстаніем в Кантонѣ в декабрѣ того-же года и рядом других террористических выступленій в послѣдующіе годы.

Хотя совѣтское правительство в Наньчанѣ существовало всего шесть дней, три вооруженныя колонны, отступившія под натиском гоминдановских войск из Нанкина, продолжают затѣм свои дѣйствія в провинціях Цзянси, Фуцзянь, Гуандун, Хучань и других, положив начало так называемой красной арміи Китая наших дней.

Послѣ провала наньчанскаго возстанія, коммунисты разсѣялись по разным мѣстам внутренняго Китая, имѣя директивы разлагать земледѣльческій класс и создавать, гдѣ возможно, «совѣтскія правительства».

«Гоминдановское правительство, которое смѣстило и изгнало Бородина, Галина и других русских совѣтников, при помощи возстанія в Кантонѣ получило неопровержимыя доказательства на счет интриг красных русских и, поэтому, прервало дипломатическія отношенія с совѣтским русским правительством и закрыло русскія консульства в Шанхаѣ, Кантонѣ и других мѣстах, выслав их личный состав», — гласит «Бѣлая книга» японскаго министерства иностранных дѣл, все время нарочито подчеркивая «русскій» характер совѣтскаго движенія в Китаѣ.

В июлѣ 1928 года в Москвѣ засѣдал шестой конгресс Коминтерна и под его руководством китайская коммунистическая партія созвала свою шестую пленарную конференцію.

На этой конференціи партія была реорганизована и был выработан новый план дѣйствій, предписывавшій вкоренять радикальныя доктрины в сознаніе крестьян и солдат, а также вести разлагающую работу среди городского рабочаго класса, для того, чтобы, общими соединенными силами городского и сельскаго населенія, достигнуть, в положенный срок, рѣшительной побѣды.

В 1929 году, когда красныя арміи в Китаѣ стали проявлять признаки расширенія границ своего вліянія, китайская коммунистическая партія отправила в их ряды своих представителей, политических руководителей для координированія дѣйствій и консолидаціи отдѣльных разрозненных красных партизанских отрядов.

В началѣ 1930 года, воспользовавшись расколом в рядах правящей партіи Гоминдан, когда Юг повел самостоятельную от Сѣвера политику и военная сопротивляемость гоминдановскаго правительства была замѣтно ослаблена, коммунистическая партія немедленно созывает в Шанхаѣ, 20 мая 1930 года, конференцію, на которую собираются делегаты от всѣх совѣтских районов в Китаѣ и эта конференція вырабатывает общій план расширенія территоріи совѣтскаго правительства внутри Китая.

Вслѣд за этой конференціей, на протяженіи лѣта и осени 1930 года красныя арміи, быстро пополняясь новыми активными элементами, оперируют в провинціях Цзяньси, Хубеѣ и Хунани, гдѣ онѣ часто одерживают верх над правительственными войсками и захватывают все большіе районы, осмѣливаясь занимать теперь даже такіе крупныя центры, как Чанша, главный город провинціи Хунань, и распространяют свое вліяніе до самых берегов великой Голубой рѣки (Ян Цзе-цзяна).

Четвертая пленарная сессія центральнаго комитета Гоминдана, созванная в ноябрѣ 1930 г., принимает резолюцію, гласящую, что правящая партія, армія, и само правительство должны объединить всѣ силы для того, чтобы повести рѣшительную борьбу против красных армій и уничтожить их в теченіе «ближайших трех или шести мѣсяцев».

В связи с этим постановленіем, Чжан Кай-ши, тогда глава правительства и генералиссимус, в декабрѣ 1930 г. переводит свою штаб квартиру из столицы Лушан, в провинціи Цзянси, и созывает там военный совѣт из представителей провинціи Хубея, Хунани и Цзяньси. Три провинціи мобилизуют силы для карательной экспедиціи.

Но красная армія, опять пополнившая к этому времени свои ряды, наносит ряд пораженій правительственным войскам, в особенности на совѣтской территоріи центральной части провинціи Цзянси, гдѣ красные уничтожают 18-ый корпус, находившійся под командой ген. Чжан Хэй-цзяня, который пал в сраженіи вмѣстѣ со всѣми чинами его штаба. В то-же самое время 50-ый корпус, дѣйствовавшій совмѣстно с 18-ым корпусом, и находившійся под командой ген. Дан Дао-юань, был вынужден отступить, терпя большія потери.

Наньчан, столица провинціи Цзянси, оказывается под угрозой повторнаго захвата коммунистами. Таким

образом, первая экспедиція против красных сил внутри Китая должна была быть признана полностью не удавшейся.

В февралѣ 1931 года ген. Чжан Кай-ши отправляет военного министра ген. Хо Ин-чина, во главѣ трех армейских корпусов, руководить новым наступленіем против красной арміи. Сначала правительственныя регулярныя части успѣшно продвигаются вперед, но уже в маѣ 1931 года начинают отступать, под давленіем контр-атак со стороны красных. Таким образом и вторая экспедиція центрального правительства оканчивается неудачей.

Тогда ген. Чжан Кай-ши сам становится во главѣ огромной, специально для этой цѣли собранной к іюлю 1931 года, арміи, насчитывавшей до 300.000 человек, и продвигается широким фронтом к Наньчану, ведя наступленіе на всѣх участках его. Красные отступают, стараясь заманить правительственныя войска вглубь горных ущелій. Но, в августѣ 1931 года, красные снова переходят в наступленіе и тут выясняется, что силы их могут помѣряться с силами правительственных войск. Таким образом и третья экспедиція не достигает результата и огромная территория, покрывающая собою провинціи Хубей, Аньхуй, Фуцзянь, Гуандун, Гуанси, точно также, как территория провинцій Цзянси и Хунань, оказываются в руках красных войск.

Выше упомянутая конференція делегатов от всѣх совѣтских районов, которую коммунистам удалось провести в Шанхаѣ, открыв ее 20 мая 1930 г., приняла, среди других, двѣ весьма важных резолюціи: первая, о созывѣ всекитайскаго съѣзда совѣтских делегатов и вторая об основаніи — «Центрального совѣтскаго правительства Китая».

Различныя обстоятельства, однако, мѣшали реализаціи этого плана пока, в ноябрѣ 1931 г., седьмого числа, «в годовщину русской революціи», в Чжуйчинѣ, в провинціи Цзянси, состоялся національный съѣзд совѣтских делегатов всего Китая и постановил учредить «временное правительство Совѣтской республики Китая», являющееся сколком правительства СССР и, одновременно, опубликовал законы о трудѣ, землѣ и другіе.

В совѣтских центрах Китая издаются: ежедневная газета «Народныя массы» и журналы: «Большевик», «Правда», «Коммунистическій Интернаціонал» и «Цент-

ральный военный вѣстник».

Что собою представляет китайская красная армія в оцѣнкѣ «Бѣлой книги», выпущенной для свѣдѣнія Лиги Націй японским правительством?

Японцы говорят, что взгляды на качество, количество и характер красной арміи в Китаѣ, дробятся. Одни считают, что китайская красная армія ничто иное, как шайка разбойников; другіе полагают, что это не болѣе, как разновидность типичной китайской провинціальной арміи, употребляемой как орудіе гражданской войны, третьи думают, что китайская красная армія это, дѣйствительно, подлинная коммунистическая армія, состоящая из коммунистических элементов, и старающаяся защищать и внѣдрять коммунистическое ученіе в толщу народных масс.

Ни один из указанных взглядов не отражает по мнѣнію японцев истиннаго положенія вещей.

Хотя и существует цѣлый ряд самозванных красных армій, выступающих под красным флагом, которыя можно без ошибки квалифицировать, как бандитскія шайки, нельзя однако отрицать, что, на ряду с этим, имѣются регулярныя красныя арміи, хотя-бы армія Чжуй Мао — отлично обученная, должным образом организованная, которая дѣйствительно насаждает основы совѣтовлестія в зонах своего вліянія. Поведеніе этой арміи при занятіи Чанши, Чинтечена и других городов, характер управления территоріями, которыми эта армія владѣет, не дают основаній причислять ее к шайкам бандитов.

Не подлежит сомнѣнію, что эта армія уничтожала зданія общественнаго пользованія, банки и иностранныя предпріятія, грабила, убивала и изгоняла жителей зажиточных классов, но, в то-же самое время, она оставила нетронутой малоимущую часть населенія.

Она воздвигала гоненіе и преслѣдовала сторонников Гоминдана и милитаристов, искореняла «империализм» и «капитализм» — но эти дѣйствія ея руководителей могут быть если не оправданы, то истолкованы ея коммунистической сущностью, выполненіем программы совѣтизаціи.

Что-же касается того взгляда, что красная армія Китая есть ничто иное, как тѣ-же милитаристическія группировки, которыя были характерны для феодальнаго

періода «дудзюната», то надо напомнимъ, какъ было сказано выше, что созданіе красной арміи в Китаѣ относится точно к моменту разрыва между Гоминданом и китайской коммунистической партіей, когда цѣлый ряд радикально настроенных генералов, вродѣ Хо, Йе и Чу согласились выполнить настоянія коммунистов оккупировать Наньчан 1 августа 1927 г.

Эти то части впоследствии и положили основу красной арміи и путь, который ея вожди избрали в дѣлѣ разрѣшенія соціальныхъ вопросов, не дает основаній считать эту армію разновидностью знакомых Китаю по годам междуособія военныхъ группировок, ведущихъ между собою соревнованіе. Даже в тѣхъ случаях, когда на сторону красной арміи переходитъ та или иная часть, отложившаяся от правительственныхъ войск, ея военачальники, в той или иной формѣ, признают коммунистическую идеологию и вынуждены дѣйствовать по директивамъ це-ка и сообщая с «политрукомъ», который тотчасъ же прикомандировывается к части из партійнаго центра.

Но нельзя признать отвѣчающимъ в точности истинному положенію вещей и тотъ взглядъ, что в Китаѣ существуетъ подлинная красная армія, какъ в СССР.

Хотя и зародилась она в процессѣ борьбы коммунистической партіи за вліяніе на судьбы Китая, хотя особенности коммунистическаго характера в ней очевидны, однако эта вооруженная сила не является арміей; созданной непосредственно коммунистической партіей и она не состоитъ всецѣло из коммунистическихъ элементовъ.

Надо признать, что китайская коммунистическая партія пытается не только использовать эту вооруженную силу в своихъ цѣляхъ, но прилагаетъ всѣ усилія, сдѣлать эту вооруженную силу дѣйствительно коммунистической, что достигается путемъ пропаганды и прикомандированіемъ политическихъ руководителей к командному составу.

Кромѣ того, не мало лицъ на крупныхъ командныхъ постахъ в этихъ арміяхъ или являются коммунистами по убѣжденію, или, по той или иной причинѣ, в той или иной степені, симпатизируютъ коммунистической партіи, являясь ея «попутчиками».

Что-же касается до солдатскаго состава, то, будучи набербованъ из обездоленныхъ существующими условіями крестьян и рабочих, этотъ составъ также ничего не имѣетъ,

органически, против принятія коммунистической программы.

Далѣ «Бѣлая книга» дает характеристику известному китайскому военному коммунистическому лидеру, имя котораго часто мелькает в газетных сообщеніях: Чу-Тэ.

Чу-Тэ родом из провинціи Юньнань. В 1912 году он становится одним из послѣдователей д-ра Сун Ят-сена и попадает в ряды его «провинціальной арміи». Потом он направляется в Германію, гдѣ сближается с радикальными эллементами и быстро лѣвѣет.

Послѣ своего возвращенія в Кантон Чу-Тэ вступает в ряды китайской коммунистической партіи.

Несмотря на это, его назначают помощником командующаго Девятой гоминдановской арміей во время сѣверной карательной экспедиціи ген. Чжан Кай-ши.

Послѣ разрыва Гоминдана с коммунистами он возглавляет красное военное движеніе в Китаѣ.

Что касается численности красной арміи, точных цифр получить не удастся. На 16 съѣздѣ всесоюзной коммунистической партіи в Москвѣ в іюнѣ 1930 г. докладчик Миф (?) указал, что общее число красных армій доходит до 13, с общим количеством бойцов до 75 тысяч человек, из которых 52.000 вооружены («Правда» от 9 іюля 1930.).

Что касается участія русских в этой арміи, то, по данным японской «Бѣлой книги» слѣдующіе факты точно установлены:

1) В іюль 1930 г. у нѣкоторых солдат, входящих в состав частей, овладѣвших Чаншей были «русскія деньги».

2) Нѣсколько человек совѣтских специалистов работают в арсеналѣ красной арміи в Тунку, в провинціи Цзянси.

3) В 1930 году, когда 7-ая красная армія, занимавшая Лончжоу в провинціи Гуанси; на границѣ с Индо-Китаем, потерпѣла поражение от соединенных войск этой провинціи и французских частей, то французское командованіе захватило четырех русских (совѣтских) инструкторов, которые были потом разстрѣляны.

4) Нѣсколько русских (совѣтских) работают, как совѣтники при Хайфенском и Луфенском совѣтском правительствах в провинціи Гуандун. Послѣ стычки между

правительственными войсками и частями красной армии 18 марта 1930 г., когда красные отступили, на полях сражения, среди других павших, были обнаружены трупы русских, каковыя русские, по показаніям очевидцев, руководили во время боя операціями красных частей.

Касаясь будущаго «Бѣлая книга» говорит, что если коммунистическому движенію в Китаѣ удастся наладить «непосредственный географическій контакт» с границами Сибири, Внѣшной монголіи и Туркестана, то ни одно китайское правительство не справится с китайским коммунизмом.

«Совѣтизація всего Китая не так уж невозможна. В этом случаѣ объединеніе 400.000.000 населенія Китая, при учетѣ его неисчерпаемых естественных ресурсов, с Совѣтской Россіей, владѣющей одной шестой земной поверхностью, представит не только для Японіи, но и для всего міра реальную угрозу, возможность реализаціи которой надо постоянно имѣть в виду, при изученіи путей развитія коммунистическаго движенія в Китаѣ».

9.

В «Тихоокеанской Звѣздѣ» от 6-7 ноября 1932 г. № 251-2230, помѣщена любопытная информация из Берлина: «Жизнь и борьба молодежи Совѣтскаго Китая». Нѣмцы вообще лучше других освѣдомлены о положеніи вещей в тѣх районах Китая, которые занимает красная армія. Как берлинскіе источники информации, так и нѣмецкія изданія в самом Китаѣ чаще всего совершенно точно освѣщают то, что происходит на землях, над которыми развивается красный флаг с серпом и молотом. Если прав г. Мацуока, выступавшій, как глава японской делегаціи в Лигѣ Націй при разсмотрѣннн доклада комиссіи по обслѣдованію маньчжурскаго вопроса лорда Литтона, совѣтская территория Китая в настоящее время в два раза превосходит территорию самой Японіи. Как отзовется на судьбах этой территоріи состоявшееся 12 дек. 1932 г. в Женевѣ возстановленіе нормальных дипломатических сношеній между СССР и официальным Китаем, пока говорить преждевременно, но не только для нас, живущих в Китаѣ, но и всему человѣчеству интересно, что происходит за заповѣдной чертой границ красной власти на землях Китая. Так как проникнуть за эти

границы постороннему трудно, то поневоле пока приходится пользоваться советскими источниками информации, как-бы односторонни сами по себе они не были.

«Инпрекор» печатает слѣдующее письмо, полученное от одного рабочаго из советскаго района Китая, на границѣ провинцій Хубэй, Хунань и Цзянси:

«Установленіе советской власти освободило нас, рабочую молодежь, от эксплуатаціи и угнетенія, которые господствовали раньше. Зарплата молодых рабочих была повышена, крестьянская молодежь получила землю. Ранѣе толпы молодых рабочих обоёго пола, одѣтых в лохмотья и голодных, блуждали, прося милостыню, в нашем районѣ. Сейчас они исчезли.

«Наш рабочій день, независимо от того, работаем ли мы плугом или молотом, равен 6-7 часам. В каждой мѣстности мы имѣем клуб молодежи, а в каждом городѣ и селѣ, как-бы они не были малы, мы имѣем по крайней мѣрѣ спортивную площадку, на которой мы можем играть сколько нам угодно.

«Ранѣе, когда мы были еще эксплуатируемы капиталистами и помѣщиками, хотя мы работали с раннего утра и до наступленія темноты, мы не имѣли достаточно пищи, чтобы поѣсть и достаточно одежды, не говоря уже об учебѣ или спортѣ.

«А, теперь, условія совершенно измѣнились. Большое число красных элементарных школ и ленинских средних школ было учреждено, но даже и их не хватает ввиду крупнаго спроса. Наше советское правительство теперь стремится открыть красную элементарную школу в красном селѣ и ленинскую среднюю школу в каждом, хотя-бы маленьком, городѣ, а, кромѣ того, высшюю школу в каждом округѣ. В дополненіе к этому в каждой мѣстности существует вечерняя зимняя школа для молодых и болѣе старых рабочих и крестьян. Молодежь в советском округѣ с воодушевленіем принимает участіе в борьбѣ против неграмотности.

«При советской власти молодежь энергично участвует в политической работѣ. Она принимает участіе не только в политической жизни советскаго района, но и в работѣ советскаго правительства; в работѣ обороны власти от всѣх ея врагов.

«В советском районѣ еще существуют нѣкоторые отсталые феодальные обычаи и суевѣрія, как, напримѣр,

вѣра в Бога и духов, или обычаи с ранняго возраста значать дѣвочек замуж за опредѣленных лиц. Всѣ эти обычаи ничего не имѣют общаго с совѣтами. Мы образуем ударные отряды, задача которых состоит в борьбѣ с идолами, с почитаніем умерших и с знахарством.

«В настоящее время, в період вооруженной интервенціи гоминдановской арміи против совѣтскаго района, главная задача революціонной молодежи состоит в борьбѣ в рядах красной арміи и красных оборонительных войск. Я бы хотѣл упомянуть, что лѣтом 1930 года отряд в 30,000 вооруженной молодежи из двух округов Пиньсян и Люян сражался в передовых рядах в битвѣ красной арміи при захватѣ города Чаньша. В каждом округѣ мы имѣем вооруженный отряд молодежи, именуемый «образцовой бригадой».

«Многіе из нас являются членами красной арміи, с который мы связаны неразрывными узами. Лишь только красная армія является, мы немедленно организуем транспортные и питательные отряды и вдобавок мы помогаем семьям красной арміи обрабатывать переданную им землю. По случаю побѣд или успѣхов красной арміи мы организуем демонстраціи и посылаем им подарки.

«Наши меньшіе братья и сестры горят не меньшим воодушевленіем, чѣм мы. Они также организуют питательные отряды и спеціальные агитаціонныя группы и отряды для охраны границ. Вездѣ в совѣтском районѣ существуют піонерскія организаціи, которыя в ноябрѣ 1931 года провели свой первый делегатскій съѣзд на весь район. Піонерская организація насчитывает массу членов — в Пиньсянѣ свыше 23 тысяч и в Сюйсуй свыше 13 тысяч.

«Наша молодая гвардія» — болѣе чѣм с 108,6 тыс. членов во всем совѣтском районѣ также провела в ноябрѣ 1931 г. свой первый съѣзд. На этом съѣздѣ был образован комитет китайской молодой гвардіи с исполкомом в одиннадцать человек.

«Помѣщики и кулаки все еще мечтают возстановить свое господство в совѣтском районѣ. Мы-же, молодежь, ни на одну минуту не ослабим нашей бдительности — мы примем всѣ мѣры для окончательной побѣды над ними».

Коммунистическій Интернаціонал не прекращает своего руководства работой китайской коммунистической

партіи.

В «Правдѣ» от 20 октября 1932 года мы читаем, что на 12-ом пленумѣ ИККИ было отмѣчено в докладѣ о мировом рабочем движеніи, что в Китаѣ, по далеко неполным данным, число бастовавших в 1931 году составило миллион человек, а за первые три мѣсяца 1932 года бастовало свыше трехсот тысяч рабочих. Далѣе передовая «Правды» говорит: «період, прошедшій со времени одиннадцатаго пленума ИККИ характеризуется рядом блестящих массовых забастовок, прошедших под руководством компартіи, на основѣ стихійнаго движенія против наступленія капитала».

В той-же «Правдѣ» от 21 октября находим резолюцію, принятую 12-ым пленумом Коммунистическаго Интернаціонала по докладу о дальневосточной войнѣ и о задачах коммунистов в борьбѣ против войны и военной интервенціи.

«Важнѣйшей задачей всѣх компартій является организациа и возглавленіе борьбы рабочих и крестьян и всѣх трудящихся для защиты Китая и китайской революціи, для защиты отечества рабочих всѣх стран — СССР — против надвинувшейся военной интервенціи. Коммунистическая партія Китая должна ставить своей задачей дальнѣйшее развертываніе и углубленіе совѣтскаго движенія, укрѣпленіе красной арміи, китайских совѣтов, борьбу за объединеніе и цѣлостность Китая против всѣх империалистов и за сверженіе агентуры империализма — Гоминдана».

А в лозунгах ЦК ВКП (б) к 15-ой годовщинѣ окт., которые красовались 7 ноября 1932 года от края и до края СССР под № 8 значился лозунг в адрес Китая: — «Империалисты Азіи, Европы и Америки проводят политику раздѣла Китая и удушенія китайской революціи. Пролетаріи всего міра, защищайте китайскую революцію! Да здравствуют Совѣты и героическая Красная армія Китая!»!

Послѣ этого не покажется удивительным слѣдующій, весьма знаменательный, документ, связанный с дѣлом Нюлансов или, как их именует совѣтская печать, супругов Руэггов.

В первых числах октября 1932 г. китайское совѣтское правительство из совѣтской столицы Суй-Цзин, центрального совѣтскаго района Цзянси, разослало по

радио слѣдующее заявленіе:

«Временное центральное правительство совѣтской республики Китая сообщает слѣдующее широкой публикѣ и населенію всего міра:

«В теченіе пяти лѣтъ Нанкинское гоминдановское правительство управляет Китаем. Его политика была всегда направлена к подавленію революціоннаго движенія при помощи наиболѣе жестоких орудій бѣлаго террора.

«В судебном процессѣ против Руэггов (Нюланс) нанкинское правительство согласилось с требованіями империалистов. Они работали рука об руку с шанхайской полиціей с цѣлью арестовать лучших друзей китайской революціи.

«Временное центральное правительство китайской совѣтской республики торжественно объявляет, что оно будет всегда защищать этих двух друзей китайской революціи! Совѣтское правительство готово в отвѣтъ на освобожденіе Руэггов предоставить свободу всѣм миссіонерам, арестованным мѣстными совѣтами. Эти арестованные миссіонеры — авангард империалистов в покореніи Китая, успѣшно эксплуатировали китайское населеніе путем обмана и мошенничества. Они играли роль военных шпионов империалистов, они оказывали им активную помощь в борьбѣ с китайской красной арміей. Совѣтское правительство имѣет достаточно основаній для ареста и наказанія этих реакціонных элементов.

«Совѣтское правительство призывает рабочія массы всего міра противодѣйствовать бѣлому террору и требовать освобожденія Павла и Гертруды Руэггов.

«Чтобы придать дѣйственное значеніе этим требованіям рабочих масс всего міра, совѣтское правительство просит международный комитет защиты Руэггов войти в переговоры с нанкинским правительством и поставить в качествѣ условія для освобожденія арестованных совѣтским правительством миссіонеров — освобожденіе Павла и Гертруды Руэггов». («Тих. Зв.» от 28 октября 1932 г. № 245. Хабаровск).

Мѣсто не позволяет нам остановиться подробнѣе на забастовочном движеніи в Китаѣ, которое в значительной степени дѣйствительно, если не руководится, то подстрекается из коммунистических центров.

Отмѣтим лишь только одно, что коммунистическій центр в международном Шанхаѣ переходит от работы

среди китайцев и к работѣ, направленной против русской эмиграціи, (не только развѣдывательнаго характера).

6 августа 1932 г., около 8 час. веч., в разгар вечерняго движенія по главной улицѣ французской концессіи авеню Жоффр быстро прослѣдовал автомобиль, из котораго были разбросаны китайскія летучки, на красной и желтой бумагѣ.

Текст их слѣдующій: «Товарищи, бейте бѣлых русских! Громите редакцію бѣлой газеты! Братья рабочіе, учащіеся и трудящіеся всѣх классов! Вы помните сколько раз рабочіе «Международной автобусной компаниі» устраивали забастовки, но всякій раз эти забастовки проваливались благодаря вмѣшательству бѣлых русских.

«В прошлом мѣсяцѣ рабочіе Телефонной компаниі на Международном сеттльментѣ устроили забастовку, но она опять была не доведена до конца. Ее сорвали... И опять бѣлые русскіе.

Сравнительно совсѣм недавно бѣлые русскіе снова подорвали забастовку рабочих трамвайной компаниі на французской концессіи. Нѣсколько начинавшихся забастовок в теченіе послѣдняго времени были сорваны в самой срединѣ их развитія и, как всегда, бѣлыми русскими.

Бѣлые русскіе это воры рабочаго класса!

Японія силой захватила нашу территорію Трех Восточных Провинцій, а бѣлые русскіе в этом начинаніи помогали японским войскам.

Японія уничтожает Сѣверо-Восточную армію китайских волонтеров, а бѣлые русскіе помогают в этом истребленіи японским войскам.

Сравнительно недавно Японія сдѣлала насильственное вторженіе в Жэ-Хэ и тут опять бѣлые русскіе оказали ей помощь

Масса бѣлых русских или пополяет отряды японской арміи, или в пользу японцев занимаются шпіонажем.

Бѣлые русскіе всѣми силами стараются зажать в тиски народныя массы Трех Восточных Провинцій.

Русскіе — это когти имперіалистов, разставленные для того, чтобы схватить китайскаго орла.

Имперіалисты стараются уничтожить всю рабоче-крестьянскую массу совѣтскаго населенія.

Русскіе бѣлые это люди, которые организуют свои войска, с тѣм, чтобы произвести переворот в Сибири, с цѣлью ея захвата.

Бѣлые русскіе стараются вовлечь в войну имперіалистов, с цѣлью вернуться в Россію и возстановить там капиталистическое государство.

Бѣлые русскіе рассчитывают, путем вовлеченія имперіалистов в войну, вернуться обратно в Россію и звѣрски расправиться с свободными и довольными рабоче-крестьянскими массами.

Бѣлые русскіе это и есть авангард имперіалистов в их борьбѣ с совѣтской Россіей.

Товарищи рабочіе! Товарищи учащіеся! Товарищи всѣх классов! Редакція русской бѣлой газеты ежедневно на своих страницах ведет открытую атаку против совѣтской Россіи.

Ежедневно на страницах своей газеты бѣлые русскіе, на подобіе шумящаго барабана, кричат о необходимом угнетеніи китайских народных масс, чѣм нагоняют на них панической страх.

Бѣлая русская газета всячески старается поссорить Китай с совѣтской Россіей и довести эту ссору до крайняго обостренія.

Бѣлые русскіе в дѣйствительности — это подрыватели всемірной рабочей и крестьянской массы. Бѣлые русскіе злѣйшіе враги китайскаго пролетаріата.

Мы должны объединиться и встать на борьбу с бѣлыми...

Бей, убивай бѣлых русских!

Громи редакцію бѣлой газеты!

Всячески поддерживай и защищай совѣтскую Россію!

Поддерживай интересы красной китайской арміи! Свергни имперіалистическую партію и их политику! Уничтожай раздуваемый бѣлыми иностранцами панической страх и не бойся его!»!

Подписаны были летучки так:

«Китайскій революціонный комитет взаимопомощи.

Главное отдѣленіе. «1932 года, VIII мѣсяца, 5 числа».

Минут через десять нѣсколько китайцев, в рабочих костюмах, разбили булыжниками витрины в конторѣ газеты «Шанхайская Заря», которую редактирует автор настоящих строк. Трое из нападавших, будучи арестованы прохожими и переданы в руки муниципальной полиціи, предстали затѣм перед китайским судом на концессіи.

Дѣло слушалось при закрытых дверях, в засѣданіи судебной палаты, подробно разбиравшейся в обстоятельствах налета. Но, в концѣ концов, трое подсудимых, просидѣвши под арестом около полуторах мѣсяцев, были оправданы за недостаточностью улик.

В субботу 10 декабря 1932 г. на «Шанхайскую Зарю» готовился новый налет коммунистов. Полиція имѣла об этом свѣдѣнія заранѣе, и приняла соответствующія мѣры. Около 7 час. вечера, когда в районѣ «Шанхайской Зари» начала скопляться китайская молодежь, китайскіе детективы в штатском приступили к арестам. На протяженіи четверти часа было задержано 14 китайцев, в большинствѣ молодежь, студенческаго типа, одѣтая по европейски.

У всѣх арестованных были найдены в карманах камни, бутылки, песок и перец. Один-же из арестованных, по внѣшности чернорабочій, «кули», оказался буквально начиненным песком. Песок, очевидно, предназначался для порчи линотипов и типографских печатных машин, а перцем собирались запорошить глаза служащих конторы и типографіи.

10.

Вряд-ли мы совершим большую натяжку или сильно погрѣшим против истины, если, в связи с только что состоявшимся возобновленіем дипломатических отношеній между Китаем и Союзом Совѣтских Соціалистических Республик, желая нѣсколько освѣжить в памяти читателей краткую исторію совѣтско-китайских дипломатических отношеній, мы помѣстим настоящій отрывок в главу «Коммунизм в Китаѣ». Послѣ цитированной нами выше книги Митаревскаго, разоблаченій Бесѣдовскаго и объективных воспоминаній бывшаго совѣтскаго дипломата С. Дмитріевскаго о непосредственной связи Наркоминдѣла, через ГПУ, с Коминтерном, является секретом полишинеля идентичность конечных устремленій совѣтской дипломатіи и мірового коммунистическаго центра, как-бы, подчас, національно государственны не были, сами по себѣ, выступленія чинов совѣтскаго вѣдомства внѣшних сношеній.

Прежде всего укажем на каком фундаментѣ комисаріат иностранных дѣл стал строить зданіе своих отно-

шеній с Китаем. Положенія практическаго сговора между Китаем и тогда еще Р.С.Ф.С.Р. были нижеслѣдующими:

§ 1. — Правительство Р.С.Ф.С.Р. объявляет аннулированными всѣ договора, заключенные с Китаем бывшими правительствами Россіи, отказывается от всякаго захвата китайской территоріи и от всѣх русских концессій в Китаѣ, и возвращает Китаю, без какой-бы то ни было компенсаціи и навсегда все, что было предательски захвачено у Китая царским правительством и русской буржуазіей.

§ 2. — Правительства обѣих республик примут надлежащіе шаги для немедленнаго возстановленія регулярных торговых и экономических сношеній. Для этой цѣли будет заключен особый договор.

§ 3. — Китайское правительство обязуется: 1. — Не оказывать никакой поддержки русским контр-революціонным группам и организаціям, а также отдѣльным контр-революціонерам и не допускать их дѣятельности на китайской территоріи. 2. — Разоружить, интернировать и передать правительству Русских Соціалистических Федеративных Совѣтских Республик всѣ отряды и организаціи, которые будут находиться на китайской территоріи, в момент заключенія договора и которые ведут вооруженную борьбу с Р.С.Ф.С.Р. или государствами, являющимися союзниками Р.С.Ф.С.Р., а также передать послѣднему все вооруженіе, снаряженіе и имущество таковых.

§ 4. — Всѣ русскіе граждане, проживающіе в Китаѣ, должны подчиняться законам и правилам, дѣйствующим на территоріи китайской республики не имѣя прав экстерриторіальности. Всѣ китайскіе граждане, проживающіе в Россіи, должны подчиняться законам и правилам, дѣйствующим на территоріи Р.С.Ф.С.Р.

§ 5. — Правительство Китайской Республики обязуется: 1. — Немедленно по подписаніи этого договора прервать сношенія с лицами, выдающими себя за дипломатических и консульских представителей Россіи и депортировать таковых из Китая. 2. — Передать Россійскому государству, в лицѣ Р.С.Ф.С.Р., всѣ зданія посольства и консульств, имущество и архивы принадлежавшіе Россіи.

§ 6. — Правительство Р.С.Ф.С.Р. отказывается от компенсаціи, выплачивавшейся Китаем Россіи за бок-

серское возстаніе при условіи, что эти деньги ни в коем случаѣ не будут выплачиваться правительством Китайской Республики бывшим русским консулам или каким-либо другим лицам и организаціям, которые предъявят на эти суммы незаконныя требованія.

§ 7. — Немедленно послѣ подписанія этого договора должны быть учреждены дипломатическіе и консульскіе представительства Китайской Республики и Р.С.Ф.С.Р.

Китайское правительство в момент разработки приведенных выше условій находилось в трудном положеніи, т. к., с одной стороны, оно имѣло дѣло с представителем царскаго правительства, который пользовался поддержкой своих коллег по дипломатическому корпусу в Пекинѣ и требовал дальнѣйшаго признанія его «де юре». С другой стороны имѣлся представитель новаго строя настаивавшій на признаніи его «де факто» и сдѣлавшій Китаю цѣнный подарок котораго послѣдній не ожидал, — пишет, по этому поводу, извѣстный китайскій публицист д-р Кен Шен-вей. И в том и в другом случаѣ риск был велик. Разрыв договоров с представителем стараго правительства мог вызвать недовольство других держав ввиду того, что новое правительство было «неизвѣстнаго качества». За слишком поспѣшное признаніе новаго правительства Китай мог дорого заплатить. Китай рѣшил поэтому занять сначала умѣренную линію. По мѣрѣ того, как крѣпло в Россіи новое правительство, позиція Китая в отношеніи его становилась все болѣе благопріятной.

Первым представителем совѣтскаго правительства в Китаѣ был Юрин, (Дзевалтовскій), который был отправлен в Китай с торговой миссіей, от Дальневосточной Республики. Французскій и японскій посланники предупредили китайское правительство о нежелательности дружественных отношеній с ДВР, являвшейся вассалом Москвы.

В результатѣ китайское правительство не разрѣшило Юрину вѣзд в Пекин, но через нѣкоторое время обстоятельства повернулись для большевиков благопріятно. Французскій и японскій посланники взяли свои представленія обратно и Юрин прибыл в Пекин, в августѣ 1920 года.

Прежде чѣм приступить к торговым переговорам

с РСФСР Китайское правительство представило Юрину ноту, согласно которой совѣтская миссія обязывалась не вести пропаганды: кромѣ того Дальневосточная Республика должна была обѣщать выплатить компенсацію китайским купцам, пострадавшим в Сибири во время революціи и принять мѣры к огражденію интересов китайских граждан в Сибири в будущем. Юрин согласился с этой нотой, но в подтвержденіе своих слов не мог представить гарантій своего правительства, которых требовала китайская сторона. Ввиду этого дѣло сговора затянулось на долгіе мѣсяцы и не дало никаких конкретных результатов.

Тѣм временем совѣтскія власти договорились с властями китайскаго Туркестана относительно возобновленія мѣстных торговых отношеній. Это ободрило совѣтское правительство и оно замѣнило миссію Д. В. Р. своей собственной, во главѣ которой был поставлен А. А. Юффе.

В своем меморандумѣ китайскому министерству иностранных дѣл от 2 сентября 1922 г. Юффе предложил начать переговоры на принципѣ деклараций Карахана 1919 и 1920 г. г.

Китайская сторона тотчас подняла вопрос о присутствіи совѣтских войск в Монголіи, и потребовала их эвакуаціи. На это Юффе отвѣтил весьма корректным письмом, в котором указал, что эвакуація этих войск «в данный момент невозможна», так как это затрагивает интересы не только РСФСР, Китая, но и самой Монголіи и может служить на пользу их общих врагов. Дальше между сторонами встал вопрос о Кит. Вост. жел. дорогѣ.

Несмотря на то, что предсѣдатель Междусоюзнаго Техническаго Комитета инж. Стивенс, сдѣлавшій негласно обзор общаго положенія дороги, указал, что она работает нормально, Юффе, в нотѣ китайскому правительству, обвинил управляющаго дорогой инж. Б. В. Остроумова в злоупотребленіях и заявил, что если инж. Остроумов останется у власти, это приведет финансы дороги к катастрофѣ. Юффе настаивал на смѣнѣ администраціи дороги, на немедленном арестѣ и преданіи суду инж. Остроумова и на отправленіи в Харбин особой комиссіи для разслѣдованія положенія дѣл на Кит. Вост. ж. д. и учрежденіи временной новой администраціи желѣзной дороги.

В заключеніе ноты Юффе указывал, что совѣтское правительство готово возратить дорогу Китаю без де-

нежной компенсации, на принципах деклараций 1919 и 1920 г. г.

Это было последнее обещание возвратить Китаю дорогу даром. Следующий меморандум от 1 ноября 1922 г., отправленный Юффе китайскому правительству, звучал несколько иначе:

— Россия отказалась от предательской и насильственной политики Царского правительства, и обещала отказаться от прав, которые были приобретены последним.

Но прежде чем все спорные вопросы, между Китаем и РСФСР, не будут разрешены путем соглашения, права России в Китае не теряют своей силы. Кроме того, все декларации РСФСР не аннулируют легальных и справедливых претензий России в Китае.

В частности, если Сов. Россия передаст китайскому народу официальный контроль над Кит. Вост. ж. д., это не уничтожит ее заинтересованности в дороге, которая является звеном Великого Сибирского пути и соединяет одну часть ее территории с другой.

Заключительная часть этого меморандума звучит даже угрозой:

— «В случае, если Китай не прекратит игнорировать интересы Сов. России, последняя будет возможно принуждена считать себя свободной от данных ею добровольно обязательств».

Китайское правительство в ответ указало на § 1-ый второй декларации об аннулировании всех договоров, между Россией царского периода и Китаем и об отказе Сов. России от прав на Кит. Вост. ж. д. Юффе на это возразил, что Китай не выполнил параграфа 3-го декларации о выдаче бывших русских антисоветских организаций.

После того, как переговоры в Пекине оказались неудачными, Юффе 16 января 1923 г. выехал через Шанхай в Японию, якобы для поправления здоровья, на самом деле для того, чтобы договориться с японским правительством относительно признания Сов. Республики.

Находясь в Шанхае, Юффе имел несколько свиданий с д-ром Сун Ят-сенем и достиг с ним соглашения: в результате последовала следующая декларация, опубликованная 26 января того же года:

«Во время своего пребывания в Шанхае г. Юффе имел несколько свиданий с д-ром Сун Ят-сенем, с которым достиг единства взглядов по поводу советско-ки-

тайских отношений в слѣдующих пунктах.

1. — Д-р Сун Ят-сен считает, что коммунистическій режим или даже просто совѣтская система не могут быть введены в Китаѣ ввиду отсутствія необходимых к тому условій.

Этот взгляд был всецѣло раздѣлен г. Юффе, который считает, что главной проблеммой Китая является объединеніе всей страны и достиженіе полной національной независимости. Юффе завѣрил д-ра Сун Ят-сена, что эта великая задача Китая вызывает самыя теплыя симпатіи совѣтского народа, и что китайскій народ может рассчитывать на поддержку Сов. Россіи в этом направленіи.

2. — Для того, что-бы выяснить положеніе, д-р Сун Ят-сен просил г. Юффе подтвердить декларацію Сов. правительства 1920 года. Г. Юффе подтвердил такую и категорически заявил д-ру Сун Ят-сену, что Сов. правительство готово войти в переговоры с Китаем на основах отказа Россіи от неравных договоров.

3. — Д-р Сун Ят-сен согласен с г. Юффе, что существующая администрація Кит. Вост. жел. дор. должна быть реорганизована, путем соглашенія между совѣтским правительством и Китаем с сохраненіем интересов обѣих сторон. Д-р Сун-Ят-сен считает, что мнѣніе генерала Чжан Цзо-лина должно быть также принято во вниманіе.

4. — Г. Юффе категорически заявил д-ру Сун-Ят-сену, что совѣтское правительство никогда не намѣревалось преслѣдовать имперіалистическую политику во Внѣшней Монголіи для того, что-бы отторгнуть ее от Китая.

Д-р Сун Ят-сен поэтому не считает немедленную эвакуацію совѣтских войск из Монголіи необходимой в интересах Китая, принимая во вниманіе кромѣ того, что нынѣшнее китайское правительство в Пекинѣ не будет в состояніи пресѣчь дѣйствія «бѣлых русских», направленные против Совѣтской Россіи в случаѣ эвакуаціи сов. войск и не допустить созданія еще болѣе серьезнаго положенія, чѣм теперь.

Г. Юффе разстался с д-ром Сун Ят-сеном самым дружественным образом.

Выѣзжая в Японію он намѣрен еще раз посѣтить Южный Китай прежде, чѣм возвратится в Пекин».

С отъездом Юффе в Японію прошли слухи о том,

что совѣтскій сановник намѣрен вести там переговоры относительно уступки Японіи Чаньчуньской южной магистрали Кит. Вост. жел. дор. Ввиду этого китайское правительство послало Юффе предупрежденіе, что, если он заключит подобнаго рода соглашеніе с Японіей, то такое не будет Китаем признано. В отвѣтъ Юффе сообщил, что его пребываніе в Японіи вызвано только «необходимостью. поправить здоровье».

Прибытіе Юффе в Японію не вызвало помнится среди японскаго населенія особеннаго энтузіазма. Патриотическія организаціи выпустили плакаты и летучки с надписью: «Совѣтскій чорт прибыл в Японію, что-бы организовать коммунистическое движеніе».

Дом виконта Гото, неофициальнаго представителя Японіи, с которым начал переговоры Юффе, подвергся нападенію толпы и разгрому.

Юффе ничего не оставалось дѣлать, как притвориться серьезно больным. Тѣм временем Совѣтское правительство, недовольное путаницей, которую Юффе внес в совѣтско-китайскія отношенія, предложило китайскому правительству открыть переговоры в Москвѣ. Это предложеніе было отвергнуто Китаем и в результатѣ в Пекин был послан Карахан.

В Пекин Л. М. Карахан прибыл 2 сентября 1923 г. с большой свитой. По пути он останавливался в Мукденѣ и бесѣдовал с маршалом Чжан Цзо-лином. Предполагалось, что он должен был нащупать там почву для сепаратных переговоров, но найдя атмосферу Мукдена неблагоприятной, он прослѣдовал в Пекин.

Первый официальный визит Карахана в министерство иностранных дѣл в Пекинѣ имѣл мѣсто 7 сентября 1923 г. Прежде чѣм приступить к переговорам Карахан потребовал формальнаго признанія совѣтскаго правительства.

Это взволновало китайцев, которые были готовы только к переговорам относительно возобновленія торговли.

Политика китайской дипломатіи была направлена к тому, что-бы связать сначала совѣтское правительство официальными контрактами дѣловаго порядка и тогда уже переходить к вопросу о признаніи.

Во время переговоров совѣтская миссія опубликовала тексты декларацій 1919 и 1920 г. г., но в измѣнен-

ном видѣ. Из первой деклараціи был выпущен параграф о возвращеніи Кит. Вост. жел. дор. без компенсаціи. Из второй деклараціи также были выпущены нѣкоторые пункты. Это вызвало новые разногласія и переговоры затянулись.

Послѣ ряда взаимных обвиненій в неискренности и затягиваніи переговоров Карахан 30 ноября 1923 г. отправил д-ру С. Т. Вану, представителю китайской стороны, пространнѣйшій меморандум, в котором заявлял:

«Никогда и нигдѣ не могу я сказать, что всѣ права на Кит. Вост. жел. дор. принадлежат Китаю. Не могли этого сказать и Вы, а также вообще кто нибудь в Китаѣ. Ваше стремленіе заключается в том, что-бы права на К. В. ж. д. перешли цѣликом к Китаю. Ввиду этого я, рассматривая К. В. ж. д., как коммерческое предпріятіе Совѣтского Союза, предлагаю разрѣшить вопрос о совмѣстных правах на эту дорогу на конференціи. Но и теперь я подтверждаю то, что я говорил четыре года тому назад, а именно, что суверенитет Китая на территоріи К. В. ж. д. нами признается и что мы не будем настаивать для себя на привилегіях, которыми пользовалось царское правительство».

На этот меморандум д-р С. Т. Ван отвѣтил коротким письмом, содержаніе котораго было благопріятно для совѣтской стороны:

«Когда двѣ націи желают поддерживать дружественныя отношенія, вполне естественно, что-бы прежде всего, между ними было подписано формальное соглашеніе. Что касается конференціи, то, на мой взгляд, она должна быть созвана в наиболѣе короткій срок».

Дальнѣйшіе неофициальные переговоры между Караханом и д-ром С. Т. Ваном пошли болѣе гладко и в результатѣ ряда совѣщаній 16 марта 1924 г. было подписано предварительное соглашеніе. Текст этого договора таков:

Правительства обѣих договаривающихся сторон обязуются разрѣшить на предстоящей конференціи вопрос о К. В. ж. д. в согласіи со слѣдующими принципами.

1. — Правительства договаривающихся сторон объявляют КВЖД предпріятіем исключительно коммерческим.

Всѣ юридическіе вопросы, вопросы гражданскаго и военнаго управленія, полиціи, муниципальнаго управленія, взиманія налогов и земельнаго владѣнія, за исклю-

ченіем зони рельсового пути К. В. ж. д., будут находиться в вѣденіи китайскихъ властей.

Правительство Союза Совѣтскихъ Соціалистическихъ Республик соглашается на выкупъ правительствомъ республики Китая на китайскій капиталъ К. В. ж. д., а также принадлежащаго ей имущества и должно передать Китаю всѣ акціи этой желѣзной дороги.

Правительства обѣихъ сторонъ уговариваются, что, в будущемъ, судьба К. В. ж. д. будетъ опредѣлена только ими, безъ участія какой либо третьей стороны или сторонъ.

Пока всѣ вопросы о К. В. ж. д. не будутъ разрѣшены на конференціи, права обоихъ правительствъ, обозначенные в соглашеніи отъ 27 авг. 1896 г., будутъ сохранены.

Прежде чѣмъ подписать это соглашеніе д-р С. Т. Ванъ представилъ его черновой текстъ китайскому правительству. Кабинетъ задержалъ разсмотрѣніе этого договора, что вызвало возмущеніе Карахана. Послѣдній тогда предъявилъ д-ру С. Т. Вану, в самой рѣзкой формѣ, трехдневный ультиматумъ для подписанія договора. В этомъ ультиматумѣ Караханъ указывалъ, что по прошествіи трех дней, совѣтское правительство будетъ считать себя совершенно свободнымъ отъ всѣхъ, данныхъ имъ ранѣе, обѣщаній и будетъ по своему желанію выбирать условія будущихъ договоровъ.

Д-р С. Т. Ванъ взялъ тогда на себя отвѣтственность поставить свою подпись подъ соглашеніемъ, а, затѣмъ, немедленно подалъ в отставку.

Дальнѣйшіе переговоры Карахану пришлось вести уже с д-ромъ Веллингтономъ Ку, министромъ иностранныхъ дѣлъ.

Эти дальнѣйшіе переговоры велись в строжайшей конспираціи. Соглашеніе между Китаемъ и Сов. Россіей было подписано 31-го мая 1924 г. Текстъ соглашенія былъ почти тотъ-же, что и в предварительномъ соглашеніи д-ра С. Т. Вана с Караханомъ.

Насколько большой моральной побѣдой считали для себя большевики пекинское соглашеніе Карахана видно изъ заявленія Чичерина при ратификаціи договора:

— «Переговоры между товарищемъ Караханомъ и китайскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ д-ромъ Веллингтономъ Ку, должны были вестись в строгой конспираціи ввиду того, что дипломатія великихъ державъ направила всѣ свои силы к недопущенію нашего соглашенія с Китаемъ.»

Исторія повторяется.

Когда, 31 мая 1924 года, в Пекинѣ министр иностранных дѣл тогдашняго правительства д-р Веллингтон Ку, и совѣтскій посол Л. М. Карахан подписывали первый совѣтско-китайскій договор, это было обставлено той-же тайной, как и нынѣшнее недавнее соглашеніе, скрѣпленное подписями д-ра В. В. Ена и М. М. Литвинова 12 декабря 1932 года в Женевѣ.

Так как «соглашеніе вчернѣ», предшествовавшее первому договору, текст котораго разработал трудолюбивый д-р С. Т. Ван, было сорвано, не желавшим его ратифицировать столь поспѣшно, пекинским правительством, то, при возобновившихся переговорах, Карахан потребовал, что-бы обсужденіе деталей окончательнаго сговора проходило в обстановкѣ полной тайны.

Хотя, послѣ подписанія договора, в Вай Цзяо-бу было выпито шампанское и участники делегацій явились на торжество в визитках, самой церемоніи был придан помнится исключительно будничнй характер.

Из боязни срыва переговоров, Веллингтон Ку посвятил в тайну своих встрѣч с Караханом только трех наиболѣе ему лично близких чинов министерства.

Всѣ препятствія срочнаго сговора были втапору пресдолѣны в кратчайшій срок, в обстановкѣ необычайной, даже для дипломатов, конспираціи: все было закончено в четыре дня.

Пресса тѣх дней сообщала: «трудно описать безграничное удивленіе японскихъ посольскихъ чинов и журналистов, обезкураженныхъ неожиданностью случившагося. Пораженъ былъ в самое сердце даже посланникъ г. Юшизава; представитель официальнаго японскаго телеграфнаго агенства «Тохо», узнавъ по телефону о сенсаци, опрокинувъ впопыхахъ чернильницу, бросился къ выходу, с восклицаніемъ: «О, это сдѣлаетъ эпоху!»

Та-же самая неожиданность отмѣчаетъ и подписаніе втораго совѣтско-китайскаго договора 12 декабря 1932 г. в Женевѣ о возстановленіи дипломатическихъ отношеній.

Какъ тогда, такъ и теперь, вокругъ вопроса о соглашеніи Китая с Совѣтскою Россіей, велась двойная игра: какъ тогда, такъ и теперь, по началу, японскіе дипломаты энергично приступили къ переговорамъ с представителями наркоминдѣла, из опасенія, что китайскіе дипломаты опередятъ ихъ.

Но, какъ в 1924 году, такъ-же буквально и в 1931-

1932 г. г., по мѣрѣ того, как совѣтско-китайскіе переговоры затягивались, японскіе дипломаты «остывали», рѣшали не спѣшить, занимать выжидательную позицію.

Китайская дипломатія, в свою очередь, была встревожена, тогда и теперь, первыми энергичными шагами японцев, рѣшившись срочно и тайно добиться приоритета в окончательном сговорѣ с Совѣтской Россіей.

Всего лишь в октябрѣ 1932 года бывшій японскій посол в Москвѣ г. Хирота, в бесѣдѣ с представителями газет отмѣтил, что благопріятное разрѣшеніе вопроса о рыболовных концессіях и о нефти лишній раз подчеркивает налаженность обоюдной работы совѣтской и японской дипломатіи.

На засѣданіях в ноябрѣ 1932 г. Лиги Націй в Женевѣ, г. Мацуока отмѣтил, что дружескія отношенія Японіи и СССР не оставляют желать ничего лучшаго, что явствует хотя-бы из того факта, что СССР не вмѣшивалась в дѣятельность Японіи по упорядоченію Маньчжуріи.

И, вдруг, как гром среди яснаго неба, сначала безуспѣшные переговоры японскаго повѣреннаго в дѣлах в Москвѣ г. Амо с Караханом о выдачѣ, перешедшаго на совѣтскую территорію, китайскаго генерала Су Пинвэня, когда Карахан не только отказал в выдачѣ командира маньчжурских добровольческих, партизанских отрядов, но даже удивился, что Японія дѣлает СССР подобное предложеніе, а, потом и самое соглашеніе от 12 декабря, о возобновленіи дипломатических отношеній между Китаем и СССР.

Официальной японской дипломатіи ничего не оставалось, как — в Женевѣ, устами г. Мацуока, принести Литвинову поздравленія, а в Токио, устами представителя министерства иностранных дѣл, заявить с рѣзкостью, не свойственной дипломатам, что хотя соглашеніе от 12 декабря имѣет самое ничтожное значеніе для судеб Маньчжуріи, в Китаѣ оно вызовет объединеніе между собой всѣх сил бунта и развала.

Японская пресса, в нѣкоторой части своей, от похвал в адрес г. Мацуока, за его стойкую позицію в Лигѣ Націй при обсужденіи дѣла лорда Литтона, перешла к горьким сѣтованіям на официальную японскую дипломатію, которая сдѣлала, как писали критики, роковую ошибку, затянув вопрос о подписаніи с СССР договора о ненападеніи, на чем Литвинов и Карахан настаивали в

самом началѣ 1932 года, когда, еще Йошизава, назначенный министром иностранных дѣлъ в кабинетѣ Инука, слѣдовал из Парижа в Москву. Потом «наркоминдѣл» снова поднял вопрос о пактѣ на счет ненападенія между СССР и Японіей, когда г. Мацуока на нѣсколько дней остановился в Москвѣ и 7 ноября 1932 года присутствовал на торжествах по случаю 15-ой годовщины октября.

Впрочем в дипломатіи, как нигдѣ, примѣнима поговорка «цыплят по осени считают».

Сговор совѣтской дипломатіи с Пекином в мартѣ-маѣ 1924 года и в сентябрѣ того-же года с Мукденом стоил головы ген Гоу Сун-лину, котораго уничтожили японцы, сказался неблагоприятно для Москвы на событіях в Харбинѣ и на Кит. Вост. жел. дор. в январѣ 1926 г., когда подвергся аресту совѣтскій управляющій дорогой Иванов.

Этот-же сговор обезпечил возможность обыска в Дальбанкѣ и в помѣщеніях военнаго агента при посольствѣ СССР в Пекинѣ весной 1927 года и обыска в совѣтском генеральном консульствѣ в Харбинѣ лѣтом 1929 года, вслѣд за чѣм развернулись событія совѣтско-китайскаго конфликта, когда Совѣты, если-бы не двинули войска, могли все потерять.

Совѣтская дипломатія полностью освѣдомлена об опасности, в какой-бы то ни было степени, серьезно обострить отношенія с Японіей: это игра с огнем. Игра может вестись, но очень осторожно.

Перед нами телеграмма «Рейтера» из Москвы, датированная 16 декабря 1932 г. Приведем ее, что-бы закончить наше обзорѣніе, полностью:

«Возстановленіе дипломатических отношеній между Китаем и СССР вызвало на страницах совѣтской печати множество статей, подчеркивающих важность сотрудничества на Дальнем Востокѣ обѣих стран.

«Однако «Правда» держится иной точки зрѣнія и указывает в своей статьѣ, что китайская коммунистическая партія все шире распространяет свое вліяніе, имѣя цѣлью ниспровергнуть власть Гоминдана. Не подлежит сомнѣнію, добавляет «Правда», что, недалеко то время, когда весь Китай будет превращен в совѣтское государство».

Любопытен каламбур, гулявшій в дипломатических

кругах Шанхая в результатъ совѣтско-китайскаго сговора в Женевѣ, пущенный одним из молодых германских дипломатов, тароватым на «вицы»:

«Этим соглашеніем Совѣтская Россія желала одурачить Китай, но как-бы не случилось наоборот. Обѣ эти державы провели Японію, а всѣ три вмѣстѣ онѣ проведут Лигу Націй».

11.

15 октября 1932 г. вліятельная и осторожная в своей информаціи англійская газета «Норд Чайна Дэйли Ньюз» опубликовала корреспонденцію с подробностями плана энергичной кампаніи, начатой центральным правительством против коммунистов во внутренних районах Китая.

Уже тогда было отмѣчено, что поход, предпринятый с лѣта 1932 года войсками, во главѣ которых опять лично стал ген. Чжан Кай-ши, опирающийся на район Трехградья, как на основную базу операций, как против совѣтских районов, так и вообще для искорененія бандитизма, был отмѣчен рядом рѣшающих успѣхов.

К корреспонденціи была приложена карта совѣтских районов Китая, из которой можно было заключить, что южная часть провинціи Цзянси, вдоль западной границы, смежной с ней, провинціи Фуцзян и сѣверной границы Гуандуна, занимается 1-ой красной арміей.

2-ая красная армія расположена в сѣверной части Хунани и в провинціи Хубэй, 3-ья красная армія занимает границу Хунани и Цзянси, 4-ая красная армія расположилась широким фронтом в сердцѣ провинціи Аньхуй, о 5, 6 и 7-ой арміях совѣтскаго Китая свѣдѣній не было, а 8-ая армія яко-бы занимала границы стыка трех сосѣдствующих провинцій: Цзянси, Хунани и Хубея, а кромѣ того отдѣльныя части вооруженных сил красных держались в отдаленных районах Чжэцзяна, Цзянсу и Шэньси.

Послѣ того, как военныя дѣйствія в Шанхаѣ остановили на время операции правительственных войск против красных, агенты Коминтерна при всяком удобном случаѣ старались, в весьма радужных красках, набросать картину успѣхов красных в центральном Китаѣ, который все больше, по их данным, совѣтизировался. Подчерки-

валось, что части красной армии отлично обучены, получают регулярно жалование, прекрасно питаются, располагают огромным количеством пулеметов и поражают быстротой передвижения.

Для всех, живущих в Китае, давно было известно, что война против красных носит по необходимости затяжной характер, потому что является типичной партизанской войной. Выше подробно описывалось, из кого могли комплектоваться красные части и почему, в некоторых районах, население оказывало красным помощь, давая возможность красноармейцам, в случае неожиданного подхода правительственных войск, хорониться среди местного населения, прятаясь в крестьянском одеянии по задворкам халуп земледельцев.

Указывалось выше также и на то, что нанкинское правительство и лидеры партии Гоминдан поресмотрели тактику борьбы с коммунизмом и бандитами и стали на точку зрения, что успех кампании против красных только на 30% является военной операцией, а на 70% зависит от удачного разрешения политических вопросов: земельный вопрос, общая социальная реформа деревни, честная и знающая администрация, отказ от слепого террора в адрес тех, кто, так или иначе, преуспел при красном режиме и т. д.

Описывали мы и план создания добровольческих дружин самообороны, из надежных элементов деревни, которые боролись бы на местах с небольшими отрядами красных, пока не подоспеют по их вызову регулярные воинские части.

Остается добавить, что, параллельно с указанными мероприятиями, верховное командование сосредоточило крупную воинскую силу, 10-ую армию, под началом ген. Су Юан-чана, которая в районе соприкосновения трех провинций — Хубэй, Хунани и Аньхуя с захватом, в некоторых случаях, районов Хэнани и Шэньси, с июня по ноябрь 1932 г. провела большую работу по очищению этого округа от красных.

21 дек. 1932 г. китайское посольство в Лондоне опубликовало официальное сообщение с подробностями четырехмесячной кампании против красных, каковая кампания, по этому сообщению, привела к полному разгрому коммунистическо-бандитских орд, которые были сосредоточены в центральном и южном Китае.

Сообщение гласит: «кампания против красных энергично развивалась с конца июня, нанеся решительное поражение хорошо организованным красным силам, находившимся под командой Су Чан-чена и Кан Чи-шуна общим числом до 70,000 человек при 40,000 винтовок. Под командой Хо-Луна и Ген-Чана находилось 40,000 человек и 20,000 винтовок, а Кон Хо-цун, которого называли главнокомандующим красными силами, располагал лично армией в 20,000 человек при 10,000 винтовок. Остатки этих сил преследуются и вылавливаются. Дальнейшие военные действия вряд-ли будут необходимы. Опустошенные красными пространства освобождены и крестьянам оказывается помощь для того, чтобы они могли вернуться к нормальной земледельческой работе. Значительные районы, — гласит официальное сообщение, — провинций Хубэй, Хэнань и Аньхуй нынче возвращены к мирной жизни».

Это сообщение, кстати сказать, особенно эффектно звучит на фоне нарастающей в дипломатических кругах Нанкина и Москвы дружбы, ибо, как мы увидим ниже, как раз именно в освобожденных недавно правительственными войсками районах, где годами держались красные, найдены вновь многочисленные доказательства тесной связи советского Китая с Москвой.

Лондонское коммюнике явилось, в сущности, кратким резюме доклада, сделанного национальному правительству ген. Чжан Кай-ши во время состоявшейся в Нанкин, в середине декабря, третьей пленарной сессии ЦИК Гоминдана, которая закрылась 22 декабря 1932 г., приняв бюджет, составленный министром финансов Т. В. Суном, подчеркивающий, что финансово-экономическое положение Китая, несмотря на мировую депрессию и конфликт с Японией, выравнивается, и вынес постановление созвать в марте 24-го года республики (в 1935 г.) национальный народный конгресс «Гуо-мин-да-гуй», которому предстоит утвердить постоянную конституцию Китайской Республики.

Итак, в своем докладѣ правительству ген. Чжан Кай-ши подчеркнул, что разгром красных в центральном Китае явился результатом тщательно разработанного плана, который учел весь опыт борьбы послѣдних лѣт с красными. В Ханькоу был создан штаб главнокомандующаго «войсками по искоренению бандитизма», в котором

работало девять отдѣлов.

«Огромныя части красных, — говорил ген. Чжан Кай-ши, таились в горах, занимали озера и острова на них, насаждая коммунизм и наводя ужас на все населеніе.

«Красныя части были исключительно подвижны, располагали даже аэропланами, моторными лодками и бронированными баркасами. В нѣскольких, наиболѣе ими укрѣпленных, пунктах, красными были созданы фабрики и заводы, работавшія на оборону, открывались коммунистическія школы, велась дѣятельная пропаганда в тѣлщѣ окрестнаго населенія.

«Избѣгая сраженій с крупными частями правительственных войск, красные были очень опытни в веденіи партизанской войны. В оружіи у них не было недостатка, так как в их распоряженіи находился собственный арсенал.

«Собрав крупныя силы, верховное командованіе примѣнило тактику систематическаго обхвата, для того, чтобы красные не могли прорваться через мѣшок, в который они попали. Кампанія отмѣчена рядом кровопролитных сраженій, убитые и раненые исчисляются тысячами. Но, в концѣ концов, кампанія увѣнчалась в указанных районах рѣшительным успѣхом, — говорит ген. Чжан Кай-ши. Всѣ укрѣпленные пункты, опорныя базы красных, захвачены, в том числѣ Лункон и Енца. Среди военных трофеев два аэроплана: «Ленин» и «Маркс» и двѣ канонерки, одна из которых также называется именем основоположника міроваго коммунистическаго движенія».

Как ни рѣшительны всѣ эти сообщенія, не надо забывать, что они относятся только к одному, хотя и весьма большому, району внутренняго Китая.

По данным из других районов, хотя-бы к примѣру из Чжэцзяна от начала ноября 1932 г., юго-западная часть этой провинціи продолжает оставаться под угрозой коммунистическаго вторженія. Красные таятся в горах, ведя, пока что, пропаганду в городах и по деревням лишь устнаго характера, убѣждая крестьян не платить долгов и приступить к передѣлу земли, что-бы всѣм было нарѣзано земли поровну...

В сѣверо-западной части провинціи Фуцзян коммунистическія части, продвинувшись из районов сосѣдней провинціи Цзянси, захватили ряд пограничных городов.

Правительственные войска были вынуждены отступать, пока не подоспѣла им на выручку 19-ая армія, покрывшая себя славой стойкаго сопротивленія во время шанхайских боев, в февралѣ-мартѣ 1932 г. Если-бы 19-ая армія не пришла на выручку, провинція Фуцзян могла бы стать ареной кровавых совѣтских экспериментов. Штаб 19-ой арміи находится в Фучжоу. Штабом опубликовано сообщеніе, что всѣ, кто «искренне раскаются и откажутся от коммунистическаго ученія будут прощены».

Таким образом, даже головокружительный успѣх правительственных войск в долину Янцзеяна и на берегах рѣки Хан, на широком фронтѣ провинціи Хунань, Хубэй, Хэнань, Аньхуй и Цзянси на дает еще основаній утверждать, что коммунистическая угроза окончательно устранена, не только в остальных частях Китая, но даже и в этом, пока что очищенном от красных частях, районѣ: все будет зависѣть от того, насколько успѣшно справится власть с упорядоченіем края и в какой степени сможет она удовлетворить надежды и чаянія населенія.

Мы можем на этом закончить наше описаніе этапов развитія коммунистическаго движенія в Китаѣ, доведенное нами до начала 1933 г., пополнив его лишь изложеніем нѣкоторых фактов, опубликованных г. Парсивалем Финч, способным молодым англійским журналистом, который в декабрѣ 1932 г. предпринял поѣздку по тѣм районам центральнаго Китая, которые только что перед его посѣщеніем были освобождены войсками ген. Чжан Кай-ши от краснаго владычества.

Прежде всего г. Финч удивляется, как близко подходили коммунистическія владѣнія к Ханькоу, крупному торгово-промышленному центру, городу со многими иностранными концессіями, который, за послѣдніе годы, не раз подвергался реальной опасности быть осажденным красными.

В нѣскольких милях от Син-ти, порта на Янцзеяна, расположено озеро Хун, на островах котораго красные создали административный аппарат своего совѣтскаго государства. Здѣсь-же, слѣдовательно, была и столица, а вся округа называлась «совѣтскій Западный район».

Командующій красными войсками здѣсь был нѣкій Холун, державшійся больше трех лѣтъ, и отступившій теперь с остатками войск в горы, на границу Хубэя и Шэньси.

Сколько народа погибло во время красного владычества, по словам г. Финч, никто точно сказать не может, но в деревнях, в которых прежде жили тысячи крестьян, теперь остались сотни и то, преимущественно, старики, старухи и малолѣтніе. Хотя крестьянское населеніе, бѣжавшее при продвиженіи вперед красных, теперь, мало по малу, возвращается на насиженные мѣста, но все таки, много молодежи ушло вмѣстѣ с красными или попало в плѣн к правительственным частям. Красные уводили с собою не только мужчин, но и молодых женщин и дѣвушек.

Располагая оружіем, красные, в этом районѣ были очень стѣснены по части продовольствія и командованіе карательной экспедиціи приняло мѣры к тому, чтобы подвоза продуктов питанія к красным не было, что значительно ускорило веденіе операцій по ликвидаціи красного вліянія.

Оригинально, что в описываемых районах коммунистическая армія неизмѣнно мѣстными людьми называется «красной», тогда как правительственныя войска «бѣлыми».

Что касается до режима, то совѣтскій режим в этом районѣ полумѣр не признавал, кто казался подозрительным, кто отказывался признать коммунистическое ученіе, с тѣм не церемонились. С красной арміей слѣдовали и женскія части, которыя занимались шитьем и стиркой солдатскаго бѣлья.

Приход красных ознаменовывался націонализаціей собственности и беспощадной конфискаціей всѣх продуктов питанія. Из отобранной частновладѣльческой земли новая власть учреждала коммунальныя фермы, «колхозы»; — владѣнія зажиточнаго крестьянства и джентри подвергались разгрому, причем были случаи, что в категорію буржуев попадали по признаку наличія во рту золотых зубов.

Оставшееся населеніе запугано до послѣдней степени, — говорит г. Финч. До сих пор не вѣрят, что режим беспощадной власти миновал. Говорят полушопотом, боятся сообщить что-либо лишнее.

На всѣх заборах в изобиліи совѣтскіе плакаты с лозунгами и прокламаціи.

Англійскій корреспондент приводит перевод красной прокламаціи, датированной 9 февраля 1932 г.

«1. Все население, под угрозой смерти, должно повиноваться приказам Совѣтов.

«2. Рис, пшеница, бобы и всѣ прочіе продукты питанія должны быть представлены на просмотр совѣтской власти и всѣ предметы продовольствія считаются собственностью Совѣтскаго правительства. Никто не смѣет отдавать или дѣлить имѣющіеся у него продукты питанія.

«3. Никто не имѣет права разговаривать с чужими, без спеціального разрѣшенія».

Надо-ли говорить о том, что храмы, также как и в Россіи, подвергались оскверненію и разрушенію.

Г. Финч приводит жуткій рассказ о том, как мальчишка-коммунист убил старика, на глазах у терроризованной толпы. Он приказал старику стать к стѣнкѣ и ловким жестом руки метнул нож прямо в сердце несчастному. Для Китая с его традиціонным почтеніем к старости это случай потрясающаго значенія!

Правительственныя войска в описываемом районѣ захватили огромный склад совѣтских «дензнаков», до двадцати тонн мѣдной монеты, но серебра не нашли. Агитационная литература потом послѣ разгрома красных в огромных количествах предавалась огню.

Затѣм англійскій корреспондент приводит свои бесѣды с двумя совѣтскими вождями, которые содержались под стражей в штабѣ главной квартиры: один из них Ма-Ву, предсѣдатель совѣта Западнаго совѣтскаго района, другой, Чжан Шун-мин, главный секретарь медицинскаго корпуса красной арміи провинцій Хунань и Хубэй.

Первый из опрашивавшихся Ма-Ву не отличается особой интеллигентностью. Он рассказал, как соблазнился, два года тому назад, на коммунистическія посулы, но никогда будто-бы не одобрял примѣнявшагося красными террора

Биографія второго, Чжан Шун-мина, болѣе интересна. Ему 22 года, он занимал, у красных, не смотря на свою молодость, отвѣтственный пост. 14-ти лѣтъ он пріѣхал из Ханькоу с семьей в Шанхай и там работал в маленькой типографіи, быстро став адептом коммунизма. В 1927 г. он возвращается в Ханькоу и, оттуда, направляется в Москву, гдѣ учится три года в институтѣ Востоковѣдѣнія имени Ленина. В 1930 г., он возвращается

в Китай и откомандировываться в распоряжение, только что тогда учрежденного, советского «правительства» на озеро Хун. Чжан Шун-мин также заявил английскому корреспонденту, что он раскаивается в своих коммунистических заблуждениях.

Просуммировав все приведенные нами факты, читатель сам может прийти к некоторым, небезинтересным для него, выводам — грозит ли Китаю, как утверждают многие, опасность повторить коммунистический опыт России? Повторение этого опыта явилось бы страшной угрозой не только для иностранцев всех национальностей, но и для судеб самого Китая.

Или же древняя страна, переживающая ныне одну из интереснейших эпох своей тысячелетней истории, еще раз явит пример чудесного преодоления сил распада и, не смотря на все испытания, сохранит в неприкосновенности расовую чистоту, национальную самобытность и верность от века преданным началам семейного и государственного уклада.

ГЛАВА XV.

Маньчжу-Го.

Японская офіціальная версія о событіях 18 сентября 1931 года, положивших начало основанію независимаго государства Маньчжу-Го, слѣдующая («Отношенія Японіи с Маньчжуріей и Монголіей». Документ Б. Изданіе Министерства Иностр. Дѣл, 126-ая стр.):

«В десять часов с минутами вечера 18 сентября лейтенант и нѣсколько солдат желѣзнодорожной стражи в Хушитаѣ слѣдовали в южном направленіи, патрулируя желѣзнодорожное полотно. Когда они находились на разстояніи, приблизительно, шести-или семисот метров к югу от сѣверных казарм Мукденской арміи, они, внезапно, услышали звук взрыва позади себя. Они поспѣшили возвратиться на мѣсто, откуда раздался взрыв, и нашли, что довольно большое количество китайских солдат бѣгут по направленію к казармам послѣ того, как они разрушили желѣзнодорожное полотно. Они стали преслѣдовать убѣгавших, когда, неожиданно, по ним был открыт огонь китайскими солдатами, находившимися в засадѣ».

Японцы, по словам цитируемаго документа, со своей стороны отвѣтили на огонь, завязалась перестрѣлка, и началось то, что вошло с тѣх пор в исторію под именем «Японо-китайскаго конфликта».

Китайская офіціальная версія событій той-же ночи такова (рапорт предсѣдателя Ляонинскаго (Мукденскаго) провинціального правительства г. Цан Ши-и):

«В 10 час. прошлой ночью (японская) желѣзнодоро-

рожная стража заварила кашу, при помощи взрыва части полотна Южно-Маньчжурской ж. д. в Хуанкутунѣ, а, потом, обвинила китайских военных в том, что они сдѣлали это. Японскія войска немедленно повели наступленіе на Пейтайин, обстрѣляв этот пункт артиллерійским огнем. Многие дома были сожжены и много народа убито».

Через год послѣ указанных событій, 15 сентября 1932 г., Японія официально признала Маньчжу-Го. Протокол о признаніи гласил (перевод с англійскаго официального текста):

«Поскольку Японія признала факт, что Маньчжу-Го, в соотвѣтствіи со свободным волеизъявленіем его населенія, создало и утвердило себя, как независимое государство и поскольку Маньчжу-Го объявило о своем намѣреніи соблюдать всѣ международныя соглашенія, в которых находится Китай, поскольку эти соглашенія примѣнимы к Маньчжу-Го, — правительства Японіи и Маньчжу-Го, с цѣлью установленія постоянных отношеній добрососѣдства между Японіей и Маньчжу-Го, каждое уважая территориальныя права другого, а также в цѣлях обезпеченія мира на Дальнем Востокѣ, пришли к нижеслѣдующим соглашеніям:

«1. Маньчжу-Го обязуется хранить и уважать, поскольку не будет соглашеній между Японіей и Маньчжу-Го противнаго характера, всѣ права и интересы, которыми обладает Японія или ея подданные в предѣлах территоріи Маньчжу-Го в силу китайско-японских договоров, соглашеній, или других сговоров, или китае-японских контрактов, как частных, так и публичных.

«2. Японія и Маньчжу-Го, признавая, что какая-бы то ни было угроза территоріи или миру и порядку одной из высоких договаривающихся сторон составляет, в то же самое время, угрозу безопасности и бытію другой, соглашаются сотрудничать в дѣлѣ поддержанія их національной безопасности и постановляют, что-бы количество японских войск, которое может быть необходимо для указанной цѣли, будет расквартировано в Маньчжу-Го».

Вот и всѣ пункты историческаго документа.

Этот протокол датирован пятнадцатым днем девятаго мѣсяца 1-го года эры Да-Тун и подписан в столицѣ Маньчжу-Го, Син-Цзинѣ, (Чаньчунь), с одной стороны Нобуйоши Муро, чрезвычайным послом и полномочным

министром Е. В. Императора Японіи и Сяо Су-ченом, премьер-министром Маньчжу-Го.

Как только стало известно, что подписание этого протокола состоялось, центральное правительство Китая в Нанкинѣ довело до свѣдѣнія правительств великих держав и Лиги Націй, что Японія нарушила территориальную и административную неприкосновенность Китая, а также условия договора Девяти держав. Центральное правительство Китая, в нотѣ к Лигѣ Націй, усматривает также нарушение Японіей устава Лиги, поскольку Японія входит в ея состав, а также подчеркивает, что форсированным признаніем Маньчжу-Го «де юре» до опубликованія рапорта обслѣдвательной комиссіи лорда Литтона, Японія пренебрегла всѣми резолюціями, принятыми за истекшій 1931-1932 год конфликта, на совѣщаніях Лиги Націй по вопросу о японо-китайском конфликтѣ и его удовлетворяющем обѣ стороны разрѣшеніи при посредствѣ Лиги Націй.

Будучи опубликован, рапорт комиссіи лорда Литтона, с которым нам ниже придется ознакомиться, в одном отношеніи заслужил общее признаніе — в отношеніи такта, иными словами — деликатной безпристрастности, которой он проникнут. И с этой стороны, спѣшим подчеркнуть, цѣнность и историческая значимость доклада не должна быть умаляема, даже тѣми, кто не согласен ни с основными его послылками, ни с конечными выводами. Мы, лично, считаем, что общій обзор положенія дѣл в Маньчжуріи в годы, предшествовавшіе началу конфликта и на всем протяжении 1932 года, сдѣлан был в докладѣ комиссіи лорда Литтона правильно.

В самом дѣлѣ, если можно оспаривать тенденцію, красной нитью протупающую в докладѣ, а именно — меньше настаивать на чьей-бы то ни было отвѣтственности за прошлое, чѣм на необходимости найти пути и средства избѣжать повторенія описываемых ниже событий в будущем, то, кто-же станет отрицать, что устремленія «новаго націонализма» гоминдановскаго Китая, с одной стороны, и политика территориальной экспансіи Японской Имперіи с другой, экономическія и стратегическія нужды этих двух держав, а также просачиваніе коммунизма из сосѣдствующаго с Китаем и Японіей СССР, — были тѣми основными причинами, которыя под-

готовили обстановку, породившую конфликт и приведшую к тому, что создано из территории единого Китая новое государство Маньчжу-Го, служащее предметом изложения настоящей главы.

Доклад прямо говорит: «поскольку Япония является ближайшим соседом Китая и наибольшим торговым посредником, она страдала, от создавшихся в Китае условий, в большей степени, чем другая какая-либо держава. Но, современное положение Китая, даже если оно причиняло Японии большие неприятности, чем другим державам, является все-таки проблемой, в которой японо-китайский конфликт есть часть, а не целое. Данный специальный случай международного конфликта, если только удастся, при помощи Лиги Наций, его удовлетворительно разрешить, должен убедить Китай в выгодности в дальнейшем политики международного сотрудничества, которая была декларирована в Вашингтоне, в 1922 г., со столь благими результатами».

Маньчжурия, три ее Восточных провинции, со всеми своими естественными богатствами, с почвой необычайного плодородия, всего лишь около сорока лет тому назад была совершенно невоздѣланной страной, куда мы, русские, первыми прорубили «окно из Европы», так сказать, — показали Маньчжурию остальному миру; приступив к прокладке пути Китайской Восточной железной дороги с веткой на юг, к незамерзающему порту Дальний.

Несмотря на то, что, потом, Маньчжурия стала играть первостепенную роль в деле разрешения вопроса перенаселенности Китая, куда, из провинций Шаньдун и Чжили (Хобэй) переселились после русско-японской войны миллионы китайцев-земледельцев и куда Япония, с каждым годом все больше ввозила изделий своей, быстро развивавшейся, промышленности, надо категорически утвердить положение, что если верно соображение, выдвигаемое Китаем, что без потока миллионов китайских переселенцев, Маньчжурия не могла бы так быстро развиваться, то одинаково верно и соображение, на котором настаивает Япония, что без японской активности и деловой инициативы, без японского капитала и индустрии Маньчжурия не служила бы приманкой для китайских переселенцев и не смогла бы прокормить, вливавшегося в ее предѣлы, людского потока, который дошел чуть-ли не до 20 миллионов душ, из 30.000.000 нынешнего населения

Маньчжуріи.

Судьбы Маньчжуріи предопредѣлены — если, рано или поздно, не будет найден *modus vivendi*, основанный на взаимном сотрудничествѣ сосѣдствующих великих держав: Японіи, Китая и Россіи и не будет поддерживаться, не на словах только, а и на дѣлѣ, принцип «открытых дверей», то Маньчжурія и впредь останется яблоком раздора, станет Балканами Азіи, каковыми она была до сих пор, сначала породив войну Россіи с Японіей в 1904-5 г. г., потом вызвав совѣтско-китайскій конфликт 1929 года и, наконец, служа причиной событій послѣдняго конфликта Китая с Японіей в 1931-32 г. г.

Кто из живущих в Китаѣ, из живших, как автор настоящих строк, годами в Маньчжуріи, станет спорить с положеніем доклада лорда Литтона, что, по началу, Китай проявлял очень мало дѣятельности на путях развитія Маньчжуріи. Без особеннаго сопротивленія, Китай как-бы передовѣрил право своего контроля над Маньчжуріей Императорской Россіи. Даже послѣ Портсмутскаго договора, который, по настоянію Т. Рузвельта, особо подчеркнул сохраненіе за Китаем суверенных прав над Маньчжуріей, экономическая дѣятельность Россіи, в сѣверной части Маньчжуріи, и Японіи в южной части играли, в глазах всего міра, гораздо большую роль, чѣм таковая-же дѣятельность Китая, втапору еще монархіи, единого и нерасщепленнаго гражданской смутой государства, правящая династія котораго почитала Маньчжурію колыбелью своего державнаго могущества.

Однако, сбрасывать со счетов такой козырь, как поток китайских переселенцев, сразу садившихся в Маньчжуріи на землю, не приходится и, как правильно указывает доклад Литтона, в то время, когда Россія и Японія были заняты размежеваніем сфер своего вліянія, китайскіе переселенцы крестьяне закрѣпили за собою право владѣнія маньчжурской землей и Маньчжурія оказалась, в особенности в сѣверной своей части, неоспоримо «прокитаезированной».

Послѣ революціи в Россіи в 1917 году, когда, под давленіем мѣстных причин тогдашній управляющій Китайской Восточной желѣзной дорогой и комиссар Временнаго Правительства ген. Д. Л. Хорват, в послѣдствіи объявлявшій себя временным правителем (если не Россіи, то ея дальне — восточной окраины), оказался вынуж-

денным призвать китайскія воинскія части для водворенія порядка и обузданія сил смуты, Китай начинает играть с каждым годом, все большую роль в распоряженіи судьбами Маньчжуріи, сперва политически, а, потом, и экономически.

В послѣдніе перед конфликтом с Японіей годы Китай все болѣе организованно старается ограничить не только русскіе интересы в Маньчжуріи, но и японское вліяніе, не только на сѣверѣ, но и в Южной Маньчжуріи, которая, с обывательской точки зрѣнія, являлась как-бы колоненіей Японской Имперіи.

Кто жил в Маньчжуріи на протяженіи тринадцати предшествовавших конфликту лѣтъ, с 1918 по 1931, тот и без спеціальнаго изученія вопроса прекрасно освѣдомлен, почему до 1927 года у Китая не могло возникнуть с Японіей конфликта из-за Маньчжуріи и почему, послѣ успѣхов національнаго движенія в самом Китаѣ, когда, испившій до дна горькую чашу власти, Чжан Цзо-лин зная, что он, лично, обречен, стал играть «ва-банк» для того, чтобы оставить о себѣ в народѣ память, как о патріотѣ и защитникѣ китайских, а не японских, интересов, — вопрос о конфликтѣ из-за Маньчжуріи стал только вопросом наступленія сроков.

Маршал Чжан Цзо-лин не раз декларировал свою независимость от пекинскаго правительства, иногда он это дѣлал по желанію или подсказкѣ своих японских совѣтников, но эти его заявленія никогда не обозначали, что он или народ Маньчжуріи хотят отдѣлиться от Китая.

Вооруженныя силы Чжан Цзо-лина, даже включая в себя, в послѣдніе годы режима мукденскаго правителя, русскія части, никогда не наводняли собственный Китай, как чужую завоевываемую страну, всегда дѣйствуя за Великой Стѣною в порядкѣ вынужденнаго соучастія в гражданской войнѣ, которая тогда свирѣпствовала в Китаѣ. В 1920 г. Чжан Цзо-лин, вмѣстѣ с У Пей-фу и Фын Ю-сяном, принял участіе в разгромѣ правительства аньфуистов, явно японофильскаго. Потом он отстаивал свои интересы против У Пей-фу, дѣйствуя в контактѣ с Сун Ят-сеном, дальше его война против армій «гоминчуна» и, персонально, против Фына, ставшаго союзником Москвы, носила всю видимость борьбы с ростом коммунистических вліяній в Китаѣ. Во всяком случаѣ, и в періоды,

когда Чжан Цзо-линовская Маньчжурія дѣйствовала независимо от Пекина, она оставалась недѣлимой частью Китая.

Хотя Чжан Цзо-лин, лично, был далек от идеологии Гоминдана, дѣйствіями послѣдняго года жизни, в качествѣ верховнаго правителя в Пекинѣ, он доказал, что интересы объединенія Китая ему были дороги и его тактика в отношеніи ограниченія сфер вліянія СССР и Японіи доказывает, что, если-бы он был в силах, то он ликвидировал-бы не только совѣтское, но и японское вліяніе. С агентами Совѣтскаго Союза ему было, конечно, легче справиться, чѣм с японцами. Подчас он совершенно не хотѣл считаться с СССР, что доказал налет, по его приказу, жандармеріи на Дальбанк в Пекинѣ и канцелярію совѣтскаго военнаго атташѣ.

С японцами приходилось дѣйствовать гораздо осторожнѣе, страшно медленно, с ежечасным риском для собственной жизни. Но и тут, тихой сапой, проводилась политика постройки желѣзнодорожных магистралей, которая, в конечном итогѣ, должны были отрѣзать Южно-Маньчжурскую желѣзную дорогу от наиболѣе плодородных районов. Всѣм хорошо извѣстно, что послѣ таинственнаго взрыва под Мукденом поѣзда, в котором слѣдовал, обратно в Маньчжурію, Чжан Цзо-лин, отказавшійся, под давленіем японцев, от возглавленія режима в Пекинѣ, когда к власти пришел его старшій сын Чжан Сюэ-лян, еще при жизни отца (одно время даже тайно) связанный с Гоминданом, политика сближенія Маньчжуріи с китайским центром, с Нанкином, была поставлена во главу угла новаго режима. Японцы совершенно недвусмысленно дали понять молодому маршалу, что тѣсный альянс Мукдена с гоминдановским Китаем их мало устраивает, но, в отвѣт на это, Чжан Сюэ-лян, в декабрѣ 1928 г., объявил о своем полном и безоговорочном подчиненіи центральному правительству.

И, хотя, на протяженіи всего 1929 и 1930 г. г. и первой половины роковаго 1931 г. установленный еще при Чжан Цзо-линѣ в Маньчжуріи режим продолжал функционировать в полной неизмѣнности, однако, под вліяніем представителей Гоминдана, ярко выраженная націоналистическая пропаганда и анти-японская агитація в Маньчжуріи проступали все явственнѣе, как и во всем остальном Китаѣ, несмотря на то, что Японія не раз

напоминала о существованіи, подтвержденных договорами, своих особых интересов и прав в Маньчжуріи.

Нам совершенно нѣтъ надобности останавливаться здѣсь на тѣх дефектах администраціи, которыми, как, на примѣр, — непотизм, коррупція и пр., отмѣчены в Маньчжуріи годы, предшествовавшіе началу конфликта, ибо, в той или иной степени, эти отрицательныя черты, по словам никого иного, как ген. Чжан Кай-ши, встрѣчаются и в других частях Китая, и китайцы сами на них не закрывают глаз, но нам, вмѣстѣ с докладом лорда Литтона, надо также подтвердить, что в годы так называемаго чжан сую-ляновскаго режима китайское население Трех Восточных провинцій начинало играть все большую роль в развитіи народнаго хозяйства Маньчжуріи и в разработкѣ ея естественных богатств. В частности, на примѣрѣ Харбина был особенно ошутим этот, ни перед чѣм не останавливавшійся, процесс китаизаціи маньчжурской торговли и даже промышленности.

Кромѣ того, надо еще раз подчеркнуть, что у японцев были нѣкоторыя основанія предполагать, что послѣ китае-совѣтскаго конфликта 1929 года, ликвидированнаго Хабаровским протоколом, на протяженіи 1930 г. и, особенно, с начала 1931 г., отношенія китайскаго Мукдена с представителями СССР начинали все болѣе выравниваться. У Японіи не раз могли возникать опасенія, что совѣтское правительство не только морально, самым фактом своего бытія, укрѣпляло націоналистическое движеніе на сѣверѣ Китая, движеніе, которое не заботилось искать путей сближенія с Японіей, но, что, СССР мог, в той или иной формѣ, поддержать сѣверный и вообще Китай в его борьбѣ за полную независимость от иностранных держав, в частности и особенности, Японіи. В Китаѣ коммунистическое движеніе разрослось, совѣтскія интриги все явственнѣе проступали во внѣшней Монголіи, японцам, помимо всего прочаго, хотѣлось поставить Маньчжурію в такія условія, чтобы она стала свободной, как от вліяній коммунизма, просачивавшагося из Россіи, так и от вліяній обостреннаго націонализма, текшаго широкой струей из гоминдановскаго Китая.

Однако, факт существованія Маньчжу-Го не подлежит оспариванію и поскольку такое государственное образованіе существует, будучи рожденным из части территоріи Китая, интересно ознакомиться с его государ-

ственной структурой, а так-же с той государственной идеологіей, которой дѣятели Маньчжу-Го оправдывают перед современниками и исторіей свою сепаратистскую по началу работу.

Послѣ 18 сентября 1931 года сепаратистскія тенденціи ряда политических дѣятелей Маньчжуріи проступили наружу и в отдѣльных районах была провозглашена независимость.

Лидеры этих временных независимых образований вмѣстѣ с городским головой Мукдена созвали 16 февраля 1932 г. совѣщаніе в Мукденѣ, которое длилось три дня и вынесло слѣдующія постановленія:

1) Учредить новое государство, содержащее в себѣ нѣсколько провинцій и особых районов Маньчжуріи и Монголіи, 2) основать «Сѣверо — Восточный исполнительный комитет», которому и поручить обсуждать и формулировать основные принципы новаго государства, а также организовать его правительственный аппарат.

Сѣверо — Восточный исполнительный комитет, будучи сформирован согласно только что указаннаго постановленія, 1 марта 1932 года, как раз в тот-же день и мѣсяц, когда, в Пекинѣ, в 1644 году была основава династія Дай-Цинов — торжественно декларировал основаніе новаго государства, включившаго в свой состав провинціи Хэйлунцзянскую, Гирипскую, Мукденскую, ряд других районов, часть Монголіи и назвал это государство «Маньчжу-Го», что значит «Маньчжурское Государство».

Основные принципы управленія новым государством были формулированы в особой деклараціи слѣдующим образом: принцип расоваго самоопредѣленія будет защищаться, маньчжурское правительство обезпечит жизнь и имущество населенія, введет правосудіе на справедливых началах, выдвинет и осуществит принцип мѣстнаго самоуправленія, будет развивать промышленность, произведет реформу валютной системы и т. д.

Что касается внѣшней политики, то Маньчжу-Го обѣщало, что всѣ обязательства по иностранным займам, гарантированныя договорными соглашениями, заключенными прежде республикой Китая, если таковыя обязательства принадлежат территоріи новаго государства, будут признаны Маньчжу-Го и будут соблюдаться «в знак доказательства нерушимости международных согла-

шеній».

Что касается принципа «открытых дверей», то по этому поводу в основном постановлении говорилось, что «новое государство будет приветствовать вклады иностранных капиталов в Маньчжуріи, безотносительно того, какой націи будет принадлежать вкладываемый капитал, преслѣдуя принцип открытых дверей и равных для всѣх возможностей».

Бывшій император послѣдней маньчжурской династіи Китая Генри Пу-И (Сян-Тун) принял присягу, как Верховный правитель Маньчжу-Го, каковая церемонія состоялась в Чаньчунѣ 9 марта и в этот-же день Чаньчунь был переименован в Синь-Цзинь, что значит «Новая столица».

Во время церемоніи Верховный правитель произнес краткое слово, в котором сказал:

«Человѣколюбіе, казалось-бы, всегда должно было поддерживать нравственныя начала. Но в мірѣ много разных рас и если прогресс одной достигается за счет и при помощи угнетенія другой, то нравственный закон страдает. Основывая новое государство, мы базируемся на слѣдующихъ трех принципах: мораль, гуманность и справедливость. Когда расовыя различія и международныя распри исчезнут, мы будем, вѣроятно, в состояніи утвердить то правосудіе, которое возможно в раю. Все человѣчество должно отдать свои силы, чтобы осуществить этот высокій идеал».

Одновременно с принятіем Пу-И на себя власти Верховнаго правителя был опубликован основной закон Маньчжу-Го, состоящій из 38 параграфов.

В частности, этот закон гласит:

«Верховный правитель Маньчжу-Го Генри Пу-И, пользуясь довѣріем всего народа, ручается своим словом, что свобода и права будут гарантированы всему населенію за исключеніем тѣх случаев, когда внѣшняя война или внутреннія серьезныя волненія или чрезвычайныя обстоятельства заставят пріостановить дѣйствіе основного закона».

14 марта 1932 года правительство Маньчжу,-Го через министра иностранных дѣл Сэ Цзе-ши отправило ноту семнадцати государствам, в том числѣ и СССР, предлагая признать его.

Относительно иностранной политики Маньчжу-Го в

этой нотѣ указывалось, что правительство будет вести свою внѣшнюю политику согласно принципам довѣрія, согласія и дружбы «и ручается перед другими государствами, что будет содѣйствовать международному миру, а также будет уважать правосудіе, основанное на международных законах».

«Самое искреннее желаніе наше, — говорит в концѣ эта нота, — чтобы всѣ государства поняли и оцѣнили смысл образованія новаго государства и вошли в дипломатическія сношенія с новым правительством».

Первой, как было выше сказано, на это предложеніе откликнулась конечно Японія.

В Маньчжу-Го имѣется тридцать милліонов жителей, в подавляющем большинствѣ своем китайцев, высленцев из застѣннаго Китая. Кромѣ того, на территоріи Маньчжу-Го живут маньчжуры, японцы, корейцы и русскіе.

Территорію свою власти Маньчжу-Го опредѣляет в 460.000 квадратных миль, при чем в нея входят, по оффиціальным данным, четыре провинціи: Хейлунцзянская, Гириная, Мукденская и Жэ-Хэ, три района восточной Монголіи, Хулумбуир и, так называемый, особый восточный район.

Послѣ опубликованія деклараціи о созданіи Маньчжурскаго государства представитель Китая в Токио заявил протест японскому правительству, указывая в своем протестѣ, что независимость Маньчжуріи была осуществлена при помощи японской вооруженной силы и что на Японію возлагается отѣтственность за всѣ послѣдующія событія.

В отвѣт на этот протест, тогдашній японскій министр иностранных дѣл г. Юшизава заявил, что «созданіе новаго государства было результатом сепаратистскаго движенія среди населенія Маньчжуріи и выраженіем тенденціи к самоопредѣленію. Дѣйствія-же Японіи в Маньчжуріи были вызваны желаніем охранить японскіе интересы на желѣзных дорогах, а, равно, жизнь и имущество японских резидентов в Маньчжуріи».

Для того, чтобы покончить с кратким описаніем государственнаго устройства Маньчжу-Го отмѣтим, что для проведенія в жизнь государственных заданій, под контролем Верховнаго правителя находятся три палаты — государственная (совѣт министров), законодательная и

контрольная.

Кромѣ того, учрежден Верховный суд и; при законодательной палатѣ, отдѣл общих дѣл.

Совѣтъ министровъ состоитъ изъ главъ министерствъ — военнаго, иностранныхъ дѣл, внутреннихъ дѣл, финансов, юстиціи, промышленности и торговли, и путей сообщенія.

Затѣмъ, при совѣтѣ министровъ есть еще законодательное и административное бюро, каковыя бюро вѣдаютъ экзаменаціонными испытаніями и назначеніями правительственныхъ агентовъ. При контрольной палатѣ также имѣется канцелярія общихъ дѣл палаты и инспекціонный отдѣл.

Под контролем Верховнаго суда отправляетъ свои функціи высшій суд, в вѣдѣніи котораго, в свою очередь, находятся мѣстные суды.

Изъ сказаннаго ясно, что основная структура Маньчжурскаго государственнаго аппарата близка к структурѣ нанкинской власти, с учетомъ исторически сложившихся институцій вѣкового китайскаго государственнаго права, вводимыхъ очень широко в правительственный аппарат, какъ центральный, такъ и на мѣстах, испытательно-контрольные органы. Маньчжу Го учитываетъ, что 90% населенія это китайцы и примѣняетъ власть къ ихъ психологіи.

В первый годъ самостоятельнаго существованія Маньчжу-Го, властямъ, при поддержкѣ японцевъ, пришлось выдерживать упорную и базостановочную борьбу, с повстанческимъ движеніемъ.

И в многочисленныхъ пожеланіяхъ по случаю первой годовщины существованія Маньчжу-го, высказанныхъ со страницъ печати, в адресахъ и в рѣчахъ, основнымъ лейтмотивомъ было сознаніе необходимости скорѣе умиротворить внутренніе районы и положить предѣлъ безпорядку во всѣхъ его формахъ, который коснулся не только деревни, но и городовъ Маньчжуріи, вплоть до самыхъ крупныхъ.

Характеренъ отзывъ вліятельной и независимой русской газеты «Заря» в Харбинѣ, в статьѣ, посвященной первой годовщинѣ образованія Маньчжу-Го.

Отмѣтивъ, что газета не считаетъ себя правомочною входить в разсмотрѣніе сущности создавшихся между великими державами Дальняго Востока отношеній, но оцѣнивая всѣ событія истекшаго года с точки зрѣнія русскихъ, національныхъ интересовъ, газета приходитъ к

заключенію, что «установавшіяся отношенія между Маньчжу-Го и Японіей являются залогом ослабленія совѣтскаго вліянія на территоріи новаго государства и гарантіей его безопасности от достаточно явныхъ захватническихъ посягательствъ со стороны западнаго сосѣда» (СССР).

23 декабря 1932 г. японскій посол ген. Нобуйоши Муто вручил г. Генри Пу-И свои вѣрительныя грамоты, едва при этомъ избѣжавъ, по японскимъ даннымъ, террористическаго акта, который долженъ былъ быть произведенъ на него во время этой церемоніи группой коммунистовъ в составѣ одного корейца и 6 китайцевъ, при чемъ, по тѣмъ же даннымъ, деньги были получены «от нѣкоторыхъ американцевъ, симпатизирующихъ Китаю».

В февралѣ 1933 г. предполагалось открыть переговоры о заключеніи между Японіей и Маньчжу-Го прочнаго торговаго договора, который долженъ базироваться на полномъ равенствѣ сторонъ.

Японія обѣщаетъ на протяженіи пяти лѣтъ, отказаться от консульской юрисдикціи, но японскіе юристы должны быть приглашены в качествѣ совѣтниковъ и должна быть проведена судебная реформа, которая будетъ пріемлемой для Японіи. Признавая принципъ открытыхъ дверей и равенства шансовъ Японія не скрываетъ, однако, что она хотѣла-бы дополнительно подписать нѣсколько частныхъ соглашеній коммерческаго характера для охраны на рынкахъ Маньчжу-Го нѣкоторыхъ из предметовъ своего ввоза. Маньчжу-Го должно признать всѣ арендныя соглашенія и сдѣлки японцевъ в Маньчжуріи, включая и тѣ, которыя были заключены в 1915 г. Японскіе резиденты должны получить право осѣдлаго проживанія, свободнаго передвиженія и безпрепятственнаго веденія торговыхъ операцій на всей территоріи новаго государства.

Договоръ этотъ, прежде подписанія, будетъ разсмотренъ японскимъ военнымъ министерствомъ, хотя из японскихъ источниковъ опровергаютъ, что онъ расширитъ права оккупаци, которыя в данное время закрѣплены за Японіей.

Журналистъ Х. Г. Уудхед, который в октябрѣ-ноябрѣ 1932 г. посѣтилъ Маньчжурію, отмѣчалъ потомъ в своихъ очеркахъ, что при достаточно индифферентномъ отношеніи къ событіямъ крестьянскихъ массъ (хотя именно из ихъ рядовъ получаютъ пополненія волонтеры-партизаны), главными противниками учрежденнаго нынѣ в Маньчжуріи режима

являются: торговый класс, общественные и политические работники и тѣ военные, которые были связаны вплотную с прежним режимом.

Что касается купцов, то оппозиціонныя настроенія, по мнѣнію г. Удхэда, стали-бы среди них таять, если бы новая власть могла быстро обезпечить возстановленіе цѣнности денег и содѣйствовать упорядоченію нормальной дѣловой жизни края.

Но, по мѣрѣ того, как военныя операциі оккупантов с повстанческим движеніем волонтеров нарастали на протяженіи всего 1932 года в торговых кругах крѣпли сомнѣнія, что японцы быстро справятся с положеніем.

Также и истинныя настроенія класса китайских чиновников, находящихся на службѣ у Маньчжу-Го, подлежат большому сомнѣнію. Внѣшне соблюдая осторожную лойальность новому режиму, в душѣ они и не вѣрят в прочность его и продолжают чувствовать себя китайцами в большей степени, чѣм, большими или малыми, представителями сепаратнаго от Китая новаго государства.

Во всяком случаѣ проблема будущаго Маньчжу-Го сложная и деликатная проблема. Как повернется зудьбы этого государства, никто сейчас на Дальнем Востока с увѣренностью сказать не может.

ГЛАВА XVI.

Конфликт с Японіей.

Когда в Европѣ или в Америкѣ говорят о послѣднем японо-китайскомъ конфликтѣ и обсуждают его перепити, взвѣшиваютъ шансы, толкуютъ об его исходѣ, то дѣлаютъ сразу большую ошибку, уподобляя этотъ конфликтъ европейскимъ образцамъ, вродѣ конфликта, который былъ вызванъ аннексіей Босніи и Герцеговины или Фашодскому инциденту.

Конечно, японо-китайскій конфликтъ могъ вылиться в форму открытой войны, хотя многіе наблюдатели на мѣстѣ сразу окрестили его «войной без войны», но и это не измѣнило-бы его своеобразія и специфической самобытности.

Официально, по японской версіи, конфликтъ возникъ из-за того, что Японія за годы, предшествовавшіе 18 сентября 1931, насчитала нѣсколько сот мелкихъ и не мелкихъ инцидентовъ, обострившихъ ея отношенія с необъятымъ сосѣдомъ.

Сюда включался и отказъ Нанкинскаго правительства принять посланника Обата, который былъ объявленъ «persona non grata», из-за обвиненія его в фактическомъ соучастіи во вчиненіи Китаю в 1915 году печальной памяти «Двадцати одного требованія», тут имѣются и нападенія китайской толпы на мирное торговое населеніе японской колоніи в Циндао, преслѣдованія корейскихъ фермеров (подданныхъ Японіи) в Вампаошантѣ, убійство капитана Накамура и пр. пр.

Японцы, в первый-же годъ конфликта, составили и

подъитожили длиннѣйшій список своихъ конфликтовъ и конфликтивовъ съ китайцами начиная съ іюня 1925 года по октябрь 1931 года, при чемъ въ этомъ реестрѣ указано было ни больше, ни меньше, какъ семьсотъ тринадцать (713) осложненій съ точнымъ указаніемъ даты, характера инцидента и района, гдѣ онъ произошелъ.

Начинался этотъ оригинальный балансъ военнодипломатическаго актива и пассива съ нападенія китайской толпы: на японскихъ волонтеровъ въ Шанхаѣ и разгрома японскихъ лавокъ, случившагося 2 іюня 1925 года, при чемъ, не смотря на то, что географическое положеніе Шанхая всеѣмъ на свѣтѣ хорошо извѣстно, графа «районъ» не осталась пустой.

Въ ней, со скрупулезной, чисто бухгалтерской точностью, характерной для трудолюбиваго японскаго народа, указано:

— Срединный Китай.

Въ томъ-же «Срединномъ Китаѣ» происходятъ инциденты 2-ой, 3-ей и 4-ый отъ 4, 7 и 11 іюня все того-же злополучнаго 1925 года, пока, наконецъ, въ графѣ «районъ» не появляется, въ первый разъ, отмѣтка — «Маньчжурія», подъ инцидентомъ № 5, имѣвшимъ мѣсто 12 іюня 1925 года, когда (цитируемъ дословно по документу):

— «20 китайскихъ солдатъ напали на японскаго полицейскаго въ желѣзнодорожной зонѣ близъ Цаохоку на Антун-Мукденской желѣзной дорогѣ».

Для того, чтобы проработать, хотя-бы одинъ этотъ реестръ «Незаконныхъ дѣйствій, допущенныхъ противъ Японіи въ Китаѣ» — таково его официальное названіе, — намъ пришлось-бы составить специальную брошюру, не говоря уже о необходимости познакомиться съ массой печатныхъ трудовъ, обильно выпущенныхъ за время конфликта различными японскими пресскбуро, работающими съ завидной энергіей и наводнившими редакціи иностранныхъ газетъ на Дальнемъ Востокѣ такимъ количествомъ литературы, что ея одной хватитъ, чтобы составить компактную библиотечку, посвященную специально темѣ настоящей главы.

Какъ не полезна эта литеартура для будущаго историка, — современнаго наблюдателя, тѣмъ болѣе непосредственнаго свидѣтеля развертывающихся событій, она, скорѣе, сбиваетъ съ толку: изъ-за деревьевъ не видно лѣса.

Укажемъ, поэтому, только, что списокъ «незаконныхъ

дѣйствій, допущенныхъ противъ Японіи в Китаѣ», кончается под нѣмеромъ 713 слѣдующей ремаркой:

— «Октября 18, 1931. Была брошена бомба в зданіе Японскаго консульства, черезъ задніе ворота в Куланцу, около Амоя». Район — «Южный Китай».

Если мы примемъ во вниманіе, что в іюль — августѣ 1914 года, не только Европа, но и весь міръ запылал от выстрѣловъ одного единственнаго террориста, юноши Принципа, то стоило-ли пріѣзжать на Дальній Востокъ комиссіи лорда Литтона, которая не имѣла физическихъ возможностей опровергнуть или подтвердить всѣ эти семьсотъ тринадцать обвиненій, тѣмъ болѣе, что не только правительство, но и всѣ японскіе патріоты безоговорочно приняли указанный списокъ, какъ не подлежащій сомнѣнію документъ.

В нашемъ дальнѣйшемъ изложеніи мы хотѣли-бы приложить всѣ усилія къ тому, чтобы насъ нельзя было заподозрить в пристрастіи и отсутствіи доборожелательства в отношеніи обѣихъ сторонъ.

Наоборотъ, положеніе русскаго в Китаѣ не только позволяетъ, но и обязываетъ быть подчеркнуто непристрастнымъ. Но это-же положеніе нейтральнаго зрителя обязываетъ видѣть вещи в ихъ истинномъ освѣщеніи, излагать факты такими, какъ они есть.

Изъ всѣхъ политическихъ инцидентовъ и дипломатическихъ осложненій, предшествовавшихъ конфликту, одинъ фактъ, на который, сказать къстати, сами японцы не такъ часто ссылаются, во всякомъ случаѣ не придаютъ ему доминирующаго значенія, намъ, лично, представляется наиболѣе отягчающимъ позицію китайскихъ властей, какъ центральныхъ, такъ и на мѣстахъ — это, введенная даже в школьные учебники, анти-японская пропаганда; правда в нѣкоторыхъ учебникахъ Японіи тоже есть элементъ анти-иностранной, вѣрнѣе, обостренно національной, джингоистской пропаганды.

Учебникъ, который уже в дѣтяхъ долженъ зародить непріязнь, а, можетъ быть и открытую ненависть къ ближайшему сосѣду, это не только порохъ подъ зданіе добрососѣдскихъ отношеній, но это и несправедливость в отношеніи Японіи со стороны нынѣшняго режима.

Режимъ партіи Гоминдан, равно какъ и исторія пріхода къ власти этой партіи, многимъ обязаны японцамъ — не только отдѣльнымъ японцамъ, которыхъ много было в

в числѣ друзей и сотрудников д-ра Сун-Ят-Сена; но и всему современному поколѣнію правящей и мыслящей Японіи.

В числѣ ближайших совѣтников «отца китайской революціи» был японец Инукай, впоследствии премьер. Сун-Ят-Сен никогда не предпринимал ни одного рѣшительнаго шага, не посовѣтовавшись со своими японскими друзьями, в Японіи он находил убѣжище, когда, годами, даже десятками лѣт, он пребывал на положеніи политическаго изгнанника, даже в послѣдней своей вояж в Пекин, в 1924 году, которым он завершил свой жизненный путь, он отправился с одобренія, ведших тогда большую и тонкую игру против СССР, японцев.

Больше того, одной из сокровеннѣйших идей д-ра Сун-Ят-Сена, которыя он лелѣял до самой смерти, была мечта о японо-китайском альянсѣ. Он не был чужд и мысли выкинуть, однажды, в подходящій момент, боевой, побѣдный клич: «Азія для азіатов», при чем, с нѣкоторыми оговорками, на роль милитарнаго гегемона, во всяком случаѣ «бронированнаго кулака», в этом союзѣ азіатских націй предназначалась именно Японія.

Еще за долго до революціи 1911 года именно в Японіи зрѣли революціонныя силы, которым, потом, судьба сулила принимать живое участіе в строительствѣ новаго Китая: если перечислить количество китайских военачальников и государственных дѣятелей, получивших образованіе в Японіи, то окажется, что не Америка, а Японія занималась подготовкой кадра тѣх, кто сейчас правит Китаем. И что-же в результатѣ всего?

Купечество и организованная общественность Китая не раз прибѣгали к наиболѣе разящему орудію — товарному бойкоту, правительство допустительно относилось к отдѣльным враждебным актам против японцев, живших в Китаѣ, добивалось отгородиться таможенною стѣной от Японіи и даже дѣти в школах, с малых лѣт, научались наукѣ, как надо ненавидѣть Японію.

Здѣсь самое больное мѣсто, «ахиллесова пята» конфликта.

Живя с Китаем, бок о бок, тысячами лѣт, часто споря с ним и иногда ссорясь, Японія никогда не забывает о единствѣ их основных культур и Японія признает, что хотя ея культура и самобытна, корнями своими она уходит в Китай.

В Японіи не затухает огонь надежды, что, рано или поздно, но какнибудь все-таки, удастся объединить пути культурнаго, экономическаго и, конечно, что всегда самое трудное, пути политическаго сотрудничества. На эту тему написано не мало серьезных трудов, а статей, посвященных этому вопросу в японской печати никто не смог бы пересчитать. Пишущему эти строки не раз приходилось касаться той-же темы в разговорѣ с японцами, за много лѣт до конфликта, и хотя, в разговорах, часто проглядывало желаніе учительствовать и водить в Китаѣ, собесѣдники рѣдко могли скрыть, что указанная мысль является для них одной из самых завѣтных дум.

Недаром такой выдающійся дипломат, такой старый и бывалый человек, как граф Учида, больше тридцати лѣт жизни отдавшій специальному изученію вопроса японо-китайскихъ отношеній, в своемъ выступленіи передъ парламентомъ, в августѣ 1932 года, не могъ отказать себѣ в удовольствіи повторить свою излюбленную мысль, что онъ рассчитываетъ дожить до того времени, когда Японія и Китай будутъ работать рука объ руку в дѣлѣ культурнаго развитія Азіи и для поддержанія мира на Дальнемъ Востокаѣ.

Когда к японцамъ обнаруживал вражду тронъ древнихъ богдыхановъ, они по разнымъ причинамъ считали это естественнымъ, в порядкѣ историческихъ вещей, но когда система организованнаго недоброжелательства была явлена гоминдановскимъ правящимъ центромъ, при самомъ зарожденіи котораго японцы присутствовали, которому, в лицѣ его первыхъ вождей, не раз оказывали неоцѣнимыя услуги, который, наконецъ, могли не допустить къ существованію — они почувствовали себя глубоко уязвленными. Сдѣлала свое дѣло и откровенная демонстрація дружбы правящаго Нанкина в сторону Америки и роль, которую в націоналистическомъ правительствѣ стали играть «вернушіеся студенты», понимая подъ этимъ терминомъ, главнымъ образомъ, выучениковъ американской высшей школы.

Конечно, к этимъ нравственнымъ разочарованіямъ надо прибавить и общую стихію новой китайской власти, которая открыто стремилась положить конецъ системѣ иностранныхъ концессій в Китаѣ, в томъ числѣ подкопаться подъ базисъ необъятныхъ японскихъ владѣній в Маньчжуріи, вплоть до арендной территоріи Квантуна, политою

японской кровью и полученной как военная добыча, послѣ Портсмускаго договора.

Надо прибавить также отказ властей на сѣверѣ Китая и в Маньчжуріи погашать денежныя обязательства, платить по займам вообще и по желѣзнодорожным займам в частности. параллельно с лихорадочной постройкой на китайскія средства новых желѣзнодорожных линій, которыя Японія опротестывала, как конкурирующія с ея основными магистралями в Маньчжуріи.

Причин к началу конфликта, с японской стороны и в японской интерпретаціи, было, как видим, не мало.

Теперь посмотрим каков был счет у націоналистическаго Китая к Японіи?

Счет столь-же отягченный обвиненіями и долгій — начинать-ли его с 1894-5 г. г., т. е. с первой японо-китайской войны, а потом 1905 г., когда Китай должен был передать предоставленныя им Россіи права побѣдившей Россію Японіи, или поставить рубежом перелома в японо-китайских отношеніях 1915 год, когда были вчинены 21 требованіе, которыя, в глазах китайской интеллигенціи, должны были сдѣлать Китай покорным вассалом Японіи, а, по мнѣнію японцев, обезпечивали тѣснѣйшій союз Японіи с Китаем против всего остального міра, в особенности против бѣлых рас, дѣло не в датах, не в фактах, не в деталях.

Японія, вот уже четверть вѣка настаивает на своих особых и исключительных правах в Маньчжуріи, Японія всѣми средствами боролась там с китайским желѣзнодорожным строительством, Японія, при помощи режима Чжан Цзо-лина, не допускала распространить власть центральноазиатскаго Китая на Три Восточных провинціи, Японія не раз из Маньчжуріи наносила, китайскими руками, удар китайской вооруженной силѣ, которая собиралась и упрямилась в Пекинѣ, в Тяньцзинѣ, в Калганѣ, в Шанхайгуанѣ, гдѣ-бы то ни было по сосѣдству с Маньчжуріей и которая могла грозить перебросятся через Великую стѣну для того, чтобы навести, наконец, в китайской Маньчжуріи свои порядки и ослабить там сепаратистскія тенденціи: судьба ген. Гоу Сун-лина лучшее тому доказательство.

25 ноября 1925 года этот генерал, один из способнѣйших в рядах мукденской арміи, дал себя увлечь посулам Фын Ю-сяна, поднял возстаніе против Чжан Цзо-

лина, захватил Шанхайгуань и потребовал ухода Чжан Цзо-лина в отставку. Мукденскія части отступали в безпорядкѣ. Молодой генерал Чжан Сюэ-лян попытался задержать продвиженіе мятежников, но Гоу Сун-лин нанес ему сокрушительный удар и дорога на Мукден была открыта.

Японцы вмѣшались в событія, поддержали мукденцев, и, не прошло и мѣсяца, как тѣло мятежнаго генерала и его жены были доставлены в Мукден.

В апрѣлѣ 1927 года, в разгар операцій по захвату арміей Гоминдана долины Ян Цзе-Цзяна, японскій флот в количествѣ тридцати пяти вымпелов появился на рейдѣ Циндао и, ставшій во главѣ правительства, барон Танака, заявил, что, «Японія вряд-ли может остаться безучастной поскольку она существенно заинтересована в поддержаніи мира на Востокѣ».

28 мая того-же 1927 года Японія официально объявила о высадкѣ своих войск в Циндао, которыя, потом, были продвинуты до Цинаньфу, что спутало всѣ карты гоминдановскаго штаба, на год сберегло власть Чжан Цзо-лина в Пекинѣ и оборвало столь стремительно и успѣшно развивавшуюся карательную экспедицію на сѣвер.

Добившись того, что им было надо, японцы быстро вывели свои войска.

Розно через год, когда войска сѣверных маршалов были вынуждены начать очищеніе Шандуня и Фын-Ю-Сян, дѣйствовавшій за одно с Нанкинном, занял Цинаньфу, он не мог там удержаться, потому что японскія войска снова были высажены в Циндао и стали медленно продвигаться вдоль Кіаочао-Цинанской желѣзной дорогѣ и 30 апрѣля 1928 года они заняли столицу Шандуня, за нѣсколько часов до того, как в нее должны были войти части націоналистической арміи. Разыгрался в Цинань-фу всѣм извѣстный трагическій эпизод, жертвой котораго, в числѣ других, стал комиссар по иностранным дѣлам Цай Кун-ши.

Маршал Чжан Цзо-лин под давленіем японцев рѣшил очистить Пекин, содѣйствуя, таким образом, успѣшному завершенію, заповѣданнаго Сун Ят-сеном, объединенія страны под властью партіи Гоминдан.

3 іюня 1928 года он покинул древнюю столицу, направляясь в Мукден, а на слѣдующее утро, в 5.30, его

искалъченное тѣло было извлечено из под обломков вагона, взорваннаго под самым Мукденом, при всеьма таинственныхъ обстоятельствахъ.

Занявшій мѣсто правителя Маньчжуріи «молодой маршалъ» Чжан Сюэ-лян, не смотря на то, что издавна сочувствовалъ идеям, положеннымъ в основу ученія Сун Ят-сена о трехъ народныхъ принципахъ, и приложилъ всѣ усилія наладить зависимыя отношенія с правящимъ гоминдановскимъ центромъ, долгое время не имѣлъ возможности поднять в Маньчжуріи гоминдановскій флагъ, давно развивавшійся надъ всѣмъ остальнымъ Китаемъ. Подобныхъ примѣровъ, в китайскомъ счетѣ к Японіи сколько угодно.

В результатѣ вчиненія 21 требованія, Японія подписала 25 мая 1915 года рядъ договоровъ в Пекинѣ, по которымъ, кромѣ прав на нѣдра, обезпечила за собой рядъ важныхъ привилегій в Южной Маньчжуріи и в восточной части Внутренней Монголіи. Но китайское общественное мнѣніе никогда не считало договоры 1915 года законными, такъ какъ утверждало, что они были вырваны у Юань Ши-кая силой. На этомъ основаніи Китай, за всѣ послѣдніе годы, настойчиво требовалъ возврата ему Квантуна, первоначальный срокъ аренды котораго кончился еще в 1923 году.

Не отрицая факта, что постройка, на средства китайскаго капитала, такихъ желѣзнодорожныхъ магистралей, какъ Гирин-Мукденская и Таонань-Тунляосская желѣзныя дороги подрывали коммерческіе интересы Южно-Маньчжурской желѣзной дороги, главной питающей базы Японіи в Маньчжуріи, китайцы говорили, что заявленія Японіи, что эти дороги нарушаютъ секретные протоколы японо китайскаго договора 1905 года, не имѣютъ под собой основаній, такъ какъ протокола, воспреещающаго постройку параллельныхъ Южно-Маньчжурской магистрали желѣзныхъ дорогъ никогда не существовало и Японія не в силахъ опубликовать официальный текстъ этого секретнаго соглашенія на томъ простомъ основаніи, что его нѣтъ.

Китайцы обвиняли японскія власти Маньчжуріи в томъ, что, вопреки существующимъ договорамъ, Японія все время систематически увеличивала свои полицейскіе кадры в полость отчужденія Южно-Маньчжурской желѣзной дороги, налагала на китайское населеніе в этихъ районахъ не установленные соглашеніями дополнительные налоги, производила, безъ согласія китайскихъ властей, ма-

невры своих войск, расквартированных в таких важных городах Сѣвернаго Китая, как Тяньцзин, Мукден и др., открывала японскія почтовыя конторы, прокладывала тельфонные и телеграфные кабели для коммерческих цѣлей, по собственной инициативѣ и явочным порядком рыла, для ирригаціонных цѣлей, каналы, нарушая интересы китайских земледѣльцев, приостановила на время, в июнь 1929 года, сообщеніе по Пекин-Мукденской жел. до роги, не допускала нѣсколько раз переброски китайских войск по Южно-Маньчжурской желѣзной дороге и т. д. и т. д. и т. д. Что касается убійства кап. Накамура, то китайцы арестовали убійцу и готовы были дать полную сатисфакцію.

Если-бы китайцы хотѣли составить свой список «незаконных дѣйствій, допущенных против Китая в Китаѣ», то они тоже включили-бы в него сколько угодно дат и точных данных.

Но дѣло все не в этом — дѣло в том, что в то время, когда Нанкинское правительство, а до него и пекинское правительство послѣдних лѣтъ, давали себя увлечь волнѣ націоналистической агрессии, требовавшей как можно скорѣе и как можно рѣшительнѣе пересмотрѣть всѣ старые договора и выработать новые, прежде всего и исключительно, благоприятные для Китая, японское правительство, видя куда клонит эта политика Китая, со своей стороны, прилагало, легально и нелегально, всѣ усилія к тому, чтобы не содѣйствовать упроченію какой-бы то ни было центральной китайской власти, держать Китай в состояніи дробленія и междоусобія.

Эта обоюдная тактика подсиживания, исключала возможность созданія дружественных отношеній и в Китаѣ не нашлось ни одной крупной и авторитетной политической фигуры, среди всѣх, кто правил страной на протяжении послѣдних пятнадцати лѣтъ, который отказался-бы от безцѣльной и опасной тактики уверток и оттяжек, и нашел-бы в себѣ мужество пойти открыто и прямо к сговору с Японіей, о чем только теперь, в августѣ 1932 года, рискнул заговорить престарѣлый маршал У-Пей-Фу, давно ушедшій на покой.

Но, лучше поздно, чѣм никогда — пути к сговору не закрыты и сейчас. Китай к нему, по нашему глубокому убѣжденію, ближе, чѣм когда-либо.

Ибо иного выхода нѣтъ, как для Китая, так равно

и для Японіи и сокровенная сущность японо-китайскаго конфликта с середины 1932 года стала из военно-стратегической проблеммы финансово-экономической. В том, что Японія выдержит любое вооруженное сопротивление со стороны Китая, никто не сомнѣвается, но как долго она сможет выдерживать экономическое сопротивление Китая, этого она и сама не знала.

Если подойти к вопросу о разрѣшеніи конфликта с дальневосточной или, если хотите, с «азиатской» точки зрѣнія, с точки зрѣнія, «сохраненія лица», то вопрос не представит никакой особенной трудности, и стань сразу Лига Націй именно на эту точку зрѣнія, умѣй она мыслить по «японо-китайски», ей не было-бы пожалуй, особеннаго смысла отправлять в Китай комиссію лорда Литтона, а, потом, тратить время на изученіе его столь обстоятельнаго и столь осторожнаго доклада.

Мы, дальневосточники, годами живущіе и работающіе в в толщѣ китайскаго населенія, за долго до того, как прибыла сюда комиссія Лиги Націй, представляли себѣ конфликт и пути его разрѣшенія в слѣдующих, достаточно простых и, вмѣстѣ, логически неоспоримых положеніях:

Японія располагает технически хорошо вооруженной силой, у Китая ея нѣт.

Японія не может существовать без Маньчжуріи экономически, Китай не может существовать без Маньчжуріи политически.

Ни у Китая, ни у Японіи денег нѣт.

Слѣдовательно нужен компромисс и лорду Литтону ничего не оставалось другого, как стать именно на указанную точку зрѣнія в своем докладѣ, являющимся образцом тонкаго и изысканнаго дипломатическаго искусства.

Проблема, казавшаяся из Европы столь сложной, здѣсь, на мѣстѣ, разрѣшала себя всего в трех «элементах,» подобно тому, как Эйнштейну потребовалось всего полторы странички для того, чтобы выписать формулу магнитнаго поля, перевернувшую всѣ законы естествознанія:

— «Охрана японских экономических прав, китайских политических и обоюдный компромисс заинтересованных сторон».

Конечно, легко формулу выписать, но бесконечно трудно ее претворить в жизнь, но другого выхода не

было и нѣт.

Японо-китайскій конфликт разрѣшится обезпеченіемъ интересовъ Японіи в Маньчжуріи и сохраненіемъ Китаю лица.

2.

В свѣтъ послѣдней операціи под Шанхайгуанемъ начинаютъ выясняться военно-стратегическія особенности конфликта Китая с Японіей. Бросим общій взглядъ на развертываніе событій со стороны военныхъ операцій.

Послѣ памятныхъ событій в Мукденѣ в ночь 18 сентября 1931 г., японское командованіе провело рядъ отвѣтственныхъ выступленій: сраженіе на рѣкѣ Нонни, бои за обладаніе Анганчи, когда ген. Ма Чан-шан, ставшій національнымъ героемъ, остановилъ отступленіе своихъ частей и сумѣлъ оказать японцамъ стойкое сопротивленіе, получивъ подкрѣпленія изъ Хейхо, Харбина и Маньчжуріи, событія в Тяньцзинѣ 11 и 12 ноября 1931 года и, наконецъ, такъ называемый Цзинчжоусскій эпизод, завершившійся тѣмъ, что 29 декабря 1931 года китайская армія, находившаяся, какъ в самомъ Цзинчжоу, такъ и вокругъ него, начала, отступая, эвакуироваться по Пекин-Мукденской желѣзной дорогѣ, при чемъ часть ея отступила в направленіи на Же-Хэ (Жехол). Цзинчжоусскій эпизод, которымъ закончился памятный 1931 годъ, привелъ к тому, что сѣверная китайская армія в массѣ своей ушла за Великую стѣну и, на протяженіи всего 1932 года, не смотря на много разъ возникавшіе слухи о неизбѣжности здѣсь осложненій, в этомъ районѣ ничего серьезнаго не было, вплоть до 1-го января 1933 года, когда событія в округѣ Шанхайгуаня снова приковали къ себѣ вниманіе всего міра, продолжающаго, когда выходитъ изъ печати нашъ трудъ, с напряженнымъ интересомъ слѣдить за развитіемъ военныхъ, политическихъ и дипломатическихъ перепитій японо-китайскаго конфликта.

1932 годъ в первой своей части на сѣверѣ характеризуется компаніей по овладѣнію Харбиномъ и на югѣ военными дѣйствіями в Шанхаѣ.

Операція на сѣверѣ началась с того, что 27 января произошло столкновеніе между гиринскими частями, находившимися под командой ген. Ши-Ся и противниками гиринцевъ, что поставило Харбинъ в весьма критическое

положеніе и дало основаніе тамошней японской колоніи, в числѣ 5.600 человекъ, обратиться к командующему Квантунской арміей, за помощью.

Волонтерскія части китайцев удерживали свои позиціи к югу от Харбина, но 5 февраля японскія части вступили в Харбин и с тѣх пор этот город находится под контролем японскаго командованія, во всяком случаѣ в отношеніи охраны подступов к нему со стороны національных сил Китая.

Что касается «Шанхайскаго дѣла», или инцидента, или «боев в Чапѣ», то война в Шанхаѣ началась в ночь с 28 на 29 января, а соглашеніе о прекращеніи военных дѣйствій было подписано сторонами, при содѣйствіи держав, только 5 мая. О войнѣ в Шанхаѣ интересно было-бы написать цѣлую книгу, разобравшись в причинах и слѣдствіях этой операціи не только с военной, но и с политической и с экономической точки зрѣнія, но в нашу задачу по недостатку мѣста не входит давать подробное изложеніе вооруженнаго конфликта. Он к тому же слишком сложен, запутан, серьезен, деликатен, все еще пребывает, что называется, в самом разгарѣ, так что было-бы по меньшей мѣрѣ рискованно спѣшить с выводами, тѣм болѣе пускаться в предсказанія.

Важно отмѣтить, что к моменту нарастанія событій в Шанхаѣ в январѣ 1932 г. Нанкин стоял не только перед тяжкими финансовыми затрудненіями, но и выдерживал бурный натиск со стороны студенчества, возбужденнаго ловкой пропагандой коммунистов.

Студенчество Китая требовало немедленнаго объявленія Японіи войны. Японское населеніе Шанхая и сосѣдствующих портов по рѣкѣ Янцзе нервно воспринимало нараставшее движеніе среди китайской молодежи и генеральный консул К. Мурай, поддержанный посланником г. Мамору Шигемитцу, расцѣнивали положеніе, как чреватое тяжкими послѣдствіями. Информационные японскіе органы во главѣ с Пресс-Юніон отиравли протесты японских резидентов Шанхая на родину и порождали там настроеніе тревоги и возмущенія, когда властям приходится считаться с голосом взбудораженнаго общественнаго мнѣнія.

В Шанхаѣ был высажен японскій десант и этот десант устраивал демонстративныя прогулки по городу, но страсти с обѣих сторон успѣли так разгорѣться, что

высадка десанта не произвела ожидаемого эффекта. Анти-японский бойкот перекинулся на территорию международного селтльмента, при чем плакаты с изображением «кроваждагна японскаго тигра» открыто висѣли в витринах китайских магазинов даже на Нанкин род, собирая толпы зрителей. Оскорбительная для Императора Японіи статья в одной из китайских газет и нападеніе в Чапѣ китайской толпы на двух японских монахов — буддистов 18 января вызвали отвѣтныя мѣры со стороны японцев, которых в Шанхаѣ насчитывается до 26,000 — послѣдніе 19 января напали на китайскую фабрику полотенец «Сан-юй», при чем был убит китаец, полицейскій селтльмента, открывшій огонь, для возстановленія порядка.

Японское правительство через контр — адмирала К. Шіозава предъявило мэру Великаго Шанхая ген. У Тэ-чену требованіе принести извиненіе за убійство двух монахов, и за появленіе оскорбительной статьи, а также гарантировать, что анти-японское движеніе будет рѣшительно подавлено. Это требованіе было подкрѣплено 24 января прибытіем новых военных судов в Шанхай. Дѣйствовавшій с большим умѣніем, тактично и с достоинством, мэр великаго Шанхая ген. У тотчас-же принес извиненія за убійство монахов, но просил дать ему время разобраться в других предъявленных требованіях.

Комиссія Лиги Націй во главѣ с итальянским повѣренным в дѣлах графом Чіано дала хронологически точный отчет о событіях, повлекших за собою войну в Шанхаѣ. «Хотя мэр Великаго Шанхая 28 января, вскорѣ послѣ полудня, формально дал понять о готовности китайцев согласиться на условія японскаго ультиматума и японскій генеральный консул вызсказал своим коллегам удовлетвореніе полученным от мэра отвѣтом, контр-адмирал Шіозава рѣшил дѣйствовать, отправив в Чапей отряды японских матросов. Появленіе японских матросов на территоріи Чапея вызвало со стороны китайских войск сопротивленіе, произошла стычка, перешедшая в бой. На слѣдующій день 29 января японскіе аэропланы бомбардировали Чапей, а японская тяжелая артиллерія обстрѣливала Сѣверный вокзал».

Русскіе военные спеціалисты наблюдатели Чапейской операциі не скрывали своего удивленія, что японское командованіе начало операциі в густо населенном

городъ раньше, чѣм были подтянуты сухопутныя части. Война в Шанхаѣ развивалась медленно и медленно-же, с явным расчетом оказать психологическое воздѣйствіе на массы китайскаго населенія, нарастала вооруженная сила японцев. Но, поскольку эта тактика могла создать свой эффект эдѣсь на мѣстѣ, во всем остальном Китаѣ стойкое сопротивленіе 19-ой арміи и затягиваніе боев в Чапѣ создавало иной психологическій комплекс, который безспорно оказал в послѣдствіи свое вліяніе на рост повстанческаго движенія в Сѣверной Маньчжуріи, которое широко развернулось с весны 1932 года, окрѣпло за лѣто и достигло своей высшей точки к зимѣ 1932 г., когда волонтеры овладѣли западной магистралью Кит. Вост. жел. дор., заняли Хайлар и ст. Маньчжурія, удерживая свои позиціи и к востоку от Харбина, вплоть до станціи Пограничная.

Что касается «шанхайской операціи», которая приковала к себѣ міровое вниманіе и сдѣлала Шанхай, на время боев в его предѣлах, центром слета, кромѣ десантов, всѣх отвѣтственных дипломатов и корреспондентов от газет и телеграфных агентств со всего свѣта, то надо отмѣтить, что китайскій гарнизон Шанхая и крѣпости Вузун при входѣ в Вампу, был пополнен еще в октябрѣ 1931 г. частями 78-ой дивизіи, входившей в состав 19-ой арміи, а 1-го февраля из Квинсана и Сучоу были двинуты в Чапѣ 60 и 61-ая дивизіи той-же 19-ой арміи, которая до того находилась в предѣлах провинціи Цзянси, гдѣ вела операціи против коммунистов и бандитов и которая считалась безоговорочно лояльной политической группировкѣ Кантона, примирившейся, за два мѣсяца до боев в Шанхаѣ, с правящим Нанкином.

Японцы первые дни боев вели операціи в Чапѣ при помощи десанта морской пѣхоты — десант морской пѣхоты вообще, по мнѣнію военных специалистов, мало пригоден для длительных и серьезных операцій на сушѣ, тѣм болѣе в густо населенном городѣ. Только 14 февраля прибыли из Японіи серьезные подкрѣпленія во главѣ с ген. Уэда и тотчас же повели наступленіе для того, чтобы выбить китайскія части из Чапѣ, продвигаясь со стороны Вузуну через канал на Кьянгван. Китайцы оказывали стойкое сопротивленіе. 28 февраля японцы заняли западную часть деревни Кьянгван, которая перед тѣм была эвакуирована китайскими войсками.

В тот-же день форты Вузуна еще раз подверглись бомбардировкѣ воздушной и с моря, равно как и укрѣпленія на Янцзе. 29 февраля в командованіе японскими вооруженными силами в Шанхаѣ вступил ген. Ширакава, быв. военный министр. Аэропланы японцев стали забираться все дальше в тыл расположенія китайских частей. Был разрушен аэродром в Ханьчжао, подверглось бомбардировкѣ полотно желѣзной дороги на Нанкин, наконец забросали бомбами аэродром в Ханьчао, уже в ста милях от Шанхая. 1 Марта на правом берегу Янцзе около Ціакоу были высажены главныя части 11-ой японской дивизіи, которыя повели наступленіе на лѣвый фланг китайской арміи, охватывая кольцом территорію Чапая. Для того, чтобы не попасть в мѣшок, китайскія части были вынуждены начать отступленіе, отойдя за 20 километров и 3 марта к вечеру японское командованіе отдало приказ прекратить сраженіе, а на слѣдующій день, 4 марта, таковой же приказ послѣдовал от китайской главной квартиры.

Когда бои в Шанхаѣ фактически прекратились, то-го же 4-го числа Лига Націй воззвала к обѣим сторонам сложить оружіе и рекомендовала перейти к мирным переговорам в шанхайской зонѣ, при содѣйствіи представителей великих держав. 24 марта оффициально открылась японо-китайская конференція о прекращеніи военных дѣйствій. Международный город с трех милліонным населеніем получил возможность вздохнуть свободно. Мира еще не было, но дѣловая жизнь начала быстро возстанавливаться. Шанхай оправился послѣ войны в своих предѣлах гораздо скорѣе, чѣм это можно было ожидать. В глубинѣ души и в разгар боев иностранные резиденты продолжали вѣрить, что концессіи останутся в неприкосновенности, хотя полтора мѣсяца приходилось ложиться и вставать под грохот артиллерійской канонады и было нѣсколько случаев попаданія шальных шрапнелей в дома на сеттльментѣ и на французской концессіи. В начаѣ чапейских боев японцы или не были полностью подготовлены, или дѣлали вид, что они мало подготовлены к войнѣ в Шанхаѣ, так что, напримѣр, даже для перевозки колючей проволоки и аммуниціи их командованіе нанимало частные автомобили, платя за это большія деньги.

В многочисленных предположеніях, дѣлавшихся на

мѣстѣ, при истолкованіи причин и послѣдствій шанхайской операціи, говорилось, что боями в Чапѣ и под Вузуном японцы хотѣли использовать Шанхай, как «оттяжной пластырь», который вызвал-бы «прилив крови» к Шанхаю, оттянув вниманіе от Сѣверной Маньчжуріи, гдѣ тогда японцы срочно содѣйствовали формированію независимаго государства.

Затѣм, шанхайская операція должна была нанести удар бойкоту, который обошелся, к началу 1932 года, Японіи, в круглых цифрах, в двѣсти милліонов іен. Японія подозрѣвала державы в том, что онѣ не только не в состояніи помочь ей в дѣлѣ ликвидаціи бойкота, но сами не прочь заработать на ея несчастьи в отношеніи захвата рынков, которые под давленіем бойкота освобождала Японія. Кромѣ того, разгромленный артиллеріей Чапей был средоточіем торгово-промышленной дѣятельности, в частности в Чапѣ было много предприятий, принадлежавших кантонским кланам, которые особенно отзывчивы в дѣлѣ матеріальной помощи на партіотическія цѣли.

Выведя Шанхай на два мѣсяца из нормальнаго торговаго оборота, японцы, по мнѣнію мѣстных истолкователей событій того времени, во-первых, мѣшали державам (Англии, Германіи, Америкѣ) воспользоваться японскими затрудненіями на китайском рынкѣ, а во-вторых, японцы, много потерявшіе от бойкота, так сказать уравнивали себя с державами в потерях, что должно было благопріятно сказаться на размѣнном курсѣ іена (предположеніе не оправдалось — іен падал до конца 1932 г.).

Кромѣ того, остановив на продолжительный срок дѣятельность центра китайской промышленности, торговли и финансоваго оборота, блокируя третій порт в мірѣ, японцы прощупывали, таким образом, чувствительность ахиллесовой пяты англо-американских интересов в Китаѣ. Был расчет и на то, что в результатѣ шанхайской канонады, гул которой отдавался тревожным эхо во всѣх столицах міра, державы, прежде отнюдь не сочувствовавшія непосредственным переговорам Японіи с Китаем, перестанут против этого возражать.

Правда и послѣ шанхайской операціи державы, в особенности Америка, продолжали отказывать Японіи в признаніи ея особых прав в Маньчжуріи, но, пока в Шанхаѣ гремѣли пушки, Маньчжурія и впрямь была

как-бы снята с повѣстки дня мировой дипломатіи.

И уж совсѣм тонкое («гдѣ тонко — там и рвется») предположеніе, что при помощи чапейской операціи Японія хотѣла продемонстрировать силу сопротивляемости нынѣшней гоминдановской китайской арміи, иными словами снова пробудить интерес к той давно забытой картинкѣ кайзера Вильгельма на счет грядущей желтой опасности, которой когда то пугали обывателя в Европѣ. Хотѣла или не хотѣла демонстрировать это Японія, но, во всяком случаѣ, обстоятельства вынудили ее настаивать, при переговорах о перемиріи в Шанхаѣ, на том, чтобы этот город был демилитаризирован. Г. Мацуока, впоследствии пріобрѣтшій мировое имя своими выступленіями в Женевѣ на пленумѣ Лиги Націй по маньжурскому вопросу, и посѣтившій Шанхай в началѣ марта 1932 г., говорил: «цѣлью наших дѣйствій в Шанхаѣ является содѣйствіе созданію здѣсь условій, при которых наши граждане могли-бы чувствовать себя в Шанхаѣ в безопасности. При переговорах о мирѣ мы выдвигаем наш особый «план безопасности Шанхая». Согласно этого плана, весь округ Шанхая, включая Международный Сеттльмент, французскую концессию, территорію Великаго Шанхая и пригороды должен быть поставлен в условія, чтобы в дальнѣйшем не подвергаться угрозѣ возникновенія здѣсь военных дѣйствій». Иными словами г. Мацуока настаивал, чтобы в предѣлах извѣстной зоны, 20 или 30 миль вокруг Шанхая не было-бы постоянных китайских войск и нейтралитет Шанхая был-бы обезпечен соглашеніем всѣх держав с Китаем.

Что касается партизанской войны в Маньчжуріи лѣтом и осенью 1932 г., то она проходила в обстановкѣ не одной только моральной поддержки из Китая.

К концу марта, части 2-ой японской дивизіи повели от Харбина наступленіе, для подавленія войск генералов Дын-Чао и Ли-Ду, которые отказывали в лояльности новому порядку вещей. Части дивизіи доходили до Сансина и потом в началѣ апрѣля опять возвратились в Харбин, гдѣ 2-ую японскую дивизію смѣнила 10-ая дивизія. В районѣ Сансина борьба с китайскими частями велась около мѣсяца; тогда как незанятые части 10-ой дивизіи оперировали на восточной магистральной Кит. Вост. жел. дор., в направленіи на Хайлин.

В началѣ мая японскія части на сѣверѣ Маньчжу-

ріи получили новыя подкрѣпленія, так как, с одной стороны, росли силы китайских повстанцев, а, с другой, сильно развивался в краѣ, от царившаго кругом безвластія, бандитизм, больше извѣстный в Маньчжуріи, еще со времен боксерскаго возстанія, под именем хунхузнчества. Части японской 14-ой дивизіи были переброшены в долину рѣки Мутан, чрезвычайно важную в стратегическом отношеніи для всей Маньчжуріи в случаѣ настоящей войны, скажем между Японіей и Россіей, еслибы она развернулась на маньчжурском театрѣ.

Противогиринскія войска, под натиском японцев, отступили в восточный сектор Гиринской провинціи. В концѣ мая главныя силы 14-ой дивизіи боролись с волонтерскими отрядами ген. Ма Чан-шана к сѣверу от Харбина, в районѣ, вдоль Хулан — Хайлунской желѣзной дороги.

В теченіе августа мѣсяца нѣсколько стычек мелкаго характера были отмѣчены между японцами и китайцами в пограничной полосѣ Мукденской провинціи и Жэ-Хэ (Жехола) вдоль вѣтки Цзинчжоу-Пейпiao, на Пекин-Мукденской желѣзной дорогѣ, каковая вѣтка является единственным способом добраться до округа Жэ-Хэ путями современнаго сообщенія. За этими стычками уже тогда с напряженным вниманіем слѣдил весь Китай, так как царило общее убѣжденіе, что указанные стычки есть лишь прелюдія к военным операціям в направленіи на Жэ-Хэ, для оккупациі этого важнаго во многих отношеніях, округа и включенія его в орбиту новаго государственнаго образованія Маньчжу-Го, которое, судя по деклараціи независимости, считает Жэ-Хэ в своих предѣлах.

Хотя регулярная китайская армія, как мы выше уже отмѣчали, ушла за Великую Стѣну, в собственный Китай, японцы встрѣчали и в указанном районѣ сопротивленіе отдѣльных партизанских добровольческих отрядов. Они все время выдвигали подозрѣнія, что этих добровольцев снабжает оружіем маршал Чжан Сюэ-лян.

Для того, чтобы понять сущность партизанской войны, которая продолжается в Сѣверной Маньчжуріи по момент выпуска в свѣт нашей книги, надо отмѣтить, что части регулярной прежней китайской (мукденской) «сѣверо-восточной арміи» продолжают оставаться в провинціях Гиринской и Хэйлунцзянской (Цицикарской). До начала конфликта с Японіей онѣ занимали район рѣки

Сунгари и ея притоков, а также были расквартированы в городах и мѣстечках вдоль Китайской Восточной желѣзной дороги, а, на протяжении 1932 года, перейдя на положеніе партизан-волонтеров, под командой генералов Ма Чан-шана, Дын-Чао и Ли-Ду, ставших національными героями, причиняли не мало беспокойств не только вооруженным силам Маньчжу-Го, но и оккупационным частям регулярной японской арміи. Регулярной арміи как извѣстно очень трудно бороться с партизанами, что блестяще показал примѣр успѣха партизанскаго движенія в годы русской революціи, как на югѣ Россіи, так и на русском Далнем Востокѣ.

В декабрѣ 1932 г. японское командованіе, проявив высокія качества организаціи и лишній раз обнаружив доблесть японскаго солдата, с небольшими сравнительно силами, не смотря на препятствія гористой мѣстности и суровую зиму со свирѣпыми вѣтрами, успѣшно провело операцію по очищенію от повстанцев всей западной линіи Кит. Вост. жел. дор., пересѣкши Хинганскій хребет, овладѣвъ Хайларом и достигнув совѣтской границы у ст. Маньчжурія. При помощи этой операціи, не смотря на героическое сопротивленіе китайских волонтеров, силы генералов Ма Чан-шана и Су Пин-вена были разсѣяны и ген. Су Пин-вен с четырьмя тысячами волонтеров был вынужден перейти совѣтскую территорию. Японское командованіе потребовало выдачи ген. Су Пин-вена, обвиняя его в убійствѣ японских резидентов и чиновников Маньчжу-Го, но СССР, устами Карахана, в этом категорически отказал и 8 декабря ген. Су Пин-вен со штабом были отправлены в глубь совѣтской Россіи. Потом, к самому концу 1932 г. японцы провели очищеніе от повстанцев и восточной магистрали Китайско-Восточной желѣзной дороги, достигнув ст. Йограничная.

В результатѣ этих послѣдних операцій, истинная позиція японцов в Маньчжу-Го, как доминирующей силы, стала болѣе очевидной, чѣм когда либо прежде. Как только описанныя выше военныя операціи в Сѣверной Маньчжуріи были завершены, 1 января 1933 года начал без промедленія разыгрываться послѣдній из эпизодов, который мы можем включить в нашу книгу, в Шанхай-гуанѣ. Так как он весь еще в процессѣ оформленія, то нам можно ограничиться по поводу него нѣсколькими словами.

Для того, однако, чтобы лучше уяснить себѣ обстановку, в которой, в началѣ 1933 года, разыгрался на границѣ Хобэя и Жэ-хэ Шанхайгуаньскій инцидент, породившій, как и война в Шанхаѣ, за год до этого, большую тревогу в Англии и в Америкѣ, надо подвести итоги рѣшеніямъ центрального правительства Китая, принятымъ на третьемъ пленумѣ Центрального Исполнительнаго Комитета Гоминдана в концѣ 1932 г.

Третій пленумъ ЦИК-а, одновременно с которымъ за сѣдал и центральный наблюдательный комитет, собрался в Нанкинѣ 15 декабря, посвятивъ рядъ засѣданій основнымъ задачамъ, стоящимъ сейчасъ передъ Китаемъ — уточненію позиціи Китая в отношеніи конфликта с Японіей и обсужденію мѣр к упорядоченію внутренняго положенія в странѣ.

Такіе, всѣмъ извѣстные, политическіе дѣятели и вожди партіи, как г. г. Сун-Фо, назначенный председателемъ Законодательной Палаты, Т. В. Сун, и. об. председателя Административной палаты, ген. У Тэ-чен, мэръ Великаго Шанхая, Чен Кун-бо и адмирал Чен-Чакъ внесли в пленумъ слѣдующую резолюцію:

1. «Концентрація китайскихъ войскъ в округахъ Жэ-Хэ и Чахарѣ и в провинціи Хобэй, для оказанія сопротивленія японскимъ войскамъ, если послѣдніе будутъ производить дальнѣйшіе рейды на китайскую территорію и подготовка вооруженныхъ силъ для возвращенія Маньчжуріи Китаю, какъ только к этому представится возможность.

2. Снабженіе всѣмъ необходимымъ волонтеровъ в Маньчжуріи.

3. Усиленіе и поддержка Гоминданомъ бойкота противъ японцевъ».

Сообщеніе о внесеніи в пленумъ этой резолюціи породило такую сенсацію, что правительство сочло себя вынужденнымъ опубликовать сообщеніе, что указанная резолюція ничѣмъ не отличалась отъ ряда другихъ резолюцій, подвергавшихся обсужденію на пленумѣ.

Положеніе китайскаго правительства, дѣйствительно, было не из легкихъ, в описываемый моментъ. С одной стороны, Нанкинъ долженъ выносить рѣшенія для того, чтобы, хотя-бы отчасти, отвѣчать требованіямъ общественной ответственности на счетъ принятія самыхъ рѣшительныхъ мѣръ противъ Японіи и ея дѣйствій, теперь уже не только в

Маньчжуріи, но и за ея предѣлами, а, с другой стороны, вручив, с самого начала конфликта, свою судьбу в руки Лиги Націй, китайское правительство старательно избѣгает дѣлать открытыя выступленія, которыя «осложняли бы положеніе». Правительственное сообщеніе не отрицало факта, что внесенное предложеніе обсуждалось, потому что, в принципѣ, никакая китайская власть не могла бы уклониться от обсуждения реальных факторов усиленія внѣшней агрессіи, но принять рѣшенія официально поддержать бойкот или начать открыто снабжать оружіем и припасами волонтеров в Маньчжуріи, это обозначало бы бросить вызов противнику, который не остался бы без отвѣта и, что еще важнѣе, отказаться от тактики послушанія в отношеніи Лиги Націй, которую Китай проводит с 18 сентября 1931 года, как только загремѣли первые выстрѣлы конфликта в Мукденѣ. Что же касается конкретных шагов, которые правительство принимает или может принять, то и послѣ окончанія засѣданій третьяго пленума никаких заявленій по этому поводу Нанкинном сдѣлано не было. Больше того, в печати было сообщено, что рѣшенія третьяго пленума не подлежат огласкѣ. Однако, кому надо, тѣ сдѣлали соотвѣтствующіе выводы и из того, что было сказано.

Во-первых, стало ясно, что, по мнѣнію ряда крупнѣйших политических лидеров Нанкина усиленіе бойкота японских товаров, поскольку официально правительство в бойкотѣ не участвует, не отяготит слишком сильно позицію Китая в Лигѣ Націй и не повлечет опасных дипломатических затрудненій.

Во-вторых, Японія, как ея руководящія сферы, в частности военные круги, так и широкое общественное мнѣніе, поняли, что моральная сопротивляемость Китая послѣ третьяго пленума не только не ослабла, но едва ли не возросла.

Также важными нам представляются и рѣшенія третьяго пленума касательно упорядоченія внутренняго положенія Китая. В Европѣ или в Америкѣ с трудом повѣрят, если утверждать перед ними, что, благодаря огромным пространствам Китая и специфическим неповторимым нигдѣ особенностям этой страны и ея народа — экономическим, географическим, этнографическим, даже, если хотите, психологическим, благодаря тому, что Ки-

тай это океан несмѣтных масс населенія (русскій синолог Шкуркин утверждает, что в Китаѣ живет не 400, а 800 миллионов), военный конфликт с Японіей, как это ни странно, не нарушает жизни всей страны, в цѣлом, и чѣм болѣе упорядоченной становится жизнь во внутренних провинціях Китая, тѣм большую силу сопротивленія может выказать Китай.

Поэтому, в Китаѣ не кажется странным, а воспринимается, как фактор большого и при том положительнаго политическаго значенія, рѣшеніе третьяго пленума, обсуждавшееся не смотря на конфликт с Японіей; когда по европейской терминологіи «судьбы страны поставлены на карту», — созвать в 1933 г. національное народное собраніе для проработки путей к введенію конституціоннаго режима, что подготовит созыв в 1935 году всенароднаго національнаго конгресса, который обсудит и примет постоянную конституцію страны и тѣм положит конец нынѣшнему воспитательному періоду опеки партіи над народом и страной. Указанное предложеніе было внесено лично г. Сун-Фо, сыном «отца китайской революціи» и сперва было рѣшено, что Законодательная Палата, во главѣ которой стал г. Сун-Фо, выработает проект постоянной конституціи к 10 октября 1933 г., а всенародный конгресс соберется в апрѣлѣ 1934 г. для того, чтобы начать «конституціонный період» с 10 октября 1934 г., но потом созыв всенароднаго національнаго конгресса рѣшено было отложить до 1935 г. и пока постоянная конституція, «на вѣчныя времена», не будет обнародована, воспитательный період опеки партіи над страной и народом должен продолжаться.

Третій пленум внес существенные коррективы и в дѣло внутренняго управленія провинціями. Как извѣстно, Гоминдановское правительство создало вмѣсто дущюната провинціальные комитеты для управленія провинціями или, как их иначе называли, провинціальные правительства.

Предсѣдателями этих провинціальных правительств в рядѣ провинцій экс-оффицію, были избраны главы воинских частей, так что, фактически, провинціи стали управляться военными губернаторами. Приказ, изданный предсѣдателем комитета (военным губернатором), шел на утвержденіе провинціальнаго комитета, который или безоговорочно его контр-ассигновывал или, отвергнув, возвра-

щал тому же председателю (губернатору), который мог опять отправить приказ на вторичное утверждение комитета и так без конца-получалась канцелярская волокита.

Установившийся строй, как видим, в своей сущности ничѣм не отличался от строя при дучжунях, в годы гражданской войны. Третій пленум рѣшил назвать вещи своими именами. Рядом с военным губернатором он ставит теперь гражданского губернатора и передает ему всю полноту гражданской власти над провинціей. Военному губернатору вмѣняется лишь командованіе вооруженными силами, без административных функций. Кроме того, вмѣсто администрирующаго комитета по управленію провинціей, третій пленум выдвинул идею законодательных выборных комитетов в провинціях, с которыми должны координировать свою дѣятельность как гражданскій, так и военный губернаторы, назначаемые центром. Остается, конечно, открытым вопрос, сможет-ли гражданскій губернатор, у котораго есть вся полнота власти, но нѣтъ аппарата принужденія, осуществлять эту власть, в особенности в отношеніи своего военного коллеги, но и тут третій пленум снова подтвердил срочную необходимость раздѣлить нынѣшнія провинціи на болѣе мелкія административныя единицы, чтобы ослабить власть провинціальных администраторов, уменьшив путем сокращенія территоріи их матеріальные ресурсы.

Параллельно с этим, д-р С. С. Ву, сын У Тин-фана, бывшій министр иностранных дѣл и посланник в Америкѣ, внес предложеніе об общем сокращеніи провинціальных воинских гарнизонов, что также должно значительно содѣйствовать упроченію власти центра над провинціями:

1. «Всѣ провинціальныя арміи сокращаются на одну четверть и их численный состав должен быть одинаков для всѣх без исключенія провинцій.

2. Освобождаемые от воинской службы солдаты, чтобы не пополнять рядов бандитских шайек, должны зачисляться в рабочія команды по прокладкѣ дорог, рытью каналов, отправляться на ирригаціонныя работы и т. д.

3. Провинціальныя военныя власти должны вести строгій учет находящемуся в их распоряженіи оружію, чтобы оно не расхищалось».

Кромѣ того, резолюція д-ра С. С. Ву указывает, что как только борьба на внутреннем в Китаѣ коммунистиче-

ском фронтѣ будетъ завершена, всѣ вооруженныя силы націи должны быть полностью реорганизованы и сокращены до минимума.

Былъ принятъ рядъ предложеній о реорганизаціи постановки дѣла народнаго образованія, для того, чтобы, во-первыхъ, удлинить періодъ пребыванія молодежи подъ воздѣйствіемъ школы, убересть учащихся отъ ранняго и развращающаго вмѣшательства въ политику и увлеченія крайними политическими ученіями, а, во-вторыхъ, выработать программы, которыя давали-бы прочныя знанія преимущественно практическаго характера, закладывали бы въ молодежи основы здороваго патріотизма и вырабатывали идеалы гражданственности, въ программахъ школъ указаны: китайская и всеобщая исторія, и географія, математика, китайскій языкъ, гигиена, естественныя науки и т. д. Мѣсто не позволяетъ намъ подробнѣе остановиться на рѣшеніяхъ третьяго пленума, въ частности на его инструкціяхъ министерству народнаго просвѣщенія, какъ убересть студенчество отъ вмѣшательства въ политику, пресѣчь дальнѣйшій ростъ среди молодежи коммунистической пропаганды и т. д. Въ частности, правительство воздвигаетъ суровое гоненіе на расплодившіеся въ Китаѣ частныя колледжи юридическихъ наукъ и искусствъ, въ которыхъ молодежь разбалтовалась, митинговала, вмѣсто цѣнныхъ для страны знаній по коммерціи, сельскому хозяйству, технологіи, медицинѣ, набиралась, какъ принято было выражаться въ дореволюціонной Россіи, — «соціалстическихъ бредней».

Пристальное вниманіе удѣлилъ третій пленумъ ЦИКа Гоминдана вопросу о положеніи крестьянства. Въ дебатахъ по этому поводу обсуждались мѣры, которыя прежде примѣнял, въ подвластныхъ ему районахъ Фын Ю-сян, популярность котораго за послѣдніе годы и строилась, главнымъ образомъ, на томъ, что онъ былъ «отцомъ крестьянина».

По примѣру Фына, пленумъ вынесъ рѣшеніе снизить налоги, въ частности уничтожить между — областную пеню, добавочный налогъ на рисъ и пшеницу, что сократитъ нехватку въ пищевыхъ продуктахъ, а также понизитъ цѣны на хлѣбъ.

Если мы добавимъ къ вышесказанному, что за нѣсколько дней засѣданій третьяго пленума ЦИКа онъ нашелъ время для рассмотрѣнія новаго положенія о го-

родских самоуправленіях, а также внес существенныя улучшения в дѣло развитія почтового и пассажирскаго воздушнаго сообщенія, то надо признать, что третій пленум по продуктивности продѣланной работы должен быть отнесен к одному из самых удачных за всю исторію партіи Гоминдан.

Но, что самое важное, и что должно было особенно смутить врагов современнаго Китая, это то, что, как перед 15 декабря 1932 г., когда третій пленум собрался в Нанкинѣ, так и послѣ окончанія сессіи, было установлено полное, в рядах правящаго Нанкина, согласіе и правительство казалось вновь единым и солидарным по всѣм основным вопросам, которые были поставлены перед Китаем, как наслѣдіе тяжелаго для него 1932 года.

4.

1 января 1933 г. между китайскими и японскими частями произошел бой в Шанхайгуанѣ. Шанхайгуань, город, и сосѣдствующій с ним порт, Цинвандао, примѣчательны тѣм, что здѣсь доходит до моря Великая Китайская Стѣна. Через Шанхайгуань пролегает желѣзная дорога, соединяющая Мукден с Тяньцзином и Пекином. Шанхайгуань лежит на границѣ провинціи Хобэй, бывшая Чжили, и округа Жэ-Хэ (Жехол), главный город котораго также носит названіе Жэ-Хэ или Чендэ и во времена имперіи служил лѣтней резиденціей богдыханов.

В стратегическом отношеніи выступленіе в Шанхайгуани было важно потому, что оно, с одной стороны, давало повод овладѣть перевалом Цзюмынькоу, самым удобным путем из округа Жэ-Хэ в застѣнный Китай и обратно, из за какового перевала в 1924 г. шли ожесточенные бои между войсками маршала Чжан Цзо-лиа и У Пей-фу, и, овладѣв этим перевалом, остановить приток пополненій китайских воинских частей из застѣннаго Китая в округ Жэ-Хэ, во-вторых взять под удар древнюю столицу Пекин и, одновременно важный торговый порт Тяньцзин, в третьих, окончательно округлить и замкнуть от соприкосновенія с остальным Китаем территорію новаго Маньчжурскаго государства.

Причина вооруженнаго столкновенія была не из существенных. По японской версіи неизвѣстные китайцы бросили двѣ бомбы в жандармскій пост японской

охраны, по китайской версии японцы сами открыли огонь. Во всяком случаѣ, поскольку весь округ Жэ-Хэ, на протяженіи полуторых лѣт конфликта находился под постоянной угрозой, поскольку в деклараціи о независимости Маньчжу-Го он упоминается входящим в состав новаго государства, поскольку августовскія в 1932 г. стычки на границѣ Мукденской провинціи и Жэ-Хэ предопредѣлили возможность продвиженія вглубь Жэ-Хэ или частей Маньчжу-Го или японцев, инцидент в Шанхайгуанѣ, со всѣми вытекающими из него послѣдствіями, не должен был-бы вызывать удивленія.

Японское командованіе давно упрекало маршала Чжан Сюэ-ляна в том, что он из Пекина помогает китайским волонтерам в этом районѣ а, перед самым инцидентом, против пекинскаго командованія японцы выдвинули обвиненіе в том, что в район Жэ-Хэ были отправлены дополнително двѣ бригады, а также туда слѣдовала аммуниція.

Уже послѣ начала боя в Шанхайгуанѣ, маршал Чжан Сюэ-лян, в бесѣдѣ с представителями китайской и иностранной печати, высказывал удивленіе, почему японское командованіе хочет лишить китайских военных законнаго права передвигать свои части на своей китайской территоріи по собственному усмотрѣнію.

Как-бы там не было, когда бой начался, обѣ стороны высказали удивленіе случившемуся. Командир китайскаго гарнизона в Шанхайгуанѣ ген. Хо Чу-го находился, в момент начала перестрѣлки, в Пекинѣ, на докладѣ у маршала Чжан Сюэ-ляна, а глава японских вооруженных сил в Маньчжуріи ген. Мута, послѣ первых-же вѣстей о сраженіи, созвал, в срочном порядкѣ, военный совѣт в Чаньчунѣ для того, чтобы обсудить создавшуюся обстановку. В сраженіи участвовала артиллерія, аэропланы, было не мало убитых и раненых, послѣдних эвакуировали через Тяньцзин в Пекин.

Бой в Шанхайгуанѣ, хотя он по началу довольно быстро прекратился, гулким эхо отозвался во всем остальном мірѣ. В Нанкинѣ его восприняли, как отвѣт на резолюцію, предложенную Третьему пленуму ЦИК-а Го-миндана на счет болѣе рѣшительной позиціи Китая в отношеніи Японіи, в Пекинѣ стали готовиться к эвакуаціи, в Лигѣ Націй еще раз убѣдились, как трудно из Женевы руководить дальне-восточными событіями, в Англии

встревожились потому, что Шанхайгуань непосредственно соприкасается с важным для британских интересов Кайланским каменноугольным районом.

Так как положение сразу стало исключительно напряженным, ибо японцы настаивали на непосредственных переговорах с китайским командованием, а китайское командование перенесло обсуждение инцидента на разрешение центрального правительства в Нанкинъ, и так как китайское правительство, при создавшихся условиях, было не в силах итти ни на какія уступки, иначе-бы оно возбудило против себя бурю негодованія в раздраженных массах китайскаго населенія, Англія предписала своему представителю командиру миноносца, выступить в роли посредника между сторонами, как это уже имѣло мѣсто год назад в Шанхаѣ, гдѣ англійскій адмирал у себя на флагманском кораблѣ устраивал встрѣчи китайцев с японцами.

Однако японское командование, не смотря на категорическія свои завѣренія, что инцидент носит мѣстный характер, с одной стороны отклонило предложеніе Англіи о посредничествѣ, а, с другой, заняло первал Цзюмынь-коу, предоставив, таким образом, округ Жэ-Хэ своей собственной участи.

Таковым было положеніе к 10 января 1933 г., когда мы заканчиваем нашу книгу. Из сказаннаго ясно, что весь Китай не может не слѣдить с напряженнѣйшим интересом за тѣм, каковы будут послѣдствія боев в районѣ Шанхайгуаня.

Предопредѣлят-ли они паденіе Пекина и тогда, может быть, реализуются упорныя вѣсти о подготовляющемся возстановленіи древняго трона богдыханов, с неизбѣжным распаденіем Китая на двѣ половины — Сѣверный и Южный, — или судьба коснется лишь округа Жэ-Хэ.

У китайцев остается все меньше иллюзій на счет реальной помощи со стороны Лиги Націй. Посланник в Лондонѣ г. Кво-Тай-чи заявил, что Лига Націй обнаружила свое полное безсиліе:

«Пришло время снять маску! Лига Націй уклонилась от исполненіе своего долга из страха, что Японія выйдет из ея состава. Наше терпѣніе дошло до послѣдняго предѣла. Каждая новая сессія Лиги Націй открывается под эхо японской канонады. Сейчас пушки гремят в

Шанхайгуанъ, служащем воротами к Тяньцзину и Пекину».

Д-р В. В. Ен, глава китайской делегации в Лигѣ Націй, 9 января препроводил Лигѣ протест Китая в адрес Японіи, в котором Китай утверждает, что событія в Шанхайгуанѣ были заранее хорошо подготовлены.

Главный делегат Японіи в Лигѣ Націй г. Мацуока одновременно выпустил свое коммюникэ, подчеркнув в нем, что за дѣйствія войск Маньчжу-Го Японія не может нести отвѣтственности, ибо Маньчжу-Го является независимым государством. Инцидент в Шанхайгуанѣ, по мнѣнію г. Мацуока, не мѣняет позиціи Японіи в Лигѣ Націй. Но далѣе г. Мацуока произносит слѣдующія знаменательныя слова: «Японія не имѣет спеціального интереса оставаться в Лигѣ, поскольку она находится между Соединенными Штатами и Совѣтской Россіей, которые оба не входят в состав Лиги Націй».

Таковы пути и перепутья своеобразнаго и достаточно затянувшагося конфликта с Японіей, который отсюда, на мѣстѣ, пока что кажется не легко разрѣшимым.

Тѣх, кто хотѣл-бы подробно ознакомиться с двигающими силами японо-китайскаго конфликта, на русском языкѣ, отсылаем к обстоятельной статьѣ проф. П. Н. Милюкова, появившейся в XLIX книгѣ журнала «Современныя Записки» (Париж. 1932).

ГЛАВА XVII.

З а к л ю ч е н і е.

Когда наша работа выходит в свѣтъ, небосклон Китая продолжает оставаться обложенным свинцовыми тучами и в этих тучах все еще сверкают зловѣщія молніи войны.

В переживаемых испытаніях мысль особенно напряженно ищет путей разрѣшенія не только нынѣшняго внѣшняго конфликта, но и проблемы Китая в цѣлом; мысль хочет проникнуть в будущее, отгадать, во что выльются и как сложатся отношенія Срединнаго Государства с другими націями и государствами, в частности и в особенности с Россіей, с которой его связывает общая граница, тянущаяся на 9111 верст и какое мѣсто, какая роль уготованы Китаю на берегах Тихаго Океана, если осуществятся предсказанія о перемѣщеніи центра міровой цивилизаціи из Европы в бассейн Тихаго Океана.

Среди китаевѣдов и публицистов, а также среди государственных дѣятелей, спеціально изучающих дальневосточные вопросы, доминируют двѣ философических и, если угодно, каждая в себѣ, универсальных концепцій.

Согласно одной концепціи, мы бы опредѣлили ее, как «космогоническую», Китай представляется необъятным людским океаном, в глубинах котораго, как и в глубинах настоящаго океана хотя и существуют основныя, могучія теченія, но однажды установленная закономѣрность их пребывает в неизмѣнности на протяженіи столѣтій и даже тысячелѣтій. На поверх-

ности этого мѣрно и величаво зыблящаго океана, всѣ постройки и сооруженія власти центра и на мѣстах могут быть уподоблены кораблю, который бороздит его поверхность. Иногда океан приходит в волненіе и тогда зыбит, ныряет, отчаянно борется с ураганом корабль, который, в концѣ концов, все таки уносится в неизвѣстность по волѣ ли попутнаго вѣтра, по волѣ ли скрытых теченій безбрежных и безкрайних вод...

Но даже и в бурю в болѣе глубоких пластах людскаго океана основные элементы стихій не мѣняются от того, под каким флагом шествует в данный историческій період корабль и в чьих руках его руль, кто на нем лоцман. Трудно быть лоцманом на этом кораблѣ и опасно его плаваніе. Много подводных рифов у берегов, к которым он хотѣл бы пристать, много обманчивых теченій и за судьбы корабля трудно ручаться. Никто, даже сам кормчій, не знает, что сулит этому кораблю будущее и куда его прибьют разбушевавшіяся волны свирѣпых тайфунов, то налетающих издалека, то возникающих по сосѣдству.

Но есть и другая концепція. Китай — гласит она, — переживает один из періодов сложной и мучительной борьбы старой и новой культур. Китай сдвинут с упоров, на которых столѣтіями покоилась его цивилизація, он весь в движеніи, весь в самоутвержденіи, он мѣняется, этот процесс, который нѣкоторым не примѣтен, тѣм не менѣе существует, как бы медленно и своеобразно он не развертывался.

Проф. Г. К. Гинс («Этическія проблемы современнаго Китая») правильно отмѣчает, что Китайское государство подвергнуто сложному и двойственному процессу: «с одной стороны, политической борьбы с Западом (и, мы-бы добавили от себя, со всякой внѣшней агрессіей), а, с другой стороны, — воспріятію западной цивилизаціи. На наших глазах происходит сдвиг неподвижнаго колосса китайской республики и происходит это именно под вліяніем глубоко-проникнувшей в нея цивилизаціи Запада» (считая, в том числѣ, и вліяніе западнаго ученія Карла Маркса и Ленина).

В своей работѣ мы не мало мѣста удѣлили современному политическому строю Китая и наш взгляд совпадает с мнѣніем харбинскаго государствовѣда, который говорит, что «передовая партія молодого Китая, при

всей своей идейной близости к современным демократіям, останется, прежде всего, націоналистическою». Она не может ограничиваться одними заимствованиями, не может рассчитывать на успѣх, если, выполняя національныя задачи, потеряет свой китайскій облик.

«Если, — говорит проф. Гинс, — оставить в сторонѣ переходящія явленія борьбы против неравных договоров, то останется болѣе сложный и болѣе длительный процесс воспріятія и приспособленія культуры Запада к китайским условіям. Этот процесс будет проходить в формѣ внѣшних и внутренних конфликтов. Взаимное непониманіе и отчужденность будут долго существовать между китайским націонализмом и европейскими притязаніями с одной стороны, и между представителями болѣе передовых, болѣе близких к Европѣ, и болѣе консервативных, націоналистических, в культурном смыслѣ, теченій внутри страны, а отсюда произойдет неизбѣжная затяжка внѣшней и внутренней борьбы».

Старались мы показать в своей кингѣ, что современный китайскій націонализм не только не разрушает авторитета ученій и идей великих мудрецов, как Конфуцзы (Конфуцій), Лао-цзы или Мин-цзы, но, наоборот, молодой Китай гордится своим блестящим интеллектуальным прошлым, своей исторіей, все чаще и все серьезнѣе возвращается он к ученіям древних, почерпая в их мудрости нравственную силу и стойкость в борьбѣ за освобожденіе Китая от внѣшней опеки.

У проф. Н. В. Кюнера в его «Лекціях по исторіи развитія главнѣйших основ китайской матеріальной и духовной культуры» имѣется удачное опредѣленіе причин дѣйствительнаго вліянія древних учителей жизни на современную мысль китайской интеллигенціи:

«Китайскія классическія книги не только отражают в себѣ матеріальную и духовную жизнь Китая, но и в дальнѣйшем оказываются творческою силою, которая мощно вліяла на послѣдующее умственное и социальное развитіе китайскаго народа на всем протяженіи его исторіи, преобразовывая его душу и мышленіе и устраивая его жизнь в духѣ заложенных в классических книгах понятій. Неизмѣнно эти книги служили для большинства китайских образованных классов, обычно также для правящих кругов, образцом, которому безусловно подчинялся весь нравственный и социальный уклад китайской

жизни и которым определялась линия житейского поведения китайского народа, как высшим проявлением нравственной и социальной мудрости. Таким образом и в дальнейшем онъ продолжали оставаться столь-же живой силою, как и в то время, когда являлись прямым ограждением самой жизни и подсказанных ею возрѣній лучших людей».

У Китая во многом «особенная статья», но та-же «особенная статья» часто подчеркивается европейскими истолкователями исконных начал жизни русского народа. Китайцы сами понимают отлично в чем их отличие от не-китайцев и на примѣрѣ д-ра Сун Ят-сена мы показали выше, что его, как строителя новаго государства, особенно беспокоило то обстоятельство, что доминированіе семейнаго культа шло в ущерб государственности и общественности: «авторитет старших стбит так высоко, что он конкурирует с авторитетом власти».

Безпристрастным наблюдателям китайской дѣйствительности всегда представляется, по меньшей мѣрѣ, странным упрямое желаніе нѣкоторых «друзей Китай» силой заставить китайцев безоговорочно и полно перенять, скажем, основы европейскаго права и судостройства. Тот же проф. Гинс вѣрно указывает по этому поводу:

«В то время, как европейцы недоумѣвают, как может такое огромное и богатое государство, как Китай, обходиться скудным законодательством, не имѣя таких законов, без которых не существует ни одно другое государство, — нѣкоторые китайскіе ученые разсматривают европейцев, как варваров, которым приходится сочинять груды законов только потому, что они недостаточно культурны, чтобы понимать завѣты неба, вѣчный разум его и его велѣнія».

Русскіе ученые еще со времен Сергѣя Георгіевскаго, как мы отмѣчали в первой главѣ нашей книги, всегда подходили к истолкованію проблемы Китая и китайской культуры без частой у их европейских коллег предвзятости и старались изучить Китай, проникнуть мысленным взором в его судьбы по возможности глазами самого китайскаго народа, соприкоснуться духовно с китайской націей, проникновенно сердце к сердцу воспріять китайскую философскую концепцію и приобщиться, поскольку это возможно для чужестранца, к сокровен-

ным основам китайской этики.

«Изучение этического мировоззрения Китая представляет большой практический интерес. При наличии зияющих пробелов в законодательстве и при привычке судей решать дела по справедливости, трудно предугадать решение, не зная этических принципов, на которых воспитаны судьи. Надо самим заразиться справедливостью тех, кого хочешь понять».

Следуя инстинктивно по тому же традиционному пути русского восприятия явлений и фактов китайской действительности А. М. Котенев в книгу «New Lamps for old in modern China», правильно подметил, что знание политико-экономических фактов и данные точной статистики не составляют еще истинного знания о китайском народе. Самая конструкция китайского ума заставляет китайцев воспринимать факты иначе, чем факты исторического процесса воспринимаются нами. Китайский разум руководствуется реакцией на какое либо действие в большей степени, чем самым действием, и в сознании китайцев подчас последствия того или иного явления играют большую роль, чем само это явление

Та же мысль звучит у другого нашего соотечественника и современника, также как и А. М. Котенев, посвятившего свыше десяти лет пристальному изучению нынешнего китайского исторического процесса: «в китайской культуре, своею устойчивостью доказывающей внутреннюю силу, есть, несомненно, много таких начал, которые не поддаются нивелирующему влиянию европейской цивилизации. Не сотрутся и характерные, национальные особенности, насчитывающие несколько тысячелетий своей истории. Китаю, который до сих пор ассимилировал другие народы, сохраняя свой национальный тип и свою самобытность, не угрожает утрата его характерных черт от изменения внешних форм жизни. Их переустройство, определяемое исключительно практической целесообразностью, должно пойти тем путем и производиться в той мере, в какой оно будет соответствовать интересам самого Китая». (проф. Г. К. Гинс).

Русские китаеведы, таким образом, настроены гораздо оптимистичнее некоторых из своих «западных» коллег, которые предвидят возможность растворения восточной китайской самобытности в стихии коммунизма, который готов захлестнуть и потопить в крови Среднее

Государство, до сих пор тысячи лѣтъ выдерживавшее натиск чужеземных полчищ, разнообразных религій и самых соблазнительных политических учений.

Русскіе китаевѣды, утверждаясь в своем оптимизмѣ, может быть окажутся болѣе правы, чѣм тѣ из их коллег в Европѣ и Амѣрикѣ, кто предсказывают государственнѣй развал и социальную катастрофу в Китаѣ, ибо до сих пор Китай в цѣлом, китайскій народ во всей своей необъятной массѣ, были двигаемы непреодолимым духом національнаго самосохраненія.

Мы, лично, за пятнадцать лѣтъ работы в Китаѣ, всегда настаивали на том, что уступки, которыя великія державы дѣлали, одна за другой, послѣ 1917 года, объяснялись не только слѣдствіем европейской войны и русской революціи, ослабивших фронт «бѣлыхъ націй» в Азіи, но и напором національнаго движенія, захватившаго весь китайскій народ, и дающаго этому народу силу, не смотря на длившуюся 20 лѣтъ гражданскую войну, наводненія, голод, угрозы внѣшняго вторженія, продолжать работу созиданія в области политики, в отношеніи социальнаго переустройства и в экономикѣ.

Семнадцать мѣсяцев длится скрытая, но до послѣдней степени напряженная борьба Китая с наступающей Японіей, которая является одной из самых сильных в военно-техническом отношеніи міровых держав и дух Китая не сломлен. Нѣтъ и в поминѣ тѣх пораженческих настроеній, в обстановкѣ которых послѣ первой японо-китайской войны 1894-5 г. г. подписывался мир в Симонсеках, или той уступчивости, которую проявил императорскій Пекин послѣ боксерскаго возстанія, когда державы легко добились не только примѣрнаго наказанія, но и осуществили цѣлый ритуал униженія, если не націи, то двора и правительства.

Семнадцать мѣсяцев вооруженнаго конфликта с Японіей и правящая партія, не смотря на всѣ испытанія, не только удержалась у власти, но и не видит себѣ соперников. Никогда еще, кстати, не было столь прочным единеніе в рядах вождей Гоминдана, как в момент, когда мы дописываем настоящія строки.

Не только сами китайцы, но и иностранцы, люди такого калибра, как сэр Джон Хоуп-Симпсон, главный директор комиссіи по борьбѣ с наводненіями или предсѣдатель американскаго комитета помощи голодающим

в Китаѣ д-р Дэвид Браун, только что возвратившіеся из объѣзда внутренних районов и побывавшіе в рядѣ провинцій, знакомые в деталях с положеніем там дѣл, заявляют, что созидательная работа не прекращается, что в дополненіе к прекрасному урожаю в 1932 году, долина великаго Ян-Цзе-Цзяна была очищена от бандитизма и правительство ведет работу по реорганизациі условій землевладѣнія, фискальнаго аппарата и по ограниченію самоуправства во всѣх его видах. Конечно, это, в китайских условіях, сизифов труд, но важно, что, не смотря на испытанія конфликта с Японіей, нормальная жизнь страны течет своим чередом. Также нормально во всѣх районах, не затронутых непосредственно конфликтом, развивается торговля и законодательный аппарат правящаго центра функционирует по прежнему, словно нѣтъ тревоги за исход боев под Шанхайгуанем, словно устранена угроза, что скрытая война с Японіей может превратиться в открытую, со всѣми ея ужасающими послѣдствіями.

Приведенные факты лишній раз доказывают нам, живущим в Китаѣ и изучающим эту великую страну, что, вопреки всему, китайскій народ обладает необычайной живучестью, его терпѣніе, выносливость, сила физической сопротивляемости, его умѣніе приспособиться к любым обстоятельствам, буквально поражают.

Даже процесс ограниченія вліянія чужестранцев, один из органических процессов в Китаѣ, продолжает развиваться, хотя и в скрытом видѣ. Через семнадцать мѣсяцев конфликта с Японіей можно с большей, чѣм 18 сентября 1931 года, увѣренностью сказать, что как бы не кончился конфликт с Японіей, отступленіе Запада перед Востоком в Китаѣ будет продолжаться. Это отступленіе можно на время задержать, но остановить его невозможно. Будущее Китая нам не вѣдомо, но одно мы знаем твердо, что будущее Китая — в руках самого китайскаго народа.

Конец.

Оглавление.

	Стр.
	От автора I
Глава I.	Как писать о Китаѣ 1
„ II.	Прошлое и настоящее 7
„ III.	О китайской расѣ 14
„ IV.	Нравы и обычаи 20
„ V.	Китайская женщина 27
„ VI.	Быт городского обывателя . . . 37
„ VII.	Китай деревенскій 45
„ VIII.	Печатное слово 96
„ IX.	Отец китайской революціи . . 110
„ X.	1927 год. 132
„ XI.	О неравных договорах 141
„ XII.	Правящая партія 173
„ XIII.	Структура центральной власти. 213
„ XIV.	Коммунизм в Китаѣ 230
„ XV.	Маньчжу-Го. 322
„ XVI.	Конфликт с Японіей 336
„ XVII.	Заключеніе 364

